

Роман Караваев Недалеко от Земли

Роман Караваев
Недалеко от Земли

*Чем дольше вы ждете, тем больше вероятность, что вы ждете
не там.*

Эмпирическая истина

Пролог

Кипящий столб огня вымахнул из придорожного кустарника и уперся в левый борт

БТР, чуть пониже орудийной башенки. Шквалом взрывной волны Никиту смел о с брони. Распластавшись в воздухе, он видел, как медленнo, словно в рапидной съемке, перемещаются вслед за ним какие-то темные твердые обломки, рваные клочья чего-то мягкого и податливого, видел, как язык остановившегося в ярости пламени начинает напозать на металл, как плавно тонут в дорожной пыли бесформенные тела в маскировочных комбинезонах... А потом мир вдруг раскололся на разноцветные брызги...

Никита рывком сел, сбрасывая одеяло. Грудь ходила ходуном, с хрипом выталкивая воздух из легких. Лоб покрывала ледяная испарина. Кажется, он даже кричал во сне. Хотя полной уверенности не было. Так, где-то на грани восприятия. Он слепо смотрел перед собой остановившимся взглядом. Привычно... И вспоминал...

Этот ночной кошмар преследовал его уже одиннадцать лет. С того самого дня, когда двери госпиталя закрылись за его спиной, и он, даже не обернувшись, чтобы попрощаться еще раз (с теми, к кому он привязался, он простился в палате), неторопливо пошел навстречу новой жизни...

Медсестры говорили, что его собирали буквально по частям. «Организм тренированный и живучий», – главврач... «Интересно, как тебя довезли-то? Смотреть не на что было...» – Колян с соседней койки. «М-м-да... Всё это более похоже на чудо. Ваш ангел-хранитель очень постарался», – лечащий доктор.

Действительно, он даже не хромал после выписки. И руки не потеряли гибкости. Короче, об ограничении подвижности не шло и речи. Тело восстановилось полностью. Но пострадал дух. И надо было как-то этот самый дух воспитывать заново...

На работу он устроился в охранную фирму. А куда еще он мог податься? Списанный подчистую бывший спецназовец... Бывший солдат... Бывший убийца... В каком еще качестве он мог предложить себя? Конечно, такая работа была скучна для него, масштабы не те, да и пространство инициативы съеживалось до нуля. Но он давно приучил себя довольствоваться малым, когда нельзя рассчитывать на большее.

А потом вдруг случилась сумасшедшая, невозможная любовь. И всё на свете перестало для него существовать. Кроме женщины, которую он боготворил. Остальное съежилось, как проколотый воздушный шарик, и беспокойно мерцало где-то в уголке сознания. Даже на службе он постоянно думал о ней, что, безусловно, мешало ему, он вечно отвлекался, не замечая мелочей, которые обязан замечать, и поэтому неминуемо совершал ошибки. Если в самом начале его деятельности начальство не могло нарадоваться, что заполучило столь ценного работника, то теперь оно так же законно недоумевало и терялось в догадках о причинах весьма разительной перемены.

Какие у нее были глаза! «Зеленые распутные глаза». Откуда это?... А губы... С ароматом земляники... Нежные и податливые... А тело! Описать человеческим языком невозможно. Роскошное тело. А как она шла по улице... Слегка откинув голову назад и покачивая бедрами... Определенно, он сходил с ума. Был ли он счастлив тогда? Сейчас он не мог даже приблизительно ответить на подобный вопрос. Скорее это было наваждение. Морок. Он просто не был готов к такому.

Фантастическая история любви длилась почти полгода, а потом она сказала, что пришла пора расстаться. «Ты думал, это будет продолжаться вечно? Нет, милый, так не бывает». Чужая женщина. Застывшее лицо. Холодные глаза... Он тогда впал в жестокую депрессию, едва не наделал глупостей...

А потом плюнул на немилосердную судьбу и уехал. Далеко. Почти на край света. В тайгу... Бросил всё. К чертовой матери... Захотелось чего-то попроще и попонятнее. Устроился на работу в лесничество. Подальше от людей. Он не стал мизантропом, скорее ему надо было разобраться в самом себе. В деревне Елань, самой близкой к его обителищу, он коротко сошелся с местным священником, отцом Василием. Наверное, чтобы можно было изредка отпускать тормоза. Сбрасывать накопившееся в душе. А кому еще исповедоваться, если не священнику?... Раз в месяц он приходил в деревню.

Они разговаривали. Летом на веранде уютного «поповского домика» неподалеку от

маленькой деревянной церквушки пили чай. С травами. В травах оба понимали. Зимой же, долгими темными вечерами позволяли себе оприходовать бутылочку брусничной настойки... «Ничего просто так не бывает, Никита, – вздыхал отец Василий. – Возможно, это кара господня. Только Он знает, где мы оступились... Хотя, – рассудительно продолжал он, – человек всегда должен думать о последствиях поступков своих...» «Если Бог на самом деле есть, почему же в мире всё так плохо?» – «Всё ли?» – «Очень многое». – «Мы не можем судить о том, что нам недоступно... Но думать об этом надо... Каждому по делам и вере его».

А во что верит он? В высшие силы, управляющие миром? Да нет, полная ерунда. В то, что всё на свете взаимосвязано? Так это – аксиома. Убедился на собственной шкуре...

* * *

Плотный предрассветный сумрак, казалось, гасил любые звуки. Короткими перебежками, бесшумно, они подбирались к окраине селения. Он – в центре, справа – Серега Новиков, а слева – Толик Заикин по прозвищу Топчан. Остальные заходили с флангов. Кустарник подступал почти к самому дому, где, по данным разведки, расположились боевики. Чистого пространства оставалось метров пятьдесят. Залегли. Осмотрелись... Подождали, пока подтянутся еще две группы. Серега приподнял голову, всматриваясь в темные окна, дернулся и обмяк. А потом Никита услышал звук выстрела. Лучшего друга Новикова, с которым они вместе, с первого курса училища, делили всё пополам, не стало. Это он почувствовал сразу – морозная волна прокатилась по позвоночнику. И почти тут же его захлестнули отчаяние и ярость. Он перестал думать. Остались одни рефлексy. Время остановилось. Положив автомат набок, он нажал на спусковой крючок. Коротко ухнул подствольник, и граната, разбрызгивая оконные стекла, ушла в дом. Рвануло так, будто это был фугас. Сумасшедший огонь, родившийся в глубине здания, разодрав окружавшие его стены, выплеснулся наружу...

Там, во вражеском убежище, было много взрывчатки... А еще там были женщины и дети... Он не знал об этом, но что с того...

Застыв, он сидел над телом Сереги, которому пуля вошла в переносицу, и отстраненно ощущал, как наваливается безумие. Они убили его друга, а он... Он в ответ забрал жизни множества людей, в том числе и ни в чем неповинных людей...

А на обратном пути на базу случилось то, что мучает его ночами уже целую вечность. Истинно: каждому по делам его...

Никита на миг вырвался из цепких лап памяти и отер холодную испарину со лба. Оказалось, что он стоит у окна кухни и слепо всматривается в морозную вьюжную темень снаружи. Ветер налетал порывами, забрасывая стекло снежной крупой. Возле ног суетно маялся верный пес Играй, преданно заглядывая снизу вверх в глаза хозяину. Никита потрепал его по загривку и прошлепал босыми ногами к печке. Присев, осторожно приоткрыл печурку. Дрова почти прогорели, оставались лишь угли, раскаленно пробивавшиеся сквозь слегка подернувший их пепел. Он подбросил еще поленьев, лежавших тут же, под рукой, на поддоне. Распрямылся, аккуратно выдвинул вьюшку. И снова не в меру услужливая память распахнула перед ним дверь в прошлое...

Избушка, доставшаяся ему от прежнего лесника, ни в коей мере его не устраивала. Никита решил построить новый дом. Руки занять, да и голову отвлечь. Он возводил свое нынешнее жилище четыре года. В одиночку. За это время он перечитал массу литературы на интересующую его тему, узнал уйму любопытных деталей, о которых раньше и не подозревал, придумал изрядное множество всевозможных приспособлений, существенно облегчивших его работу. Собственно, без них Никита один и не справился бы. И вот построил□таки... Двухэтажный прекрасный сруб с галереями, хозяйственными пристройками и банькой... Это на определенное время почти отвлекло его от мучительных воспоминаний, но по большому счету не помогло. Так же, впрочем, как и его безумная городская любовь. Ночные кошмары не отпускали...

Как-то, года три назад, под Рождество, раздался осторожный стук в дверь. Он не смотрел в окно, он читал шарденовский «Феномен человека», удобно расположившись за кухонным столом. Все посторонние звуки перекрывало мерное тарыхтение дизель-генератора за стеной, возможно, поэтому Никита и не услышал скрипа шагов нежданного гостя. «Входите», – рявкнул он, поднимаясь со стула.

Дверь распахнулась, и в клубах морозного воздуха через порог ступил отец Василий с хитроющей улыбкой на губах. «Здрав будь, лесниче!» – кротко произнес он, снимая шапку. Пола его овчинного тулупа подозрительно оттопыривалась. «И вам здоровья, батюшка, – отвечал Никита. – Никак с сюрпризом пожаловали?» – «Да уж, приготовил тебе, отшельник, подарочек! А то ты всё один да один».

С этими словами отец Василий отогнул полу побольше, и из-под нее выглянула потешная щенячья мордочка. Так Никита обрёл верного друга. Назвал его странноватым именем Играй, вспомнив, что так кликали собаку в каком-то старом фильме. С тех пор Играй давно превратился в рослую веселую лайку «мужского полу», постоянно сопровождавшую хозяина во всех его предприятиях. Днем стало полегче, но ночами, когда пёс чутко дремал на своем половичке, жестокое видение продолжало преследовать Никиту...

По утрам он давно уже занимался «самосовершенствованием». Ежедневно. В любую погоду. Вставал в шесть, делал пробежку до облюбованной в незапамятные времена полянки, а там уж отпускал себя на полную катушку. Сначала – медленно-сосредоточенный древнекитайский комплекс «Тай-цзи цюань», потом – на скорости – бой с тенью, от «Малого красного кулака» до современной рукопашки с использованием подручных средств. Это занимало минут пятьдесят. И уже после всего – получасовая медитация, полное отключение от внешнего мира.

Зимой полянку, а также тропинку к ней приходилось еще и расчищать от снега. Верный пёс, находясь в щенячем возрасте, сначала решил было, что все эти забавы для него, и прыгал на хозяина, широко растопырив лапы. Потом же, окончательно усвоив, что в такие минуты Никита сам по себе и не для него, носился кругами неподалеку, изредка оглашая лес коротким лаем...

Медитации помогли ему окончательно восстановить душевное равновесие, но за днем всегда приходила ночь, пора утраты контроля...

Пальцами босых ног Никита взъерошил шерсть на спине Играя и покосился на чайник. Чайник закипал. Мысли вяло толклись в голове, не вызывая особых эмоций. Похоже, он испробовал все средства за девять лет добровольной ссылки. Доступные ему средства. А ведь наверняка есть что-то такое, чего он пока не знает. До чего еще не доросло его сознание. Наверное, не зря этот сон преследует его. Чего-то он еще не сделал, чего-то главного... Иначе как вообще можно объяснить то, что с ним происходит? Каждый человек рождается не просто так. Он живет с определенной целью. С какой? Ведь не для того же, чтобы ублажать себя или убивать себе подобных? Так какова же цель? Вот, например, конкретно у него? Вопросы, на которые пока нет ответов... А он очень надеялся найти хотя бы часть ответа...

1

– Эй, на модуле, поднять якорь!

– Ага! Уже тащим! – Кобыш пощелкал клавиатурой, выходя в оптимальный режим. – Шутники... Ходовые испытания, а им все хиханьки...

– Да брось ты, Дим. Не обращай внимания. – Брюс уместился поудобнее и положил правую руку на джойстик. – Сейчас прыгать будем. Так что не отвлекайся.

– А ты молодец, капитан. Шпаришь по-русски, как на родном. Новая программа? Гипно? Ви-пи?

– Да. Новая программа. «Оксфорд-интер». Ви-пи. А, кроме того, после близкого знакомства с русскими парнями – это уже хобби. Мне нравится.

– Так держать, напарник. Надо и мне поплотнее заняться английским. А то дискриминация какая – то получается... А? Ты как считаешь?.. – и, не дождавшись ответа, добавил: – Ну, с Богом!

Створки люка раздвинулись, и модуль плавно выскользнул в открытый космос. В пяти километрах от Базы величественно парила абсурдных форм конструкция. Это и был «Пронизывающий пространство». Кратко «ПП». Среди конструкторов – ПП – 1. Между своих, то бишь пилотов – испытателей, просто «папка». Внешние формы его никто не доводил. Не имело смысла. Неизвестно ведь, чем закончится первая серьезная проходка. Был бы результат, а вылизать обводы можно и потом. А сейчас весь персонал Базы занимали совершенно другие вопросы.

Творение безумного абстракциониста, рассчитанное, впрочем, на запредельные нагрузки и ведомое автоматикой, уже ходило к Луне в режиме прыжка сквозь пространство. Да не один раз, а, по крайней мере, пятнадцать. Никаких побочных эффектов приборы не регистрировали. Мыши, собаки и обезьяны, помещавшиеся в обитаемую капсулу, возвращались на Базу целыми и невредимыми. Поэтому наступило время увеличить дистанцию и вместо умных машин передать управление человеку. Да и научный контингент программы «ПП» жаждал получения непосредственных впечатлений от людей, которые побывают за гранью четырех измерений.

Реализация проекта, опекаемого ЮНЕСКО, проходила достаточно быстро. На основе разработок Международного института физики вакуума к концу первого года была создана опытная модель космического корабля, использующего принципиально отличающийся от существующих способ перемещения в пространстве. Теоретическую и аппаратную базу подготовили российские ученые во главе с академиком Вознесенским, а финансирование проекта взяло на себя НАСА. Поэтому «ПП» считался в основном российско – американским детищем. С примкнувшими к нему специалистами всех заинтересованных стран. Пока ученые, технологи и производственники занимались материализацией своих идей, исподволь сформировался отряд астронавтов – испытателей. Правда, было в нем всего семь человек, но отбирались они из многих и многих десятков желающих.

Новые разработки обещали весьма существенное сокращение расходов на освоение космического пространства, а учитывая то, что десятки миллиардов долларов, затраченные на 1 – ю марсианскую экспедицию НАСА, практически не принесли каких – либо весомых результатов, программа «ПП» интересовала всех без исключения.

После памятного совещания в Берне, зимой позапрошлого года, когда, собственно, и утвердили эскалационное финансирование программы, работы по ее осуществлению пошли ударными темпами. В семистах километрах от Земли была выстроена орбитальная станция, основной задачей которой являлось обеспечение космического монтажа новых аппаратов и проведение их ходовых испытаний. Станцию, не растекаясь мыслью по древу, назвали «Базой» и отбуксировали на геостационарную орбиту, подвесив, для всеобщего удобства, точнехонько над Берном. И вот к концу третьего года непрерывной работы обещал наступить момент истины. Первые испытатели, Дмитрий Кобыш и Брюс Тернер, направили отсоединяемый модуль к кораблю – носителю.

Когда паутинное переплетение металлических конструкций заполнило практически весь экран, Кобыш сказал:

- Брюс, переключи – ка на автоматику. Уже пора.
- Не нервничай, Дим. Все под контролем.
- Ну – ну...

Модуль притормозил, отработал сложную траекторию сближения с носителем и завис над стыковочной площадкой. Тернер щелчком клавиши запустил программу соединения. Корпус завибрировал, как будто судорога прошла по его напряженным мышцам, опоры мягко скользнули в электромагнитные крепления, а пневматические зажимы плотно охватили стыковые узлы. В свое время Брюс шумно недоумевал, зачем кроме электромагнитной нужна еще и пневматическая система. На что гранд – инженер Боря

Калмыков укоризненно ответил: «Мы ведь не знаем, что будет в полете с электромагнитными полями. А старая добрая воздушно-механическая система всегда пригодится». После этой фразы капитан ВВС США Тернер стал относиться к Боре с преувеличенным уважением. Как к столпу техники безопасности.

– Операция завершена, – уведомил электронный голос.

– Ну и ладушки, –отреагировал Кобыш, откинулся на спинку кресла и, подмигнув Тернеру, произнес. – База, это ноль первый. Мы на месте. Приступаю к проверке адекватности реакций систем носителя командам управления модуля.

– Во, сказанул! – восхищенно всхлипнул динамик. – Полковник, ты хоть на нас изредка внимание обращай. У тебя же экран почти перед носом. Зачем их проверять-то? Они сто раз уже проверены.

– Для собственного спокойствия.

– А-а... Тогда потешьтесь, ребята. У вас до старта еще восемь минут.

– Брюс, запускай тестирование.

– Тестирование уже идет, сэр!

– Хорошо.

– Стараюсь, сэр!

– За проявленную высокую сознательность будете отмечены в приказе, капитан. От имени службы.

– За что... простите, полковник? Не всё по-русски я еще понимаю...

– И за это тоже.

– О'кей!

Кобыш повел глазом в сторону экрана. Почти весь персонал центра управления с интересом следил за их разговором. Руководитель полетов Слава Ли молча показал большой палец, а потом сказал:

– Отличный диалог, испытатели. Это верный знак того, что нервы у вас в порядке. Только не забывайте, что идет контрольная запись. И что вы уже практически вошли в историю.

– Служим Земле! – в один голос рявкнули пилоты и, переглянувшись, не удержались от насмешливого фырканья.

Мелодичный сигнал бортового компьютера оповестил об успешном завершении контрольной проверки. Тернер пробежался пальцами по клавишам и заявил:

– Системы в норме. Отклонений не обнаружено. К старту готов.

– К старту готов, – повторил Кобыш.

– Всем поста наблюдения готовность ноль, – Ли скосил глаза в сторону персонала центра. – Включить дублирующую запись... Старт разрешаю.

Тернер мельком скользнул по экранам, завозился, устраиваясь поудобнее, и сообщил:

– Можно начинать.

– Тогда поехали, – сказал Кобыш и вдавил кнопку с надписью «Старт».

Дрогнул и заискрился интерьер рубки, смазались четкие контуры окружающих предметов. Погасли экраны связи. Пульт подернулся матовой пленкой. Воздух резко вытолкнулся из легких, как будто неведомый великан с силой сдвинул грудную клетку. А в следующее мгновение на обзорном экране вместо привычной картинки обтекаемой чечевицы Базы появилась фантазмагорическая панорама лишенной атмосферы планетки. Кобыш недоуменно рассматривал расстилавшуюся в паре километров внизу серовато-желтую, местами красную, с массой оттенков – от кирпичного до светло-розового – поверхность, уходящую к близкому горизонту. Пейзаж, большей частью ровный, как стол, прорезали извилистые трещины, уходящие в черную глубину и странно контрастирующие с горообразными возвышениями, более похожими на верхушки распускающихся бутонов неведомых цветов из-за того, что они тоже были разорваны на части трещинами вертикальными. Всё это дополнялось заволаживающими глаз диковатыми наплывами и вулканическими обломками.

– Так, – хмуро подвел итог Кобыш. – Значит, Ио... Если бы не краски, достойные Дали, можно было бы подумать, что это Луна, – он повернул голову к Тернеру. – Интересно знать, кто задавал координаты выхода?

– Я, – смутился Брюс. – Извини, командир, но хотелось усмотреть поближе. Все же мы тут первые.

– Ты же знаешь, что не рекомендуется выходить так близко к поверхности. В следующий раз накажу.

– Как? – весело изумился Тернер.

– Розгами...

И пока Брюс, наморщив лоб, мучительно пытался сообразить, что имел в виду Кобыш, из-за горизонта Ио начала вырастать исполинская стена Юпитера. Казалось, что пространство сминается, расступается, крошится на множество кусков и издает скрежет и треск под напором колоссальной массы планеты, примерно так же, как паковый лед перед носом огромного ледокола. Мутные полосы облаков ползли в невообразимой толще атмосферы, расслаиваясь, переплетаясь, свиваясь в титанические вихревые образования. Они были здесь, почти рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, завораживая взгляд и обволакивая невидимыми, но неотразимыми флюидами. От гиганта веяло такой запредельной мощью, что астронавты невольно поежились. Ощущение было не из приятных, на миг почудилось, что преграду эту одолеть невозможно. Юпитер просто физически подавлял своей близостью.

Оторвавшись, наконец, от созерцания бешено клубящейся атмосферы, Кобыш сказал:

– Брюс, свяжись же с Базой. А то они, бедняги, уже волнуются. Мы молчим минут десять.

– А ведь мы первые, кто завидел Громовержца вблизи, – невпопад произнес Тернер, не отрываясь от обзорного экрана. Потом спохватился:

– Что сделать?

– Я говорю, вызови Базу. Отметиться надо. И вообще, забудь на время о приоритетах.

– Да, конечно, – капитан зашелестел клавишами. – Есть связь.

Экран выдал знакомую картинку центра управления. Изображение было четким, хотя и изредка подергивалось. Связь, основанная на информационном пакетировании высокого уровня, или, в просторечьи, ви-передача, находилась в процессе совершенствования, а где-то в огромном пространстве гуляли помехи.

Ли улыбался, глядя на пилотов. С видимым облегчением.

– Как прыгнули, ребята? Всё в порядке?

– Лучше не бывает. Мы в заданной точке. Даем панораму.

Теперь уже настала очередь персонала центра застыть в немом благоговении перед стеной-экраном и перед открывающимися перспективами покорения пространства. Результаты испытаний вдохновляли и сулили невероятные возможности, которых доселе у человечества просто не существовало.

– О'кей, ребята! – Ли, казалось, источал удовлетворение. – Давайте запись приборов.

Тернер щелкнул клавишей:

– Почта, сэр.

Руководитель полетов некоторое время изучал полученную информацию, потом поднял голову и, глядя на испытателей, быстро произнес:

– Ну что ж, это пойдет в «Новости». А у нас по программе еще один прыжок. За пределы Системы. Готовы?

– Как всегда!

– Тогда до связи.

Кобыш глубоко вздохнул, подмигнул Тернеру и продекламировал:

– Он шел всё прямо и вперед, и всё вперед глядел... Как системы, Брюс?

– В норме, командир.

– Да-а-а... Так далеко от дома мы еще не забирались. Вроде всё в порядке, а под

ложечкой сосёт. Стр□р□раш□но□ва□то как□то. А?

– «Под ложечкой сосёт» – это где?

– Ну□у, в общем... душа уходит в пятки.

– Душа – в пятки?

– Короче, не по себе.

Тернер озадаченно посмотрел на командира, потом лицо его озарила улыбка, и он понимающе кивнул:

– Всё о'кей, Дима! Страшно немного. Да. Я еще плохо знаю идиомы. Мне тоже... как это... не по себе.

– Тогда – порядок! Не испытывают страха только сумасшедшие и герои боевиков. Готовность – один!

– Есть, готовность один, – оба испытателя закрепились в креслах.

– Готовность – ноль. Старт!

Брюс щелкнул клавишей. Интерьер модуля метнулся из стороны в сторону. Вновь заискрилось перед глазами. И вновь моментально восстановилось.

На обзорном экране виднелась знакомая до слез чечевица родной Базы.

На обед Вивьен опоздала. Стараясь побыстрее закончить реферат о возможности влияния пространственного прыжка на психику людей, затребованный НАСА, она просто пропустила урочное время. Лучше бы, конечно, было подготовить его после собственного участия в испытаниях, когда можно опереться на личный опыт, но начальство осталось непреклонным, и Тараоки пришлось в спешке, анализируя по горячим следам поведение вернувшихся из полета, набрасывать основные моменты проведенных наблюдений. Ничего нового у своих друзей по команде она, естественно, не заметила, кроме одного, но немаловажного обстоятельства. Все испытатели после карантина неохотно шли на контакт с кем бы то ни было, даже с ней, казалось бы, самым близким человеком на Базе. Они вежливо улыбались, поддерживали разговор, шутили и, тем не менее, находились где□то по другую сторону невидимого барьера, вставшего непреодолимой стеной между ними, мгновенно преодолевшими пространство, и всеми остальными, такого деяния еще не совершившими. Вивьен не знала точного ответа на вопрос о возникновении подобной ситуации и потому отметила в реферате несколько вероятных вариантов разрешения конфликта. Собственно, она и задержалась, пытаясь максимально беспристрастно сформулировать свое мнение о послеполетном образе действий товарищей по команде. Завершив работу, она записала ее на диск и отнесла директору Штейнбергу для отправки на Землю. И только после этого двинулась в сторону «Харчевни».

Сие название, высокохудожественно намалеванное поверх входа в заведение общественного питания, где кормился весь состав Базы, было придумано русскими весельчаками из обслуживающего персонала. Они посчитали, что вывеска «Столовая» мало подходит для светлого, просторного, многоуровневого зала, к тому же мастерски оформленного дизайнерами проекта скорее под элитный клуб, нежели обычное функциональное место приема пищи. Окрестить же «Рестораном» или «Кафе» столь прозаическое по своему назначению помещение, несмотря на ступеньки и невысокие барьеры, разделяющие площадки с изящными столиками и удобными креслами для посетителей, тоже рука не поднималась. Поэтому, особо не задумываясь, и приняли нынешнее обозначение, благо, сути оно не искажало и, вместе с тем, как считали парни из технической obsługi, создавало романтический настрой.

С испытателями, уже насытившимися, но от этого не ставшими более приветливыми, Тараоки столкнулась в дверях «Харчевни».

– Извини, Вивьен, – буркнул Джек Клеменс, – мы ждали тебя довольно долго. Увы, – он развел руками.

– Ничего, – она мягко улыбнулась, проходя мимо посторонившихся товарищей. – К ужину постараюсь быть вовремя.

– Сейчас намечается сборище в кают□компании, – вслед ей сказал Виктор Хромов. –

Мы хотим заранее занять места получше. Ты придешь?

– Непременно, – Тараоки, обернувшись, кивнула. – Зарезервируйте местечко рядом.

Она прошла к стойке, наугад выбрала три блюда, взяла чашечку дымящегося черного кофе, поставила все это на поднос и остановилась в нерешительности. Взгляд ее блуждал по залу в поисках столика с какими-нибудь знакомыми. Вивьен давно отвыкла обедать в одиночестве, да, честно сказать, и не любила этого. Пока она присматривалась, перед ней возник мощный силуэт, заслонивший сразу половину обзора.

– Сударыня, – раздалось сверху, – не составите ли нам компанию? Приятно, знаете ли, трапезничать в обществе прелестной дамы.

Тараоки подняла голову и увидела улыбающуюся добродушную физиономию. Мужчина, стоявший перед ней, выглядел могучим, или, вернее, довольно обширным. Более всего он напомнил ей Добрыню Никитича с известной картины русского художника Васнецова «Богатыри». Правда, растительность на его лице отсутствовала, и стрижка ничем не напоминала удалые кудри народного героя. А вот общее впечатление он производил именно такое. Она едва доставала ему до подбородка, хотя для японки рост ее был достаточно высок.

– Андрей, – прогудел геркулес, протягивая огромную лапищу и забирая у Тараоки поднос. – Давно жаждал быть представленным, да все никак не получалось. А вы, простите?..

– Вивьен.

– Вот как? – брови гиганта удивленно приподнялись. – Э-э-э... довольно необычное имя для восточной красавицы.

– Я американка, – сообщила Тараоки. – И родилась в штате Вирджиния.

– Ага. Это меняет дело. Вы ведь из команды испытателей?

– Бородин! – послышался еще один голос от дальнего столика. – Пока ты там ласы точишь, незнакомка умрет с голода, а у нас все остынет.

Андрей очень шустро, при такой-то комплекции, повернулся и тем самым предоставил даме возможность увидеть второго говорившего. Им оказался сухощавый, средних лет и строгого вида, человек с мягкими, светлыми, спадающими на лоб небольшой челкой волосами, одетый в тщательно отутюженный комбинезон с эмблемой биологической секции Базы на груди.

– Уже не незнакомка! – торжественно пробасил Бородин, подхватывая Тараоки под руку и увлекая к столику своего знакомого. – Ее зовут Вивьен, и она милостиво согласилась разделить с нами нашу скудную трапезу.

– Не обращайтесь внимания на этого болтуна, – ворчливо произнес биолог. – Его заносит в присутствии хорошеньких женщин. Сколько его знаю, никак не могу взять в толк, как в нем уживаются два совершенно разных человека – прекрасный ученый с блестящим, холодным умом и разнузданный бонвиван.

– Наш сумрачный друг так шутит, – радостно рявкнул Андрей. – Кстати, его зовут Василий. Он тезка кота моей мамы. Для близких знакомых просто Вася. В отличие от упомянутого кота. Вы не смотрите, что он с виду такой смурной, в душе он добрый и отзывчивый. Внешность – антураж для сотрудников, подопытных животных, амёб и инфузорий. Он ведь у нас глава биологов. Доктор Терехов! Кто из космонавтов не слышал этой фамилии! Положение, знаете ли, обязывает.

– Вася, – повторила Тараоки. – Очень мягкое и вкрадчивое имя. Оно полностью компенсирует ваш непримиримый облик.

– Вы так полагаете? – немного оттаял биолог. – Приятно слышать. Особенно из уст японки. Вы ведь японка? Я не ошибся?

– Не ошиблись. Я – этническая японка, что не мешает мне быть гражданкой Америки. Кроме того, мы с вами почти коллеги, я доктор медицины и знакома с некоторыми вашими работами. Рада, что мы встретились в непринужденной обстановке.

– Я, между прочим, тоже доктор, – напомнил о себе Бородин.

– Да?! – восхитилась Вивьен. – Значит, можно собирать консилиум?

– Не получится, – вздохнул Терехов. – Он физик. Руководитель здешних ньютонов. Наши виды деятельности почти не соприкасаются.

– Мне нравится это «почти», – громыхнул Андрей, цепляя вилкой мелко нарезанные кусочки салата. – И прежде всего, когда дело доходит до знакомства. Например, такого, как сейчас. Вас ведь не смущает, что я занимаюсь звездами и процессами взаимодействий, а меня, в свою очередь, почти не волнуют ваши подопытные кролики. Ну, разве что, так, самую малость. Я все же большой любитель всякой живности. Мне их жалко. – Он подцепил еще один кусочек. – Между прочим, Вивьен, каким образом доктор медицины оказался внутри команды испытателей?

– Для врача всегда предпочтительнее примерить на себя необычную ситуацию. Чтобы потом можно было смело ставить диагноз. И, кроме прочего, я – летчик.

– Ничего себе! – удивился Бородин. – Парадоксальное сочетание!

– Кому как, – Тараоки пожала плечами. – Меня вполне устраивает. Считайте это проявлением совмещения западного образа жизни и восточного метода развития сознания. Кстати, раз уж вы пригласили меня в компанию, не поведаете ли, что новенького обнаружилось после первых полетов человека на «папке»?

– Пока трудно сказать, – Терехов окинул задумчивым взглядом изящную фигурку японки. – Люди впервые столкнулись с таким феноменом, как преобразование живой плоти в иное... иной...

– В пакет информации, – подсказал Бородин.

– ...в иное состояние, – продолжил биолог, преодолев терминологический барьер, – совершенно необычное для нормального человеческого организма. Я считаю, что вполне возможны какие-либо побочные явления, напрямую связанные с такими стрессовыми изменениями в процессе жизнедеятельности.

– А вы? – Вивьен с интересом обратилась к Бородину.

– Мы тоже столкнулись с некоторыми странностями, не вполне укладывающимися в наше представление об устройстве Вселенной в общем и Солнечной системы в частности, – Андрей беззвучно завершил уничтожение салата и приступил к омлету с беконом. – Но об этом мы поговорим в кают-компании. До начала сбора всех любопытствующих остается девять минут. Так что, дамы и господа, рекомендую поторопиться. А кроме того, вкусно!

* * *

Ли взъерошил свои черные, как смоль, волосы и в очередной раз спросил:

– Ну, и какие будут идеи, господа естествоиспытатели?

В кают-компанию Базы, где собрались весь цвет научной группы ПП, технический персонал, обслуживающий проект в космосе, группа испытателей в полном составе и еще масса заинтересованных лиц, наступила невнятная тишина. Затем громадный Андрей Бородин, глава секции теоретической физики вакуума, зашевелился в своем кресле и гулким басом произнес:

– Давайте-ка отвлечемся от общей дискуссии, еще раз выстроим последовательность событий и попытаемся представить картину в целом. От которой и будем в дальнейшем отталкиваться. Возражений нет? Молчание – знак согласия.

Итак, испытания в системе Земля – Луна прошли более чем успешно. Никаких сбоев механизмов и приборов в любых расчетных режимах не происходило. У подопытных животных – мышей, собак и обезьян – после полетов никаких аномалий в поведении не обнаружено. Во всех пятнадцати случаях. Весьма и весьма оптимистично. Жаль только, что животные не умеют рассказывать о своих впечатлениях. Это – первое.

Пробный прыжок Кобыша и Тернера от Базы к Юпитеру и от Юпитера за пределы Системы завершился, мягко говоря, странно. ПП, как всем известно, вернулся на Базу, то есть в точку отсчета. Хотя приборы и зафиксировали выход на рубеж в двести девять астрономических единиц, тем не менее, пилоты этого не заметили. Физически никак не

отреагировали. В их восприятии старт от Юпитера закончился финишем у Базы. Поэтому достижение границы дальности в двести девять единиц, не зафиксированное сознанием человека, условно назовем пока «мерцающим выходом». Это – второе. Далее. Следующая пара пилотов – Хромов и Клеменс – пока Кобыш и Тернер находятся в карантине, отрабатывает маршрут Меркурий – Уран – граница Системы. Они точно так же возвращаются на Базу, зафиксировав «мерцающий выход» на отметке в двести девять единиц. Это – третье.

Сопоставив приборные записи, мы решаемся на радикальный шаг – посылаем пару Седых – Дорин по траектории, перпендикулярной плоскости эклиптики. Тоже за пределы Системы. И тоже на расстояние в двести пятьдесят единиц. Никаких безумных идей не выдвигалось. Просто сменили направление движения, вектор атаки, так сказать. Исключительно ради любопытства. Для получения более или менее общей картины о возможных свойствах пространства и поведения ПП в оном пространстве. Результат – полное совпадение полетных параметров с предыдущими. Замечу, что заданная дальность во всех полетах одна и та же. Двести пятьдесят единиц. И каков результат? – Бородин трагично развел руками. – Всё те же двести девять единиц, «мерцающий выход» и финиш в виду Базы! Это – четвертое. И это уже, воля ваша, выявленная закономерность! Такие вот пирожки, коллеги мои во науке!

Отсюда неумолимо напрашиваются лежащие на поверхности выводы: либо, по неизвестным нам причинам, предел дальности испытываемой модели ПП всегонавсего двести девять астрономических единиц; либо существует, опять же по неизвестным нам причинам, некий барьер в пространстве, который мы пока не в состоянии преодолеть! Правда, есть маленькая заковыка... Эти два варианта никак физически не объясняют явления «мерцающего выхода» и возврата ПП в точку старта. Дикси! – Бородин грузно откинулся на спинку кресла и благодушно обвел всех взглядом, как бы приглашая к дальнейшему обсуждению.

– Гхм... э...э... – робко привлек к себе внимание щупленький малозаметный Веня Лямкин, биолог из научной группы Васи Терехова, – еще, знаете ли, Эмма...

– Веня, – предостерегающе поднял палец суровый доктор Терехов, – ты бы...

– Давай, Венька, колись, – азартно подначил кто-то из собравшихся, – когда замешана женщина...

– А кто это – Эмма? – задрал брови Бородин. – Что-то я не припоминаю.

– Э...ээ, – Веня затравленно оглянулся на своего руководителя, который уже безразлично рассматривал потолок, мол, сам вяпался – сам и выпутывайся. – Эмма – это кошка... Сибирская... Мы ее с мышами посылали... Пятым рейсом... В отдельной клетке, – с отчаянием добавил он.

– У меня нет такой информации, – обиженно сказал Бородин. – Вы не соизволили.

– Биологи в «пятерку» зайца посадили, – хихикнул кто-то из задних рядов, – в смысле – кошку-нелегала...

– Без билета...

– Для наблюдения за мышами...

– Кошка получилась виртуальной, и физики её не словили...

– Тихо! – Ли постучал костяшками пальцев по столу. – Прекратить балаган! – И когда волна веселья пошла на убыль, добавил. – Я не совсем понимаю, какое отношение кошка биологов имеет к нашим делам?

– Ну...у... – совсем потерялся Веня, – я подумал, что, может быть, обществу будет интересно узнать... и сопоставить, так сказать... в свете рассматриваемых обстоятельств...

– Да не тяни ты кота... – не выдержал Бородин.

– В смысле, кошку... – тут же подхватили из заднего ряда.

– Эмму...

Веня молча открывал и закрывал рот. Совсем как рыба, выброшенная на берег.

– А ну, хватит! – озверел Ли. – Остряки-приколисты! Своих идей нет, над чужими

измываетесь! Дайте парню договорить! Потом и проявите остроумие. Для решения задачи, а не вхолостую. Ну! – он раздраженно обернулся к Лямкину. – Что с кошкой□то?

– Неадекватное поведение, – поправив сползающие очки, сипло выдавил Веня. – Во сне подманивает мышей.

И вот тут в зале повисла тишина. По мере сбивчивого вениного повествования выяснилось, что, проигнорировав тщательно спланированный график экспериментов по выявлению закономерностей поведения млекопитающих в режиме пространственного прыжка, группа молодых предприимчивых биологов подсадила в контейнер с белыми мышами (разумеется, в отдельную клетку) всеобщую любимицу Эмму, кошку в высшей степени благоразумную и флегматичную, имея целью выяснить, как пребывание за гранью четырех измерений подействует на одно из самых загадочных и где□то даже мистических земных существ – «Кошки, ребята, они и в Древнем Египте гуляли сами по себе». Но перед стартом «пятерки» флегматичная Эмма повела себя совершенно непристойно, всячески демонстрируя жгучее желание уйти в отказ от участия в историческом событии и проявляя при этом чудеса интуиции и изобретательности. С большим трудом строптивую избранницу судьбы все ж таки отловили и запихали в клетку, не обращая внимания на протестующий мям.

Через неделю после обработки результатов пятого запуска, когда совершенно отчетливо выяснилось, что никаких отклонений в поведении подопытных животных не проявляется, и когда биологи уже обреченно взялись за следующую серию наблюдений, Веня Лямкин по какой□то пустяковой причине заглянул в лабораторию в неурочное время. Сразу после полуночи по бортовому времени. То, что он увидел, повергло его в немое изумление. Эмма, свернувшись клубочком, мирно спала в своей клетке, а вокруг сидело одиннадцать абсолютно обдолбанных (другого слова Веня подобрать не смог) мышей. Молча и неподвижно. Похоже было, что даже глаза у них съехались к переносицам. Как им удалось выбраться из своих клеток, не выяснено до сих пор.

Остаток ночи Лямкин провел в мучительных размышлениях, а утром, всклокоченный и невыспавшийся, оповестил о своих наблюдениях коллег. Именно тогда и припомнили странное поведение кошки перед стартом. «Ребята, – горячо говорил Веня, прижав кулаки к груди, – она же проинтуичила грядущие перемены в своих возможностях!»

Срочно затеяли серию замеров и опытов. И опять никаких отклонений ни у кошки, ни у мышей обнаружить не удалось. Правда, наблюдалось еще два случая приманивания во время сна. В разное время суток и при разных обстоятельствах. Ни в какую, даже самую безумную теорию, подобные выходки не укладывались, поэтому биологи просто утаили добытую информацию. Пока. До получения более обнадеживающих результатов и разработки гипотезы, хоть как□то объясняющей необычные явления.

– Ай да Эмма! – крикнул кто□то, когда Веня закрутился и смущенно присел на краешек кресла.

Все это время Дмитрий Кобыш, сидевший среди таких же молчаливых, как и он, испытателей, пытался определить свое отношение к происходившему. Сначала он вяло прислушивался к шумному выяснению обстоятельств испытательных полетов, не находя для себя ничего нового и странного. Потом сосредоточил внимание на выступлении Бородина, отметив, что термин «мерцающий выход» вызвал в нем какую□то непонятную реакцию. Как будто что□то передернулось у него внутри, вызвав разбегание по всему телу приятных освежающих волн. Как будто прохладный ветерок прошелестел в голове. А когда Веня Лямкин стал рассказывать о кошачьих похождениях, Кобыш болезненно напрягся, не в силах сообразить, что же именно вызвало такую реакцию, но едва только речь зашла о мышах, столпившихся вокруг Эммы, его внезапно отпустило, он понял, что мысли потеряли четкость, расплылись совершенно, что он не в состоянии даже на мгновение сосредоточиться, зафиксировать на чем□то внимание. Он перестал сопротивляться и поплыл. И погрузился куда□то в вязкую, но уютную, ни на что не похожую бесконечность. И время остановилось. И было очень хорошо, но вместе с тем как□то до невозможности

странно. Сознание расслоилось, воспринимая одновременно то, что внутри, и то, что снаружи. А потом чей-то громкий знакомый голос забубнил где-то наверху, и почему-то стало понятно, что надо вернуться. Он очнулся и повел перед собой глазами.

Вокруг по-прежнему сидели его друзья-пилоты, молчаливо внимая очередному оратору, который, размахивая в запале руками, что-то горячо втолковывал окружающим. Это был кто-то из вакуумных физиков, кажется, Гена Запашный, и он наконец завершил длинный период и в упор уставился на испытателей. До Кобыша, кое-как прорвавшегося сквозь упругую пленку, отделявшую его от внешнего мира, долетел обрывок финальной фразы:

– ...интересно, что по этому поводу думают наши первопроходцы?

Испытатели переглянулись.

– Без комментариев! – сказал кряжистый сибиряк Женя Седых. – У нас не было времени поразмышлять на эту тему. Карантин и всё такое... Мы еще не готовы. Извините.

Испытатели синхронно кивнули. Даже Вивьен Тараоки, еще не принимавшая участия в полетах.

Во множестве глаз, устремленных на них, последовательно отразились сначала изумление, потом недоумение, а затем разочарование.

Ли опять запустил пальцы в шевелюру, задумчиво посмотрел на Седых, тряхнул головой, шумно выдохнул и, наконец, произнес:

– Ну что ж, нет так нет. Хотя, я надеюсь, что в самом ближайшем будущем услышу от вас что-нибудь стоящее.

Испытатели опять синхронно кивнули.

– Итак, – Ли оглядел присутствующих, – пока из внятно прозвучавших предположений есть только два – внезапно появившийся потолок дальности, возможно, зависящий от конструктивных особенностей ПП, и наличие некоего барьера в пространстве, не укладывающегося в существующие физические представления. Плюс некий биологический фактор, плюс феномен возврата корабля в точку старта...

– Эффект зеркального отражения, – обронил кто-то из физиков.

– Очень даже может быть, – продолжил Ли. – Поскольку никаких других версий пока не слышно, а отчет на Землю надо отправлять хоть с какими-то соображениями, предлагаю всем поразмыслить над имеющейся информацией, а завтра в это же время собраться вновь и обсудить содержание отчета. И наметить план работ в соответствии с открывшимися обстоятельствами. Какие-нибудь замечания или пожелания есть?.. Вижу, что нет. Тогда, дамы и господа, за работу.

* * *

Кобыш с Тернером вошли в каюту, которую они делили на двоих, и молча сели. Дмитрий – на откидную койку, а Брюс – на легкий пластиковый стул, исполненный как одно целое с маленьким рабочим столиком. Они были напарниками почти полгода и научились понимать друг друга с полуслова. Взаимная приязнь при знакомстве вскоре переросла в настоящую искреннюю дружбу. Они как бы дополняли друг друга, словно братья-близнецы, неразрывно связанные между собой таинством появления на свет.

Но сейчас оба чувствовали какую-то скованность, неопределенный дискомфорт, будто появилась некая трещина, отделившая их друг от друга. Некая условность, которую оба пытались преодолеть, пока еще не преодолели и внутренне стыдились этого.

Наконец Кобыш оторвал затылок от стены, выпрямился и, неловко усмехнувшись, сказал:

– Давай-ка, Брюс, расскажи мне про свои странности.

Тернер удивленно вскинулся, посмотрел в совершенно спокойные, без примеси иронии, глаза товарища и пробормотал:

– Заметно? Ты откуда знаешь?

– От верблюда. Знаю... – Кобыш помедлил. – Знаю, потому что сам такой.
– Почему я первый должен? – состорожничал американец. – Ты и начинай.
– Потому что я первый спросил! – рявкнул полковник. – Потому что пора уже исповедоваться. Сколько можно над собой издеваться? Или ты решил, что ты один такой? – он перевел дух и сбавил тон. – Мы все теперь, братец, меченые. Все, кто летал к барьеру. Так что, давай, выкладывай. Я тебе тоже много чего расскажу.

И Брюса прорвало. То, что в нем накапливалось больше недели, то, в чем он боялся признаться самому себе, то, что он, как теперь выяснилось, безуспешно пытался скрыть от напарника и от друзей – испытателей, выхлестнуло из него наружу. Он выговаривался неистово, как будто избавлялся от чудовищного тайного порока, не дававшего ему спокойно жить, мешавшего нормальному общению с друзьями, отравлявшего каждый его день сознанием того, что он уже не прежний калифорнийский парень Брюс, добившийся в жизни того, чего хотел, а кто – то невозможно другой. Пугающе другой. Совсем как герои столь любимых им фантастических боевиков, в которых вселялись чужие. А было всё так.

На второй день пребывания в карантинном отсеке, когда они уже прошли все мыслимые обследования и тесты, выявляющие адекватность реакций, расслабились и мирно трепались за обеденным столом, его вдруг перевернуло. Перевернуло в том смысле, что он увидел себя со стороны. Вернее, даже не себя, а их обоих сидящих друг напротив друга. Причем не изнутри, а как бы снаружи карантинного отсека. Он был одновременно и за столом, и наблюдателем извне, который с любопытством взирал на пару пилотов, старательно убивающих время. Потом поле восприятия скачком расширилось, и он увидел весь объем Базы. Каким – то внутренним зрением. Без разбегания глаз. «Нет, ты представь, – горячился Брюс, – я ощущал внутри себя всё и всех сразу. Где они, что делают, каждое движение каждого человека, алгоритм программ, работающих в компьютерах, действия механизмов, прислуживающих людей». Это было захватывающе. И вместе с тем очень страшно. Потому что необъяснимо. Картинка снова поплыла и расширилась. База висела над голубым шаром Земли. Поодаль кружила Луна. Как при замедленной съемке. Скачок. Он увидел всю Солнечную систему. И мерцающую сферу вокруг нее. Тогда он испугался по – настоящему. И всё вернулось на свои места. «Это было жутко, Дим. Нет, не так. Не жутко, а до бескрайней степени неприятно. Брезгливо – неприятно. Так можно высказать? Да?.. Примерно так же чувствуешь себя, когда идешь осенью по лесу и вдруг тебе на лицо вылипает паутина. А ты ее до этого не видел и даже не сознал, что она где – то здесь, рядом. А она начинает с противным таким треском прерываться. Еле слышным треском. На грани восприятия. Но если ты не любишь пауков, то треск этот внутри тебя звучит очень громко, потому что тебе мгновенно начинает казаться, что жуткий такой паук сейчас забежит своими жуткими мохнатыми лапами тебе за шиворот. Прямо по лицу забежит. И тебя всего поддегивает изнутри. Вот у меня были примерно такие же ощущения. В голове при каждом уширении поля восприятия как будто хлопались целые сети паутин, и мне наказалось, на мгновение наказалось, но, заверь, этого было достаточно, что в мозг ко мне напоззает, шурша лапами, совершенно гнусный паук. Или нет – вцепляясь псевдоподиями, напоззает гнусная желеобразная амеба. Это был кошмар». Потом, конечно, подобные ощущения ушли, и он о них постарался забыть, но время от времени, вспоминая о первом шоке, он содрогался всем телом. «На коже заявлялись мурашки величиной с овцу». А спустя неделю он всё же освоился с новыми своими возможностями и теперь может вызывать это состояние в любое время.

– Вот тебе теперь подсказал, – Брюс стукнул себя кулаками по коленкам, – и как будто от большого груза убавился.

– Ну, правильно, – Кобыш сочувствующе посмотрел на него, – давно надо было. А то понакрутил себе черт знает чего. Чужие! Меньше ваших голливудских страшилок смотреть надо. Особенно в юном возрасте. Если психика неуравновешена, крыша совсем съехать может.

– Какая крыша? Куда?

– Это идиома. Расшифровывается, как потеря рассудка. Но тебе это вряд ли грозило. Иначе ты бы просто не попал в группу испытателей.

– Идиома... Да. Я припомню. Но ты прав, крыша съехать могла.

– Кстати, как, ты сказал, называлась обучающая программа по русскому языку?

– «Оксфорд-интер». А что?

– Тебе попалась дефектная. Ты все время путаешь приставки в словах. Особенно, когда волнуешься.

– Так. Сможет быть. Я припомню.

Кобыш покивал головой.

– Если бы мы встретились с вашими киношными Чужими, то я бы тоже стал таким, как ты. И мы бы были уже совершенно другой командой. Ведь мы же летали вместе. Об этом ты подумал? В таких случаях, Брюс, надо облегчать душу. Делиться с близкими друзьями... ну, или докладывать старшему по званию напарнику.

– Хорошо, если старший по званию такой, как ты, Дим. Если бы я доложил своему начальству, меня бы немедленно устранили от полетов.

– Да уж... Слушай, а вот прямо сейчас ты можешь посмотреть, что, например... делает наш уважаемый шеф Вячеслав Ли?

Взгляд Тернера на какую-то долю мгновения как будто провалился внутрь, а потом Брюс с улыбкой сказал:

– Слава у себя в каюте засматривает распечатку личных карточек команды испытателей.

– Вот как? – удивился Кобыш. – Интересно... Зачем это ему понадобилось? А?

– Я не умею прочесть мысли, Дим, – Тернер развел руками, – я просто вижу картинку.

– Картинку... Да... А у меня, понимаешь, эти картинки вовсе даже и не картинки, а полновесный интерьер. И я могу туда попадать. Вот ведь как! Симптомы, брат, у нас с тобой разные...

– Расскажи, – возбудился американец. – Теперь твоя очередь... Ты же обещал!

Кобыш задумчиво посмотрел на него, кивнул головой в такт каким-то своим мыслям, что-то прикинул про себя, а потом тихо вздохнул и сказал:

– Алаверды. Слушай.

Это была еще более странная история.

В тот же второй день пребывания в карантине, а вернее, во вторую ночь по бортовому времени, он лежал, вытянувшись, на своей койке и рассеянно смотрел сквозь царивший в отсеке полумрак. Именно сквозь. Взгляд был рассредоточенный и ни за что не цеплялся. «Знаешь, так иногда бывает, когда чертовски устал. Сидишь, уставившись в одну точку, ничего не видишь и не слышишь. И голова совершенно пустая. До звона». Просто не спалось. Даже под уютное сопение давно и беспробудно уснувшего напарника. Мысли лениво тащились, никак не соприкасаясь между собой. Даже не следуя одна за другой. Каждая была сама по себе. Еще не сон, но уже и не явь. Полуобморочное состояние между. Вспомнилось вдруг детство. Шумная компания пацанов на берегу широкой уральской реки. Кама... Свежий ветер, сдувающий с тела жар солнечных лучей. Прохладные брызги прибоя. Скалистые утесы с соснами и елями на макушке. Галечный пляж... Камешки горячие, нагрелись за день... Если их погладить... Он погладил... Вот только спине неудобно. Лежать на гальке, знаете ли... Он замер. Спине действительно было неудобно. Он резко, даже судорожно сел, ощущая между лопаток горячие отпечатки. Сердце ухнуло куда-то вниз. Он совершенно отчетливо и сразу понял, что никакой это не сон. Какой, к чертям собачьим, может быть сон, если перед тобой расстилается широкая гладь реки с еле видимой рябью, отблескивающей в лучах солнца, шипит накатывающая на гальку вода... А запах! Ни с чем не сравнимый запах свежего хвойного, с примесью нагретого плавника, воздуха! Он даже щипать себя не стал. А просто поднялся и, осторожно ступая по камешкам, пошел вдоль берега. Потоптался у воды, попробовал пальцами. Прохладная... Бездумно повернулся и боком, боком приблизился к скалистой стенке с пробивающимися местами сосновыми

ростками. Приложил ладонь. Шершавое и теплое. И что теперь? Солнце уже касалось верхушек деревьев, отбрасывая длинные тени. Стало быть, вечер. А он один на пустынном берегу. «На берегу пустынных волн...» В спортивных трусах... Можно сказать, что без ничего. Ну и как сочетается наш воинствующий материализм вот с этим явлением? Из прошлой жизни – только трусы, а из нынешней – целый мир вокруг! Такой знакомый чудесный мир! Но ведь это невозможно... Или все-таки возможно? «Хочу обратно, – подумал он, – хочу в свою привычную колею. Здесь прекрасно, но надо сначала понять... А чтобы понять, нужна спокойная обстановка... Своя... Но ведь и эта своя. Нет, пока еще нет. Не своя... Хоть и знакомая...» Ему так захотелось вернуться, так захотелось. До боли в затылке. И он снова оказался здесь, в карантинном отсеке. «Знаешь, Брюс, я ведь не испугался даже. Удивился, да, но не испугался. Просто было как-то до невозможности странно. Запредельно. Ну, вот ты точно знаешь, что этого не может быть, а оно есть. И еще как назойливая муха всё время зудела мысль, что вот теперь надо будет как-то это объяснять, может быть, даже оправдываться, что появятся в связи с этим какие-то определенные неудобства. Ну, ты понимаешь...» До утра он так и не уснул, беспокоясь, ворочаясь с боку на бок, вновь и вновь переживая свое ирреальное путешествие. Он ждал, что вот сейчас, с минуты на минуту, прибегут взволнованные биологи и медики и начнут выяснять, что это случилось с показаниями приборов. Откуда появился провал в записи. «Сколько меня не было? – прикидывал он. – Минут десять? Или пятнадцать?» Вполне достаточно для всеобщего ажиотажа. Приборы глючить не могли. Они никогда не глючили. Во всяком случае, на его памяти. Да и не слыхивал он никогда о таком. Но время шло, и всё было спокойно. Обычные контрольные проверки. Не более того.

Тогда он расслабился и стал прокручивать кино обратно, попутно анализируя ключевые моменты. И пришел к выводу, что причиной всему мог быть только их недавний прокол пространства. И даже не столько прокол, сколько их непонятный возврат в точку старта. А уж когда он сегодня услышал о пресловутом «мерцающем выходе» и неадекватном поведении кошки Эммы, всё встало на свои места. «И тут еще ты рассказываешь о какой-то сфере. Вот и получается, что ходившие на ПП-1 живые существа приобрели необычайные способности. Правда, возможны исключения. Надо бы остальных порасспросить...» Остается только один неясный для него момент. Почему приборы не фиксируют их экзерсисы? Или фиксировать-таки нечего, а всё это – игры потрясенного разума?

– Да, но Эмма? – сказал Тернер.

– Вот! – кивнул Кобыш. – Вот! Тут-то всё и сходится. Приборы ее тоже не фиксируют. То, что она вытворяет, Веня Лямкин просто увидел. Увидел глазами... И они тоже до сих пор ни хрена понять не могут.

Тернер медленно провел пальцем по столу:

– Это не единственная и не последняя странность, Дим. И ты это знаешь не хуже меня. Мы пытались выйти за пределы Системы, а кошка всего лишь пролетала до Луны и обратно.

– Так то – кошка, а не человек. Кошки, как было сказано выше, существа загадочные и таинственные. Ей могло понадобиться исчезающе минимальное воздействие для инициации способностей. Нам же нужен был основательный пинок.

Брюс пожал плечами и некоторое время сидел молча, продолжая выводить на столе невидимые узоры. Наконец он поднял голову и, пристально глядя Кобышу в глаза и старательно выговаривая фразы, произнес. Почему-то шепотом:

– В твоём рассказе есть еще одна маленькая нестыковка, Дим. Лето в родных краях – это, наверное, прекрасно. Но сейчас на Земле декабрь...

– Да, – мрачно сказал Кобыш. – Да. Действительно несурезица. Я знаю. И прежде чем делать какие-то выводы, я хотел бы пообщаться со всеми остальными из нашей команды.

* * *

Слава Ли вошел в свой кабинет и молча погрузился в кресло. Кабинетом, конечно, это

можно было назвать чисто условно, но согласитесь, целых пятнадцать почти индивидуальных метров на орбитальной станции – это что-нибудь да значит! Кроме привычного и удобного кресла в кабинете имели место стол со встроенной в него клавиатурой сетевого сервера, дававшего возможность связи с любой точкой Базы, получения неограниченной информации из памяти бортового комплекса и информационного центра Проекта на Земле, малый настольный монитор и большой экран во всю стену, а также двенадцать одноместных откидных диванчиков для участников совещаний. У каждого из них был свой компьютерный набор. Всё это дополнялось мощным кондиционером и небольшим холодильником для напитков. Руководитель полетов не должен был чувствовать дискомфорта. Так же как и шеф Базы, занимавший аналогичное помещение. Правда, у шефа была еще и персональная связь с Землей. Ну, на то он и начальство.

Слава себя большим командиром не ощущал, хотя ответственности это ему не убавляло. Несколько минут он сидел неподвижно, сосредоточенно изучая потолок, потом машинально взъерошил волосы и досадливо спросил сам себя: «Ну и что это должно значить?»

И сам себе ответил: «Пока не знаю». Подумал и добавил: «Но очень хочу узнать!»

Итак, что же ему было известно? Он тщательно перебрал в памяти ключевые моменты только что закончившейся сродки в кают-компаний. «Мерцающий выход», «эффект зеркального отражения», история кошки Эммы... Что еще? В памяти как заноза сидело еще что-то... только вот.... Он мучительно сморщился, потом пробежался по клавиатуре и вызвал на дисплей запись собрания. Внимательно просмотрел еще раз... Так... Вот оно! Ну, конечно же! Вот что его тревожило всё это время – необычное поведение испытателей! Какие-то они были сумрачные и присматривающиеся... Не как всегда. И это самые веселые ребята на Базе! Видно, что-то их всех сильно беспокоило. Раньше вот не беспокоило. До полетов. А теперь они все в задумчивости. Но делиться своими мыслями не спешат. «Без комментариев», – сказал Седых. Именно он, а не Кобыш, который у них безусловный лидер. Авторитет. И по возрасту, и по званию. Но Кобыша, похоже, вообще слабо интересовало происходящее, он был углублен в себя.

«Ну, давай, Слава, думай, – он почесал кончик носа. – Думай быстрее».

Бернский Центр начинал проявлять нервозность. С момента первого полета испытателей прошло уже семь суток, а внятного отчета с анализом создавшейся ситуации он так и не получил. Отправили, конечно, массу всякой информации, в том числе все видеозаписи, но в Берне ждали совсем другого. Это и понятно. Они там в полном недоумении, а кураторы наседают... С одной стороны НАСА, с другой – «Росавиакосмос». Да и шеф совсем больной ходит, ничего не говорит, только сумрачно поглядывает, понимает, что торопить бессмысленно. Кроме фразы «Где отчет?» от него и звука не услышишь. Как он там отбивается, одному Богу известно...

Значит, так. ПП достигает некой точки в пространстве, загадочной точки, которую преодолеть не может... Или нет. Какой, к черту, точки, если дальность полета во всех трех случаях одинакова, а векторы разнонаправленные. Тогда получается что?

Он пощелкал клавишами и вывел на большой экран математическую модель. Долго смотрел на нее, потом вздохнул и вновь откинулся в кресле. Да. Как ни крути, а вырисовывается сфера. И от нее ПП отскакивает, как мячик от стенки. Точнохонько в стартовые координаты? Попахивает мистикой. Хотя, кто знает, что происходит с кораблем во время прокола? Или с бортовым компьютером... Может, и нет никакой Сферы (почему-то это слово вдруг прорезалось в его сознании именно таким, с заглавной буквы). Всё это слишком человеческое. Что мы знаем о законах движения, выходящих за рамки формальной физики? А что происходит при этом с людьми? Ну, с ними-то, положим, ничего страшного не происходит. Каждый из испытателей провел регламентированные трое суток в карантине. Результаты обследования хорошо известны. Ничего нового. Самочувствие отличное. Никаких отклонений от нормы. Никаких жалоб и вопросов. Только вот скучные они какие-то стали. Как будто замкнулись в себе. Включая Вивьен, которая

никуда еще не летала. Правда, если даже он почуял неладное, то уж она то, знающая своих соратников как облупленных, и подавно должна была...

Значит, все таки во время прокола кое что произошло. Учитывая информацию об Эмме... И все испытатели приобрели какие то новые способности, о которых не спешат распространяться. И которые не регистрируются стандартными приборами. Или здесь имеет место попытка выдать желаемое за действительное, и ничего такого и в помине нет. А есть просто подавленное состояние после пробных полетов, когда не удалось выполнить поставленную задачу. Даже не совсем так. Не удалось прорваться к звездам. По независящим причинам... Кошки кошками, а люди существа более высокого порядка. С определенным образом организованной психикой...

А может, все таки феномен Эммы распространяется и на людей? Но почему тогда они молчат? Они же все люди военные, привыкшие к дисциплине. Должны доложить по инстанции. Мол, полный порядок! Или наоборот. И тогда написать рапорт. А если, допустим, им всё же есть что скрывать? Например, из боязни быть отстраненным от полетов... Или из боязни вообще попасть на стационарное спецобследование. Возможен такой вариант? Скорее да, чем нет... Ли опять замер, пытаясь поймать ускользающую мысль... Вот! Хорошо бы проверить, по каким параметрам их отбирали. Почему подобная мысль пришла ему в голову, он вряд ли смог бы объяснить. Пришла. Впрочем, его всегда считали хорошим аналитиком. Опираясь на любое количество известных разрозненных фактов, он всегда мог сделать нетривиальное заключение. Лишь бы этих фактов было больше трех... Он не знал, каким образом возникают выводы в его голове, да это и не очень его интересовало. Всё прекрасно укладывалось в элегантное слово «интуиция». «Хопкинс, как вы здесь оказались?» – «Интуиция, сэр!»

Слава вызвал на дисплей файл «Испытатели» и развернул его в несколько окон. Так, ну и что мы имеем? Семь совершенно разных индивидуальностей... Или не совсем разных?... Первая пара – Кобыш и Тернер. Оба крепыши среднего роста. У обоих стрижка ежиком. Правда, Дима – шатен, а Брюс – блондин... Лица разные. У первого – глубоко посаженные темные глаза, мягкий нос, не картошка, конечно, но напоминает. Полные губы. В общем, рязанская внешность. У второго – глаза светлые, серые, с каким то нахальным огоньком в глубине, нос аристократический, губы твердые, подбородок волевой. Как у Джека Лондона... Хорошие ребята. Внешне...

Посмотрим послужной список. Кобыш Дмитрий Васильевич. Родился в Закамске... 1972 год... родители... школа... Качинское училище... присвоение очередных званий... Отменные характеристики, великолепный летчик. Лучший из лучших... А это что? Рапорт об отказе участвовать в боевых действиях на территории России... просьба о переводе на инструкторскую работу или на испытательный полигон. Неуверенность в себе или хуже? Чушь! Иначе его бы здесь не было. Но тем не менее... Блестящая карьера прервана на взлете. Эх, Дима, быть бы тебе генералом в сорок лет, а ты не захотел. В военном ведомстве не любят неподчинения. Так теперь и останешься полковником до конца жизни... А как же ты сюда то попал? А, ну да! Специалистами такого класса не разбрасываются, нашли применение.

А что Тернер? Родом из Калифорнии... капитан ВВС США... летчик божьим промыслом... ни одной награды. Интересно, почему?... Ага! В боевых действиях не участвовал по соображениям морали... Елки палки, еще один пацифист... Э э, ребята, это уже...

Ли быстро собрал окна в кучку и вывел их на печать. Сейчас мы вас раскинем как колоду, так будет удобнее и нагляднее. Один за другим он забрал листы распечатки из щели принтера и разложил на столе. Все семь.

Виктор Михайлович Хромов... майор... высокий brunet с располагающим лицом... тридцать лет... на войне был, но в качестве спасателя... вытаскивал спецназ из пекла...

Джек Дэниэл Клеменс... капитан... командир звена истребителей береговой охраны... отказ от направления в зону конфликта...

Евгений Кузьмич Седых... капитан... ну, прямо целая команда капитанов!.. КВН, блин!.. кто бы сомневался... натурально, не участвовал...

Рафаил Симон Дорин... что это у него за второе имя такое?.. пилот израильской военной авиации... непревзойденный ас... ну этот□то должен был стрелять... у них же без этого никак... трехдневная война опять же... нет, отказался... чуть не загремел под трибунал... ну, понятно!.. отстранен... определен к транспортникам...

Вивьен Наоми Тараоки... ага, единственная не имеющая отношения к военным... старший инструктор флоридского аэроклуба... к насилию относится крайне отрицательно... ну и как же она просочилась в стройные колонны солдат?.. О, как! Преподаватель в подразделении НАСА, доктор медицины, психоаналитик... Это меняет дело.

Ли еще раз внимательно перечитал все распечатки, откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по столу, разглядывая разложенные веером листы. На каждом из них была цветная фотография. Такие разные и всё же такие неуловимо похожие! Шесть мужчин и одна женщина. Интересно, кто вас отбирал из сотен претендентов? Какой двойной, а то и тройной смысл заложен в этом подборе? Все пилоты экстра□класса, стало быть, люди, обладающие отменной реакцией и способностью практически мгновенно ориентироваться в пространстве действия. Мастера своего дела. С безусловной долей авантюризма. Может быть, большой долей. Может быть, агрессивного авантюризма. И вместе с тем отвергающие насилие. Это сочетаемые черты или нет? Надо бы спросить у психологов... Каждый из них сильный индивидуалист, иначе не сумел бы пойти против течения, но, тем не менее, команда из них получилась слаженная и монолитная. Можно позавидовать. Как у мушкетеров – один за всех, и все за одного... С беспрекословным подчинением старшему. А старший у них – Кобыш. Что еще известно о Кобыше?.. Ага, отличный механик. Технику чувствует спинным мозгом, способен собрать из всевозможного хлама действующий агрегат... А остальные?

Тернер, оказывается, прирожденный хакер, победитель всевозможных конкурсов программистов и прочая, и прочая... Хромов обладает обширными познаниями в области астрономии. Хобби у него такое... Клеменс в свое время с отличием закончил колледж, но биохимиком стать не пожелал, хотя ему прочили славное будущее... Ну, с Тараоки понятно – свой психоаналитик в команде, да еще и доктор наук. Оставшиеся двое тоже интересные ребята. Женя Седых увлекается восточной философией, тайными доктринами, достиг кое□каких результатов в йоге, особо это всё не афиширует, но в хорошей компании может и высказаться. Дорин же недоучившийся физик. Тоже подавал большие надежды, а потом вдруг ушел в летную школу...

Как занимательно! Получается, что у каждого из наших испытателей есть второе дно. И это не просто еще одна профессия, это область знаний, которая им интересна по□настоящему... Иначе они с их характером и копий бы не ломали...

Кто же их все□таки отбирал и по какому принципу? Надо будет выяснить... Возможно, тут как раз и находится ответ на все его вопросы. Ведь всю основную подготовку они прошли на Земле. Там тренировались и притирались друг к другу. Сливались в команду. На Базе они всего десять суток... Каков же предварительный вывод?

Пожалуйста. Состояние испытателей не является подавленным. Они ушли в себя и размышляют. О чем? Естественно, о случившихся с ними метаморфозах. Реален ли разговор с ними на эту тему? Вряд ли. Во всяком случае, пока. Если они кому□то и будут исповедоваться, то только тому, кому могут доверять. Что нужно сделать для этого? Очень просто – стать одним из них...

2

Они встретились на лифтовой площадке, в месте пересечения радиальных коридоров. Кобыш направлялся к шефу Базы, куда его вызвали по интеркому пять минут назад, а Ли шел к биологам для уточнения интересующих его деталей, хотя, положив руку на сердце, он просто хотел взглянуть на Эмму. Приблизившись, пожали друг другу руки.

– Как настроение у команды, Дима? Мне показалось, что вы чем-то удручены, – испытующе глядя в глаза Кобышу, произнес Ли.

– Все нормально, Слава, – спокойно ответил пилот, выдержав пристальный взгляд в упор. – Нигде не жмет...

– Ты бы заскочил ко мне, когда будет время. Перекинемся парой слов.

– О чем?

– Как дальше жить. Наверняка ведь какие-то мысли на этот счет имеются.

– Хорошо. Зайду попозже.

– А ты куда сейчас?

– Шеф вызывает, – буркнул Кобыш, – наверное, тоже вопросы есть.

– Ну, если так, – Ли понимающе покивал головой. – Начальство зря не побеспокоит. Ему сейчас несладко – Центр торопит с аналитикой, а нам сказать нечего.

– Да уж, – Кобыш исподлобья взглянул на Славу, – им можно только посочувствовать. Что бы ты делал на их месте?

– А я на своем месте, – ответил Ли, входя в открывшиеся створки лифта, – обратил бы самое пристальное внимание на участников экспериментальных полетов. Так что не забудь зайти ко мне после разговора с шефом.

Лифт ушел, а Кобыш еще стоял некоторое время, раздумывая и прикидывая оптимальную линию поведения. Потом кивнул сам себе и быстрым шагом направился к кабинету главного должностного лица Базы.

* * *

– Входите, Дмитрий, входите, – шеф выпростался из глубин обширного кресла и, огибая стол, плавно двинулся навстречу Кобышу. – Располагайтесь, – он кивнул на пристенный диванчик. – Надеюсь, наша беседа будет плодотворной.

Слово «беседа» он выделил, стараясь придать встрече как бы неофициальный характер. Он был опытным администратором и прекрасно знал, как расположить к себе подчиненного. Вообще-то Генрих Штейнберг, назначенный на пост шефа Базы еще до ее запуска, не любил нарушения субординации, но в данном случае он счел необходимым поступиться принципами. Ситуация того требовала.

Кобыш коротко склонил голову, подавив мгновенное желание щелкнуть каблуками, и присел на предложенное место, стараясь держать спину прямо. Поговаривали, что шеф – отставной генерал бундесвера, четыре года прослужил в натовском комитете начальников штабов и попал на Базу благодаря тому, что всегда придерживался строгого нейтралитета относительно интересов России и США. Насколько можно верить этой информации, Кобыш не знал, но предпочел соответствовать.

Штейнберг пожевал губами, глядя на него, провел руками по бокам комбинезона, словно одергивая невидимый китель, затем лицо его потеряло добродушное выражение, глаза сузились, он вновь обогнул стол и уселся в свое кресло. Закинув ногу на ногу, он плотно сцепил пальцы обеих рук на колене и только после всех этих перемещений, заговорил:

– Я внимательно ознакомился со всей доступной мне информацией, касающейся пробных полетов в рамках нашего Проекта. Мне очень досадно, но я не могу составить собственного впечатления. Не поможете ли мне? Каковы ваши личные ощущения?

– Видите ли, герр Штейнберг, – Кобыш в некотором затруднении нахмурил брови, – мне нечего добавить к тому, что было озвучено на сегодняшнем собрании. Собственно, никаких личных ощущений, выходящих за пределы обычного, не было. Кроме сильного удивления, когда вернулись обратно к Базе.

– Вы уверены? Может, все-таки были какие-то нюансы?

– О любых отклонениях от нормы мы обязаны докладывать, – сухо сказал Кобыш. – Насколько мне известно, ни одного рапорта не подано.

– На каком языке мы сейчас разговариваем, полковник? – внезапно наклонившись вперед, быстро спросил глава Базы.

– На немецком, – сейчас жеотреагировал Дмитрий и запнулся. Переход на другую речь просто выпал из его восприятия.

– На каких еще языках вы говорите?

– На английском, – медленно произнес Кобыш и после паузы добавил, – на китайском...

– А китайский вам зачем?

– Не знаю, – подумав, сказал испытатель. – Почему что захотелось... Может, в будущем пригодится. В конце концов, Китай – великая страна...

– Так, – Штейнберг вновь откинулся на спинку кресла. – Насколько я понимаю, семь суток назад, во время разговора со вторым пилотом Тернером вы определенно заявляли, что вам хорошо известен только родной язык. Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Когда же вы успели изучить еще три?

– Ну, это как раз просто, – усмехнувшись, сказал Кобыш. – После карантина попросил у Тернера ви́адаптер с дисками, выбрал то, что мне нужно, и за три ночи усвоил.

– Это такой приборчик, похожий на спутниковый телефон? Для запоминания нужной информации во сне?

– Да.

– В какой последовательности вы изучали языки?

– Сначала английский, потом немецкий, после него – китайский.

Штейнберг сложил ладони домиком и несколько секунд изучающе смотрел на Дмитрия. Снова пожевал губами и, наконец, сказал:

– А известно ли вам, полковник, что по инструкции, прилагаемой к ви́адаптеру, пауза между информационными сеансами должна быть не менее шести суток. Я не знаю, почему это так, но разработчики и изготовители рекомендуют. Иначе тот объем знаний, который человек получает с помощью адаптера, усваивается крайне плохо либо не усваивается вообще. Как что это связано с особенностями деятельности мозга... – шеф помолчал, наблюдая за реакцией Кобыша. – Судя по вашему правильному немецкому, в данном случае все прошло гладко. Ваши комментарии?

– Наверное, я отношусь к исключениям из правил, – растерянно ответил Дмитрий, про себя подумав: «Вот так прокол! Значит, я теперь под колпаком».

– И я так считаю, полковник. Весь вопрос в том – почему? Поразмышляйте на эту тему. Даю вам сутки. Можете идти.

Кобыш молча кивнул, встал и медленно пошел сквозь раскрывающиеся створки двери.

Проводив его взглядом, Штейнберг рассеянно улыбнулся. Он был доволен собой. Теперь русский пилот знает, что он кое о чем догадывается. Пусть вырабатывает линию поведения А заодно займется выяснением обстоятельств остальных испытателей. Шеф Базы должен первым разобраться, в чем тут дело. Америка, несправедливо считающая себя мировым лидером, и непонятная полуазиатская Россия немного подождут. Европейские страны тоже имеют право на свою долю истины. Иначе будет нарушено сложившееся равновесие. В том, что результаты попыток выйти за пределы Солнечной системы будут немедленно засекречены, он нисколько не сомневался. Или он неправ?

* * *

Едва шагнув за порог блока, занимаемого биологами, Ли тут же столкнулся с доктором Тереховым.

– Здравствуйте, Василий Николаевич, – сказал руководитель полетов, дружелюбно протягивая руку, – а я вот решил к вам заглянуть...

– Во первых, Слава, почему так официально? – ответствовал суровый доктор Терехов, пожимая протянутую руку. – А во вторых, здоровались уже.

– Да□да□да... – смутился Ли. – Последние события, знаешь ли, выбили из колеи.
– Они кого угодно выбьют. На Эмму, что ли, пришел полюбоваться?
– И это тоже. Но вообще□то меня интересуют подробности.
– Ну, так иди к Лямкину. У него там Бородин уже пристроился. Тоже жаждет подробностей.

– Ага. Значит, я вовремя.

– В самый раз, – Терехов подтолкнул его к двери в соседний отсек. – Может, что□нибудь вместе и наизобретаете.

Оказавшись в лаборатории, Ли увидел две склонившиеся голова к голове молчаливые фигуры. Что□то они там рассматривали. Что□то, полностью захватившее их внимание. Слава негромко кашлянул. Оба как по команде уставились на него. Рыжий, взлохмаченный Веня с очками, сползшими на кончик носа, и дородный Бородин, оттянувший пятерней воротник комбинезона.

– Привет юным гениям, – сказал Ли.

– Здорово, командир, – пробасил Андрей. – Что это ты подкрадываешься, аки тать в ночи?

– Я хожу громко, – сообщил Слава, – просто некоторые чрезмерно увлечены.

– Так есть чем, – ответил Андрей, и оба вновь отвернулись.

– А вот это уже признак неуважения, – обиделся Ли. – Могли бы проявить некоторую любезность по отношению к высокому начальству.

– Ты бы, высокое начальство, подошел поближе, – глянул на него через плечо Бородин, – да поучаствовал. Вместо того... – он не закончил фразу, потому что в этот момент Веня огорченно сказал: «Ну, вот видишь – опять!»

Ли осторожно приблизился к парочке естествоиспытателей и заглянул через плечо Лямкина. На вспомогательном лабораторном столе, свернувшись клубком, безмятежно спала Эмма. Над кошкой слабо мерцала замысловатая полусфера, напоминавшая парикмахерский фен. Тут же на столе, подключенный к каким□то приборам, располагался мощный ноутбук, экран которого отображал переплетение странных кривых. Веня нервно пробежал пальцами по клавиатуре, картинка дернулась и сменилась на другую, по мнению Славы ничуть не отличающуюся от предыдущей.

– Видишь? – снова повторил Веня.

– Ну и что? – прогудел Бородин. – Это говорит о том, что у вашей Эммы чрезвычайно стабильная нервная система. И все! Никаких феноменальных всплесков.

– Может, объясните, что тут у вас происходит? – Слава еще раз попытался вписаться в компанию.

На него долго и хмуро смотрели, явно не понимая, в чем дело, и все еще пребывая где□то далеко от него. Потом объяснили. Оказалось, что эти двое решили, не откладывая дела в долгий ящик, затеять несколько опытов по выявлению и подтверждению необычных способностей Эммы. Для этого кошку подвергли неоднократному усыплению с помощью воздействия слабых импульсов на ее нервные центры. Результаты были обескураживающими. Кошка спала, а мыши, размещенные чуть поодаль, в пределах другого стола, не обращали на этот процесс ровно никакого внимания.

– Это говорит о том, – назидательно сказал Андрей, – что навеянный извне сон не дает адекватных результатов. Вот когда всё происходит естественным путем, тогда, видимо, у нее еще что□то включается.

– Да уж, – Веня был краток, как Ипполит Матвеевич.

– А какова предыстория легендарного животного? – коварно раскинул сети Слава. – Откуда она, собственно, взялась?

Выяснилось, что кошку Веня три года назад нашел у порога собственной квартиры. Правда, тогда она еще была маленьким попискивающим котенком. Выкормил, выпоил, поставил на ноги. Извините, на лапы. А когда настала пора перебираться в околосемные просторы, он принял мужественное решение. Он вписал Эмму в реестр подопытных

животных, подлежащих ввозу на Базу. Не бросать же любимицу на произвол судьбы. Так кошка оказалась в овейной славой плеяде космопроходцев. А сейчас уже, считай, вошла в историю.

– Она очень спокойная, – горячо говорил Веня. – Никакого риска, упаси Бог. Абсолютное отсутствие агрессии... («Ага!» – отметил про себя Ли). У меня дома волнистый попугайчик жил. Кеша. Зелененький такой. Между прочим, много чего говорить умел. Можно сказать, был большим знатоком русского языка. Так вот он взял себе за правило бегать вокруг Эммы, подпрыгивая и приговаривая: «Кеша хороший! Кеша хороший». А Эмма только блаженно жмурилась и поглядывала этак снисходительно. Дескать, и не такое видывали...

– А попугай что? – живо заинтересовался Бородин. – Тоже здесь?

– Нет, – с досадой ответил Веня. – Кешу пришлось родителям оставить. Пичужка – то совсем маленькая, в кулаке раздавить можно. По неосторожности.

– Да – а – а... – протянул Бородин. – Нет, отчего же. Вот у моего приятеля тоже кошка дома есть. Так она когда – то соседских щенков вылизывала. По – матерински.

– Ну, это же совсем другое, – возмутился Веня. – Работа инстинктов, так сказать. А я говорю о полном отсутствии агрессии. Она даже когти об стену не точила.

– Значит, ты еще и контрабандист? – вмешался Ли. – Хватило ведь ума!

Лямкин обильно покраснел и смущенно потупил взор. А Бородин растерянно крикнул.

– Нет, я не в укор, – сказал Слава. – Просто интересно, как тебе удалось?

– Так ведь никто серьезно реестры не просматривает. Всё дается на откуп исполнителям. Ну, Терехов, конечно, знал. Это он на вид такой суровый, а вообще – то душевный человек. Можно сказать, что Эмма попала сюда с его молчаливого одобрения. Кошки – интересный объект для наблюдений.

– И много нанаблюдали?

– Да как сказать! – Веня протянул руку и отключил питание. Полусфера погасла, а кошка зашевелилась и приподняла голову. Биолог нежно провел двумя пальцами по спине Эммы, та элегантно прогнулась, вытянув лапы и зажмурился. Затем раздалось громкое мурлыканье. – Стандартный альфа – ритм мозга спящего животного. И ничего более. А мыши, – он кивнул в сторону соседнего стола, – занимаются своими делами.

– А скажи – ка, Веня, – Ли решил озвучить сидевшую занозой мысль, – раньше за твоей любимицей никаких странностей не замечалось?

– Раньше – это когда?

– На Земле.

– Вообще – то, нет, – подумав, ответил Лямкин. – Хотя не знаю. Не обращал внимания. А что?

– Да понимаете, ребята, может быть, мы зря подпрыгиваем с этим феноменом. Может, ничего особенного и не происходит, а выявленная аномалия – всего лишь усиление каких – то врожденных способностей. Ну, – Слава мучительно пытался подыскать нужные слова, – то, что происходит во время прокола, как бы является катализатором для проявления этих самых умений...

– Да, – сказал Бородин, – что – то тут безусловно есть. Мысль интересная, тем более, что не только твоя. Я и пришел сюда, собственно, для того, чтобы уговорить этого оболтуса на совместную серию. Но не успел... Он меня сразу задал своим безнадежными результатами. А требуется всего лишь взять кошку, переместить ее в наш блок и протестировать на ви – оборудовании, потому что стандартное, скорее всего, для этих целей не годится. Нам как раз намеренно установили ви – генератор второго поколения. Вот на нем... И, наверное, в зеркалах Козырева. И уверяю вас – результат будет!

– Ну да, – рассеянно ответил Веня, видимо, мысль о новой серии уже начала вызревать в его голове. – Остается всего ничего – уговорить Эмму заснуть во чреве ваших механизмов. Мелочь, конечно...

Но было видно, что он уже загорелся.

– Вот и чудесно, – сказал Ли. – И приступайте. Был бы результат.

* * *

Если бы сейчас кто-нибудь спросил Славу, зачем он все это затеял, он вряд ли смог бы ответить. И, тем не менее, решение он принял, и теперь уже трудно было его остановить. Быстрым шагом войдя в свой кабинет, он не стал садиться, а, наклонившись к столу, нажал на селекторе клавишу соединения с шефом и вывел изображение на большой экран. Потом коротко выдохнул через ноздри и приготовился.

Герр Штейнберг пребывал в затруднении. Это было видно по его напряженному лицу и по тому, как он сжимал и разжимал пальцы, читая что-то на настольном дисплее. Услышав сигнал вызова, он тут же поднял голову и изучающе посмотрел на Ли.

– Вячеслав?

– Здравствуйте, Генрих! Ставлю вас в известность, что хочу предпринять еще один испытательный полет за пределы Системы. С полным штатным комплектом исследователей.

– Мы еще не обработали результаты предыдущих полетов, – настороженно глядя на него, тихо выговорил Штейнберг. – Есть ли необходимость?

– Хочу сам убедиться в правильности некоторых частных предположений. О результатах вы узнаете первым, – Слава прекрасно знал маленькие слабости шефа.

Однако отставной генерал явно не обрадовался.

– Вячеслав, вы прекрасно осведомлены о том, что, являясь моим заместителем и руководителем полетов, не имеете права покидать пределы Базы и участвовать в испытаниях. Это предписание Комитета.

– А вы должны понимать, что бывают исключения из правил. Сейчас ситуация того требует. Отчет Земле до сих пор не составлен потому, что мы не можем достаточно определенно сформулировать данные, которые уже получены, и выработать основные направления дальнейших исследований.

– Тем не менее, подобное разрешение может дать только Берн.

– Перестраховываетесь? Но ведь после трех пробных полетов риск сведен к нулю. Мы оба это знаем. Мне достаточно вашего согласия.

Штейнберг колебался. С одной стороны, заманчиво получить более полную информацию из первых рук, а, с другой стороны, откуда он мог знать, что на уме у его ближайшего соратника и как отнесутся к подобным выходкам бернские координаторы.

– Всю ответственность беру на себя, – сухо сказал Слава. – Нам необходим этот полет. И как можно быстрее.

– Почему вы решили, что нужен полный комплект? – шеф начал сдаваться. – Кого вы имеете в виду?

– На модуле пойдут Тараоки, в качестве первого пилота, руководители секций физики и биологии Бородин и Терехов. Командование беру на себя.

– Что вы заладили – на себя да на себя. Вам что – больше всех надо? Можно было бы назначить кого-нибудь другого. И почему выбор именно такой? Любимчики, э-э?

– Во-первых, я могу полностью доверять их квалификации, а во-вторых, это не займет много времени.

– Ну, хорошо. Вы были достаточно убедительны. Даю вам максимум три часа, после чего жду у себя с докладом. Всех четверых.

Штейнберг кисло улыбнулся и отключил связь.

Слава ликовал. Это была победа. В том, что Бородин с Тереховым согласятся, он нисколько не сомневался. Осталось оповестить Вивьен. Да, и надо бы связаться с Кобышем. Отсчет пошел на минуты, потому что шеф мог и передумать.

Ли подключился к каюте испытателей. Кобыш и Тернер разговаривали на хорошо знакомом ему китайском. Поверхность стола украшал радужно поблескивающий ви-адаптер последней модели, более всего похожий на обычный мобильный телефон. Когда раздался

сигнал вызова, оба замолкли на полуслове и совершенно синхронно повернули головы к экрану.

– Ребята, это я, – сказал Слава по-китайски. – Польщен, что вы интересуетесь языком моих предков, – потом плавно перешел на русский. – Я сейчас иду на ПП. Ничего не хотите мне сказать перед стартом? Может, будут пожелания?

Испытатели переглянулись.

– С кем идешь, Слава? – осторожно спросил Кобыш.

– С Тараоки.

– Я почему-то так и думал. А кто еще?

– Ты считаешь, что будет полный экипаж? На основании чего?

Кобыш усмехнулся:

– Догадался... Так кто?

– Бородин и Терехов.

– Неплохо.

– И это всё?

– А ты ждешь благословения? Считаю, что оно у тебя есть. Удачи. Когда вернетесь, поговорим более обстоятельно.

Во время этого быстрого разговора Тернер только благожелательно улыбался и, прищурившись, смотрел на Ли. Под занавес и он вставил свое слово:

– Больше внимания Вивьен, главнокомандующий. Она нам всем еще очень погодится.

– Спасибо, джентльмены! Это всё, что я хотел услышать. До скорого свидания.

Слава помахал рукой и нажал клавишу отбоя. Он действительно узнал то, что хотел. Эти ставшие с некоторых пор загадочными люди не сомневались в его возвращении. И он имел основания полагать, что им это доподлинно известно.

* * *

Вивьен Тараоки уже закончила проверку систем, а тучный Бородин все еще пытался сзади, обживая узковатое для него кресло. Терехов же освоился сразу, как будто только и делал, что ходил на модуле в испытательные рейсы. Ли исподлобья оглядел команду и не смог скрыть довольной улыбки. Они управились в полчаса, стало быть, у них оставалось еще два с половиной.

– К старту готовы, – сказала Тараоки.

Боря Калмыков, замещавший Ли на посту руководителя полетов, хмыкнул и выразительно постучал по циферблату часов. Потом считал показания приборов на центральном пульте, слегка помедлил и, наконец, произнес:

– Старт разрешаю.

– Секунду, – сказал Слава. – Вивьен, пожалуйста, замени дальность на пятьсот единиц... И вот еще что – будем прыгать без промежуточных остановок. Все объяснения потом. Приступайте.

Тараоки пожала плечами и молниеносно отстучала на клавиатуре новую вводную, затем оглянулась на Ли. Слава молча кивнул.

– Поехали, – произнесла Вивьен традиционную фразу и нажала на «Старт».

Свет в плафонах судорожно мигнул и взорвался разноцветными искрами, экраны потеряли четкие очертания, а поверхность пола поехала вбок. У всех четверых астронавтов возникло абсолютно одинаковое ощущение, будто их выворачивают наизнанку.словно кто-то большой и обладающий неумейной силой мягко ухватил изнутри за основание затылка и настойчиво повлек в самые недра организма, куда-то в район солнечного сплетения, сминая внешнюю оболочку и проваливая тело в самое себя, как коллапсирующую звезду, а потом взял, да и дернул обратно, резко выворачивая тыльной стороной.

Четверка шумно вздохнула.

– Ну, ничего себе... – только и смог сказать Бородин. – Охренительное

ощущение!

Ли с хрустом наклонил голову сначала влево, а потом вправо. Терехов ожесточенно терзал свой нос, как будто удерживался от чихания. А Тараоки молча смотрела на экран, с которого с большим недоумением взирал на них Боря Калмыков.

– В чем дело, ребята? – спросил Боря. – Неполадки? Мне показалось, у вас небольшая заминка.

В этот момент его окликнули, и он повернулся, чтобы выслушать сообщение оператора. Потом вновь обратился к экрану с еще более озадаченным выражением лица.

– Приборы зарегистрировали выпадение «ПП» из стартовых координат на две десятитысячных доли секунды... Вы что уже прыгнули?

– Да как тебе сказать, – помедлил Слава. – Судя по ощущениям – скорее да, чем нет.

– И что это было?

– Состояние резиновой перчатки, которую снимают с руки.

Боря хмыкнул.

– Сочувствую. Будете зачехляться?

– Нет. Попробуем еще раз. В другом режиме.

– Добро.

Ли оглядел товарищей:

– Вы как?

Все молча кивнули.

– Начинаем второй раунд, – сказал Слава. – Вивьен, дальность – двести восемь и восемь десятых. Подойдем к рубежу вплотную и посмотрим, что получится. А там – по обстоятельствам.

Тараоки опять пробежалась пальцами по клавиатуре, меняя полетные параметры. Потом изящно приподняла руку, взглянула на пультовый дисплей и мягко коснулась стартовой кнопки.

– Готова.

– Не слишком увлекайтесь, – произнесло изображение Калмыкова. – Ждем вас с трофеями.

– Поехали, – сказал Слава, и Вивьен завершила движение, вдавив кнопку.

Мигнули световые плоскости, поплыл интерьер, снова перехватило дыхание, и все застыли, впившись в ходовой экран.

Перед ними простиралось межзвездное пространство. Картинка была необычайной глубины и чистоты и, казалось, достаточно протянуть руку, и пара ярких звезд окажется у тебя на ладони. Невероятно, но их мерцание проникало в самые глубины сознания, вызывая жгучее желание немедленно что-то предпринять для того, чтобы оказаться там, рядом с ними, и взглянуть уже оттуда, с новых горизонтов, на многовековую колыбель человечества, на Солнце, давшее жизнь их предкам на маленькой зеленой планете.

– Да-а-а, – потрясенно протянул Бородин. – Вот где «Хаббл»-то вешивать надо! Никакого тебе планетарного мусора.

– Ты, Андрей, сильно-то не расстраивайся, – пробормотал Ли, тоже переживая неведомые ранее ощущения. – Скоро здесь этих «Хабблов» будет столько, что не протолкнуться.

– Почему здесь? – рассеянно спросил Бородин.

– Потому что дальше нас пока не пускают, – хмуро ответил Слава. – Или все-таки пропустят? В режиме обычного полета... А? Что вы думаете по этому поводу, друзья мои?

– Если идти на обычной тяге, – сказала Тараоки, – то в пару часов не уложимся. Все-таки две десятых астрономической единицы. Считаю, что не стоит зря тратить времени.

– С точки зрения биологии, – уставившись в потолок, пробурчал доктор Терехов, – условия прокола пространства более экстремальны и необычны для человеческого организма, чем полет в нормальном режиме. И если уж нам не преодолеть Сферу в прыжке, то стандартным путем и пытаться нечего.

– А если попробовать прорваться по касательной? – задал Слава риторический вопрос.

До сих пор молчавший и что-то обдумывавший Бородин искоса глянул на него и разразился тирадой, исполненной сарказма. Опешившие от неожиданности члены экипажа услышали много интересного об общих заблуждениях всего человечества в целом и данного конкретного коллектива в частности.

Во-первых, говорил Бородин, с чего это вы решили, что всё обстоит именно так, как нам кажется? Вовсе не факт, что этот мыльный пузырь, мнящийся несокрушимой твердыней, нельзя преодолеть. Только это надо делать не с наскока, а предварительно подумав, причем хорошенько подумав. А то опять получится могучий проект типа поворота северных рек вспять или попытки взрыва водородной бомбы мощностью в сто мегатонн. Опасный эксперимент с, возможно, необратимыми последствиями. Заблуждения человечества очень дорого стоят и обходятся колоссальными жертвами. Мало вам чуть не разразившейся экологической катастрофы или продырявленного озонового слоя. Слава Богу, на Земле дело обошлось. А здесь? Может, Сфера – это естественная защита планет от какой-то неведомой нам напасти. А мы – кувалдой по стенке, отделяющей нас от стада разъяренных мамонтов.

Во-вторых, Сфера – понятие чисто теоретическое. И даже не теоретическое, а скорее геометрическое. Махрово человеческое восприятие доселе неведомого явления, для описания которого пока не существует сколько-нибудь серьезного математического аппарата и уж тем более физической модели. Вполне возможно, что это, например, частный случай из области теории гравитации, описывающей поведение пространства вблизи больших тяготеющих масс, каковой и является Солнечная система в целом. Чем не безумная теория? Искривленная зона континуума, так сказать. Или, например, изменение свойств вакуума при переходе из планетарной околозвездной области в межзвездное пространство. Что, в конце концов, мы знаем об этом? А может быть, это просто уникальное природное образование. А мы – Сфера, Сфера! Это же не опушка, которую можно объехать на кривой кобыле. Если не получилось в лоб, то где гарантия, что получится по касательной? Будем носиться по кругу до полного удовлетворения. «Нам нет преград ни в море, ни на суше»! Апофеоз человеческого высокомерия!

В-третьих, если уж зашла речь о реакциях человеческого организма, он, Бородин, не видит, в отличие от коллеги Терехова, оснований для самоуспокоения. В конце концов, с момента первого полета прошла всего лишь неделя, и это не время для серьезных наблюдений. Последствия воздействия в период полета каких-то неизвестных факторов могут проявиться и позднее. Как в случае пребывания в зоне радиоактивного заражения. И если предыдущие экипажи, в буквальном смысле слова, всего лишь касались Сферы в ничтожно малый момент времени, который и временем-то назвать нельзя, то они торчат в этой зоне вот уже без малого пятнадцать минут. Чем может обернуться для них подобное мероприятие, Бородин, как физик, даже представить себе не в состоянии.

Завершив сей продолжительный период, Бородин исподлобья оглядел присутствующих и слегка качнул головой, как бы утверждаясь в собственных выводах.

– Я вынужден согласиться с Андреем Ильичем, – обиженно молвил Терехов, – но только в одном пункте: времени для серьезных исследований действительно было мало. Но хочу заметить, что обследования испытателей проводятся ежедневно, и не выявлено ни одного, подчеркиваю – ни од-но-го, случая каких-либо отрицательных отклонений от нормы. Наоборот, испытатели находятся в пике формы, демонстрируя отличные результаты. Если ранее у каждого из них и были, как у всякого из людей, небольшие микроаномалии, то теперь их нет вовсе...

– Кошка Эмма, – напомнил Бородин.

– Ну да, – смешался Терехов, – действительно... Тут мы пока бессильны. Хотя смею заметить, что кошка – не человек, и параллели в данном случае неуместны.

Физик собрался было ответить, но вмешалась Вивьен:

– А как в ваши построения вписываются «Вояджер-1» и «Вояджер-2», отправленные в свободный полет за пределы системы? И до сих пор, между прочим, подающие сигналы?

Бородин замер, прекратив начатое движение, глаза его приняли отсутствующее выражение. Казалось, он мгновенно забыл и о том, что только что говорил, и о том, где он вообще находится. Как человек, полностью потерявший сцепление с реальностью.

Ли только хмыкнул. Он уже видел однажды подобное состояние Андрея и знал, что в таких случаях к нему обращаться бесполезно. Поэтому Слава приложил палец к губам и сделал круглые глаза, повернувшись к Терехову, а затем сказал Вивьен:

– Давайте□ка посмотрим показания приборов, пока наш друг обдумывает посетившую его мысль.

Тараоки кивнула и запустила программу пошаговой подачи на пультовый монитор всех данных, полученных бортовой аппаратурой. Минуты три они внимательно изучали появляющиеся на экране текучие таблицы, изредка перебрасываясь короткими фразами, в которых то и дело мелькали какие□то магнитные углы, напряженности полей, орбиты и звездные склонения. С точки зрения биолога всё это было полнейшей абракадаброй, поэтому Терехов, сидевший сзади, рядом с Бородиным, расслабился, свесил голову набок и наблюдал с интересом лишь за тем, как в полусумраке рубки контуры Славы и Вивьен окрашиваются в различные цвета при изменении фона на плоскости экрана. Сомнение, посеянное в нем физиком, давало первые робкие ростки.

Самым тонким местом у всех живых существ, думал Терехов, будь то кошка или человек, является психика. Чтобы поколебать ее, достаточно минимального внешнего воздействия. В результате мы получаем либо эмоцию, либо механическую реакцию. Что происходит в этот момент в сложноорганизованной нейронной системе? Какие связи задействуются в коре головного мозга? Все эти втыкания микроэлектродов и прочие грубые воздействия на нервные клетки не дают никакого представления о самих процессах мышления и появлении каких□либо чувств. Как сказал один из известнейших нейрохирургов: «Я много раз делал трепанацию черепа и оперировал мозг, но вот ума ни разу не видел». Да... На сегодняшний день мозг так и остается самым слабоизученным органом человека. А что же такое собственно психика, и подавно никто не знает. Впрочем, религия, наверное, знает. Хотя вряд ли. Скорее немного догадывается и называет это душой. А душа – это тонкая полевая оболочка физического тела, и что с ней происходит во время прокола пространства, одному Богу известно... Вот именно...

Прихотливые изгибы вялотекущих мыслей прервал глубокий вздох из соседнего кресла. Терехов вздрогнул и повернулся на звук.

– Э□э... – сказал Бородин и потянулся всем своим немаленьким телом, по частям извлекаясь из недр кресла. – Извините, коллеги, я несколько отвлекся... Мне тут пришла в голову дикая мысль... Бред, конечно, но... Вы все знаете, что такое гравитационный коллапс?

– Наслышаны, – сообщил ему Ли, отвлекаясь от изучения таблиц. – Как и все люди, имеющие отношение к работе в космосе. Черные дыры и всё такое...

– Так вот... м□м□м... не знаю, что там с «Вояджерами», но я задал себе вопрос: что мог бы увидеть наблюдатель, находясь он внутри сферы Шварцшильда? – Физик вытянул перед собой руку с растопыренными пальцами, как бы заранее защищаясь от хора возмущенных голосов. – Нет□нет, я прекрасно знаю, какие раздраженные возгласы могу услышать! Но, коллеги, ей□богу, есть, по крайней мере, два обстоятельства, которые стоит рассмотреть – красное смещение, то есть разбегание внешних галактик, и невозможность вырваться за пределы области, ограниченной сферой. Для внутреннего наблюдателя эти два фактора будут являться жестокой реальностью. Опять же Большой взрыв, положивший начало развитию Вселенной. Каково, а?

– Ну, Андрей Ильич, ты даешь! – Слава помотал головой. – Разве ж такое возможно?

– В Мироздании нет ничего невозможного, юноша, – Бородин откинулся на спинку кресла, – зато есть многое такое, чего мы еще не знаем. И энергично отвергаем со всей величественной спесью, присущей венцу творения.

– Так ты что же, Андрей, – Терехов изумленно взирал на соседа, – хочешь сказать, что Солнечная система находится внутри черной дыры?

– Я ничего не утверждаю, – заявил Бородин. – Я лишь озвучил мысль, посетившую меня «в сии минуты роковые».

– Ну да, – сказала Вивьен, – всех озадачил и теперь наблюдает, что из этого получится...

– Вам виднее, – благодушно молвил Бородин. – Как психолог, вы должны лучше всех нас разбираться в таинстве зарождения мысли.

– Ну, хорошо, – Слава поднял руки, призывая всех к вниманию, – ну, ладно. Над этим стоит подумать. Может быть, тут есть какие-то зерна истины. Действительно, нельзя ничего отвергать сходу, если ничего об этом не знаешь. И все же, леди и джентльмены, я попросил бы вас сейчас не отвлекаться. На повестке дня всё тот же вопрос: будем прыгать по касательной или нет?

– Ничего не имею против, – пожал плечами Бородин. – Только все же прошу учесть одну деталь – при вводе дальности задайте параметр двести восемь единиц, умноженных на два-пи-эр.

– Окружность Сферы? – Вивьен вопросительно посмотрела на физика. – Зачем?

– В худшем случае мы снова окажемся в нынешних координатах, в лучшем – в точке старта, у Базы.

– А других вариантов не предвидится?

– Отчего же! Мы можем оказаться и за пределами Сферы, имея в виду наше полное незнание законов движения в режиме прыжка, но, честно говоря, я в это не верю.

– На том и порешим! – Слава повернулся к Тараоки. – Вивьен запускайте программу...

Интересные люди эти русские, думала единственная женщина в экипаже, заученными до автоматизма движениями вводя новые параметры полета. Казалось бы, неординарная ситуация, в которой главное – полное сосредоточение на достижении поставленной цели. А цель – слетать, посмотреть, попробовать преодолеть неведомый барьер, доложить о результатах. Вместо этого они рассуждают о высоких материях, пытаются немедленно разрешить проблемы, над которыми целые коллективы ученых будут долго ломать голову, всё время отвлекаются. Даже Ли, самый собранный из них, забыл выйти на связь с центром управления. Да и она тоже хороша, не напомнила. Им бы побольше американского практицизма... Вивьен виртуозно завершила последнее движение и посмотрела на Славу. Тот кивнул.

ПП дрогнул и проявился в пяти километрах от Базы.

* * *

– Где вас носит?! – Боря Калмыков был раздражен. Даже очень раздражен. – Что, трудно было переслать сообщение?

Едва засветился экран связи, гранд-инженер высказал им свое мнение о том, что он думает о них, об их полете и их поведении. Экспрессивно, доступно и не скупясь на эпитеты.

– Извини, Боря, – примиряюще сказал Ли, – но было очень занято и необычно. Виноват, больше не повторится.

– А больше тебя никто и не пустит, – Калмыков на глазах терял остатки недовольства. – Правда, ребята, ведь сорок минут молчали. Мы тут извелись все.

– Сорок минут! – удивился Слава. – А мы и не заметили. Как-то всё довольно быстро произошло. Да что случилось-то? – глядя на притихших операторов спросил он.

– С Земли получено указание прекратить все испытательные полеты. До особого распоряжения.

– Ничего себе новости! А почему, собственно?

– Без объяснения причин. Просто констатировали факт. Если я правильно понимаю, то скоро у нас будут гости.

– Даже так? И что дальше?

– А дальше вы все отправляетесь прямиком к Штейнбергу. Он с нетерпением ждет. Так

что отстыковывайтесь, причаливайте – и на ковер.

Шеф выдерживал паузу. И пауза явно затягивалась. Наконец он, видимо, счел, что психологическая подготовка к разговору завершена, недовольно оглядел стоявших у входа испытателей и, кашлянув, произнес:

– Располагайтесь, господа... И миссис.

– С Вашего позволения – мисс, – мгновенно среагировала Вивьен, но ее тут же перебил Ли:

– Мы еще не прошли карантин, Генрих.

– С момента получения приказа с Земли карантин объявлен по всей Базе. Так что на эту тему больше не отвлекаемся. Могу вам также напомнить о нашей договоренности по поводу немедленного доклада о результатах полета. И об ответственности, которую я несу перед Землей за всех вас и вверенную мне территорию. Поэтому – располагайтесь, – он протянул руку, указывая на пристенные диванчики, – и приступим.

Подождав, пока экипаж рассядется, Штейнберг включил запись и кивнул Ли:

– Начнем с вас, Вячеслав. Каковы ваши впечатления, выводы?

Слава растерянно почесал переносицу, пригладил несуществующий вихор на затылке, потом тихо кашлянул и произнес:

– Очередная попытка преодолеть Сферу не удалась. Были реализованы два режима: первый – пробой сходу, так сказать... при исходной дальности в пятьсот астрономических единиц, второй – выход по касательной. Ни то, ни другое не привело к желаемому результату. Что же до личных впечатлений – они есть, и весьма сильные. Мы были на границе межзвездного пространства, и панорама, открывающаяся оттуда, потрясает. Мне показалось, что я слышу музыку сфер... Извините за невольный каламбур.

– Это уже эмоции... А скажите, Вячеслав, откуда взялись такие странные идеи о режимах полетов?

– Э...э...э... – Ли слегка покраснел. – Виноват, мальчишеская выходка, конечно. Просто пришло вдруг в голову, что если попробовать с разбега... или наоборот, приблизиться вплотную – и не в лоб, а под каким-то углом... – он окончательно смешался. – В общем, дурацкая попытка применить исключительно наземные хитрости при движении в режиме прыжка.

Штейнберг только хмыкнул и покачал головой.

– Что ж... отрицательный результат – тоже результат. Мисс Тараоки, что можете сказать вы?

– Ничего нового, герр Штейнберг. Сбоев в бортовом оборудовании не было. Никаких отклонений в полетном режиме не замечено. Полагаю, что Сфера – это реальное образование, а не проявление каких-либо недоработок в теории и практике внепространственного движения.

– Замечательно сформулировано, но не прибавляет ни грана информации. Действительно, ничего нового. Так... Доктор Терехов, что у вас?

Биолог, до этого чересчур внимательно рассматривавший собственные ногти на правой руке, вздрогнул, выпрямил спину и, глядя в глаза Штейнбергу, размеренно заговорил:

– Прежде всего, я должен выразить глубочайшую признательность вам, как директору Базы, за разрешение провести этот эксперимент и, естественно, крайне благодарен Вячеславу, придумавшему взять нас с собой. Одно дело – изучать результаты, полученные без твоего участия, и совсем другое – ощутить самому то, что не подвластно стороннему наблюдателю. Все эти изменения, происходящие в организме, и эмоции, связанные с ними.

– Да? – заинтересованно произнес Штейнберг, внутренне насторожившись. – И какие же?

– Полная раскрепощенность, свежесть какая-то, – прислушиваясь к собственным ощущениям, негромко сказал Терехов. – Как бы объяснить попроще? Вот вы берете мятный леденец и кладете его на язык. И сразу же во рту ощущаете приятный такой холодок, сквознячок такой бодрящий. Примерно то же самое, только во всем организме... Видимо,

происходят какие-то изменения, может быть, обновление определенных структур. Теперь, я полагаю, наши исследования станут более осмысленными...

«Вот, значит, как, – думал Штейнберг, внимательно разглядывая сидящих перед ним астронавтов и стараясь не терять нить разговора, – похоже, я не ошибся в своих наблюдениях. Не только Кобыш, все они изменились. И причина тому – либо воздействие неизвестных факторов во время прыжка, либо Сфера. Они сами еще могут не знать об этом. Хотя Дмитрию я уже намекнул. Зря, наверное. Надо бы попытаться максимально использовать эту информацию, пока она известна только мне. Приоритет много значит. А у меня солидная фора – ведь все испытатели передо мной как на ладони. И их результаты тоже. Вот, например, эти четверо. Ну сущие дети... Все их мысли и эмоции можно читать, как открытую книгу. Вячеслав озадачен, искоса посматривает на доктора, видимо, не ожидал от него подобных откровений. Тараоки внешне совершенно спокойна, но мелкие детали выдают напряжение. Скорее всего, анализирует ситуацию. Интересно, к каким выводам она придет? Физик погружен в себя. Похоже, его больше интересуют собственные теоретические построения, чем то, о чем говорит Терехов. А сам биолог, всё больше увлекаясь, вслух озвучивает первые впечатления. Как правило, самые верные...»

Штейнберг спохватился, потому что утерял-таки нить тереховских рассуждений. Досадуя на себя, он попытался связать услышанное ранее с последними фразами, но понял, что опоздал.

– Собственно, у меня все, – ссутулившись и зажав ладони между коленей, сказал доктор. – По самым предварительным прикидкам, первая серия контрольных проверок займет месяца три, не меньше.

– Что ж, – шеф Базы соорудил из ладоней домик, – изложите ваши соображения в рапорте, а потом постарайтесь представить мне максимально подробный план исследований. Результаты могут быть чрезвычайно интересными, – он позволил себе улыбнуться. – Рад, что не ошибся и прислушался к вашему мнению, Вячеслав. Сегодняшний полет действительно оказался наиболее информативным. Смею надеяться, что это еще не всё.

– Благодарю за доверие, – Ли склонил голову, потом выпрямился и скрестил ноги. – Вы правы – самое интересное впереди. Наиболее революционное сообщение вы услышите из уст доктора Бородина, – он повернулся к физика и приглашающе повел рукой.

Представитель точных наук шумно прочистил горло и завозился, устраиваясь поудобнее. Штейнберг с большим интересом следил за его эволюциями.

– С вашего разрешения, – сказал Бородин, – начну с мысли, посетившей меня у границ Солнечной системы. Сама по себе она тривиальна и лежит на поверхности, но надо столкнуться с определенными условиями и обстоятельствами для того, чтобы попытаться примерить ее, так сказать, на себя. Вся сложность положения заключается в том, что проверить ее практически сейчас невозможно. Но рассчитать теоретически...

Бородин рассеянно пошевелил в воздухе пальцами, как бы прикидывая последовательность изложения основных постулатов, а потом на одном дыхании пересказал суть своих умозаключений.

В течение этого короткого доклада на лице Штейнберга последовательно менялись выражения: от слегка озадаченного до безмерно удивленного с некой примесью досады и испуга. «Ай да шеф! – опешил внимательно наблюдавший за начальством Ли. – Первый раз вижу такую потерю контроля. Похоже, его здорово проняло».

Когда Бородин завершил очередной период и умолк, Штейнберг после недолгого колебания осторожно спросил:

– Скажите, Андрей, что конкретно натолкнуло вас на такие выводы? Если не ошибаюсь, все это пребывает за гранью сегодняшних научных представлений?

– Собственные ощущения, – буркнул Бородин. – Если бы кабинетным ученым, фактически являющимся законодателями теоретической астрофизики, выпала возможность самим поучаствовать в эксперименте, подобном нашему, думаю, они во многом изменили бы свою точку зрения.

– Но, насколько мне известно, наше Солнце – довольно заурядная звезда, желтый карлик, не способный... как это... – директор в затруднении пошевелил пальцами, – вот... свернуть пространство вокруг себя...

– Да, – сказал физик, – конечно... Если рассматривать ситуацию с позиций сложившихся представлений. Вот только мы никогда ранее не сталкивались с космическими явлениями, похожими на нашу Сферу. Да и не могли столкнуться, сидя на Земле. А что происходит, когда в поле зрения науки появляется вдруг нечто, совершенно непредставимое раньше? Могу подсказать: либо происходит попытка втиснуть это нечто в рамки уже известного путем подгонки всевозможных критериев, либо нечто объявляется ошибкой экспериментатора или попросту сходу отвергается, либо, что предпочтительнее, меняются представления о мироустройстве. Все наши астрофизические теории родились на кончике пера, исходя из наблюдений, производимых с поверхности родной планеты. С точки зрения внутреннего наблюдателя. А если взглянуть извне? Какой мы увидим Солнечную систему из внешнего мира? Или не увидим вообще? Если хотите, приведу ставший общим местом пример: могут ли обитатели двумерного мира, живущие в плоскости, воспринять перпендикуляр к этой плоскости? Вряд ли. Они просто не смогут его вообразить. Точка на плоскости – вот предел их наблюдений. В нашем случае примерно то же самое. Мы кое-что знаем о физических законах пространства, в котором живем, но нам ничего не известно о том, что происходит после свертывания пространства в сферу Шварцшильда. До сих пор мы рассуждали об этом как внешние наблюдатели. Все эти межпространственные туннели и переходы в другие Вселенные – чисто теоретические конструкции, никак не подкрепленные экспериментально. Вполне вероятно, что мы выдаем желаемое за действительное. В конце концов, если внутри коллапса возможна разумная жизнь, то его обитатели будут кое-что знать о физических законах своего мира, но ничего о внешнем. Ситуация, так сказать, вывернутая наизнанку и поданная с точки зрения внутреннего наблюдателя. Как вам? Ничем не хуже любой другой гипотезы. Тем более, что подтвердить или опровергнуть ее пока нечем. А?

– Вы меня окончательно запутали, – Штейнберг безнадежно махнул рукой. – Я не успеваю за ходом вашей мысли. Давайте все упростим. Насколько правдоподобно ваше предположение?

– А оно вообще неправдоподобно, потому что противоречит всем существующим на сегодняшний день знаниям. И здравому смыслу тоже.

– Ох, уж этот здравый смысл! Порой он уводит нас все дальше от истины, не так ли? Да и как разобраться, что есть истина? Например, в нашем случае?

Бородин пожал плечами.

«Интересно, – смятенно подумал Штейнберг, глядя на четверку астронавтов, – понимают ли они всё значение сделанного ими случайного открытия? Скорее всего, нет. Они поймут, но позже. Где уж им. Они же большие дети, занятые наукой. Им невдомек, что происходит в головах у политиков. А я это знаю очень хорошо. Как только сообщение о том, что наша территория ограничена пределами Солнечной системы, и звездная экспансия не состоится, дойдет до их иезуитских мозгов, начнется подковерная битва за раздел сфер влияния. И, скорее всего, не только подковерная. С таким средством доставки, как ПП, становится доступной любая планета. Все равно, что порог перешагнуть. С минимумом затрат. Сразу же начнется освоение новых территорий, невозможное без столкновения различных интересов. Самые сильные захватят лакомые куски. Это, несомненно, будут представленные здесь Америка с Россией, и, наверное, что-то достанется и Европейскому Союзу. Потом подтянутся ближайшие соперники – Китай, Япония и, может быть, Индия. У них уже есть космические амбиции и необходимый для этого потенциал. Они распределят между собой пригодные для обитания миры Солнечной системы. А что будет дальше? Звездные войны в пределах Сферы за перераспределение космических колоний? Дальше-то распространяться некуда... – Штейнберг внутренне поежился. – Эк меня занесло. Все это будет потом, а сейчас главное – не ошибиться и принять правильное решение».

– Ну, так, – подытожил шеф Базы, – разбираться – это не наша с вами прерогатива. Предоставим это Комитету. А от вас сейчас требуется только одно – быстро составить рапорт. Сколько для этого нужно времени? По самому минимуму?

Ли искоса оглядел товарищей и произнес:

– Я думаю, в час уложимся. Андрей набросает физическую составляющую, Вася – биологическую, Вивьен сформулирует полетные характеристики, а я сведу все воедино и оформлю окончательный вариант отчета.

– С Богом, – Штейнберг встал, давая понять, что время пошло. – Вас, Вячеслав, я жду ровно через час, остальные, выполнив поставленную задачу, могут быть свободны.

3

Когда последний экипаж ПП в полном молчании добрался до кабинета руководителя полетов, Ли лаконично предложил всем размещаться поудобнее. Терехов тут же уселся на откидной диванчик, нажал клавишу вывода компьютера, и перед ним из пола с негромким жужжанием сервомоторов немедленно вырос элегантный столик с плоским вертикальным монитором и удобной клавиатурой. Биолог с хрустом размял пальцы и тут же приступил к работе. Тучный Бородин по привычке шумно устраивался на соседнем месте. Тараоки же, почти приблизившись к облюбованному ей сиденью у противоположной стены, вдруг в раздумье остановилась, повернулась к физику и с самым невинным видом спросила:

– Андрей, а при чем тут красное смещение?

Ли поперхнулся и замер, упершись костяшками обоих кулаков в поверхность своего стола, а Бородин, сложив руки на животе, невозмутимо прогудел:

– Это же элементарно, Ватсон! Когда образуется сфера Шварцшильда, для внешнего мира звезда практически мгновенно перестает существовать. Вместо нее образуется черная дыра, потому что на поверхности сферы сила тяготения достигает бесконечно большого значения, и никакой луч света, более того, никакой сигнал вообще вовне прорваться не может. А внутри коллапса все вещество продолжает сжиматься и проваливаться внутрь со все возрастающим темпом. На сколько растягивается этот процесс для внутреннего наблюдателя, я лично сказать не берусь. Может быть, он длится бесконечно долго. И если мы с вами находимся внутри, то внешняя Вселенная относительно нас будет расширяться. Вот вам и разбегание галактик, и красное смещение. Я доступно объяснил?

– Более или менее. И как же мы можем существовать в таких немыслимых условиях?

– Это вопрос среды обитания, – вмешался отвлекшийся от своих дел Терехов. – Вы не можете жить, например, на дне Марианской впадины, и, тем не менее, ее населяют живые существа, – он помолчал и вдруг спросил: – А вы знаете, что бывает с глубоководными рыбами, поднятыми на поверхность?

– А что с ними бывает? – настороженно спросила Тараоки.

– Их разрывает внутренним давлением. Существа, привыкшие жить в условиях колоссальных, с нашей точки зрения, нагрузок, не могут существовать там, где этих нагрузок нет.

– Вы это к чему?

– А к тому, милая Вивьен, что прежде чем штурмовать Сферу, необходимо, как минимум, знать, сможем ли мы существовать во внешнем мире. Если, конечно, верна теория уважаемого Андрея Ильича.

Высказавшись, биолог недоуменно пожал плечами, словно удивляясь пришедшей ему в голову мысли, и вновь принялся за отчет. Бородин же возвел очи гореги неспешно продолжил:

– Коллега Терехов абсолютно прав. Нам очень мало известно о мире, лежащем за пределами нашей досягаемости. Настолько мало, что мы можем делать совершенно неправильные, а зачастую противоположные истине выводы, как в том анекдоте про экспериментирующих с мухой недотёп...

– Расскажите, – потребовала Вивьен.
– Да вы что, ребята, – возмутился Ли. – Какие анекдоты! У нас всего час на составление отчета.

– Успеем, – отмахнулся Бородин и продолжил. – Так вот. Сидят двое за столом. По столу ползает муха с оборванными, чтобы не взлетела, крыльями. Один отрывает мухе лапу и говорит: «Муха, ползи!» Муха ползет. «Запиши в журнал, – говорит он второму, – муха ползет». Так они добираются до шестой лапы. После удаления последней лапы и привычной уже фразы «Муха, ползи» муха остается лежать на месте. «Запиши в журнал, – говорит первый второму, – после того, как мухе оторвали шестую лапу, она оглохла».

– Какой□то садистский анекдот, – фыркнула Вивьен, – и к тому же глупый.

– И тем не менее, он наглядно иллюстрирует то, что мы не всегда адекватно определяем причины и суть видимых нами явлений. Я это всё к чему? А к тому, друзья мои, что Вася натолкнул меня на еще одну, довольно тривиальную мысль. Вообще□то Вселенная может быть и N□мерной, где N, опять же, может быть любым числом. Каким – остается только догадываться. А внутри сферы, в условиях гравитационной могилы, это N выродилось в число 3, которым мы и привыкли оперировать и считать, что всё Мироздание трехмерно. А это может быть глубоко неверно...

– Всё! – Слава не выдержал. – Хватит! Давайте, наконец, займемся отчетом. И напишем в нем только то, что уже прозвучало в кабинете у шефа. Более углубленным теоретизированием займемся позже и выводы пока попридержим. До лучших времен. У меня есть очень сильное предчувствие, что наши мысли очень могут пригодиться нам самим. Обсуждать это заявление не будем, просто примем к сведению. А пока давайте закончим порученное нам задание. Осталось сорок пять минут...

И в кабинете руководителя полетов наступила тишина.

* * *

Кобыш повернул голову и негромко спросил:

– Как ты думаешь, Брюс, они уже прилетели? Может, посмотришь, где они?

Тернер молча кивнул и замер, словно прислушиваясь к чему□то внутри себя. После довольно длительной паузы, как показалось Кобышу, физически ощутимой и вязкой, он произнес:

– Они только что вернулись к Базе. Штурм был неудачным. Но, кажется, они завезли с собой какие□то новые мысли.

– Кажется или привезли?

– Привезли, – более уверенно сказал Тернер.

Кобыш задумчиво почесал кончик носа, искоса посмотрел на своего второго пилота и, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла, решительно проговорил:

– Пора трубить сбор.

После этих слов он примостился у стола и, пощелкивая клавишами селекторной связи, оповестил всех испытателей о предстоящем мероприятии. Он назначил встречу ровно через десять минут в кают□компании Базы. Тернер поспешно натянул джинсы и принялся зашнуровывать кроссовки. Кобыш встал, застегнул верхнюю пуговицу рубашки, ободряюще подмигнул напарнику, дескать, посмотрим, кто на что горазд, и, открыв дверь, шагнул в коридор. Брюс молча последовал за ним.

Они дошли до лифтовой площадки, но, переглянувшись, лифт вызывать не стали, а направились к аварийному трапу. Им надо было подняться всего на один уровень, и для этого совершенно незачем гонять механизм. Да и размяться иногда тоже полезно. Короче, пока они добирались до кают□компании, все остальные уже подтянулись и расселись на облюбованные места.

Хромов полулежал в кресле, вытянув длинные ноги и расслабленно положив руки на подлокотники. Клеменс занимал место рядом с ним, упираясь подбородком в мягкую спинку

стоящего перед ним стула. Женя Седых и Раф Дорин, одетые в одинаковые спортивные костюмы и примостившиеся в дальнем от двери углу, что-то довольно оживленно обсуждали, судя по долетавшим оттуда обрывкам предложений:

- ...под таким градусом... если без хохм... я тебя уверяю... можно позволить...
- ...полная чушь... кому это надо?..
- ...если смотреть от Солнца...
- ...да ерунда же...

Кобыш подошел к столу, за которым недавно председательствовал Слава Ли, и, прищурившись, оглядел испытателей:

– Господа офицеры! – Глаза всех присутствующих обратились к нему. – Прошу подсаживаться поближе... Разговор будет приватным.

Произошло множественное, почти бесшумное движение, и как-то очень быстро все вдруг оказались сгруппированными вокруг Дмитрия. Он коротко усмехнулся, видимо, что-то отметив для себя, и вновь заговорил:

- Я пригласил вас...
- ...чтобы сообщить пренеприятное известие, – немедленно подхватил Седых.

Кобыш недовольно глянул на него и продолжил:

– Да, ревизор едет, и это уже ни для кого не секрет. База оповещена и находится в режиме недоуменного ожидания. Можно только догадываться о цели визита, хотя мы с вами, как никто другой, способны просчитать поставленные инспекторам задачи. Я правильно понимаю?

Ответом ему было настороженное молчание.

– Значит, правильно, – Кобыш снова усмехнулся. – Мы с Брюсом уже обсудили свои новые умения в узком семейном кругу, и, чтобы никто больше не испытывал иллюзий по поводу неведения остальных членов нашей небольшой группы, начну с себя. Пока излагаю свою версию, каждый может прикинуть, с чего начать ему. Заранее предупреждаю, я не верю в то, что среди нас есть неизменившиеся. Поэтому даю вам небольшую фору.

И Кобыш вкратце рассказал о своих приключениях, не забыв присовокупить более поздние комментарии и рассуждения. Когда он закончил, тему продолжил Тернер, немедленно поддерживавший своего напарника и, кроме сбивчивого повествования о собственных обстоятельствах, предложивший не стесняться и облегчить душу перед товарищами. Закончил он свое выступление словами:

– Мы с вами – одна команда. Поэтому, что бы ни думали о нас остальные, между нами секретов быть не должно. Я вам больше скажу. Мы теперь меченые, и мы это знаем. И кому, как не нам, карты в руки, чтобы определить, что с этим делать дальше.

Брюс побарабанил по столу пальцами и склонил голову к правому плечу. Повисла неловкая пауза. Собравшиеся в кают-компании испытатели посматривали друг на друга, стараясь определить, кто же будет следующим, и что именно он скажет. Наконец Раф Дорин, до этого пристально рассматривавший Кобыша, негромко спросил:

– Может, по чашечке кофе?

– Хорошо бы... – буркнул сидевший рядом Клеменс и замер с полуоткрытым ртом, глядя на появившуюся перед ним тончайшего фарфора чашку на пять глотков, стоявшую точно в центре не менее изящного полупрозрачного блюда с лежащей на нем серебряной ложечкой. Над поверхностью черной жидкости поднимался легкий дымок, и помещение немедленно наполнилось изысканным ароматом настоящей арабики. Пока пилоты приглядывались к растерявшемуся Клеменсу и его реакции, чашки возникли перед каждым из них, и на столешнице, внезапно превратившейся из прямоугольной в круглую, образовался полный кофейный сервиз на шесть персон с кофейником, сахарницей и сливочником посередине. Мало того, стол покрывала теперь белоснежная льняная скатерть.

– Изрядно, – только и смог сказать Хромов, до этого момента никак не проявлявший себя. – Тысяча вторая ночь...

Кобыш потрогал свисающие концы скатерти, прикоснулся к блюду, словно проверяя,

не мираж ли это, и с интересом произнес:

– Значит, вот так еще?

– Да, – скромно подтвердил Раф и отхлебнул из чашки. – Прошу вас, господа. Уверяю, качество гарантировано.

– Насколько это сложно? – поинтересовался Тернер.

– Не сложнее, чем выпить, – Дорин сделал еще один глоток. – Всячески рекомендую.

Кофе действительно оказался превосходным. В лучших традициях самых изысканных арабских заведений подобного рода. Астронавты микроскопическими дозами поглощали его и прислушивались к собственным ощущениям.

– Да, – выразил, наконец, общее мнение Клеменс, – замечательно получилось. И как это можно сделать?

Выяснилось, что надо просто захотеть. И очень конкретно себе представить. Раф, например, пришел к этому выводу еще в карантинном отсеке. Как-то после ужина, состоявшего, по обыкновению, из очень диетического, тщательно подобранного рациона, ему страстно, просто до изнеможения и сведения челюстей, захотелось большого зеленого яблока. Такого, знаете ли, глянцевого и пахнущего призывной свежестью. И оно таки тут же появилось. Прямо перед носом. На груди. В проеме расстегнутой молнии спортивной куртки. Он, после вкушения пресных карантинных яств, валялся на койке и примеривался слегка вздремнуть. Сон как ветром сдуло, и Дорин с азартом неопита начал экспериментировать. Пока его напарник Седых мирно посапывал на соседнем ложе, Раф сотворял все новые и новые предметы, от спичечного коробка до миниатюрного, но мощного ноутбука «Toshiba», который и вызвал наибольшие сомнения, но, тем не менее, оказался самым что ни на есть настоящим и исправно работающим. Потом ему в голову пришла ужасающая по своей обыденности мысль, и Раф остановился. Что теперь делать с этим ворохом полезных предметов, занявших добрую половину изножья его койки? Что сказать Жене, когда он проснется? Как объяснить появление посторонних вещей персоналу карантинного отсека? Словом, его мучили те же мысли, что посетили в свое время и Кобыша. Он попытался представить себе, что ничего уже нет. Проклятые продукты его творения даже не сдвинулись с места. Он закрыл глаза и мысленно отправил их в небытие. Все осталось по-прежнему. Тогда он расстроился окончательно и в порыве отчаяния единым движением смахнул всю кучу с койки в случайно представленный за миг до этого пластиковый мешок для мусора. До раскрытого мешка она не долетела. Исчезла вслед за движением руки. Равно как и сам мешок. Немного успокоившись и поразмыслив, Раф пришел к выводу, что кроме сильного желания нужна еще и вполне осязаемая эмоция. Еще он понял, что необходимо оттачивать вновь приобретенное умение. Единственное, что его беспокоило – так это камеры наблюдения, ведущие непрерывную запись состояния обитателей карантинного отсека. Тут что-то надо было предпринять. До утра по бортовому времени он так и не нашел решения. А потом, так же, как и Кобыш, убедился, что никто ничего не заметил. Дорин удивился этому обстоятельству, но объяснить не смог. Он его просто запомнил. А следующей условной ночью продолжил свои экзерсисы. Получилось гораздо лучше и проще... И вот теперь всё выходит легко и совершенно естественно, так же как свободное дыхание для здорового человека... Единственное, что его удивляет, как это Женя Седых ухитрился всё на свете проспать и ни разу не заметить его активных ночных упражнений.

– А с чего ты взял, что я проспал? – нейтральным голосом спросил Седых, взъерошив свои соломенные волосы. – Это ты, Раф, ничего не заметил. А я всё видел. Я, знаешь ли, подглядывал и анализировал. И, по мере возможности, корректировал поступающую на мониторы наблюдения информацию, – в его широко поставленных, чуть раскосых глазах мелькнуло нечто неуловимое, а на добродушном лице обозначилась сочувственная улыбка. – Это тебе маленькое «фи» за твою скрытность. С напарником положено делиться впечатлениями. Нет?

– Ты знал?! – Дорин потрясенно поставил пустую чашку мимо блюда. – И ничего не сказал!

– Так же, как и ты, – парировал Женя, взяв кофейник и наливая себе еще кофе. – А напиток действительно хорош, хотя я предпочитаю чай на травах.

– Интересно, – подал голос Кобыш, – а сейчас кто-нибудь контролирует видеокамеры? Здесь их тоже хватает.

– Натурально, мессир, – тихо сказал Седых. – Наблюдатели увидят только то, что мы захотим им показать. Не так ли, Брюс?

Тернер, не отвлекаясь от питья кофе, кивнул, мол, какие могут быть сомнения, а Кобыш вдруг ощутил на своей голове нечто, плотно охватившее ее и довольно тяжелое. Он рефлекторно вскинул руку и быстро сбросил возникший ниоткуда предмет, перехватив его на лету. Предмет оказался отливающей тусклым золотом короной, усыпанной к тому же крупными драгоценными камнями.

– Что это? – недовольно спросил он.

– Это корона, мессир, – кротко ответил Дорин, – положенная Вам по рангу. Как главе круглого стола.

– Б-балаган! – с чувством произнес Кобыш. – Как дети малые.

Ответом ему было радостное ржание. Напряжение наконец-то отпустило испытателей.

Глядя на них, полковник тоже невольно улыбнулся. «Какого черта, – подумал он, – ведь я не способен на них сердиться. А сейчас тем более. Они впервые такие после полетов. Прежние. До этого их угнетал груз обреченности на отличие от всех остальных людей, которые попросту могли не принять их, отторгнуть от себя. Каждый был с этим наедине, каждый боялся признаться даже своему напарнику. Как мы с Брюсом. Ведь только абсолютный эгоист, не ограниченный рамками морали, может упиваться собственными сверхвозможностями, дающими ему безграничную власть над обыкновенными людьми. А здесь таких нет. По определению. Они же военные летчики. И каждый из них знает, что такое прикрывать спину ведущего, и какая ответственность лежит на нем за ведомого. Они были и теми, и другими. Поэтому слово „взаимопонимание“ для них не пустой звук. Можно себе представить, как им было мучительно скрывать всё от своих товарищей. Теперь эта ноша сброшена, и пришло ощущение необычайной свободы, новых открывшихся им возможностей. Они теперь сообщество. А это уже совсем другое. Можно вместе принимать решения, можно делить ответственность за принимаемые решения на всех. Можно жить, не скрываясь, хотя бы внутри их маленького коллектива. И это само по себе уже здорово. Впрочем, я отвлекся».

Кобыш постучал ложечкой по чашке, призывая к вниманию:

– У нас не так много времени, парни, поэтому давайте продолжим разговор по существу. Но сначала хотелось бы убедиться в надежности защиты. Кто-нибудь может посмотреть в контрольном центре?

– А мы все посмотрим, – сказал Седых. – Я вам покажу.

И интерьер кают-компании мгновенно сменился интерьером аппаратного отсека Базы.

Левая стена представляла собой сплошной гигантский экран, разбитый на отдельные окна, каждое из которых воспроизводило картинку своего сектора наблюдения. Перед экраном за стойкой пульта скучал, развалившись в кресле, молоденький оператор. Они застали его в момент, когда он, едва сдерживая зевоту, увеличивал изображение в одном из окон. То, что растущей оказалась именно картинка кают-компании, никого особенно не удивило. Они уже начали привыкать к чудесам. Позабавило другое. Экран демонстрировал стандартный разбор полетов. Суровый Кобыш прохаживался вдоль первого ряда стульев, нудным голосом излагая сложившуюся на текущий момент обстановку. Остальные с напряженным интересом внимали. Вся атмосфера этого собрания вызывала неудержимое желание уснуть. Кто-то из испытателей не выдержал и фыркнул, и вся компания вновь оказалась за покрытым белоснежной скатертью столом.

– Да-а-а, – Тернер покачал головой и завистливо посмотрел на Седых, – тут ты через меня плюнул, Женя. Я так не умею. Просто полный эффект присутствия. Ну, давай, теперь по всему – твоя очередь. Исповедуйся.

– Зато ты умеешь видеть и чувствовать весь объем, а я только избранный фрагмент. Так что кто кого ловчее – большой вопрос!

– Принимается, – Брюс благосклонно кивнул.

– Даже не знаю, с чего начать, – задумчиво сказал русский капитан. – Наверное, с кошмара, который мне снился, когда Раф занимался материализацией. Или мне казалось, что снился. Я падал в черный, бездонный колодец. Мрак всё сгущался, лишь то, что проносилось мимо и казалось стенками, изредка просверкивало серым. Наконец, меня окружила беспросветная, физически плотная тьма, и я стал задыхаться. Ощущение было настолько реальным, что я попросту испугался. Казалось, я обречен здесь на вечное слепое заточение. И тогда родилось такое свирепое желание вырваться оттуда, попасть хоть куда-нибудь, где можно ну хоть что-то увидеть, что я собрал все силы и крикнул. На выдохе. Как положено в кумитэ. И вспомнил, что всё есть майя. В общем, иллюзия. Я опять сконцентрировался и представил себе самое простое – койку, на которой лежу. И в следующий момент понял, что так оно и есть – я в отсеке и на койке, а где-то рядом возится Раф. Вот только тогда я успокоился и, не открывая глаз, постарался понять, что же это со мной было. На сон непохоже. Тогда что? И очень захотелось поделиться этим с кем-нибудь, а также посмотреть, чем там Раф шебуршит... Ну, я и увидел. Не открывая глаз. Понимаете, какая получилась штука: глаза закрыты, а я всё вижу. Меня это настолько позабавило, что я забыл про остальное и стал наблюдать за напарником. А он был настолько увлечен, что всё окружающее ему было до лампочки. Извлекал из воздуха один предмет за другим. Радовался, как ребенок. Я посмотрел-посмотрел на его эксперименты, и стало мне как-то скучновато. Ей-богу, глупо наблюдать за другими, когда у самого только что образовались некие странные способности. Правда, первая мысль моя была – а почему, собственно, у него проявилось одно, а у меня – другое? Ведь условия полета на нас влияли одинаково. А в том, что наши новые возможности – это результат экспедиции к Сфере, я уже не сомневался. Так вот, я прокручивал эту мысль и так, и этак, но ничего путного не надумал. Кроме того, что мы с ним – разные люди, выросшие в разных условиях. Потом я спохватился и представил себе, какая кутерьма начнется завтра, когда контролеры-биологи обнаружат в записях ночные рафовы опыты. И засадят нас с ним надолго в какую-нибудь камеру, смахивающую на колодец, из которого я только что выбрался. Во славу науки и для выявления наших уникальных способностей. С целью дальнейшего прогресса и осчастливливания всего человечества. Тошно мне стало и хмуро, ни в какую не хотелось быть образцом для homo novus. А ведь нас мог засечь и сейчас любой не в меру ретивый оператор. Тогда я решил для себя во что бы то ни стало посмотреть, что происходит в контрольном центре. Поднапрягся и увидел. Как будто сам там оказался. Сидит себе молодой парнишка у пульта и почитывает журнальчик, чтобы совсем не уснуть. До боли знакомая картина. Сам когда-то так дежурил. Ну, пока он за чтением убивал время, я нашел наше окно и убедился, что, да, все в нем видно, как на ладони. И что с этим делать? Дай, думаю, проверю, насколько простираются мои таланты. И представил себе совсем другой сюжет. До неприличия натуральный. Мы с Рафом всю ночь безмятежно дрыхнем, и нет нам никакого дела до мировых проблем. Так оно и получилось. Иллюстрация удалась на славу, комар носа не подточит. А затем я распространил это мгновение на все восемь часов записи нашего предполагаемого сна. Так вот.

– Что же ты мне утром ничего не сказал? – обиженно спросил Дорин.

– А ты? – прищурился на него Седых. – Сам-то? Я для тебя почивал без задних ног, а ты вовсю развлекался. Мог бы наутро и поведать мне, темному, на что способен рядовой испытатель.

– Да, – Раф сконфуженно почесал кончик носа, – нехорошо получилось.

– Все мы проявили себя не лучшим образом, – сказал Кобыш. – Каждый комплексовал в одиночку. Что уж теперь! У тебя все, Женья?

– Да как сказать, – Седых смущенно замялся. – Был еще один эпизод. Это уже после карантина. Раф ушел в спортзал, а я решил немного попрактиковаться. Проверить на всякий

случай, всё ли по-прежнему со мной. Ну, сижу, значит, прикидываю, с чего бы начать. Решил для затравки коридор «посмотреть». А тут как раз появляется из-за поворота боевой товарищ Хромов...

– Ага, – облегченно произнес до сих пор не принимавший участия в разговоре майор, – так это твоих рук дело! А я-то думал, у меня от нервов глюки.

– Тихо! – веско произнес Кобыш. – Прения потом. Продолжай, Женья.

– Ну, я и решил ему «картинку» показать. Дождался, когда он дошел до своей каюты и дверь открыл. Тут я и включился. Гляжу, выскакивает обратно, глаза круглые, башкой крутит и ничего понять не может. Вроде его дверь, а за дверью-то... – Седых непроизвольно хохотнул. – В общем, показал я ему мужской, вполне земной туалет. Небольшой такой. Все в кафеле, как положено, кабинка там, рукомойник, сушилка, писсуар. Над писсуаром здоровенный такой мужик трудится. Струя что у слона. Как только дверь открылась, он голову повернул и этак раздраженно рывкнул: «Занято!» Натурально получилось...

– Да уж, – подтвердил Хромов, – натуральней некуда. Можете себе представить. Вхожу в свою каморку, а попадаю в ватерклозет. Поначалу решил, что в задумчивости дверью ошибся. Отрабатываю реверс, смотрю – нет, моя каюта. Какого черта! Только потом дошло, что на Базе таких сортиров нет, да и мужика этого в первый раз вижу. Снова вхожу – каюта как каюта, все на месте. Ну, думаю, только этого мне не хватало...

– Звуковая картинка? – восхитился Тернер. – Да ты гигант!

За столом оживились, но Кобыш пресек веселье в зародыше.

– Я надеюсь, – хмуро сказал он, – ты больше ни на ком такие опыты не ставил?

– Ей-богу, командир, единственный случай в истории...

– ...болезни, – подсказал кто-то.

Кобыш не выдержал и тоже улыбнулся, но сразу постарался принять серьезный вид:

– Парни, давайте-ка сначала выясним все наши обстоятельства. Праздновать будем потом. Если будем... У нас остались Клеменс и Хромов. Вот и послушаем, что они скажут.

– И скажем, – подтвердил Хромов. – Что мы, хуже других?

Он подмигнул Клеменсу, степенно откашлялся и приступил к изложению.

Как сразу же выяснилось, у последней пары был полный консенсус. Хотя, надо признать, получилось это совершенно случайно. И тоже во время пребывания в карантине. Точнее, все началось на второй условный день, после того, как Джеку приснился приятный во всех отношениях сон. А снился ему родной дом в Колорадо-Спрингс, зеленая лужайка во внутреннем дворике, мама, сидящая в шезлонге у парапета бассейна, отец в проеме поднятых ворот гаража. С отцом у него с детства сложились самые теплые отношения. Старший Клеменс был для сына всем – и другом, и советчиком, и учителем, и примером для подражания. Когда Джек решил стать летчиком, отец поддержал его без колебаний, в отличие от мамы, которая мечтала видеть своего мальчика адвокатом, а обо всем остальном и слышать не хотела. Сон же перенес его во времена отрочества, когда ни о чем подобном еще и речи не шло. Понятное дело, что проснулся Джек в томительном состоянии духа, немного полежал, стараясь как можно дольше удержать это ощущение, потом пошлепал в душевую кабинку чистить зубы. Мысли об отце не покидали его. «Здорово было бы его сейчас увидеть», – расслабленно думал Клеменс, выдавливая из тюбика зубную пасту и поднося щетку ко рту. Он его и увидел. В зеркале. Вместо себя. Несколько секунд он потрясенно всматривался в знакомые до мелочей черты, потом медленно поднял левую руку и ощупал лицо. Ощущения были его, а вот внешний вид...

Таким его и обнаружил Хромов, заглянувший в душевую кабинку через приоткрытую дверь. Увидеть в карантинном отсеке незнакомого полуголого мужчину – событие из ряда вон! И майор застыл в ступоре, лихорадочно перебирая варианты. Но незнакомец уже заметил его и стал неторопливо поворачиваться. Лицо его как бы затуманилось и потекло, да не только лицо, но и все тело. И в следующее мгновение он оказался Джеком Клеменсом, привычным уже напарником и соседом по каюте.

– Ряд волшебных изменений милого лица, – растерянно пробормотал Виктор. – Что это

было?

– Хотел бы я знать, – в тон ему ответил Джек и задумчиво потер лоб.

Так они впервые узнали о необычных способностях Клеменса. С трудом дождавшись вечера, а на это были свои резоны, потому что ночью режим наблюдения за карантинниками упрощался до предела – всего лишь запись на видео, они уединились в слепой зоне и затеяли ряд экспериментов. Сначала метаморфозы удавались Джеку с некоторым напряжением сил, но потом дело пошло. Они перебрали всех общих знакомых, и Клеменс поочередно перевоплощался то в самого Хромова, то в Тернера, то в Кобыша. Особый прикол был, когда Джек превратился в Вивьен Тараоки. «Очень необычные ощущения, – сказал он, – никогда не думал, что смогу стать женщиной». Наконец они уgomонились, по ходу дела прикинув, что может являться причиной проявившихся способностей, и что, собственно, теперь с этим делать, и залегли в койки, пожелав друг другу спокойной ночи. Но Хромов уснул не сразу, он лежал и размышлял. «Хорошо Джеку, – думал он, – его на Земле ждет семья, в которой ему уютно и благолепно. А меня, в общем-то, не ждет никто. Отец с матерью выполнили свой родительский долг, выкормили и вырастили меня, но особой близости между нами никогда не было. Как-то так не получилось. Да и не интересовались они, по большому счету, моими обстоятельствами. Они были всегда заняты своими, взрослыми, проблемами. Нет, спрашивали, конечно, как дела в школе, с кем я дружу, чем занимаюсь в свободное время. Как будто трудно было хоть немного в этом поучаствовать. Они даже не заметили, как я вырос. И мое заявление о том, что я уезжаю из родного города и поступаю в летное училище, они встретили как-то отстраненно. „Ты уже взрослый, сам и решай“, – сказал отец, не отрываясь от утренней газеты...»

В офицерской общаге, где он делил комнату с коллегой-одногодком, жизнь была скучна и размеренна. А также вполне предсказуема. На буднях – полеты, тренировки, служба; в выходные – однообразная развлекаловка: телевизор, холостяцкие междусобойчики, изредка – девочки. Ему было неинтересно. Да и близких друзей у него как-то не случилось. Зато у него было увлечение. Появилось оно совершенно случайно. Увидел по «ящику» один из фильмов документального сериала «Планеты и звезды». Пусть это и были в основном компьютерные реконструкции, но зрелище его заворожало. И он буквально заболел космосом, как когда-то в детстве, начитавшись фантастики. Несколько месяцев урезал свое скромное офицерское жалование, чтобы купить подержанный ноутбук. Потом поднабрал учебных и специализированных программ и с головой погрузился в изучение Вселенной. Собственно, это и привело его в отряд испытателей. Право на пребывание в нем он вырвал зубами в суровой конкурентной борьбе.

И вот сейчас он лежал и думал о том, что действительность опять оказалась проще и грубее, чем его представление о ней. Хотя, пожалуй, только здесь, среди единомышленников, он впервые почти приблизился к понятию «семья». Мысли цеплялись одна за другую и выстраивались в длинные-длинные цепочки. «Вот Джек захотел увидеть своего отца и увидел. А чего хочу я? Чего *по-настоящему* хочу я? Все ставшие действительно близкими люди находятся здесь, на Базе. На Землю меня пока не тянет. Хотя, конечно, хотелось бы посидеть на зеленом берегу. Летом. Где-нибудь в лесной глуши. И чтобы ветерок был, и солнце не очень жарило... Но это не самое сильное желание. А какое сильное? Может, как в детстве? Когда прочитал, например, „Аэлиту“... Кто не читал „Аэлиту“ в детстве. Кто не мечтал побывать на Марсе. На *таком* Марсе, как у Толстого... Или у Брэдли...»

Он представил себе зеркальную гладь каналов, высокое темное небо с двумя серпиками, замысловатые строения вдали... И в груди защемило. Детское воспоминание навалилось непреодолимой глыбой, смяло его и, вместе с тем, неуловимым образом распахнуло душу...

Хромов оказался на Марсе. Он стоял почти голый, в одних трусах, ощущая босыми ступнями мерзлую шершавую поверхность песка. Где-то в уголке сознания билась истерическая мысль о том, что всё, брат, хана тебе. Он сразу понял, что попал туда, куда

хотел. Сомнений не было. Добился своего, придурок. Дышать здесь нечем, холод зверский – и минуты не продержишься. Но минута прошла, а он был всё еще жив. Более того, он совершенно не ощущал лютого мороза, да и дышалось довольно легко. Хотя как сказать. Похоже, он не дышал вообще. Тогда он несколько отмяк и огляделся. Естественно, ни романтических аборигенов Брэдбери, ни красавицы-марсианки, взывающей: «Где ты, сын неба?» он не обнаружил. До самого горизонта, насколько хватало обзора, простиралась унылая, всхолмленная равнина с разбросанными по ней кое-где ущербными кучками искрошенных каменистых обломков. И мертвая, давящая на разум тишина. Вот тогда он почувствовал леденящее душу, немыслимое одиночество. Один на застывшей неживой планете. Совсем один. Так недолго и с катушек слететь. Ну, конечно, ползают где-то тут американские исследовательские автоматы. Но ему-то что до них? Хотел посмотреть Марс? Посмотрел. Исследователь хренов. Сбылась мечта идиота...

Но первый шок уже прошел, и спасительная мысль всплыла в самое время. Раз он смог оказаться здесь, то точно так же он сможет и вернуться на Базу. Он отчетливо представил себе дрыхнувшего на боку Джека, а рядом свою пустую койку с полусползшим на пол одеялом, тепло и уют родного карантинного отсека. Хочу туда, подумал он, невероятно хочу. И очутился на еще не остывшем ложе.

Наутро он первым делом рассказал Джеку о своем ночном вояже. Клеменс моментально возбудился. «Слушай, – сказал он, – это же потрясающе! Без „папки“, без скафандра, без всяких технических наворотов. Один на один со стихией. Ну, парень, ты даешь! Ты же пионер телепортации и феномен гомеостаза! Как ты думаешь, научиться этому можно?» «Наверное, можно, – осторожно ответил Хромов. – Ты же как-то научился метаморфозам. А у меня получилось другое. Может, попробуем друг друга натаскать?..»

Ничего, конечно, из этой затеи не вышло, хотя старались вовсю. Потом Клеменс предложил Виктору больше пока не рисковать, а при удобном случае поделиться соображениями с другими испытателями. «Может, сообщая что-нибудь и придумаем. Наверняка остальные тоже не без способностей». На том и порешили.

Хромов закончил рассказ в полной тишине. Некоторое время никто не шевелился, видимо, каждый из пилотов наедине с собой пытался осмыслить всё, выясненное в кают-компании. Наконец Кобыш решил подвести итоги.

– Мы все тут слышали и увидели много интересного, такого, что не вписывается в рамки обычных человеческих представлений. Поделились друг с другом впечатлениями, избавились от ноши, которую каждый тащил в одиночку. Пришли к выводу, что наши новые умения проявились в результате полетов к Сфере. Но вот *что* явилось решающим фактором для пробуждения этих умений – Сфера или прокол пространства – неизвестно. Вообще вопросов стало больше, чем ответов. Почему телепортироваться можем только мы с Хромовым? А считать и преобразовывать информацию – только Тернер и Седых? А Дорин и Клеменс так и вовсе непарные, один – телекинетик, другой – спец по метаморфозам. Почему именно так? Ведь условия полета были у всех одинаковы.

– Не совсем, – поправил его Дорин. – Маршруты были разными.

– И что с того? – поморщился Кобыш. – Ты, Раф, летал с Седых. У вас что, реализовались одинаковые способности?

– Может, какое-то значение имеет внутренний настрой человека? – задумчиво сказал Клеменс. – Или его увлечения, предпочтения? Хобби, наконец. У Хромова хобби – астрономия, космос, он и попал прямиком на Марс. Я – несостоявшийся биохимик, отсюда и проявленная возможность метаморфоза.

– Да, это предположение первым приходит в голову. – Кобыш потер лоб. – Но я бы сформулировал несколько иначе. Как бы это лучше объяснить... – Он пошевелил пальцами. – Главное – в первом подспудном желании, которое пришлось на момент реализации новой функции. Хотя, с другой стороны, почему именно оно оказалось первым? Может, оно всегда было основным? И сидело где-то глубоко в подсознании, и мы его всячески задвигали поглубже, зная, что его исполнение невозможно? Мне, например, очень

часто хотелось оказаться где-то совсем в другом месте и в другое время. Что в результате и произошло. Хромов бредил космосом, мечтал о других мирах, но все получилось несколько не так, как он себе представлял. Тогда он взял свое тайное желание и привел его в соответствие с действительностью. Дорину, наверное, всегда не хватало элементарного комфорта в быту, Тернер с детства привык менять компьютерную виртуальность по своему желанию, а Седых – приверженец восточных философий, и определение «Всё есть майя» сомнений у него не вызывает. А одну иллюзию можно попытаться заменить на другую. Где-то так...

– Мне нравится это «где-то», – фыркнул Женя. – «Вы где-то свинья!» А где именно?

Тернер и Клеменс вздрогнули и настороженно посмотрели на него.

– Идиома, – буркнул Дорин. – Советую сильно не напрягаться.

– А откуда это известно тебе? – с сомнением спросил Джек. – В Израиле тоже так говорят?

– Мои родители – эмигранты из России. Так что русский для меня – второй язык.

– Вот как? – Тернер приподнял бровь. – А я-то думаю, как это ловко у вас с Женей получилось разыграть командира! Будто заранее договорились. Ну, с короной-то... Он начал, а ты сразу прихватил. Сами задумали или предсказал кто?

– Подсказал. Русский писатель Михаил Булгаков, гений милостью божией.

– А-а-а... – Брюс с уважением посмотрел на Дорина. – А я вот читал мало, все не получалось как-то.

– Не печалься, – сказал Раф. – Еще наверстаешь. Какие твои годы...

Кобыш, что-то вполголоса, голова к голове, обсуждавший с Хромовым, наконец, кивнул и повернулся к остальным:

– Джентльмены, позволю себе краткое резюме нашего совещания. В результате полетов у каждого из нас реализовались весьма своеобразные способности, не присущие подавляющему большинству людей. Я допускаю мысль, что у некоторых представителей рода человеческого такие возможности есть, и, более того, они задействованы и даже совершенствуются в меру сил и представлений об оных силах. Но это, так сказать, таланты, проявленные в процессе постепенной эволюции. У нас же другой случай. Наши способности возникли в результате воздействия пока неизвестного фактора. Толчком к их обнаружению каждым из нас послужили, по крайней мере, три причины. Первая – сильное желание, вторая – подсознательная область интересов и, наконец, третья – эмоция. Исключение – Тернер. В его случае я не усматриваю ни желания, ни эмоции.

– Погоди-ка, командир, – возмутился Брюс, – по поводу эмоции ты неправ. Мне было просто хорошо тогда. Приятная, как это... вот... – охренительная... истома, у меня всегда так бывает после хорошо заполненного дела. Да, пожалуй, и желание все-таки было. Правда, очень глубоко. Желание приразвлечься. А развлечение у меня одно – погонять компьютер в экстремальных режимах. Вот оно и случилось, просто в другом виде.

– Тогда всё укладывается в предложенную схему, – Кобыш скупно улыбнулся, – без исключений. Второй пункт резюме – существует ли возможность перенять друг у друга наши умения? Пусть каждый подумает на эту тему. Наверняка есть какие-то ходы, но мы о них пока ничего не знаем. А чтобы узнать, надо, парни, поднапрячь голову. Но только прошу вас – никаких из ряда вон выходящих экспериментов! Либо, если совсем уж неважно и захочется проверить свои предположения – только с гарантированной подстраховкой. А еще лучше будет, если тут же оповестите остальных. Жаль, что среди нас не появилось телепатов. Задача могла бы упроститься.

Третий пункт. Может быть, не все еще знают о том, что «папка» совершил еще один рейс, причем с полным экипажем. Пилотировала Вивьен, а экипаж состоял из Славы Ли, Василия Терехова и Андрея Бородина. Надеюсь, все знают, кто они. Так что, парни, у нас скоро появятся компаньоны. Если уже не появились. Советую над этим тоже поразмыслить. Сотрудничество обещает быть очень плодотворным, тем более, что все они большие специалисты в своих областях знаний. Мне кажется, с ними мы получим ответы на многие

вопросы, беспокоящие каждого из нас.

И, наконец, последнее. Когда придёт высокая инспекция и начнет задавать каверзные вопросы, следите за собой. Мы не должны предоставить им ни малейшего намека на то, что мы изменились. Вполне возможно, что они уже догадываются о происходящих здесь неординарных событиях, тем более, что информация о Сфере в Бернский центр была предоставлена. Мы выполняли обычные полеты. Не более того. Если же ситуация начнет выходить из-под нашего контроля, придется принимать адекватные меры. Какие именно, покажет будущий расклад. Все согласны с предложенным резюме?

Пилоты синхронно кивнули. Общую подспудную мысль выразил Клеменс:

– Все понятно, командир. Мы сейчас – лакомый кусок для спецслужб и всевозможных закулисных воротил. В лучшем случае нас упекут куда-нибудь в секретный институт для исследований с целью массового производства суперсолдат, в худшем – просто уничтожат для гарантированного сокрытия важной информации и серьезно возьмутся за это дело сами. Так что дураков среди нас нет.

– Я рад, что вы независимо пришли к такому выводу, – сказал Кобыш. – А теперь, парни, по местам. Переходим в режим ожидания, но размышлений о наших обстоятельствах не прекращаем. Всем быть на связи.

* * *

Ли щелкнул клавишей, и экранная анимация, подмигнув, показала, что отчет ушел к Штейнбергу. Слава с облегчением вздохнул и посмотрел на ученых. Терехов по-прежнему сосредоточенно возился с компьютером, а Бородин сидел, вытянув ноги и уставившись в пространство отсутствующим взглядом. Тогда Слава скосил глаза, чтобы увидеть, чем занимается Тараоки, и обомлел. Вивьен смотрела на Бородина, и лицо ее было белым, как свежесвыпавший снег, а зрачки и без того темных глаз медленно расширялись. В следующее мгновение она судорожно вздохнула и стала неуклюже заваливаться набок. Ли рванулся из-за стола, стараясь в едином стремительном движении дотянуться до Тараоки и не дать ей упасть на пол. Он почти успел и подхватил ее в тот самый момент, когда голова ее уже коснулась коврового покрытия. Следующим среагировал Терехов, довольно быстро выбравшийся из-за терминала и сделавший даже несколько семенящих шагов в направлении Вивьен. И только Бородин продолжал неподвижно взирать в никуда, но через несколько ударов сердца он тоже вернулся в реальность и растерянно приподнялся, опираясь на подлокотники кресла.

– Что с ней?! – оторопело спросил Ли у приблизившегося биолога. Тот нагнулся, взял женщину за кисть и, нахмурившись, начал определять пульс. Наконец он выпрямился и неуверенно произнес:

– Очень похоже на шок. Только непонятно от чего.

– Помоги-ка, Вася, – пробормотал Ли, и вдвоем они осторожно уложили Вивьен рядом с диванчиком, после чего руководитель полетов метнулся к холодильнику и, открыв дверцу, буквально вырвал из гнезда литровую пластиковую бутылку с родниковой водой. В один миг оказавшись рядом с распростертым на полу телом, он сорвал колпачок, набрал в рот воды и прыснул в лицо Тараоки. Потерявшая сознание женщина застонала и неуверенно шевельнулась...

Рушились и создавались миры. Колоссальной мощи взрывы раздирали гигантские звезды и рождали океаны немыслимых энергий, уничтожавших все вещество в пределах досягаемости. Сжимались в невидимые точки гигантские области пространства, перетекая в другие невообразимые измерения. Расслаивалась, вырождалась и преобразовывалась в нечто совершенно запредельное межгалактическая материя. Атомы вырастали до размеров Вселенной и принимали конфигурации, смысл которых разум уже не мог воспринимать, отчаянно цепляясь за остатки приобретенных на протяжении жизни знаний, тонувших во всем этом многообразии. Пересекались, переливаясь друг в друга, бесчисленные призрачные

структуры Мироздания, пронизываемые бесплотными нитями, связывающими всё и вся. И множество живых, источающих доброжелательность душ (именно душ, или сутей, или как их еще можно определить – в человеческом сознании не существовало подобных понятий) следило за этими процессами, вмешивалось в них, принимало активное участие в актах всеобщего творения и посылало ощутимые совсем уж на грани восприятия импульсы куда-то в бесконечность и вместе с тем вовнутрь себя, общаясь с тем, что было везде и всегда. А это самое «везде и всегда» бесстрастно принимало информацию, перетасовывало ее в соответствии с какими-то своими представлениями и вносило соответствующие коррективы в ткань Мироздания. Никакие слова и образы не годились для описания внезапно затопившей разум лавины ощущений.

Это было как шокирующий удар наотмашь по незащищенному и неподготовленному человеческому сознанию, и мозг Вивьен мгновенно закуклился и сорвался в спасительное небытие.

* * *

Изнуряющий процесс поднимания налитых свинцом век, казалось, растянулся на целую вечность. Потом в узкой щели поля зрения появились две смутные, склонившиеся над ней фигуры. Постепенно, по мере возвращения чувствительности, фигуры начали обретать объем и четкость, и Вивьен узнала растерянно и пристально ее рассматривающих Терехова и Ли. Взгляд ее, наконец, окончательно сфокусировался, и она увидела приближающегося, уходящего головой в невиданные выси Бородин. Зрачки опять стали расширяться, и она еле слышно прошептала, пытаясь поднять руку и указать на физика пальцем:

– Это он... Он разговаривал с Богом...

С трудом расслышавший последние слова Слава недоуменно взглянул на Бородин и, повернувшись к Терехову, спросил:

– Что она сказала?

– Она сказала, что Андрей разговаривал с Богом, – нахмурившись, сообщил биолог.

Бородин грузно присел на корточки, потом встал на колени и, наклонившись к Вивьен, успокоительно прогудел:

– Всё хорошо, девочка, и всё будет хорошо. Богу сейчас не до нас, он решает другие проблемы. У него они свои, а у нас пока совершенно иные. И давай-ка не будем нервничать, а во всем спокойно разберемся. Возьми мою руку и постарайся встать.

Физик протянул огромную лапищу, в которую Тараоки робко вложила свои хрупкие, сразу же утонувшие в ней пальчики, и осторожно потянул ее на себя, другой рукой обхватывая женщину за талию.

– Вот так, – приговаривал он, – вот и славненько. Сейчас мы присядем на диванчик и немного придем в себя. Посторонитесь-ка, ребята, не видите, что ли, – даме нужно больше простора и кислорода... Вот так... Удобно ли тебе, девочка?

– Можно подумать, – слабо улыбнулась Вивьен, – что это вы психолог, а не я.

– Всем нам изредка приходится быть психологами, – тихо ответил Бородин и тут же обратился к Ли. – Слава, ну, сколько можно стоять, вытарщив глаза! Подай-ка леди минералки!

Ли как ветром сдуло. Он моментально оказался у холодильника, вытащил из него запотевшую бутылку «Нарзана», схватил со стола стакан и рысью вернулся обратно, не забыв по пути добавить мощности кондиционеру. Как по волшебству, наполненный шипящей жидкостью стакан оказался в руке у Тараоки. Один Терехов не принимал участия в начавшихся передвижениях. Он так и застыл на прежнем месте, отсутствующим взглядом скользя по участникам мизансцены и, видимо, делая какие-то свои выводы.

– Спасибо, Слава! – сказала совсем уже оттаявшая Вивьен. – Эх, мужчины! Всегда бы вы были так предупредительны.

– Ну, не всегда же при нас женщины падают в обморок, – галантно поклонившись,

молвил Бородин, – а то бы у нас была возможность поупражняться.

– Типун тебе на язык! – проворчал Ли. – По мне, так лучше б этого не было вовсе.

– Чего? – изумилась Вивьен. – Предупредительности?

– Обмороков, – смутился Слава, – всего лишь обмороков! А вообще□то, – он тут же взял себя в руки, – теперь, когда всё уже позади, хотелось бы услышать из первых, так сказать, уст, чем именно вызвана ваша столь удручающая реакция, сударыня?

И тут Тараоки опять привела окруживших ее мужчин в замешательство. Им очень отчетливо показалось, что она изучающе посмотрела одновременно на всех сразу. Взгляд был проникающим и вызывал ощущение некоего дискомфорта.

– Вот что, – медленно проговорила Вивьен, – может, не будем делать вид, что мы остались прежними, и ничего особенного не случилось. Хотя бы перед собой. Мы претерпели трансформацию, и вам это хорошо известно. Вы, Слава, – она в упор глянула на Ли, – добились того, чего хотели. Теперь вы можете разговаривать с испытателями на равных и точно знаете, что прыжок к Сфере порождает новые качества сознания со всеми вытекающими последствиями.

Вы, Андрей, уже убедились в том, что выдвинутая вами теория коллапса Солнечной системы несостоятельна, рассмотрели несколько вариантов образования Сферы, но ни на одном не остановились. И слава Богу, потому что вы пока даже не подозреваете, на что способно ваше неуправляемое воображение.

Вы, Вася, уже выяснили наверняка, что прогрессивное развитие нашего с вами нынешнего социума ведет в тупик. Эволюция человека разумного лежит совершенно в иной области. Ну, кто мне скажет, что я ошиблась?

Все трое молча смотрели на нее, видимо, прикидывая, с чего начать.

– Только, пожалуйста, по очереди, – предупредила Вивьен.

– Телепатия, а? – заинтересованно спросил Терехов. – Вы читаете наши мысли?

– Нет, – ответила Тараоки. – Это нельзя назвать телепатией в прямом смысле. Тут другое. Я могу стать любым из вас или сразу всеми вместе. Вернее, я могу думать, как вы. Если можно так сказать. Но это не слова и не понятия, а, скорее, образы и то, что стоит за ними. То есть, как бы это выразить... – она мучительно подыскивала подходящие по смыслу определения, – я ощущаю работу не только вашего сознания, но, одновременно, и подсознания тоже. Наверное, так будет почти правильно.

– Во□о□на как, – протянул Терехов и покосился на Ли с Бородиным. – И что же вы, милая барышня, ощутили такого, от чего, извините за грубость, просто отключились? Надо полагать, что сработал некий защитный механизм?

– Да. Думаю, что так. Заслон от перегрузки. Я увидела то, что представлял себе Андрей, но, вместе с тем, и то, что может произойти в будущем и, надо сказать, уже происходило в прошлом при физической реализации подобных представлений. С такими вещами надо обращаться крайне осторожно и бережно, потому что последствия могут быть ужасны.

– Ничего особенного я себе не представлял, – обиженно заметил Бородин, – я всего лишь рассматривал возможные модели структуры Вселенной вообще и нашей области пространства в частности. Что тут ужасного?

– В данном случае – ничего, потому что вы еще не достигли уровня творящего взаимодействия сознания с реальностью. Ваше подсознание, а правильнее будет сказать, надсознание, к счастью, не участвовало в процессе. Вернее, участвовало, но только как приемник информации, а не творческая функция. Вижу, вы меня прекрасно понимаете...

– Чего уж тут непонятного, – рассудительно произнес Бородин. – Вы просто озвучили наши мысли и расставили слова по порядку.

– Вот и чудесно. Я рада, что мы пришли к общему знаменателю. Было бы неплохо, если бы все□таки высказался каждый. Для закрепления, говоря языком учебников, пройденного.

– Да, – проговорил Терехов. – Для закрепления. И для осознания. Вы правильно определили, Вивьен. Я действительно думал о путях развития человечества в свете, так

сказать, вновь открывшихся обстоятельств. Мы зашли в тупик. Предпочтительные направления прогресса определяют власть имущие. Предпочтительные для них, а не для всего социума в целом. И прогресс в большинстве случаев имеет губительные последствия, потому что служит стяжанию неких материальных ценностей и благ, а не совершенствованию духа и сознания каждого человека. Взять хотя бы убийственное воздействие рекламы и низкопробных развлекательных программ на неокрепшие умы. Пир животных инстинктов! Может быть, вы не знаете, но пошел уже третий десяток лет, как на Земле пытается проявиться новый вид – так называемые «дети индиго», дети, обладающие распахнутым навстречу новому сознанием и предназначенные для будущего. А мы их насильно опускаем до нашего уровня, тем самым калеча их мировосприятие, потому что нет у нас приемлемой для них системы воспитания и не предусмотрено соответствующих моральных ориентиров, кроме тех, которые навязываются, опять же, сверху. Это печально. Но сегодня нам наглядно продемонстрирован другой путь. Путь, выводящий из тупика и не имеющий обозримых пределов. Наша задача – постараться подтолкнуть к нему если уж и не всё человечество, то хотя бы лучшую его часть. Примерно так.

Тараоки одобрительно кивнула, а Ли, беззвучно похлопав в ладоши, вежливо сказал:

– Ты нам определил, Вася, прямо□таки моисееву стезю. Сколько же лет понадобится для этого? Тоже сорок? С такими начинаниями нас прихлопнут гораздо раньше. Опять же, судя по твоей речи, потому что дело воспитания подрастающего поколения всегда находилось под пристальным оком государства, и оно направляло его своей мозолистой рукой. Но это – дело будущего, пусть и близкого, а сейчас меня интересуют способности наших испытателей. Что скажете, Вивьен?

– Не хитрите, Слава, – Тараоки погрозила ему пальцем. – Вы могли бы сами рассказать нам о них, потому что и так уже догадались о многом, хотя, может быть, и не обо всем. Впрочем, я могу озвучить эту тему. Не столько для вас, сколько для наших коллег. Как и всякая другая женщина, я люблю находиться в центре внимания, поэтому извольте, – и она, отсекая подробности, конспективно изложила результаты только что состоявшегося в кают□компании совещания, а потом перешла к выводам. – У испытателей другой уровень работы с физической реальностью, они на ступень ниже нас с вами. А все потому, что когда□то затормозились в развитии, отдав предпочтение своим авантюрным наклонностям. Чтобы совершенствоваться дальше, сознание человека должно непрерывно трудиться, расходуя огромное количество психической энергии и тем самым постоянно повышая планку. Вот, например, мы затратили этой самой энергии гораздо больше, чем они, в частности – на собственное обучение. Поэтому, в конечном итоге, и оказались на ступеньку выше, хотя грань, их разделяющая, довольно эфемерна с точки зрения Разума более высоких порядков. Мы уже в состоянии оперировать абстрактными понятиями, правда, это чисто человеческое представление, на самом же деле не такие они и абстрактные, скорее наоборот, вполне конкретные действия со вполне конкретными материями. Они тоже поднимутся на нашу ступень, но им нужна будет помощь, и я им помогу. Что же до нас четверых, то здесь еще проще – каждый может проделывать все те штуки, которыми забавлялись пилоты, причем легко и непринужденно, но до сих пор ни у кого даже не возникло подобного желания. Мы были заняты более серьезными мыслями, да и времени прошло – всего ничего.

– Мальчишки, – добродушно пробасил Бородин. – Хотя я их очень хорошо понимаю.

– И как же вы собираетесь им помочь? – заинтересовался Терехов.

Черты Вивьен неуволимо исказились и снова стали прежними. Как будто легкая рябь пробежала по зеркальной поверхности воды.

– Я не могу выразить это словами, – мягко сказала она. – Я просто знаю, что могу это сделать. Я получила такую способность, которая, грубо говоря, называется – замыкать круг. Я – Замыкающая Круг. Это легче показать, чем объяснить. Представьте, что вы водите хоровод, соедините руки, – она встала и шагнула к мужчинам, – а я возьму за руки крайних.

Всё закончилось, не успев начаться, в тот краткий миг, вместивший в себя прошлое, настоящее и будущее четверых человек, когда они ощутили прикосновение к своим ладоням

ладоней друзей, и снова неуловимая рябь передернула теперь уже все пространство кабинета.

«Путь начат», – мысленно произнесла Вивьен и почувствовала тройное ментальное прикосновение, отчетливо теплое и располагающее. – То же самое мне надо совершить с пилотами».

«Не сейчас», – отозвался Ли. – Еще не сейчас. Пусть они немного подрастут».

4

Четырехзвездный генерал Фредерик Хоуп еще раз перечитал несколько скрепленных степлером листочков и теперь уже гарантированно пришел в серьезное замешательство. Было от чего. То, что лежало перед ним, по сути, являлось недельным дайджестом рапортов, ежедневно поступающих из бернского Центра проекта ПП. Исключение составлял последний, сегодняшний, отчет. Он был приведен без сокращений, и из него следовало, что пересечь границу Солнечной системы не удалось ввиду появления на пути ПП-1 непреодолимой преграды, условно названной «Сферой». Все попытки превозмочь неожиданное препятствие окончились провалом. Наблюдатель в Берне настоятельно рекомендовал немедленно доложить обстановку Президенту и срочно принять меры для выяснения мельчайших подробностей испытательных полетов. Манера изложения явственно говорила о том, что наблюдатель нервничал. Причем нервничал сильно. Это состояние передалось и генералу, и хотя за пятьдесят лет безупречной службы он научился никоим образом не выдавать своих эмоций, тем не менее, его правая рука жила сейчас отдельной жизнью – «Паркер» выписывал на полях отчета неровные восклицательные и вопросительные знаки. Наконец, предварительная стадия ознакомления с бумагами завершилась, информация кое-как улеглась в положенные ей ячейки генеральской памяти, а сам он, слегка помедлив, надавил на клавишу селектора.

– Слушаю, сэр, – послышался голос полковника Редфорда.

– Насколько я помню, Кевин, – сказал Хоуп, – все наши наблюдатели в НАСА и в бернском Центре, а также аналитическое подразделение нашего Комитета подчиняются непосредственно вам?

– Да, сэр.

– В таком случае жду вас с подробностями через пять минут.

Хоуп снова пробежал глазами последний листок. В свои шестьдесят девять лет, несмотря на глубоко въевшуюся привычку беспрекословно подчиняться приказам вышестоящего начальства, он сохранил способность абсолютно логично мыслить и связывать едва заметные причины и следствия явлений, казалось бы, не имеющих никакого отношения к основному предмету его интереса. За это его и ценили в Вашингтоне. Вот и сейчас, слегка пригладив кончиком мизинца седую бровь, он подумал: «Неужели самые худшие и многолетние мои подозрения оправдались? Блокирована не только и не столько Земля, но вся Солнечная система. Значит, развязка уже близко? Или нам просто отсекли дорогу к звездам? Если они способны на такое, тогда мы со своими ПП им все еще не соперники...»

Дверь мягко открылась, и в кабинет бесшумно скользнул Кевин Редфорд.

– Прошу вас, полковник, – Хоуп кивнул на ближайшее из располагавшихся вокруг обширного стола кресло и, подождав, пока его подчиненный завершит необходимые действия, двумя пальцами приподнял релиз и напряженно спросил. – Что вы обо всем этом думаете?

– Мне кажется, то же, что и вы, сэр, – осторожно ответил Редфорд, глянув на бумаги – Я слишком хорошо знаком с материалами «Голубой книги».

– Тогда докладывайте, – жестко сказал генерал. – Четко, сжато, концептуально. С момента обнаружения неизвестной преграды время работает против нас.

Полковник уложился в двенадцать минут, обрисовав в мельчайших деталях всю

ситуацию, создавшуюся к настоящему моменту на Базе ПП, и подчеркнув при этом, что информация предоставлена сотрудником Комитета в Берне и может, мягко говоря, не совсем соответствовать действительности.

– В чем конкретно? – спросил Хоуп.

– Аналитики считают, сэр, – немедленно ответил Редфорд, – что необходимо обратить особое внимание на два обстоятельства. Первое – возврат ПП в точку старта. Это говорит о том, что на аппарат было оказано целенаправленное воздействие. Второе – поведение испытателей после полетов, которое можно отчетливо видеть на записи вчерашнего собрания научного персонала и сотрудников Базы. Поведение неадекватно всем более ранним наблюдениям. Следовательно, воздействие было оказано и на людей.

– Как вы это определили?

– Существует много способов, сэр. Смею вас заверить, что у нас в руках находится один из самых совершенных. Наши аналитики совместно с программистами и психологами, лучшими из тех, кого мы сумели найти и привлечь к нашей работе, создали некий информационный продукт для снятия с человека или его изображения наиболее полных психо-энерго-эмоциональных характеристик. «Слепок души», так сказать. Так вот, новые характеристики испытателей не соответствуют снятым с них ранее. Даже их глаза... Не надо быть специалистом-психологом, нашего с вами опыта вполне достаточно, чтобы, глядя в их глаза, можно было понять, что они знают гораздо больше того, что говорят...

– Пятая колонна, а?

– Этого нельзя исключать, сэр.

– Выводы?

– Лежат на поверхности, сэр. Мы имеем дело с неизвестной могущественной силой, перекрывшей границы Солнечной системы и меняющей психику астронавтов, вступавших с ней в контакт, по своему усмотрению. Учитывая то, что известно из многолетних исследований в рамках проекта «Голубая книга», можно сделать только одно более или менее достоверное предположение – «наблюдатели» перешли к активным действиям. Решающим фактором, подвигнувшим их на это, стало испытание ПП.

Генерал, насупившись, некоторое время обдумывал услышанное, а потом, вздернув седую бровь, раздраженно произнес:

– А не кажется ли вам, Кевин, что уровень техники неопознанных объектов из «Голубой книги» не соответствует возможностям нашего нынешнего анонима?

– Кажется, сэр. Но одно дело – околоземное пространство и совсем другое – открытый космос. Вблизи поверхности планет они могут использовать совсем другую технику, скажем, из боязни повредить будущие подконтрольные территории. Мы ведь тоже не летаем к Луне на мотоциклах. И вообще об их возможностях нам мало что известно.

– Да, пожалуй... Пока вынужден с вами согласиться... И какие же ответные действия предлагают наши многомудрые аналитики?

– Первое. Изолировать любую информацию о положении на Базе ПП, а также саму Базу и ее персонал. Второе. Немедленно отправить на орбиту компетентную контрольную группу с целью тщательного исследования всех обстоятельств, возможно, удастся выявить то, что могло ускользнуть от нашего внимания. Третье и, видимо, самое важное, потому что реализация этого пункта требует привлечения колоссальных сил. Речь идет о как можно более быстром развертывании крупносерийного производства ПП и использовании готовых аппаратов для доставки на планеты и спутники Солнечной системы людей и грузов. Необходимо рассредоточить силы, создать обширную сеть достаточно удаленных военных баз, тогда противнику будет труднее справиться с нами. Это азбука, сэр.

– Азбука, да... Ну, а если от нас только этого и ждут, чтобы спровоцировать конфликт и начать оккупацию?

– Маловероятно, сэр. Они могли много раз сделать это до появления ПП, что было бы, согласитесь, гораздо проще. Теперь же мы получили средство мгновенной доставки в любую точку пространства, и единственное, что они сделали, – перекрыли выходы из системы. Тут

что-то другое, сэр, и узнать, что у них на уме, мы можем только познакомившись с ними поближе, а знакомство лучше начинать, имея хотя бы приблизительный паритет. Не так ли?

– Да, бесспорно. – Хоуп опять насутился. – Вот что, Кевин, оставьте-ка все ваши материалы мне, чтобы можно было спокойно поразмыслить, а сами отправляйтесь и немедленно приступайте к формированию инспекционной группы. Через сутки группа должна быть готова к старту с мыса Канаверал, можете не сомневаться, Президента я смогу убедить в необходимости подобного шага... И вот еще что. Командование группой вы возьмете на себя, а в вашем тесном коллективе должно быть как минимум два пилота, обученных управлению ПП. Пока все. Можете идти.

– Да, сэр! – полковник скользящим движением руки отправил папку с материалами в путешествие по гладкой поверхности стола к Хоупу, а сам поднялся, машинально наклонил голову и, мягко вышагивая, направился к двери.

Генерал проводил его отеческим взглядом и раскрыл папку. Суточные отчеты, аналитические выводы, графики и схемы перемещений ПП внутри системы, карты пошагового сканирования психоматриц испытателей... Это интересно... Ну и термин придумали – «психоматрица»! С-с-специалисты! Разложили человека на составные части... Хотя для наших нужд это даже и полезно. А здесь что? План развертывания контрмер... так... ничего сверх того, что уже услышано. Странные парни служат в аналитическом отделе... времени им не хватило или просто не доработали?.. Что значит изолировать информацию? Образуется вакуум, который надо чем-то заполнить, иначе его заполняют другие. Например, так – межзвездные полеты пока придется отложить, потому что возможности ПП оказались ограниченными. Хороший пассаж. И нам есть куда отступить, и на русских отбрасывается легкая тень, дескать, не сумели парни до конца решить техническую задачу – шуму было много, а в результате гора родила мышь. Средний обыватель сразу почувствует себя увереннее. Далее так: но ученые Проекта продолжают свою кропотливую работу, и уже скоро орбитальная База превратится в первый космический порт, обслуживающий внутренние линии Солнечной системы. Звучит неплохо. Особенно для горячих голов. Все остальное они придумают сами, с их-то воображением... Есть тут, правда, одна угрожающая неприятность – оказанное на людей постороннее воздействие. Будет обидно, если Базу придется закрыть, в худшем случае – уничтожить. Надо бы узнать в Берне, как обстоят дела с дальнейшей разработкой ПП. Может быть, уже нет необходимости в орбитальных станциях, более того, уже возможен старт непосредственно с Земли? Надо обязательно поинтересоваться! Что-то еще... Да, конечно. Все-таки Редфорд не прав. При таком уровне технологий, когда возможна блокировка целой Солнечной системы, средства наблюдения тоже должны быть иными. Тут все-таки явная нестыковка – летающая посуда из «Голубой книги» и инкогнито, поставивший непреодолимый барьер в пространстве. Это гораздо страшнее, чем любые неопознанные объекты, страшнее, потому что непонятнее и неощутимее. Неуловимее? А кто пытался поймать? Или договориться?..

Даже в случаях с НЛО не с кем было договариваться и не о чем. Никаких агрессивных действий не предпринималось. С их стороны. С нашей – да, было. Пытались сбить. И сбивали пару раз, но ведь над своей территорией... И ничего. Всё сгорало к чертовой матери, или оставались довольно фрагментарные обломки непонятных конструкций и, в лучшем случае, странные тела, более всего похожие на муляжи. Нынешняя ситуация не имеет ничего общего с прошлыми. Некто предполагаемый, потому что никто его не видел, не слышал и не осязал, оставляет следы своего вмешательства в наше бытие – силовой барьер в пространстве и измененную психику людей, прикоснувшихся к этому барьеру. Зачем? Демонстрация силы? Так просто? Нет, не вяжется! Хотя определенные резоны тут есть. Нам ограничивают жизненное пространство и предположительно запускают в нашу среду агентов влияния. Тест на профпригодность и реакцию? Сумеет ли мы обнаружить этих самых агентов и что, собственно, мы будем делать дальше? Возможно, возможно... Примерно так и надо будет преподнести Президенту, чтобы получить карт-бланш на любые дальнейшие действия. А какие? Ну, во-первых, отправка группы из восьми человек, то есть полного экипажа, на Базу

с целью взятия сложившейся ситуации под наш полный контроль и проведения разведывательных действий на основе всей имеющейся в нашем распоряжении информации. А дальше – по обстоятельствам. В зависимости от того, что удастся обнаружить. Договариваться же с русскими о производстве ПП – прерогатива Президента. Он сумеет это сделать, если для такого шага будет достаточно оснований. И надо постараться, чтобы оснований было достаточно. Отступать уже некуда.

Фредерик Хоуп бережно закрыл папку, скользнул взглядом по настенным часам и потянулся к аппарату связи с Президентом.

Президент был молод, ему не стукнуло еще и сорока пяти. Когда двери Овального кабинета закрылись за спиной Хоупа, глава Соединенных Штатов шагнул ему навстречу, протягивая руку и обнажая в улыбке безукоризненные зубы. Он был похож на Джона Кеннеди в его лучшие годы. Несомненно, похож. Только звали его иначе – Чарльз С. Дуглас. Генерал помнил Кеннеди. Во времена Карибского кризиса, когда он только получил лейтенантские звезды, это лицо не сходило с телевизионных экранов. И потом тоже. Когда случилась трагедия, ввергшая страну в многодневный шок. Оказалось, что не так уж это и трудно – убить надежду Америки. Он хорошо усвоил урок и, наверное, отчасти из-за былой юношеской впечатлительности с возрастом стал одним из лучших специалистов по предотвращению кризисных ситуаций. Во всяком случае, так считали и в администрации Президента, и на Капитолийском холме, поэтому при создании Комитета по контролю за космическими исследованиями (как своими, так и чужими), подчиняющегося непосредственно главе Белого дома и обладающего почти неограниченными полномочиями, кандидатура Хоупа на должность шефа новорожденной организации была утверждена подавляющим большинством голосов. Были, конечно, и сомневавшиеся, считавшие, что крупный ученый с мировым именем смотрелся бы на этом месте гораздо привлекательнее. Но железная логика Президента, видевшего будущее несколько иначе и, как ныне выяснялось, более верно, не оставила камня на камне от доводов оппонентов. И вот теперь, как бы ни высокопарно это звучало, час пробил.

– Располагайтесь, генерал, – сказал Президент, приглашающе поведя рукой в сторону кресел, где уже сидели двое молодых людей. – Я надеюсь, все знакомы друг с другом, и никого представлять не надо.

Все трое, глядя друг на друга, утвердительно кивнули. Хоуп сразу узнал новоиспеченных экспертов администрации. Один из них, Уильям Мартин, был известным астрофизиком, специалистом в области межзвездной материи, второй, Говард Эш, – компьютерным гением, создателем совершенных моделирующих программ. Любопытно, подумал Хоуп, как в нашем случае Президент намерен их использовать? Как людей, способных разобраться в головоломной ситуации и найти единственный правильный ответ? Что ж, посмотрим...

Глава Белого дома стер с лица улыбку, прошел к своему креслу и занял место за столом. После этого он, прищурившись, посмотрел на генерала, и негромко произнес:

– Мы вас слушаем, Фредерик.

Хоуп отметил это «мы», мгновенно оценив расстановку сил в кабинете, еще раз мельком подумал о том, как все-таки чертовски похож нынешний Президент на своего легендарного предшественника из шестидесятых годов прошлого века, и приступил к изложению сути дела, обещавшего большую головную боль всем правительствам мира.

Когда он закончил, Чарльз С. Дуглас хмуро поглядывал на своих экспертов, а те, в свою очередь, не сводили глаз с генерала. Высокий, склонный к полноте Мартин смотрел изучающе, как бы прикидывая, что еще можно извлечь полезного из предоставленной Хоупом информации, а Эш настороженно поблескивал стеклами очков, небрежно сидящих на хищном орлином носу, видимо, старался представить себе будущее развитие событий.

– Вопросы? – наконец сказал Президент, ломая хрупкую тишину.

– Не понимаю! – взорвался астрофизик. – Почему все-таки все считают, что Сфера – это не естественное образование?

– Возврат ПП в точку старта, – напомнил Хоуп.

– И что?! – вновь вспыхнул Мартин. – Ни о чем это еще не говорит. Едва высунув нос в не такой уж дальний космос, мы столкнулись с явлением, превосходящим наши нынешние знания, и тут же поспешили объявить его происками пришельцев со звезд. Чушь! Я уж скорее готов согласиться с мнением моего русского коллеги Бородина, хотя далеко не всё мне в нем нравится. Во мнении, не в Бородине. А возврат в точку старта... Да, пока необъяснимо. Подчеркиваю – пока. Надо посчитать, поработать с моделями, может, и выявится какая-то закономерность. По большому счету мы еще и не приступали к практическому изучению законов Вселенной. Вот давайте и приступим. Только без ажиотажа.

– А что вы скажете об изменении психики людей? – Хоуп не сдавался.

– Я специально просматривал все материалы, касающиеся состояния пилотов до и после полетов в космос, – подал голос Эш. – И материалы НАСА, и русские источники. Они довольно единодушны во мнении, что даже ближний космос меняет психику людей. Что уж говорить о дальнем. Астронавт до старта и астронавт после выхода в пространство – это два разных человека. Так что, действительно, не перегибаем ли мы палку?

– Многолетние исследования в рамках проекта «Голубая книга» говорят о том, что земное человечество находится под наблюдением, – мрачно сказал генерал. – Надеюсь, против этих фактов вы не станете возражать.

– Да, – недовольно произнес Эш, – тут действительно много непонятного и не поддающегося строгому анализу. С этим как-то... – он пошевелил пальцами, не найдя нужного определения.

– Вот именно, – Хоуп строго посмотрел на него. – До сих пор правительства всех стран стараются скрыть подобную информацию. А дыма без огня не бывает. Не хотелось бы повторения июльских событий пятьдесят второго года. Прошлого века, разумеется.

– Неопознанные объекты над Белым домом и Капитолием? – уточнил Президент, выказывая приятную для генерала осведомленность. – Вы всерьез полагаете, что это может произойти вновь?

– По роду своей службы, сэр, – Хоуп перевел взгляд на Дугласа, – я всегда обязан предусматривать самый худший вариант.

– Тогда вы должны согласиться, что 11 сентября 2001 года народу Соединенных Штатов был причинен более тяжкий урон, чем тот, который смогли нанести все ваши вместе взятые тарелки за всё время своего существования. И это были всего лишь террористы, то есть обычные люди, которых профукала наша доблестная служба безопасности, если, конечно, в этом ужасном событии не было двойного дна...

– Прошу прощения, сэр, – генерал спокойно перенес пощечину Президента, – но все-таки попытайтесь меня понять. Если сентябрьский террористический удар стал трагедией для Америки, то следствием нынешних событий может стать оккупация всей Земли, а это будет уже *катастрофа*! И оправданий для нас с вами, знавших, но не сумевших или не захотевших сию катастрофу предотвратить, не будет никогда.

– Умеете бить в слабое место, Фредерик, – осуждающе сказал Чарльз С. Дуглас, – этого у вас не отнимешь. Ну, хорошо... Что, собственно, вы предлагаете?

– Основных предложений два, – быстро заговорил Хоуп, – отправка инспекционной группы на Базу ПП с целью получения стопроцентно достоверной информации и масштабное развертывание производства аппаратов ПП на Земле, имея в виду максимально ускоренное освоение пространства Солнечной системы.

– И только-то! – Президент, не скрывая иронии, усмехнулся. – Ну, а мне, надо полагать, вы отводите роль скромного посредника между вами и русскими?

– Лучше вас этого никто не сделает, сэр!

– Я в курсе. Тем более, что программа ПП приоритетна для России, ни с кем другим они и разговаривать не будут. А кого, генерал, вы намерены отправить на орбиту?

– Команду из восьми человек, сэр. В нее войдут два пилота ПП из нашего резерва,

четыре квалифицированных специалиста по нештатным ситуациям и психолог-эксперт, в совершенстве владеющий гипнозом. Возглавит ее полковник Редфорд.

– Да-а-а, – протянул Мартин, двумя пальцами оттягивая узел галстука вниз, – «Звездные войны», эпизод седьмой! «Комитет наносит ответный удар»! Ваши квалифицированные парни – из спецназа, да?

– Помолчи, Уильям, – оборвал его Дуглас, – ты еще успеешь сказать свое слово. Ради Бога, генерал, что это вы затеваете? Пожалуйста, поподробнее. И зачем вам еще два пилота? Ведь на Базе есть наши астронавты.

– Я должен убедиться в том, что они все еще наши, сэр! – И без того тонкие губы Хоупа превратились в едва заметную твердую складку. – Для того я и посылаю именно такую команду, чтобы исключить любые случайности. Параллельно с тестированием психоматриц испытателей должен состояться рейд ПП с моими людьми к Сфере. Они захватят с собой пару орбитальных ядерных ракет класса «космос – Земля» для проверки преграды на прочность...

– Тысяча извинений, мистер Президент! – вновь завелся астрофизик. – Такого рода эксперименты должны проводиться учеными, а не спецназом Комитета...

И снова Дуглас остановил Мартина, на этот раз резко хлопнув ладонью по столу и свирепо глянув в его сторону. Потом мальчишески подмигнул Эшу и обратился к Хоупу:

– Не отвлекайтесь на него, генерал, глава государства пока что я. А с этими господами я имел честь когда-то учиться в одном колледже, поэтому они питают, как, впрочем, любые гении, совершенно искренние иллюзии, что мы все еще на равных. Мне это пока не мешает, хотя в будущем они вынуждены будут снять розовые очки, единожды убедившись в том, что решения здесь принимаются не коллегиально. Но их мнение я буду учитывать всегда, потому что они – лучшие в своих областях знаний.

Итак, генерал, ваши мотивы и действия мне понятны. Я даю вам карт-бланш на эту операцию, но состав вашей группы будет другим.

Хоуп вопросительно вскинул брови, а Дуглас продолжил:

– Да-да, другим. Два пилота, пожалуй, останутся. И психолог тоже, пусть проводит необходимые исследования. Но вот что касается остальных... Вы можете использовать только одного «профессионала нештатных ситуаций», кандидатуру навязывать не буду, выберете сами. Далее. В группу войдут двое ученых – сумасшедший астрофизик и супераналитик самого широкого профиля, я думаю, он способен просчитать любой расклад, так что у вашего человека будет прекрасный партнер. Вы их видите перед собой, и они просто рвутся на Базу ПП. Как вам?

Генерал с сомнением посмотрел на кандидатов в команду. Мартин воинственно выпячивал грудь и был готов разбить вдребезги любые возражения, а Эш удовлетворенно улыбался, сняв с горбатого носа очки и протирая их замшевым лоскутом. Похоже, оба не испытывали никаких сомнений в своей будущей миссии.

Хоуп вздохнул:

– Это предложение, от которого я не могу отказаться?

– Вы правильно понимаете, Фредерик, – кивнул Президент, – но это не всё. Остается еще одна вакансия. И ее займет русский эксперт.

– Но...

– Никаких но. Условия нашего соглашения с русскими сформулированы достаточно твердо. Любые односторонние действия с нашей стороны должны происходить в присутствии их наблюдателя. Не забывайте, генерал, что ПП – их детище. Они снова добились приоритета в космосе и терять его не собираются, поэтому обставили все возможные случаи жесткими требованиями. Впрочем, это касается и самих русских, и европейцев. Мы не можем нарушать международных соглашений, чтобы не вызвать негативной реакции. Она будет разрушительна, потому что мир стал слишком тесен.

Кроме того, мы не знаем, насколько далеко продвинулись русские в совершенствовании технологий ПП, все работы на эту тему с некоторых пор скрыты

непроницаемой завесой секретности. Собственно, не мне вам объяснять.

Я всегда и во всем обязан исходить из интересов своей страны, именно поэтому вы и получили карт-бланш, а к нему – такую группу. Используйте весь ваш опыт, чтобы выяснить как можно больше. Проколов быть не должно. В случае неудачи всё будет списано на ваш счет. Кстати, кто он такой, ваш полковник Редфорд?

Хоуп посуровел лицом и сухо сказал:

– Он – координатор Комитета по проекту ПП и, кроме того, фанатик «Голубой книги». Никто лучше него не знает всех подробностей в исследованиях неопознанных объектов и моделей возможных контрдействий в случае обострения обстановки.

– Хорошо, – Президент на мгновение задумался. – Думаю, он сможет убедить русского участника группы в реальности угрозы, тем более, что в России существует своя служба наблюдения за НЛО и свои аналитики, которые могут прийти к похожим выводам. Параллельно задействуйте всех наших специалистов в Берне.

Я же, в свою очередь, займусь переговорами и постараюсь увлечь Ильина идеей ускоренного серийного производства ПП и развертывания земных баз по всей территории Солнечной системы. В конце концов, это и в его интересах. Полагаю, что Россия с Европой сейчас ломают голову над той же проблемой, поэтому тут важно быть первым. Всё! Можете идти. За работу, джентльмены, и да поможет вам Бог!

* * *

Александр Тимофеевич Ильин обвел присутствующих характерным прозрачным взглядом и вкрадчиво спросил:

– Ну, господа советники, и кто же из вас сможет мне объяснить, почему я узнаю последние новости от американского президента, а не от собственных служб, которых вы наплодили в великом множестве?

В зале заседаний воцарилась осторожная тишина. Все пять членов Малого президентского совета молча смотрели на главу государства, и каждый из них лихорадочно прикидывал, с чего начать. Вот ведь как, подумал Ильин, находишь их, выращиваешь, а они потом начинают играть в собственные игры. Или просто отнеслись к этому легкомысленно? Да нет, непохоже на них. Они же лучшие из лучших в своих областях. Эксперты высшего класса. И чутье у них – дай Бог каждому! Вот Солдат, например, просто должен был мгновенно насторожиться, да и Монах тоже. А Доктор сделать какие-то свои выводы. С Банкира и Фабриканта взятки гладки – они по другому ведомству, хотя и работают в одной команде много лет. Он их еще когда присмотрел и объединил! Да, много воды утекло... Так в чем же дело? Своя игра или рекламная пауза? Возьмут сейчас и выдадут необыкновенного эффекта вариант, до которого кроме них и додуматься-то было некому.

– Я слушаю, – напомнил Ильин.

– А в чем, собственно, дело? – осмотрительно спросил Банкир.

– А в том, дорогие мои, что полтора часа назад мне позвонил мистер Дуглас и предложил, не теряя драгоценного времени, приступить к глобальному производству ПП и экспансии в просторы Солнечной системы. В связи со странными результатами первых полетов. Он был абсолютно уверен, что я знаю, о чем идет речь, и просил побыстрее уведомить его о моем решении. А я собрал вас и жду объяснений.

– Извини, Тимофеич, – мягко сказал Солдат, – но мы получили полный отчет только утром и просто не успели сориентироваться. Что же до американцев, то, думаю, тут всё просто. Куратор проекта ПП у них – генерал Хоуп, человек умный и дальновидный, но с детства напуганный летающими тарелками. Это его состояние подогревает полковник Редфорд, его ближайший помощник и фанат «Голубой книги», есть у американцев такая программа исследований НЛО...

– А вы, стало быть, тарелок не боитесь? – прервал его Ильин.

– Не то чтобы нет, просто у нас несколько другой взгляд на вещи, – и Солдат пустился

в объяснения. Он знал, о чем говорил. Шестнадцать лет назад, когда Ильину, тогда еще майору ФСБ, поручили создать внутри Конторы экспертную многоцелевую команду «для выявления и отслеживания непредвиденных внешних факторов влияния на общество», первым, на кого он обратил свой пронизывающий взор, был капитан Медведев из четвертого отдела контрразведки. К моменту их знакомства на счету у Олега Медведева, отличавшегося редкой интуицией, уже числилось несколько блестяще проведенных операций, поэтому заполучить его в свою группу стоило Ильину немалых трудов и нервов. Кто же просто так, за здорово живешь, отдаст тебе перспективного и необычайно работоспособного сотрудника? Олег внимательно выслушал объяснения нового внезапного начальства и с иронией поинтересовался: «Я что же теперь должен стать солдатом науки?» Ильин утвердительно кивнул и с целью адаптации на непривычном поле деятельности отправил капитана в зону деревни Малёбка. «Поживешь среди уфологов, контактеров, экстрасенсов и прочей братии, которой там кишмя кишит, – сказал он, – проникнешься их духом, мыслями, самой атмосферой этого аномального места, может, для начала кой-какие идеи и появятся». Медведев убыл в командировку, а Ильин занес в свою базу данных первого рекрута под кодовым наименованием «Солдат». С тех пор так и приклеилось.

– ...априори считают виртуальных инопланетян агрессорами, а всю их наблюдаемую деятельность подготовкой к завоеванию Земли, – Медведев сделал паузу, и в глазах его мелькнуло неодобрительное выражение. – Тут есть, конечно, пища для подобных выводов. НЛО гарантированно появляются в местах крупных катастроф, военных учений, локальных конфликтов. Существуют косвенные данные, что их замечали даже во время Второй мировой войны, в местах проведения значительных войсковых операций, на Курской дуге, например. Возникает навязчивое ощущение, что их интересует защитный потенциал землян и реакция на те или иные действия, осложняющие их жизнь...

– Некоторые исследователи объясняют это тем, что инопланетяне поглощают, а потом трансформируют энергию негативных эмоций для своих чисто утилитарных целей, – вмешался Монах и усмехнулся. – Можно сказать – для питания. Но отсюда сам собой напрашивается вывод, что им не надо захватывать Землю, мы и сами передеремся друг с другом и предоставим гурманам из космоса столько продукта, что они и за тысячелетие его не переварят. Кстати, если вы заметили, из этого предположения рождается совсем другая мысль – противоположная предыдущей – чтобы земная популяция сама себя не похоронила в стремлении выяснить, кто самое и значительнее, нас тщательно опекают, предотвращая наиболее изощренные попытки самоубийства...

Ильин с интересом слушал сухощавого длинноволосого Монаха и вспоминал, как увидел его впервые. Олег вернулся из командировки задумчивый и какой-то взъерошенный. «Не понимаю, – сказал он, – как это до сих пор я даже не догадывался, что прямо у нас под носом существует совершенно иная жизнь. Станных людей я там повидал, странных и интересных. Их больше волнуют глобальные вопросы бытия, чем наши повседневные дразги. Их стремление к необычному и общение друг с другом в поисках истины перевешивают понятное желание жить получше, зарабатывать побольше и пореже сталкиваться с какими-либо проблемами. Их довольно много в России, и они достаточно хорошо знают друг друга. Можно сказать, разветвленная сеть. Кстати, с одним из них я могу вас познакомить. По образованию – психолог. Подвизается в какой-то компьютерной фирме. Вполне сгодится для нашей работы и живет неподалеку. Впрочем, судить вам». Получив благосклонное согласие, Медведев тихо удалился и на следующий же день представил Ильину высокого длинноволосого парня с располагающим широкоскулым лицом, веселыми карими глазами и свободной манерой поведения. «Аристарх Батюшкин, – представился парень, зыркнув в сторону Олега заискрившимся глазом, – бывший оптимист, ныне – философ. Чем вызван интерес ФСБ к моей скромной персоне?» В общем, произвел он на Ильина самое благоприятное впечатление острым умом, парадоксальными выводами и абсолютно точными, хотя и не лежащими на поверхности, ответами на задаваемые вопросы. И Ильин, используя хитрый арсенал профессиональных методов, склонил парня к работе в

своей группе. Что уговаривать придется, он выяснил, предварительно ознакомившись с досье солдата-протеза. Аристарх Васильевич Батюшкин происходил из семьи деревенского священника, обосновавшегося где-то в сибирской глуши. Едва отрок окончил среднюю школу, отец отправил его учиться во владимирскую семинарию, полагая, видимо, что сын пойдет по его стопам. Аристарх послушно принял отцовский наказ и четыре года провел среди будущих служителей культа, немало преуспев в науках и далеко обогнав сверстников в знаниях, но что-то ему в конце концов не понравилось или не сложилось что-то, и он покинул стены семинарии, не дожидаясь рукоположения в сан, тем самым преступив волю отца и проявив первые признаки строптивости. Добравшись до Санкт-Петербурга, подал документы в Университет на психологический факультет, каковой и окончил с отличием пять лет спустя. Тема его диплома выпадала из общего русла и называлась «Нетрадиционные методы влияния на сознание человека». Его пытались оставить в аспирантуре, но Батюшкин опять всех удивил и предпочел заслуженной кафедре мелкую совместную организацию по импорту китайского ширпотреба. Через полгода работы в этой конторе и весьма плотного общения с контрагентами Аристарх убыл в Китай. Далее в досье следовал досадный пробел. Чем он занимался за границей и где именно был шесть лет, никто толком не знал. Говорили, что все эти годы он провел в монастыре Шаолинь и стал воином-монахом. Говорили, что всё вышесказанное – полная ерунда и всё совсем наоборот: он пешком прошел по Китаю и направился в Тибет, где учился у лам тайнам восточной философии и высшим ступеням йоги. Говорили, что его видели в Индии в обществе Саи Бабы. Короче, достоверным оставался только сам факт того, что шесть лет он жил на Востоке, а вот место и род его занятий оставались под покровом глубочайшей тайны. Сам он никому ничего не рассказывал, но в разговорах потрясал собеседников необычайными знаниями и нетривиальными суждениями. По прибытии на родину обосновался в Москве, поступив на службу в небольшую компьютерную фирму менеджером по персоналу, где и проработал без малого полтора года. Вот такого сотрудника и заполучил себе Ильин, немедленно окрестив его Монахом и задав под занавес только один вопрос – почему он согласился? «А интересно», – ответил Батюшкин.

– ...и совсем не обязательно рассматривать Сферу с американской точки зрения – как начало осады Солнечной системы.

— А как? — спросил Ильин.

– Тут есть над чем подумать, – уклончиво ответил Монах.

– А пока думаем, соглашаться на предложение мистера Чарли С. Дугласа, – продолжил Солдат.

– И все-таки, – нахмурился Ильин, – в чем странность первых полетов ПП? Насколько я знаю, они прошли без осечек. По крайней мере, мне так докладывали.

– Да, – подтвердил Доктор. – Испытания прошли безукоризненно. Системы работали в пределах нормы. Единственная неожиданность для всех заключалась в том, что ПП не выполнил заданную дальность прыжка и вернулся в точку старта, но тут нет вины разработчиков – это влияние естественных, неизвестных нам факторов.

— Каких?

– Пресловутой Сферы, например, которую американцы считают искусственным барьером, поставленным иным разумом. Отсюда и весь сыр-бор.

– Та а ак, – сказал Ильин. – А Вы как считаете?

– Я считаю, что еще рано делать какие-либо выводы. Надо наблюдать и экспериментировать. Поспешность в суждениях может только повредить.

Доктор, он же Тимур Богданович Трубников, был ученым-энциклопедистом, обладавшим колоссальными знаниями в различных областях прикладных наук. Более того, он умел эти знания эффективно применять, зачастую опережая в прогнозах и выводах своих более именитых коллег. Возможности, рождающиеся на стыке разнообразных видов теоретической мысли, были его любимым коньком.

Он пришел в группу через три года после ее создания с подачи всё того же Солдата, с

апломбом заявив, что ему совершенно необходимы ресурсы такой организации, как ФСБ, чтобы приносить своей стране максимальную пользу, не тратя впустую время на рогаки всевозможных чиновников, оседлавших науку в частности и все мыслимые направления человеческой деятельности вообще. Надо сказать, что Доктор с лихвой оправдывал ожидания своего непосредственного начальника, и в бытность его функционером ФСБ, и теперь, когда Ильин стал пятым президентом России.

– А что у нас с мини-моделью, Тимур? – поинтересовался глава государства.

– Сегодня в пять часов утра, – Трубников выпрямился и гордо оглядел присутствующих, – со старого полигона Капустин Яр был осуществлен запуск катера «Прима» к обратной стороне Луны, а потом в точку финиша – на сибирскую площадку «Долина-два», откуда нам сообщили о благополучном завершении эксперимента. Испытатель, Максим Ключев, чувствует себя прекрасно и готов продолжать в том же духе. Никаких побочных эффектов, кроме предусмотренных, не зафиксировано.

– Побочных?

– Ну да. Резкий хлопок и понижение температуры на двадцать пять градусов при старте. Явления, сопровождающие мгновенное перемещение объекта из одной точки пространства в другую в условиях атмосферы.

– Надеюсь, режим секретности был соблюден полностью? – быстро спросил Ильин, наклоняясь над столом.

– Обижаешь, Тимофеич, мы выполняем твою директиву неукоснительно. «Прима» стартовала из подземного бункера и вернулась тоже в закрытый ангар. Никакой аппаратурой засечь подобные перемещения невозможно. Вот так.

Ильин мысленно усмехнулся. Раньше они называли его Батяней, а теперь избрали более демократичное обращение. То ли он сам стал мягче, то ли они сподобились, наконец, осознать всю значимость собственных персон, поднявшись чуть ли не на верхнюю ступень государственной власти.

– То есть мы можем приступать к созданию флота маломерных кораблей – разведчиков второго поколения, – уточнил он, – параллельно с серийным производством обычных ПП. Я правильно понял?

– Не вижу особых затруднений, – сказал Доктор и, повернувшись к Фабриканту, спросил. – Четырнадцатый завод под Челябинском уже готов к запуску?

– Не только готов, – сразу же ответил Фабрикант, как будто только и ждал этого вопроса, – он уже неделю работает в режиме опытного производства. Директор у меня на прямой связи.

– О, как! – Солдат прищурил правый глаз. – А мы, значит, ни сном ни духом...

– Ну почему же, – оборвал его Ильин. – Я в курсе. А у каждого из вас свои задачи, поэтому не забивайте голову чужими.

Медведев скептически поджал губы, а Фабрикант молча кивнул. Его присмотрел Монах в самый разгар реконструкции производства авиакосмической техники, когда тридцатилетний Армен Мирзоян буквально из руин восстановил два небольших завода почти при полном отсутствии финансирования, добился госзаказа и начал изготавливать высококачественные комплектующие для нужд ремонтных предприятий гражданской авиации. При первой приватной беседе он экспансивно жестикулировал, кричал, что никогда в жизни не мечтал стать тайным полицейским, ожесточенно объяснял, что не может бросить на произвол судьбы своих людей, и пытался убеждать, что предлагаемая служба ему совершенно неинтересна. Потом сообразил, что уровень деятельности и возможности структуры, занимавшей в иерархии государства одну из высших ступеней, превышают всё, чего он может добиться в одиночку, и резко согласился, оговорив за собой право активно вмешиваться в работу курируемых им предприятий и сохранить в собственности приобретенное ранее. Со временем он преумножил капитал и превратился в очень состоятельного человека, не олигарха, конечно, но все же, тем более, что всю промышленную структуру страны он знал вдоль и поперек. Фабриканту уже можно было

верить только потому, что он обладал достаточной независимостью от государственной службы.

– Насколько мы готовы к массовому выпуску обычных ПП? – спросил Ильин. – Не окажемся ли мы позади американцев и европейцев, когда дадим всем добро на изготовление этой техники?

– Вряд ли, – ответил Мирзоян, откинувшись на спинку стула. – К производству готовы Екатеринбургское и Пермское объединения, кроме того, мы можем быстро перепрофилировать еще пять больших заводов.

– «Росавиакосмос»?

– Нет, это наши заводы.

Ильин удовлетворенно улыбнулся. Через шестнадцать лет своего существования его команда превратилась в маленькое государство со своей инфраструктурой, своими банками, предприятиями и транспортом. Собственно, не только Фабрикант – все они стали довольно состоятельными людьми.

– Генераторы?

– Барнаульская промышленная зона уже закончила монтаж четырех конвейеров. Кроме того, я намекнул на кое-что президенту Казахстана. Он теперь выше всех будет тянуть руку, чтобы поблизости от Байконура тоже было развернуто производство ПП. Так сказать, не отходя от кассы. Если, конечно, не появится каких-то других соображений. А, Банкир, ты как считаешь?

– Да уж не на счетах, – отозвался со своего места Банкир, – а с помощью новейших компьютерных программ. Но если серьезно, то нам абсолютно всё равно, с кем заключать контракты на право производства. Чем больше, тем лучше. С каждого мы будем получать отчисления в соответствии со всеми положениями международного законодательства. Новый способ передвижения в пространстве – это наше открытие, отныне и навсегда. До тех пор, пока не появится что-либо новенькое. Наши юридические службы предусмотрели всё. Я думаю, на наш век хватит. Вас устраивает такой ответ?

– Безусловно, – сказал Ильин. – Спасибо, Лёва. Теперь Россия получит признание, давно положенное ей по рангу, и, натурально, много денег, которых ей всегда не хватало. Так что об экспорте сырья можно надолго забыть и приберечь его для себя, как это делает та же Америка. Наша сегодняшняя внутренняя политика будет заключаться в преимущественном развитии высоких технологий на базе уже достигнутого. Прошу запомнить это и не отклоняться ни на йоту. И разъяснить остальным государевым людям. Шаг вправо или влево будет расцениваться как злостный саботаж.

– А прыжок вверх как волонтаризм, – пробормотал Банкир.

– Нет, отчего же, – Ильин усмехнулся, – прыгайте на здоровье. Только осторожно и расчетливо, чтобы шею не свернуть.

«Ай да Лёва, – подумал он. – Всё предусмотрел. Безошибочная работа, прямо как у ветерана-сапера. Молодец. И Фабрикант молодец, что не прошел тогда мимо самородка, углядел и обласкал. А ведь мог просто растоптать...»

Уже в бытность свою членом команды Мирзоян неожиданно столкнулся с мощным противодействием неизвестного конкурента. Прямо из-под носа у него стали уводить заказы и наиболее выгодных партнеров. Фабрикант слегка озверел и с помощью соседей-контрразведчиков через пару месяцев вычислил противника. Им оказался полутеневой концерн с невинным названием «Рассвет», прикрываемый сверху «Росавиакосмосом», а гениальные схемы финансовых потоков и захвата рынка придумывал там некто Лев Григорьевич Фридберг, двадцати пяти лет отроду и с двумя высшими образованиями – экономическим и юридическим. Прикинув, что в столь юном возрасте подобные свершения под силу лишь человеку с врожденным самобытным талантом, Мирзоян, опять же с помощью соседей, извлек Лёву из недр «Рассвета» (а берегли его, надо сказать, пуще смерти кашеевой) и сделал ему предложение, от которого тот не смог отказаться. Когда Лёва оказался под крылом Ильина, охраняемый теперь уже силами

могущественной государственной спецслужбы, Фабрикант свирепо расправился с конкурентом, оставив его практически без средств к существованию. Фридберг же приступил к плодотворной деятельности на благо команды и государства, получив кодовое имя «Банкир».

– Короче, – Ильин опять оглядел прозрачным взглядом свою команду, – вы полагаете, что мы готовы к любому раскладу. Хорошо. Тогда еще один момент. Американцы отправляют на орбитальную базу инспекционную группу. Согласно нашим договоренностям в ней должен обязательно быть наблюдатель от России. Олег, надеюсь, у тебя есть такой специалист?

– Найдем, – лаконично ответил Солдат.

– И пусть его посмотрит Монах.

– Без вопросов.

Воцарилась тишина. Ильин сидел, уставившись в одну точку, и прикидывал возможные варианты развития событий, попутно определяя каждому советнику сферу влияния. А они терпеливо ждали, хорошо понимая, что президент еще не закончил. И малоприметный, несмотря на ярко выраженную атлетическую комплекцию, Солдат, и сухощавый длинноволосый Монах, и несколько расплывшийся с годами Доктор, и сутуловатый жгучий брюнет Фабрикант, и рыжий неряшливый очкарик Банкир, которого никто бы даже и не подумал отнести к финансовой верхушке страны, если бы руководствовался исключительно внешностью. Наконец затянувшаяся пауза подошла к логическому завершению.

– Значит, так, – сказал Ильин. – Олег, возьмишь под жесткий контроль весь ход операции по выяснению обстоятельств на Базе ПП и причин столь нервного состояния наших друзей из Америки. Не забудь подключить всех агентов, работающих в этом направлении в Европе и Штатах. Аристарх с Тимуром, вы досконально изучите всю историю испытательных полетов, а также проанализируете действия всех участников этого проекта здесь, в Берне, в космосе.

Полюбопытничайте у Вознесенского и его сотрудников, что они думают по интересующему нас предмету. Вы должны быть готовы как можно быстрее изложить собственную точку зрения, опираясь на полученную информацию. Это, пожалуй, самая важная часть задачи. Ну, а Лёва с Арменом пока будут развертывать производство и контролировать те же процессы у наших партнеров, и ты, Олег, не забывай снабжать их свежей информацией.

Обо всех изменениях ситуации и выпадающих из общего ряда случаях немедленно докладывать мне. Поймите правильно, Россия сейчас может выйти на лидирующие позиции, и упустить такой шанс мы не вправе. Нам этого не простят ни народ, ни история. Прессе скормите официальную версию – испытания ПП прошли успешно, тем более что так оно и есть, начинается всемирное изготовление новых дешевых космических транспортных средств и активное освоение Солнечной системы. Работы невпроворот, желающие могут выстраиваться в очередь, романтика и всё такое. Постарайтесь, чтобы о звездах пока забыли. На провокационные вопросы отвечайте уклончиво – мол, что вы, в самом деле, дамы и господа, нам бы в ближайшие сто лет освоить то, что у нас под боком, а там видно будет. Любая утечка информации в СМИ должна быть исключена, головой отвечаете. Довожу до вашего сведения, что американцы уже приступили к проведению массового влияния на мнение общественности, думаю, европейцы сделают то же самое. В данном вопросе правительства стран-участников постараются координировать свои действия. Это, естественно, я беру на себя. Повторяю, мы должны максимально использовать предоставленный нам шанс. Вопросы есть?

– Я понимаю, – медленно проговорил Доктор, – что все внешние работы на Базе заморожены вплоть до, но я хотел бы знать, можем ли мы, так сказать, индивидуально, не оповещая наших знакомых, послать к Сфере катер с надежной группой?

– Можем. И не забудьте оснастить его ви-сканерами и системой защиты от обнаружения. Сколько на это потребуется времени?

– Да, собственно, они уже стоят на «Приме». Ну, пару дней покатаем на стенде, и можно лететь.

– Годится. Команду наберете сами. Аристарх, это – твоя епархия. Еще вопросы?

– Шеф, – проникновенно сказал Солдат, – для себя я не услышал главного. Каковы рамки операции и на что я могу рассчитывать в экстремальном случае?

– Решения будешь принимать самостоятельно по мере выявления причин, – терпеливо объяснил Ильин. – Вмешиваться в дела персонала Базы и американцев не надо. Твоя задача – только наблюдать и фиксировать всю информацию. И думать, как ею распорядиться на Земле. Разворачивай свои силы здесь, чтобы можно было в нужный момент их задействовать. Вот они – то должны быть готовы к любым акциям, вплоть до уничтожения противника. Хотя надеюсь, что этого не понадобится. И еще. Поможешь Тимуру разработать дислокацию баз на планетах. Его часть работы – наука, твоя – стратегия.

Ильин замолк, а потом неожиданно спросил:

– Кстати, а какова грузоподъемность «Примы»?

– Кроме трех членов экипажа, – ответил Доктор, – она может нести до пятисот килограммов полезной нагрузки. Пока.

– Тогда так. Постарайтесь в кратчайшие сроки доработать конструкцию и создать нечто среднее между катером и стандартным ПП, используя уже готовый компактный генератор. Нам нужны мобильные малотоннажные корабли.

– Может, не стоит сейчас огород городить? – Доктор недовольно вскинул голову. – У нас и так будет работы через край...

– Стоит! – Ильин строго, как школьный учитель перед возбудившимся классом, постучал пальцем по столу. – Тогда мы получим некоторые преимущества в маневре. Подумайте и сделайте. Это не просьба, а доброе пожелание. Если хотите, – пинок для придания ускорения. А теперь, братцы, за работу, и немедленно. Жду от вас только хороших известий. И не забывайте держать спутниковые телефоны под рукой. Все свободны, кроме Аристарха.

Когда дверь за Доктором, выходящим последним, закрылась, президент обратился к Монаху:

– Надолго не задержу. Просто хочется услышать твое мнение о возможных действиях мистера Дугласа.

Монах скривился и уныло кинул носом, отведя взгляд в сторону.

– Это даже не интересно, – сказал он, – потому что вполне предсказуемо. Все вы – большие политики – вполне предсказуемы. Получив власть, вы стараетесь выжать из нее максимум, сохранить и упрочить...

– Не надо читать лекций о природе власти, – перебил его Ильин, недовольно нахмурившись, – не время и не место. Я тебя не об этом спрашиваю. Меня интересует конкретика.

– Хорошо, – Монах пожал плечами. – Первым делом он постарается проверить преграду на прочность. Его, как, впрочем, и вас, интересует, так ли страшен черт, как его малюют. Потом он будет выяснять, насколько люди, соприкоснувшиеся с неведомым, остались людьми.

– То есть?

– Сохранили ли они лояльность Земле, своим правительствам, своим группам, своим непосредственным командирам. Психика человека может очень сильно меняться под воздействием внешних факторов. Всё зависит от степени влияния и качества информации. Когда – то, – Монах, наконец, посмотрел в глаза президенту, – вы нас собрали для разработки именно этой темы. Так вот. Если, не дай Бог, выяснится, что люди, побывавшие у Сферы, претерпели какие – либо изменения, и их реакция на приказы с Земли перестала быть адекватной с точки зрения их прямого начальства, боюсь, могут последовать карательные меры.

– Какие?

– А какие применили бы вы?

– Обследование в стационарных закрытых заведениях, в самом крайнем случае... – Ильин запнулся.

– Вот□вот, – глаза Монаха потемнели. – Об этом я и говорил. Индивидуумы, представляющие реальную опасность для власти, подлежат изоляции, а при невозможности хоть какого□то компромисса, натурально, на условиях правящей стороны, – ликвидации.

– Аристарх, – насупился Президент, – ты же понимаешь – это крайний случай.

– Не хочу я этого понимать, – устало сказал Монах, – никогда не смогу я этого понять. Это – варварство и недостойно человека. Есть масса других вариантов.

– Нет других вариантов, – раздражаясь, резко произнес Ильин. – Не придумано еще. Из□за действий такого, как ты сказал, индивидуума, направленных против целостной продуманной системы решений, неизбежно будут гибнуть люди. Много людей. Из□за одного человека! И не будем спорить! Лучше продолжай по существу.

– Ладно, – вяло согласился Монах, – оставим наш долгий диспут. Дальше, так дальше... Дуглас постарается быть первым в Солнечной системе и захватить наиболее лакомые куски. Это же азбука. Прекрасно понимая, что авторитет создателей ПП, то есть наш, неоспорим, он будет компенсировать потерю лица, – а для него это безусловная потеря лица, потому что великая Америка отодвигается на второй план, – любыми возможными способами. Разведка и захват наиболее значимых природных ресурсов, стратегических объектов, удобных мест для комфортабельного существования... Всего, что может принести ему благодарность нации. Он ведь догадывается, что у нас может быть кукиш в кармане – в виде новых разработок ПП, которыми мы не поторопимся делиться с соседями. Плюс еще один нюанс. Если его можно так назвать, потому что величина его огромна. Вечная мечта человека о звёздах. Что с ней□то делать? Рано или поздно американцы, которым с детства долдонят об идеалах свободы, поймут, что вместо исполнившейся грёзы им подсунули суррогат. А как еще можно назвать освоение нежилых планет нашего светила? Это только у нас в течение семидесяти с лишним лет народ приучали к романтике трудового подвига, несмотря на хреновые условия и житие на грани вымирания. В цивилизованных странах объяснять подобные вещи трудновато. Хорошо, если ситуация разрешится в ближайшие несколько лет, пока основная масса трудоспособного населения не прочухала, что ее опять жестоко и расчетливо обманывают.

– Вот только не надо... – Ильин протестующе вытянул руку.

– Надо, шеф, – не останавливаясь, сказал Монах, – вы же сами хотели услышать правду. Так вот. Мистер Дуглас будет очень торопиться. Он использует резервный фонд и подключит лучших специалистов для решения трех главных задач: лидерства в освоении Солнечной системы, разгадки природы Сферы и способов ее преодоления, а также форсирования работ в области теории и практики кораблей ПП. Параллельно будет решаться еще одна проблема – поиск возможных баз наблюдателей□инопланетян и, ежели таковые найдутся, либо – попытки установления контакта, либо – попытки уничтожения. В общем, американские политики и военные в данном случае мыслят теми же категориями, что и наши.

– Я не ставил подобной задачи, – Ильин высокомерно приподнял бровь. – Меньше всего меня сейчас интересует иноземная летающая посуда. У нас со своей хлопот хватает.

– Это потому, – в голосе Монаха прозвучали нотки назидания, – что информацию об НЛО вам всегда предоставляю я. А я не верю в существование их баз в нашем пространстве.

– Что это значит?

– Только то, что их здесь нет. Они либо в других измерениях, либо в других временах. И то, что они за много лет не пошли на контакт, пока снимает проблему поиска и установления с ними каких□либо отношений. Мы можем не тратить на это время и деньги. Они просто наблюдатели. Хотя, возможно, и не совсем. Есть вероятность, что они играют роль так называемой «третьей силы».

Согласитесь, шеф, что ядерного противостояния не вполне достаточно для того, чтобы

постепенно не перебить друг друга. Причину придумать не так уж трудно, в новейшей истории достаточно примеров. Всегда может найтись деятель, жаждущий использовать оружие для решения своих корыстных задач. Вспомните хотя бы доктрину «ограниченного» ядерного удара или применение боеголовок из обедненного урана. Так что «третья сила» – необходимый компонент выживания. Лучше всего, если она будет не совсем понятна и обычна для возмнивших себя непогрешимыми стратегами политиков и военных. НЛЮ – это как раз тот самый случай. Право, не стоит гнать волну и пугаться нами же придуманных страшилок. Таким поведением мы будем выгодно отличаться от остальных стран – участников проекта. Вот, собственно, и всё.

– Стало быть, – Ильин покатал по поверхности стола дорогой гелиевый карандаш и задумчиво посмотрел на пустую пепельницу, – никаких дополнительных ходов от нашего друга Чарльза ждать не приходится?

– С большой долей вероятности – нет. Правда, не исключается обычная подковерная возня, попытки сепаратных сговоров и прочие прелести политической жизни.

– Ну, хорошо, Аристарх. Примем твою модель за основу и будем от нее плясать, а ты не забывай по мере получения новой информации вносить соответствующие коррективы.

– Я знаю свои обязанности, шеф.

– Вот и чудесно. Продолжай в том же духе.

Монах встал, молча поклонился и независимой кошачьей походкой покинул кабинет.

5

– «Уокер», вы в координатной сетке, – сказал Слава и, щелкнув по клавише, увеличил изображение на большом экране. – Причаливайте ко второму стыковочному узлу. Как слышите?

– База, слышу вас хорошо, – ответил хриловатый голос. – Давайте поводок.

– Даю, – Ли перевел стыковку в сервисный режим, предоставляющий возможность автопилоту прибывающего челнока сближаться по лазерному лучу, потом переключился на внутреннюю связь. – Инженерная служба, где там Калмыков?

– На месте, где же еще, – Боря насмешливо глянул с бокового дисплея. – Пора бы к этому привыкнуть.

– Сейчас уже не будешь, – пообещал Слава. – «Уокер» причаливает. Так что иди ка ты, братец, на вторую палубу, составь компанию Штейнбергу. Он там один мается, нехорошо, а вдвоем – это уже комитет по встрече.

– Вот и сходил бы сам.

– А я тоже буду, только попозже. Так что давай, не тни время, – Ли подмигнул Калмыкову и отключился.

– Отследите стыковку до полного финиша, – бросил он, повернувшись к операторам. – В дальнейшем – обычный режим.

Еще раз оглядев рассеянным взглядом центр управления, Ли направился к выходу. Оказавшись в коридоре, он убедился, что никого там нет, *просмотрел* пустые помещения вблизи второй палубы и через долю секунды уже вышагивал по мягкому покрытию лифтовой площадки в направлении шлюзовой камеры. Не успел он пройти и десяти метров, как за его спиной мягко вздохнул лифт, выпустив наружу Борю Калмыкова.

– Ничего себе «буду позже», – удивился Боря, резво догоняя Ли. – Ну и скорости у тебя, диспетчер! Твоя каморка вроде дальше моей отсюда.

– Не о том думаешь, инженер, – лениво ответил Слава, замедляя шаг.

– А о чем надо? – с готовностью спросил Калмыков.

– О том, что на борт прибыла инспекционная группа, и нас всех сейчас будут потрошить, как кроликов перед жарк и м.

– О, как! – Калмыков нисколько не расстроился. – Положим, меня то трясти без толку. У меня всё работает как швейцарские часы.

– Да, – сказал Слава, – не придерешься. Тебе волноваться не о чем. Но советую сохранять свои мысли и соображения при себе. Во избежание, – добавил он. – Это единственный совет, потому что мы уже пришли.

Они завернули за угол и увидели расположившегося на пристенном диванчике Штейнберга. Директор Базы сидел, сложив руки на груди, лицо его было мрачным, веки полузакрытыми. Появления своих подчиненных он даже не заметил.

– Здравствуйте, шеф, – вежливо произнес Калмыков.

– Аха, – встрепенулся Штейнберг, – господа специалисты... Вовремя. Они уже открыли люк, – он кивнул в сторону настенного монитора, показывающего внутренний объем шлюзовой камеры. На экране люди в летных костюмах выбирались из переходника, неуклюже переступая через комингс. – Пара минут – и будут здесь.

– Гости съезжались на дачу, – пробормотал Боря, обводя придирчивым взглядом пространство палубы, хотя смотреть особо было не на что. Голые стены, матовый пол, четыре плафона на потолке, плотно закрытые створки входа с большой цифрой 2, да панель строенного датчика, показывающая температуру, давление и состав воздуха. Исключение составлял откидывающийся диван, который сейчас занимал Штейнберг. Больше на пятидесяти квадратных метрах помещения для прибывающих ничего не предусматривалось.

– Незваные гости, – в тон Калмыкову добавил Слава.

Директор пришел в небольшое замешательство, глянул сначала на одного, потом на другого и строго сказал:

– Я просил бы вас, господа, сдерживать эмоции в присутствии инспекционной группы. У них чрезвычайно широкие полномочия, а мы здесь люди подневольные и обязаны подчиняться любым распоряжениям. Раз Центр так решил, – он нервно дернул плечом.

Боря сделал простодушное лицо и открыл было рот, но тут створки входа поехали в стороны, и на палубу гуськом стал выходить экипаж «Уокера». Первым появился пожилой жилистый человек среднего роста с цепким взглядом глубоко посаженных глаз. Седой ежик, украшавший его голову, резко контрастировал с черными кустистыми бровями. Едва увидев Штейнберга он заулыбался и приветственно помахал рукой.

– Генрих, – хорошо поставленным голосом пророкотал он, – рад снова встретиться с тобой, старина.

– Кевин? – удивился Директор. – Вот уж не думал, что это будешь ты. Хотя... Сколько лет не виделись...

Пока Штейнберг и Редфорд обменивались любезностями, остальные прибывшие произвольно вытянулись шеренгой вдоль стены. Ближе всех к встречающим оказались худой молодой человек в очках и высокий плотный шатен, из-за плеча которого с интересом выглядывал узколицый мулат в курчавой шапке волос. Рядом с мулатом индифферентно посматривал по сторонам невыразительный субъект средних лет, лицо его ничего не выражало и по мимике, пожалуй, могло соперничать с каменной глыбой. Замыкали всю эту компанию двое чем-то похожих друг на друга, улыбчивых парней, будто сошедших с рекламного щита жевательной резинки «Орбит». Нет, не замыкали. В створе выхода из шлюза показался еще один участник действия в мешковатом, не по росту, летном костюме.

Ба! – тихо умилился Калмыков. – Да это же Паша Докучаев!

«Ну и как вам?» – веки Ли начали движение вниз.

«Узконаправленная команда охотников за инопланетянами-агрессорами», – ответила Вивьен.

Бородин: «Не все. По крайней мере, трое настроены иначе».

Терехов: «Те, кто их послал, озабочены сохранением status quo».

Бородин: «Мне импонирует Мартин и его позиция».

Тараоки: «Редфорд и Штейнберг не договорятся. У каждого из них свои интересы».

Ли: «Вы заметили присутствие?»

Терехов: «Да. Это Тернер смотрит».

Тараоки: «Надо бы встретиться с Монахом. Он представляет интерес».

Бородин: «Поживем – увидим».

Разговор закончился. Ли мигнул.

– Генрих, – сказал Редфорд, видимо, спиной почувствовав, что вся команда уже подтянулась, – позволь тебе представить мою группу. Это, – он вытянул руку в сторону обладателя стильных очков, – Говард Эш, личный аналитик нашего Президента. Следующий за ним – Уильям Мартин, астрофизик, – высокий шатен с достоинством кивнул, а полковник положил руку на плечо мулата. – Психолог нашего Комитета Джерри Слоун, – мулат улыбнулся. – Антонио Хоскинс, специалист Комитета по нештатным ситуациям, – субъект средних лет выказал признаки мимики. – Боб Тейлор и Макс Леман, пилоты, отобранные лично мной, – белозубые парни коротко вздернули головы, Редфорд же кольнул взглядом Ли. – И, наконец, наш русский коллега – Павел Докучаев, наблюдатель от России, – полковник значительно посмотрел на свою команду. – А это, джентльмены, шеф Базы ПП и мой старинный приятель Генрих Штейнберг, собственной персоной, а с ним его незаменимые специалисты – Вячеслав Ли, руководитель полетов, – Редфорд снова остроглянул на Славу, – я не ошибся? – Слава, мысленно усмехнувшись, утвердительно кивнул. – И э□э□э...

– Борис Калмыков, гранд□инженер, – подсказал Директор.

– Да, Борис Калмыков, – подтвердил Редфорд. – Полагаю, знакомство будет взаимопользным, так что пообщайтесь друг с другом, пока мы с Генрихом, – он взял Штейнберга под руку, – проводим маленькое совещание, разместитесь, а потом приступим к реализации наших планов. Кто из твоих, Генрих, исполнит обязанности квартирера?

– Добро пожаловать на Базу, джентльмены! – директор скупно улыбнулся и повернул голову к Ли. – Вячеслав, окажите любезность, сопроводите гостей в жилой сектор. Там передадите их фрау Леконт, она лучше сообразит, как поудобнее их устроить. Потом возвращайтесь к своим прямым обязанностям. Вы, Борис, тоже возвращайтесь к себе, – он вновь сосредоточил внимание на Редфорде. – Кевин, буду рад показать тебе мой кабинет.

Шеренга у стены распалась на отдельных людей, тут же обступивших Ли и Калмыкова, а начальство неспешно удалилось в сторону лифтов.

* * *

Когда прибывшая инспекционная группа ввалилась в жилой отсек, она уже напоминала сборище любопытствующих туристов.

– Смотрите□ка, отделка как на океанском лайнере... Даже полированное дерево...

– И коридор такой же...

– Бизнес□класс, не хуже...

– Сколько же здесь народу живет?..

– Тони, не отставай, а то заблудишься!

– Не переживай, Джерри, у меня нюх на лабиринты...

– Интересно, где у них тут кормят? Как ты думаешь, Макс?

– Я бы предпочел узнать, как здесь отдыхают...

– Да□а□а... хорошо устроились парни... просторно...

– Ты не заметил, Билл, какой это уровень?

– Кажется, четвертый...

Наконец сопровождаемая Славой шумная компания добралась до вместительного холла, где их уже поджидала, сияя неземной улыбкой, Патрисия Леконт – наблюдающий доктор и главная достопримечательность Базы, если принимать во внимание скудность женского персонала и обворожительность отдельных его представителей. Увидев ее, все, как по команде, замолчали, лишь на что□то отвлекшийся, а потому не успевший вовремя сориентироваться Докучаев хриплым голосом произнес:

– Однако...

И было от чего. Внешность француженки Леконт соответствовала самым высоким стандартам, от гладко зачесанных темно-каштановых волос, перехваченных на затылке замысловатой заколкой, трансформировавшей их в пышную волну, ниспадавшую на спину, до длинных стройных ног, верхнюю половину которых скрывали полы белоснежного халатика, чуть-чуть не доходившие до колен. Сам же халатик плотно облегал точеную фигуру, эффектно подчеркивая высокую грудь и осиную талию, стянутую тонким, с акцентированной небрежностью завязанным пояском. Она пребывала возле полукруглой стойки компьютерного терминала, небрежно опершись о нее правой рукой и постукивая указательным пальчиком с наманикюренным ноготком по краю столешницы.

– Это наши гости, Пэт, – лицо Славы приняло подобающее случаю выражение. – Мне кажется, они сочтут за удовольствие представиться тебе лично. Ну, а ты, в свою очередь, будь хозяйкой – постарайся потрясти их воображение еще больше. Мне, к сожалению, пора возвращаться к своим обязанностям, так что я вас покину. Увы... – Ли развел руками и, кивнув на прощанье всем, находившимся в холле, направился к выходу.

Первым, как ни странно, вблизи мадмуазель Леконт оказался астрофизик Мартин. Отодвинув в сторону стоявшего перед ним Слоуна, он шагнул вперед и, подхватив протянутую для пожатия руку, склонился и легко коснулся ее губами.

– Меня зовут Уильям, – проникновенно сказал он. – Безмерно счастлив познакомиться. Очарован.

Патрисия взглянула на него бездонными, влажными глазами и приветливо кивнула головой. Мартин открыл было рот, чтобы сказать еще что-нибудь, но сзади его уже нетерпеливо подталкивали улыбчивые пилоты, да и со стороны коридора, по которому они только что прошли, послышался низкий рокочущий голос с изрядной примесью иронии:

– Коллега! Не задерживайте очередь! Вас много, а Пэт одна.

Мартин неуклюже обернулся и увидел подпиравшего стенку Бородина со скрещенными на груди руками и стоявшего рядом с ним в расслабленной позе Клеменса. Астрофизик с сожалением отпустил руку Патрисии и, еще раз поклонившись ей, двинулся к появившейся парочке. Его место тотчас занял Леман.

– Андрэ! – подходя к Бородину, вежливо улыбнулся Мартин. – Рад Вас видеть. Если не ошибаюсь, последний раз мы встречались года два назад?

– Да, – сказал Бородин, – в Петергофе, – он взял астрофизика под руку и повлек к угловому дивану с размещавшимся рядом низким прозрачным столиком. – С тех пор возникло много новых идей.

– Я бы удивился, если бы их не было, – Мартин комфортно устроился у подлокотника, и его взгляд вновь скользнул к мадмуазель Леконт.

– Потрясающая женщина, не правда ли? – вздохнул Бородин. – Вы – не первая жертва ее обаяния и, уверяю вас, далеко не последняя. Супермодель в превосходной степени. Но должен вас предупредить, что внешность обманчива. Пэт – неприступная цитадель, еще никому не удалось завести с ней роман. Все попытки заканчивались на уровне легкого флирта. Так что, – Андрей с самым невинным видом положил на стол блокнот и авторучку, – можете не тратить времени даром. Ее самая нежная привязанность – медицина, она чудесный врач, а уж в диагностике, по моему, равных ей нет.

– Никогда не хотел заболеть так, как сейчас, – пробормотал Мартин и тряхнул головой. – Извините, Андрэ, я немного отвлекся. Вы что-то говорили?

– Конечно, – Бородин снова вздохнул. – Я спрашивал, как вам понравилась моя теория о природе Сферы? Как вы считаете, Билл, она достаточно парадоксальна?

– Она противоречит всем существующим знаниям о Вселенной, а потому не парадоксальна, а безумна.

– Вы уверены, что наши знания отражают реальную картину?

– С некоторых пор я ни в чем не уверен.

– И это правильно. Нельзя, оставаясь в одной-единственной системе отсчета, понять все многообразие мира. А тем более его почувствовать.

– Скажите, Андрэ, – Мартин наконец-то полностью переключился с дурманных мыслей о соблазнительной француженке на тему разговора, – вы пришли к такому заключению, побывав у Сферы?

– И да, и нет, – Бородин подобрал со столика блокнот и ручку. – Просто, как говаривал учитель Циолковский, нельзя вечно оставаться в колыбели. Это чревато затуханием развития. Я вам сейчас кое-что изображу, – физик раскрыл блокнот и начал набрасывать формулы, аккуратно, строчку за строчкой, не делая пауз для раздумий. Казалось, что процесс написания происходит автоматически, без каких-либо усилий со стороны автора.

«Зачем?» – удивленно спросила Вивьен.

«Безвредный эксперимент», – флегматично ответил Бородин, – *но последствия могут быть весьма интересными*.

Он закончил, не добрав нескольких строчек до нижнего среза страницы, и передал блокнот Мартину.

Некоторое время американец с недоумением рассматривал продукт творчества Андрея, перебегая глазами с формулы на формулу, морщил лоб, как бы вспоминая что-то и вполголоса бормоча только им двоим понятные слова, потом зрачки его расширились, и он буквально взорвался, рассыпая вокруг себя невидимые искры.

– Андрэ! Да это же... это же... это гениально! Это прорыв! Как же раньше-то... и так просто! Невероятно!.. Но как?!

– Надо лишь выйти из стандартных представлений, – скромно сказал Бородин, – и сменить систему привычных координат. Хочу заметить, что данное решение – не единственное, а это могу подарить...

– Что?! – Мартин поперхнулся. – Как подарить? Это же минимум Нобелевская премия.

Физик молча пожал плечами.

– Вот как?! – американец побледнел, и в глазах его проявилось понимание. – Значит...

– Да, – подтвердил Бородин. – Слетай-ка туда сам.

Увлечшись, они не заметили, что давно уже привлекли к себе внимание, по крайней мере, трех человек. Первым был Клеменс, с самого начала исподтишка наблюдавший за их уединением. Вторым – профи нештатных ситуаций Хоскинс, лишь на полминуты отвлекшийся на знакомство с мадмуазель Леконт. Третьим – Джерри Слоун, с глубочайшим интересом созерцавший поведение ученых.

Впрочем, Клеменс первым же и прекратил изучение, переключившись на прибывших пилотов.

– Эй, Боб, – позвал он, переступив с ноги на ногу. – Я, конечно, не женщина, но тоже могу обидеться, когда меня долго не замечают.

Тейлор, до этого восторженно евший глазами француженку, резко обернулся и, узнав испытателя, тут же радостно завопил:

– Хай, Джек! Привет тебе от наших! Все жутко завидуют! Ты у нас теперь герой и предмет для подражания. Начальство тихо переживает, что навсегда потеряло лучшего пилота. И мне кажется, не без основания, а?

Надо сказать, что полковник Редфорд сделал не случайный выбор. Роберт Тейлор, кроме того, что он проходил подготовку в одной группе с Клеменсом, был еще и сослуживцем Джека по береговой охране и поэтому очень хорошо его знал, что, конечно же, являлось для полковника немаловажным фактором. К тому же Тейлор отличался завидной энергией, абсолютной лояльностью к вышестоящим командирам, можно даже сказать – преданностью, и постоянной готовностью к выполнению любого задания. Любого, независимо от степени его этичности, о которой он просто не размышлял. Короче говоря, он всегда, сам не подозревая о том, руководствовался принципом рейхсмаршала Геринга, говорившего: «У меня нет совести. Моя совесть – Гитлер». По таким же параметрам отбирался и Макс Леман, глазевший сейчас на встречу старых знакомых и твердо вознамерившийся к ним присоединиться.

А Тейлор уже хлопал Клеменса по плечу, не переставая, как заводная кукла, белозубо

улыбаться и сыпать горохом слов:

– Слушай, Джек, как здорово, что мы снова оказались в одной команде. Ты не согласишься, но, когда Редфорд вытащил меня для участия в этой миссии, я был в восторге. Не каждый день удается побывать на орбите. Здесь классно! Ты не в курсе, почему решили увеличить летный состав? Нам Редфорд ничего толком не объяснил. Сказал только, что придется плотно поработать. У вас что, тут уже эскадрилья ПП? А ты уже много налетал? А□а□а! Вот, знакомься – это Макс Леман, он с базы в Гуантанамо. Тоже, говорит, отбарабанил две недели на тренажере ПП. Теперь будем вместе летать. Ты бы нам дал вводную, что здесь и как. А то сам понимаешь...

– Остановись! – палец Клеменса завис в десяти сантиметрах от носа Тейлора. – Тебя нельзя пускать в приличное общество, лейтенант, – он посмотрел на Лемана. – Хай, Макс. Меня зовут Джек, и это всё, что я могу вам сказать, парни. Остальное, думаю, вам растолкует ваш шеф, потому что у вас своя команда, не имеющая почти никакого отношения к нашей. Вас прислали сюда для проверки.

– Для проверки чего? – изумился Тейлор.

– Надо полагать, результатов нашей работы, – отрезал Клеменс.

– У вас проблемы? – осторожно поинтересовался Леман, засовывая руки в карманы и покачиваясь с пяток на носки.

– Я так не думаю, – проворчал Джек, – скорее проблемы у вашего начальства. С головой, – добавил он.

– Э□э□э, парни, – снова встрял Тейлор, – не будем о начальстве. Оно всегда право, и его приказы не обсуждаются. Ты лучше скажи, капитан, как тебе ПП? Легко им управлять?

– Легче некуда. Выбрал координаты и жми кнопку. Самое сложное – стыковка модуля и носителя, да и то, если вручную.

– А в пространстве он как?

– Никак. Он почти не летает в пространстве. Он летает за его пределами. И всегда возвращается в точку старта.

Тейлор радостно заржал:

– Ты шутник, капитан. Это лучшее из того, что я слышал за последние сутки.

Леман тоже улыбнулся и собрался вставить словечко, но их общение было прервано мелодичным голосом Патрисии, закончившей регистрацию прибывших:

– Джентльмены, прошу внимания! Сейчас вы осмотрите свои каюты, они расположены в радиальном коридоре «Би» жилого сектора, с номера 24 по номер 28. Все каюты двухместные, кроме люкса вашего шефа, поэтому соседей выбирайте сами. По предпочтениям. Надеюсь, вам будет удобно. Если возникнут вопросы, связанные со здешними особенностями жизни, можете обращаться ко мне. А в общем, вы – автономная группа, и подчиняетесь только своему непосредственному руководителю. Персонал Базы обязан оказывать вам всяческое содействие. Желаю успехов, – чарующая улыбка мадмуазель Леконт завершила церемонию торжественной встречи незваных гостей.

* * *

– Располагайся, Кевин, – Штейнберг радушно простер руку к креслу, помещавшемуся у низкого гостевого столика, сам, испустив короткий вздох, занял второе, тут же приоткрыл дверцу стенного бара и, выудив оттуда пару пузатых, приземистых бокалов, водрузил их на блестящую темную поверхность столешницы, – чувствуй себя как дома. Виски, коньяк, водка?

Редфорд, уже успевший оценить комфортность спинки, закинул ногу на ногу и с некоторым удивлением произнес:

– Я, честно говоря, считал, что космос не место для э□э□э...

– Ты безнадежно отстал, дружище. Здесь превосходные системы регенерации и утилизации, так называемый замкнутый цикл жизнеобеспечения. Кроме того, если ты

заметил, нормальная сила тяжести. Впрочем, что это я? Ты же по долгу службы обязан всё это знать.

– Я знаю. Ви□генератор и прочее... Но одно дело – изучать информацию, и совсем другое – оказаться внутри, – полковник обвел кабинет взглядом. – Так ты полагаешь, что не повредит?

– Кевин, Кевин! Можешь поверить старому приятелю, опробовано не раз. Тут иногда бывает невыносимо скучно. Если мне не изменяет память, скотч?

– Не изменяет.

– «Белая лошадь» тебя устроит?

– Вполне.

На столике волшебным образом появились две бутылки с соответствующими этикетками, и Штейнберг приступил к процессу разлива, приговаривая:

– А я, знаешь ли, предпочитаю «Мартель», я все□таки европеец и по рождению, и по воспитанию.

– Может быть, у тебя и курить можно? – поинтересовался Редфорд, все еще оглядывая директорские апартаменты.

– Непременно, – сказал Штейнберг и извлек из бара коробку сигар, массивную пепельницу, золоченую гильотинку и зажигалку причудливой формы. – Угощайся.

Полковник посмотрел на коробку, воскликнул «О!» и, прихватив одну из сигар двумя пальцами, освободил ее от упаковки, а потом стал аккуратнo срезать кончик.

– Да ты тут сибаритствуешь, Генрих, – он наконец щелкнул зажигалкой, дождался, пока не затлеют листья, и выпустил первый клуб ароматного дыма. – Надо же, совсем как на Земле.

– Со встречей, Кевин! – директор приподнял бокал. – Чин□чин.

– Чин□чин, – кивнул Редфорд и сделал первый глоток. – Приятное начало. Надеюсь, сотрудничество тоже будет плодотворным.

– Да, – Штейнберг, оторвавшись от бокала, исподлобья глянул на гостя, кряхтя освободился из объятий кресла, добрался до компьютерного терминала и произвел несколько пассов над клавиатурой. Послышалось еле слышное гудение, неожиданный шум морского прибоя, со звуками которого воздух в каюте заметно посвежел. – Вытяжка□нейтрализатор, – пояснил он, возвращаясь на место. – Так в чем же заключается цель вашей инспекторской проверки? На Земле усомнились в нашей компетенции?

– Умеешь ты подпортить краткий миг наслаждения, – Редфорд неодобрительно поморщился и отставил стеклянное вместилище недопитой «Белой лошади», – только отпустило... – с его лица разом сползло благостное выражение, и сам он как□то весь подобрался. – Хорошо, перейдем к делу. Аналитики считают, что во время полетов на астронавтов было оказано целенаправленное воздействие, а появление Сферы означает блокирование Солнечной системы. Нам поручена проверка этого предположения, и для начала мне хотелось бы знать твое личное мнение.

– Вот оно что! – шеф Базы задумчиво покачал бокалом. – А ведь я мог бы догадаться. Запрет на полеты – это вполне в вашем духе, особенно когда начинают мерещиться инопланетяне.

– Неправильный ответ, – сказал Редфорд.

– А ты какой хотел услышать? – директор раздраженно засопел. – Что испытатели вынашивают кроважадные планы и терроризируют персонал Базы? Что оставшиеся лояльными сотрудники забаррикадировались в своей половине и ждут помощи с Земли?

– Ну, зачем же так...

– Затем! Когда, наконец, руководители наших доблестных служб безопасности избавятся от чрезмерной подозрительности, переходящей в манию? Нет никакой угрозы, по крайней мере, пока. Мы тут, знаешь ли, вообще считаем, что Сфера – явление естественное. Разумеется, со всеми вытекающими последствиями.

– И как в вашу схему укладываются многолетние наблюдения неопознанных объектов,

проводимые ПВО практически всех стран мира? – полковник прямо□таки сочился сарказмом. – Ты не можешь не знать об этом! Откуда они все взялись, если Сфера неприступна? Или она появилась совсем недавно? С чего бы, а?

– Да вы свихнулись, – тихо проговорил Штейнберг. – На каждый из этих вопросов существует множество ответов, кроме тех, за которые ухватились вы. Сферу нельзя преодолеть с этой стороны, а с той? К тому же в Солнечной системе еще восемь планет и десятки спутников...

– Они безжизненны.

– Потому что мы так решили?

– Не будешь же ты спорить против общепризнанных фактов!

– Результаты исследований, полученные на поверхности Земли, теряют здесь, в космосе, свою значимость, ведь мы говорим о мирах, где еще не ступала нога человека. А визуальная информация может быть обманчива, – Штейнберг пожевал губами. – В конце концов, отсюда, – он постучал пальцем по подлокотнику кресла, – я вижу лишь зеленую травку в лесу и рябь на поверхности океана, но под ними могут скрываться шахты пусковых установок и подводные лодки.

– Вот видишь! – полковник торжествующе пыхнул сигарой. – Ты сам, как бывший военный, говоришь в первую очередь о средствах нападения!

– Не передергивай, – директор пригубил бокал, – просто инерционность мышления. Там могут быть и города.

– А что ты скажешь об изменении психоматриц испытателей? – Редфорд коварно прищурился. – Это не результат воздействия?

– Пребывание вне Земли меняет психику людей, – шеф Базы пожал плечами. – Медицинский факт, между прочим.

– Вижу, тебя не переубедить, – полковник опять пыхнул сигарой. – Что ж, для этого есть другие средства.

– Например?

– Мне предоставлены широкие полномочия, и у меня есть своя команда. Пока Слоун будет разбираться тут с твоими испытателями, отдельная группа отправится к Сфере и пробудет там столько, сколько нужно, чтобы произвести все необходимые действия.

– Какие, если не секрет?

– Для начала – направленный ядерный взрыв, потом – замеры и хоть какие□то выводы.

Штейнберг покачал головой:

– Опять штурм унд дранг! Не боитесь нарваться на неприятности? Все□таки мы не знаем, с чем имеем дело. Можно было бы начать с чего□нибудь попроще. С лазера, например. Или протупывания зондами...

– У нас нет времени, Генрих, – полковник положил погасшую сигару в пепельницу. – Надеюсь, ты отнесешься с пониманием и не будешь пытаться ограничить свободу нашего выбора?

Только сейчас Штейнберг заметил, насколько тот внутренне напряжен. До предела. «А ведь он боится, – подумал директор, – только вот чего? Непредсказуемых последствий своей деятельности или агрессоров□инопланетян?»

– Ну, что ты, дружище, – сказал он, – как я могу? Теперь **ты** тут высшее должностное лицо, а у меня – карантин. До появления твоего вердикта и ратификации его в Берне.

– Не будь страусом, Генрих, – полковник тяжело поднялся, опираясь на подлокотник, и посмотрел на шефа Базы долгим взглядом. – Я рассчитываю на твою поддержку. Сейчас пойду, раздам своим задания, а потом мы снова встретимся. Часа через три.

* * *

– Ну, как? – спросил с койки Хромов, когда Джек закрыл за собой дверь каюты.

– Ничего нового, – хмуро ответил тот, плюхаясь на стул и начиная расшнуровывать кроссовки, – кроме того, что инспектор Редфорд приволок с собой личных пилотов. Летуны они так себе, молодо□зелено – лейтенанты, но, скорее всего, очень старательные, по крайней мере, один из них. Мы с ним вместе служили. Бобби□балаболка, в голове ветер гуляет, ему все равно, что людей спасать, что в них же стрелять. Незаменим при выполнении скользких поручений, вот тогда из него слова не вытянешь, свой интерес дороже. Надо полагать, второй такой же, хотя на вид посерьезнее.

– Думаешь, пойдут к Сфере?

– Непременно! Ставлю сотню против дохлой мыши. У них для этого и физик есть.

– Откуда знаешь?

– Его Бородин назвал коллегой, они знакомы, встречались два года назад в... – Клеменс пощелкал пальцами. – ... В Питерхофе. Где он, не подскажешь?

Хромов присвистнул и принял вертикальное положение.

– В России, – сказал он. – Петергоф находится в России. С недавних пор – он одна из наших Силиконовых долин. Так то! Значит, намечается что□то серьезное, иначе послали бы кого помельче.

– Да, – подтвердил американец. – Бородин с ним потом шептался в углу, даже писал в блокноте. Наверное, тема интересная подвернулась.

– А вот это странно, – на лице Виктора отразилось недоумение, совсем как у ребенка, который завел игрушку, а она не хочет двигаться, – Андрей же теперь вроде как один из нас и не должен раскрываться... Не понимаю... Вот что, Джек, – Хромов нащупал ногами шлепанцы, – давай□ка навестим Кобыша с Тернером.

– С удовольствием, – ответил Клеменс и опять принялся зашнуровывать кроссовки. – Они должны быть у себя.

Он не ошибся. Когда испытатели оказались перед третьей дверью, считая от их собственной, и деликатно постучали в нее, из динамика, после небольшой паузы, раздался знакомый голос командира:

– Входите, ребята, входите. Не заперто.

Переступив порог, они обнаружили обитателей каюты сидящими за столом, на котором лежал листок бумаги со схематичным рисунком модуля ПП. Было видно, что рисунок сделан наспех и только что. Виктор удивленно посмотрел на Кобышу и крикнул:

– Хреновато у вас с конспирацией, господин полковник. А если бы вперся кто посторонний?

Теперь настал черед удивиться Кобышу:

– А Брюс□то на что? Он *проверил*, что у нас за гости.

– Ну да... – смутился Хромов. – Я как□то...

– Переволновался, – подсказал Дмитрий. – Плюс ранний склероз. Бывает. От этого никто не застрахован.

– Да ладно, командир, – майору стало совсем неловко, – действительно... Не подумал как□то... Виноват.

– Впредь не наезжай на старшего по званию. Развели, понимаешь, демократию в строю. Забыли, р□р□раз□дол□л□баи, что командир всегда прав, а если не прав... – Кобыш свирепо сдвинул брови и заехал кулаком по столу.

– Два наряда вне очереди, – вытягиваясь в струнку, продолжил Хромов, – от забора и до обеда...

– Всё, – закончил Кобыш. – Конец разминки. С чем пожаловали?

– Джек, доложи, – майор подтолкнул Клеменса вперед. – Намечаются интересные события, Дима.

Обстоятельства встречи в холле жилого сектора были пересказаны еще раз, равно как и последовавшие за ними выводы. За все время повествования Кобыш не проронил ни слова, лишь изредка косо посматривал на Тернера. Брюс тоже слушал молча и внимательно, правда, Хромов заметил, что периодически тот отвлекается на что□то свое. В эти моменты взгляд

его как бы размывался и терял направление. «*Отслеживает*», – сразу догадался Виктор. Когда Клеменс закончил, в каюте на некоторое время воцарилась тишина. Каждый прикидывал варианты развития событий.

Наконец Кобыш нарушил молчание.

– Ну что там, Брюс? – осторожно спросил он, когда Тернер в очередной раз *вернулся* назад.

– Я проверил информацию Джека. Они уже поместились в своих каютах. Судя по описанию, пилоты – в двадцать четвертой, физик с очкариком – в двадцать пятой, мулат с мрачной личностью – в двадцать шестой, светленький крепенький парень – отдельно – в двадцать седьмой, а последний люкс пока пустует, инспектор еще не прикончил разговор с шефом. Коридор «Би», тот, где обитает вспомогательный персонал. Интересно, правда? Подальше от нас и от научных. Не наводит на умышления?

– Наводит, – сказал Хромов. – Во ☐первых, когда начинается условный день, коридор «Би» пустеет, все на работе, а стало быть, никто у наших проверяющих под ногами путаться не будет. Во ☐вторых, подобный выбор говорит о заинтересованности шефа в том, чтобы мы лишний раз не попадались на глаза, значит, он кое о чем догадывается.

– Молодец, майор, – Кобыш одобрительно кивнул, – пять баллов по логике. Что еще, Брюс?

– Мрачный как только всмотрелся, сразу же подговорил по селектору с диспетчером, и тот ему переслал двух дюжих механиков. Сейчас они в шлюзовой камере второй палубы, притаскивают из челнока какие-то объемистые тюки и грузят их на платформу. Похоже, Мрачный торопится.

– А остальные? – спросил Клеменс.

– Остальные сидят по каютам. Лейтенанты вымениваются впечатлениями, мулат раскрыл ноутбук, крепыш залег в койку и наставился в потолок, а физик промахивает листком Бородина перед носом очкарика и что-то ему вкручивает.

– Занимательно, – Кобыш потер лоб и глянул на соратников, – что же все-таки Андрей ему написал?

– Учитывая то, что особо раскрываться Бородину ни к чему, – Хромов переступил с ноги на ногу и притулился к стенке, – по-моему, он нарисовал несколько формул, имеющих отношение к Сфере.

– Зачем? – повторил Тернер вопрос Вивьен и в недоумении пожал плечами.

– Как вариант ответа – чтобы посмотреть на реакцию.

– И что он смог увидеть?

– Спроси об этом самого Бородина. Я надеюсь, он не стал бы делать того, что могло бы ему повредить.

В каюте опять повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением кондиционера.

Что же всё-таки замыслил Андрей, думал Кобыш, ведь для чего-то это ему понадобилось? И Ли с компанией он не мог не поставить в известность, они теперь тоже в одной упряжке, как и мы. Что за игру они затеяли? Наверное, они все рассчитали. Они ребята башковитые... Ли так стремился поговорить со мной и вдруг потерял всякий интерес. Да и Вивьен нас сегодня не навещала, хотя последнее время у нее это вошло в привычку. Что происходит? Ответ прямо-таки напрашивается. Сам собой. Они теперь знают всё о нас, наших способностях и наших планах. Откуда? И о каких, собственно, планах? Кроме решения уйти в глухую оборону и ничего не говорить инспекторам, у нас и мыслей-то других не было. Стоп! Значит, они читают наши мысли как открытую книгу! А я-то сетовал, что среди нас нет телепатов. Зато они есть в группе Ли. Интересно, а что еще они могут? Влиять на сознание? Направлять любого человека в нужную им сторону? Пожалуй, где-то так. Вот в чем разгадка поведения Бородина. Дела-а-а... Стало быть, мы со Славой поменялись местами, теперь у *меня* есть настоятельная необходимость с ними пообщаться.

Размышления Кобыша прервал Хромов.

– А зачем это вы, ребята, модуль нарисовали? – спросил он, указывая глазами на листок, лежащий на столе. – Появились какие-то идеи?

– Да вот, – рассеянно сказал Тернер, – перекидывали, где бы получше выместить наше видеонаблюдение. Интересно ведь, чем они там заниматься будут...

– У нас есть следящая аппаратура?

– Дорин сделает.

– Ага, – Хромов поморщился. – Что-то я сегодня торможу... Кстати, а сам-то ты что? Не можешь *посмотреть* ?

– Видишь ли, – лицо Тернера приобрело виноватое выражение, – я не уверен, что смогу задержаться у Сферы, а нам надо знать наверняка. От этого будут зависеть наши дальнейшие действия.

– Так, может, я, а? – от пришедшей в голову мысли Хромов приободрился. – Может, я попробую? На Марсе я уже был...

– Где Марс, а где Сфера! – раздельно выговаривая слова, произнес Кобыш. – Не спеши в герои. Брюс прав, не стоит лишний раз рисковать понапрасну. Слишком далеко. Случись что, помочь не сможем. Кроме того, мы не знаем, к какой именно точке Сферы они отправятся. Ты себе представляешь поверхность шара радиусом в двести девять астрономических единиц? Представил? Как ты будешь их искать? Нет, ребята, не готовы мы еще к таким экспериментам.

– Но я абсолютно уверен... – Хромов не договорил, смешавшись под ставшим вдруг твердым взглядом командира.

– Даже не думай, – проворчал тот, прислоняясь затылком к прохладной стене, – бери пример с Тернера.

Некоторое время они лениво перекидывались словами, рассматривая различные варианты добывания информации о действиях инспекционной группы и, как правило, отвергая их, но втайне надеясь, что вот-вот натолкнутся на какое-нибудь нетривиальное решение. Тщетно. Все их усилия пропадали втуне. Хромов с Клеменсом уже перебрались на койку Кобыша и даже разместились там с определенным комфортом, слегка потеснив Тернера и избавившись от подушки, сам же полковник всё в той же расслабленной позе продолжал сидеть у стола, машинально разрисовывая схему модуля вензелями и геометрическими фигурами. Сколько это продолжалось, никто из них сказать бы не смог, потому что никому и в голову не приходило посмотреть на часы.

Наконец командир испытателей хмуро заявил:

– Ну, хватит, парни, ничего умнее банальной видеокамеры мы всё равно не придумаем. Давайте-ка лучше переключимся на что-нибудь другое. Брюс, напарник мой драгоценный, как там дела у самого активного из приезжих?

Тернер нехотя подобрал вытянутые ноги, приподнялся из полулежачего положения и, поведя головой из стороны в сторону, с непонятным раздражением сказал:

– Этот тип занялся реконструкцией модуля. Высвистел в ангар еще четверых парней из obsługi, они сейчас разупаковывают привезенные тюки и накатывают по полу их содержимое. Это какие-то решетчатые треугольные выкройки с довольно широким основанием... Похожи на несущие фермы... Начали зарабатывать их ви-модификатором... Одну взяли, приложили сбоку к модулю... Мрачный воткнулся в чертеж... – Брюс запнулся, некоторое время слепо смотрел в пространство, замерев и, кажется, даже задержав дыхание, а потом сразу выпалил. – Братцы, да они же делают из модуля истребитель! Выкройки – это части пилонов, к которым привешиваются ракеты.

– Вот засранец! – томную вялость Кобыша как ветром сдуло, в глазах заплескали искорки просветления, а уголки губ недовольно опустились книзу. – А ведь мы могли бы и раньше догадаться. Значит, будут стрелять по Сфере. Ну-ка изобрази для наглядности, – он подвинул листок с рисунком Тернеру.

– Эй-эй-эй! – Хромов всем своим видом являл скорбное недоумение. – Может, объясните для начала, о чем это вы? Как из тюков получаются пилоны?

– А ты не знаешь? – Кобыш, казалось, не на шутку озадачился. – За десять дней на Базе ты не удосужился узнать, как она собиралась?

– И что тут удивительного? – Хромов обиженно пожал плечами. – Свободного времени было не так уж много, и я его проводил у астрономов...

– Я тоже как-то не интересовался этим вопросом, – поддержал его Клеменс, – поэтому, если можно, в двух словах.

– Та-а-ак, – полковник нахмурился, и по выражению его лица стало ясно, что он сделал для себя какие-то выводы, – не ожидал. Ага. Ну что ж... Виктор, кликни-ка остальных, проведем маленький ликбез. Может, еще кому-то неизвестно о возможностях современных технологий. Только быстро, пока у нас еще есть время.

Хромов молча поднялся с койки и так же молча вышел. Через пару минут он появился в сопровождении Дорина и Седых, которые с самым заинтригованным видом втиснулись в командирскую каюту. Сразу стало тесновато.

– О, какая компания! – Женя переступил через вытянутую ногу Клеменса и задом прислонился к стенке, полусогнувшись и уперев руки в колени. – Случилось что?

– Случилось, – сказал Кобыш, – но сначала прошу ответить на маленький вопрос: кто еще не знаком с новыми технологиями сборки космических аппаратов?

– Не секрет, – буркнул Дорин, а Седых в унисон ему с любопытством осведомился: – А зачем?

– Да вот, – Дмитрий указал глазами на трудившегося над рисунком Тернера, – возникла необходимость. Так что очень коротко для тех, кто не в курсе. Два года назад, после утверждения проекта Базы, первым делом, натурально, появилась проблема доставки грузов на орбиту. Тащить готовые конструкции с Земли слишком хлопотно, тяжело и дорого, производить сборку здесь – долго и требует большого количества людей, как правило, не знакомых с условиями работы в вакууме. Тогда наши головастики и придумали абсолютное ноу-хау. На Земле делают выкройки всех деталей и узлов корпуса из легких, тонких материалов. Как ты думаешь, Витя, какова толщина этой переборки? – он постучал по стенке каюты костяшками согнутых пальцев.

– Ну-у-у, – протянул Хромов, – наверное, миллиметра три.

– Ошибаешься, майор, – Кобыш с сожалением развел руками, – десятая доля миллиметра, а может, и того меньше, я и сам точно не знаю. Зато я знаю другое – это обычная фольга из высокоуглеродистой стали, изменившая свои качества. Внизу она раскраивается, сворачивается в рулоны и легко забрасывается сюда, а тут ей придают необходимую пространственную форму и меняют свойства, преобразуя в прочный, практически не подлежащий разрушению материал. Делают это с помощью узконаправленного поля ви-модификатора с заранее заданными характеристиками. Между прочим, в таком вот трансформированном состоянии он выдерживает прямое попадание ядерной ракеты мощностью в пятнадцать килотонн, не говоря уже о крупных метеоритах высоких энергий.

– Сбылась мечта алхимиков, – пробормотал Клеменс, – значит, дожили до превращения свинца в золото...

– Дожили, – подтвердил Кобыш, – именно поэтому использование таких технологий пока ограничено только рамками Проекта и находится под строжайшим контролем. Во избежание искуса у людей, не обремененных нормами морали. Но не будем отвлекаться. Далее детали соединяют между собой, предварительно обработав края молекулярным клеем, и проходятся по стыкам тонким лучом всё того же ви-модификатора. Клей заполняет пространство, не занятое молекулами, то есть употребляется как присадка, ну, считайте, что это – почти что сварка, только с виду гораздо проще и быстрее. Материал становится единым целым. Можете поинтересоваться – нигде на Базе вы не обнаружите швов.

– Меняется само информационное наполнение материала, – добавил Дорин, демонстрируя глубокое знание предмета и напоминая присутствующим, что он несостоявшийся физик, – только к чему сейчас эта лекция?

– А к тому, Раф, – сказал Кобыш и посмотрел на Хромова, – что некоторые из нашей команды не совсем представляют себе суть происходящего в данный момент действия, творимого над модулем «папки».

– Да, – встрепнулся Тернер, закончивший дорисовывать схематичную картинку Дмитрия, – испоганили машину...

– Ты растешь, Брюс, – полковник забрал из-под руки Тернера листок и ободряюще хлопнул его по плечу, – скоро будешь ругаться по-русски как волжский докер, – он мельком глянул на изображение и протянул его остальным. – Вот как выглядит теперь аппарат, который мы испытывали.

– Однако! – Женя Седых завершил изучение рисунка раньше других и испытующе прищурился на Кобыша. – Будут стрелять?

– Всенепременно, – тихо заверил его Дмитрий.

– Уже катят тележки с ракетами, – сообщил в пространство Тернер, ни к кому конкретно не адресуясь, – две ракеты класса «космос-поверхность».

– Выходит, они притащились не только нас проверять, – Седых задумчиво потеревил себя за мочку правого уха, – но и провести полевые испытания Сферы на вшивость. А там, глядишь, и в них прорежутся способности. И что тогда? Как думаешь, командир?

– Не знаю, – Дмитрий нахмурился и пожал плечами. – До этого еще дожить надо.

– Может рвануть?

– У меня очень сильное ощущение, что ничего шумного не будет, – изрек Дорин, тоже отрываясь от созерцания листка. – Я вам даже больше скажу: просто ничего не будет.

– Есть основание для таких выводов? – быстро спросил Кобыш.

– Оснований нет, есть ощущения. Я выразился предельно точно.

– А-а-а... внутренний голос подсказывает, что можно сидеть на дереве и ничего не бояться?

– Примерно так.

– Что ж... По сути, нам ничего другого и не остается.

– Как бы нам узнать о результатах? – вновь подал голос Седых. – Неизвестность – она хуже всего.

– Именно этим мы и занимались до вашего прихода, – ответил Кобыш. – Именно поэтому вас и позвали. Раф, нам нужна видеокамера на борту модуля и средство отображения информации здесь.

– Всего-то? – рассеянно проговорил Дорин, по-прежнему пытаясь поймать какую-то явно ускользающую от него мысль. – А других вариантов нет?

– Есть! – торжествующе заявил Тернер и одарил товарищей лучезарной улыбкой от уха до уха. – Есть вариант! Как это я раньше не вообразил?! – он постучал себя кулаком по лбу. – Отсутствие практики поворачивается тупостью. Нам не нужна видеокамера, командир, мы приключимся к компьютеру центра управления.

– Он защищен, – осторожно заметил Кобыш, но было видно, что мысль ему понравилась.

– Обижаешь, Дима, – Дорин уже пришел к согласию с самим собой. – Брюс – хакер, я – физик, пусть и недоучившийся, но имеющий представление, что к чему. Вдвоем мы эту преграду как-нибудь одолеем.

– Не как-нибудь, – Тернер развернул плечи и гордо вскинул голову, – а с блеском! Не зря ведь я побеждал в конкурсах!

– Потому, потому что мы – пилоты, – почти безмолвно пропел Седых, но, тем не менее, был услышан.

– Вот именно! – сказал Дорин. – База – наш родимый дом.

– Ау, стратеги! – окликнул их Хромов, бесцеремонно вставая в разговор. – А если они не выйдут на связь? Ну, мало ли... Как группа Ли, например?

– Нет, – жестко произнес Кобыш. – Это вряд ли. Редфорд, наверняка, останется на Базе, чтобы контролировать операцию, а его ударные силы без команды и шагу не ступят. Так что

их контакт будет постоянным и стопроцентным.

– Тогда – ой! – подвел черту Дорин, и на пластике стола перед Тернером возникло завораживающее дизайном чудо технической мысли – ноутбук, используемый исключительно спецслужбами и не выпускаемый серийно по той же причине. На крышке его нежно отсвечивала высокомерная надпись «Супер».

Брюс откинул дисплей, нажал кнопку «Пуск» и сходу зашелестел клавиатурой, потом привалился плечом к спинке стула и восхищенно поцокал языком.

– Годится! – только и сказал он, но глаза его при этом ликующе заблестели. – Теперь давай линию.

– Как? – спросил Раф. – Подскажи.

– Стоп! – Седых щелкнул пальцами. – У вас, ребята, и впрямь мозги набекрень! Зачем все эти технические навороты? Подскажите мне, темному, откуда, по□вашему, Редфорд станет наблюдать за своими отмороженными соколами и где устроит командный пункт?

– В директорском кабинете. Где же еще? – Кобыш недоуменно посмотрел на Женю. – Вряд ли он выберет центр управления. Там операторы, они его будут стеснять. А у Штейнберга в самый раз. У него же прямой доступ к аппаратуре диспетчерской. Сам Бог велел! А в чем дело?

– Не догадываешься, командир? Я же могу демонстрировать вам панораму всего генрихового гнезда хоть до второго пришествия!

– Ну, конечно! – Кобыш хлопнул себя рукой по лбу. – А я□то никак не мог сообразить, что же мы упустили. Вот что значит свежий взгляд на проблему! Молодец Женя!

– Да ладно! – скромно потупился Седых. – Не переживайте сильно, ребята. Обычная упертость мысли, свойственная детям машинной цивилизации. А у меня восточный взгляд на вещи и он основан исключительно на уверенности в собственных силах, не предполагающих внешней помощи...

– Не надо пользоваться моментом, – прервал его Дорин. – Ты лучше картинку давай.

Русский капитан жестом бывшего фокусника произвел несколько пассивов, и перед замершими пилотами на месте дверного проема образовалось отчетливое изображение штейнбергова кабинета. Иллюзия была настолько полной, будто они находились внутри и могли легко коснуться развалившегося в кресле Редфорда или самого шефа, сторбившегося за директорским столом. Еще они успели захватить самый конец разговора.

– Вот так, – проговорил Седых, убирая окно в мир высокого начальства. – Кино окончено. Вторая серия через три часа.

– Будем ждать, – вздохнул Кобыш и вытянул ноги. – Если появятся еще идеи, прошу не стесняться.

Минуты две стояла полная тишина, потом разговоры между испытателями вяло возобновились, перескакивая с одной детали на другую, но твердо придерживаясь основной темы.

– Интересно, – глядя в потолок, размышлял Хромов, – а приборы наведения они тоже привезли с собой? И как они их собираются монтировать?

– А зачем им наведение? – отвечал ему Клеменс. – Развернут модуль носом к Сфере и пальнут. По такой цели и сослепу не промахнешься.

– Как по□твоему, командир, – Седых теперь сидел рядом с Кобышем, – Мрачный и сослуживцы Джека пойдут к Сфере одни или прихватят с собой физика для страховки?

– Они пойдут полной обоймой, – голос Дмитрия выражал непоколебимую уверенность, потому что есть опыт группы Ли. И он, если не ошибаюсь, принес самые плодотворные результаты.

– Откуда это известно?

– Интуиция подсказывает, – желчно усмехнулся полковник. – Иначе здесь не появилась бы инспекционная группа. Так быстро и в таком составе.

– Слушайте, – Дорину, видимо, надоело подпирать стену, – может, разойдемся пока по каютам. Тесно же и дискомфорт полный. А к началу редфордовского штурма опять

соберемся. А?

– Да, – сказал Кобыш, – Раф абсолютно прав. Давайте□ка, действительно, по домам. Надоест друг другу мы всегда успеем. Как только у конкурентов будет все готово, Женя нам свистнет.

* * *

Когда Хоскинс удалился, едва выдавив из себя пару фраз, Джерри Слоун неторопливо осмотрел свое новое обиталище, распаковал и разложил вещи, попробовал на упругость матрац верхней кровати (он всегда любил второй ярус) и, наконец, присел к столу, аккуратно водрузив на него объемистый пакет из желтого пластика. «Послал же Бог соседа, – подумал он. – И поговорить□то толком не с кем. Тони, конечно, лучший специалист Комитета по нештатным ситуациям, и выбор этот оправдан на двести процентов, но делить с ним каюту не очень приятно. Может, кому□то и понравился бы такой напарник, а мне нет. Я – существо общительное и люблю компанию, из этого же слова не вытянешь. Не человек – призрак, вечно остывающий след только что бывшего здесь, но мгновенно испарившегося партнера. Впрочем, на мое счастье, времени для разговоров просто так почти не будет».

Джерри вздохнул, отстегнул клапан пакета и извлек наружу свой персональный компьютер, более похожий на обычную тонкую папку для бумаг. Огладив пальцами серебристую поверхность, он откинул крышку и вывел на дисплей полученную аналитиками Комитета информацию об изменении психодинамических характеристик испытуемых. Еще раз медленно перечитал уже хорошо знакомые ему блоки сведений. Помотал головой, словно отгоняя наваждение. «Ну и что? – Джерри недоуменно скривился. – Такие показатели ровным счетом ни о чем не говорят. В смысле, не говорят о том, что на астронавтов было оказано направленное воздействие. Кем□то и с какой□то целью... С таким же успехом можно считать, что все изменения вызваны экстремальными для человеческой психики условиями внепространственного перехода. А внешняя моторика... что ж, за время сотрудничества с НАСА я еще и не такого навидался. Надо будет, конечно, проверить их на полиграфе. По тридцати двум параметрам... Все□таки приказ есть приказ. А что? Даже интересно, как поведет себя их организм при тестировании. После таких□то совершенно нечеловеческих способов передвижения. Сначала задавать стандартные вопросы... расслабляющие, так сказать... о доме, о детстве, о родителях... в общем, о знакомых вещах, вызывающих положительные реакции... А потом вставить пару неожиданных вопросов, касающихся их недавних упражнений в космосе... Больше не надо, потому что будут ждать подвоха, будут готовиться дать правильный ответ... А они парни тренированные... даже слишком тренированные... Такая методика, конечно, не панацея, но может сработать, и что□нибудь да всплывет на поверхность. Больше, пожалуй, ничего и не придумаешь, кроме обычного наблюдения за объектом в его привычных условиях и нечувствительных попыток выудить информацию при обычных разговорах на отвлеченные темы. Лучше бы такие беседы проводить индивидуально, но это вряд ли получится. Они будут стараться держаться вместе, подстраховывая друг друга, а в группе работать сложнее. К тому же, если допустить, что воздействие все□таки было... ну, вдруг... чем черт не шутит... тогда все мои старания вообще приведут к нулевому результату... Не хотелось бы. Поэтому оставим сомнения и приступим к созидательной деятельности. Где у меня тут тестовые таблицы? – Джерри начал просматривать файлы. – Сейчас я их несколько видоизменю и приспособлю для успешного завершения миссии. Миссия должна быть завершена успешно! Профи я или нет? Кстати, скоро у них тут обеденное время. Неплохой вариант для завязывания отношений...»

Прошло три часа по бортовому времени, и полковник Редфорд вновь оказался в кабинете Штейнберга. За это время он успел поприсутствовать на модернизации модуля,

поделившись с Хоскинсом некоторыми своими мыслями, переговорить с Мартином и Эшем о предстоящей экспедиции к Сфере, проверить готовность к выполнению задания Тейлора и Лемана, обсудить со Слоуном тонкости грядущих психологических этюдов, а также привести в соответствие со своим мнением русского наблюдателя Докучаева. Прodelанной работой он остался вполне доволен, если об этом вообще можно было говорить в подобной ситуации. Теперь же, снова оказавшись в уютном гостевом кресле директорской резиденции, он позволил себе маленькую вольность – опять закурил сигару.

– Извини за назойливость, Генрих, – негромко произнес он, хотя в его голосе невозможно было уловить и тени раскаяния, – но разреши спросить: ты все сделал, как мы договаривались?

– Кевин, Кевин! – укоризненно посмотрел на приятеля Штейнберг. – Это была не договоренность, а приказ. Приказы я привык выполнять, поэтому можешь не беспокоиться. В Центре управления сейчас только четыре человека – руководитель полетов, два оператора, оба американцы, прости, но это минимальное количество, и твой русский коллега Павел Докучаев. Здесь только мы с тобой. И больше ни одна живая душа на Базе не увидит сегодняшнего эксперимента. Запись производится только в двух экземплярах – для тебя и Берна. Второй экземпляр предусмотрен инструкцией, тут я ничего поделывать не могу, не заставляй меня переступать через служебные обязанности. Внутренние системы оповещения отключены. Своих людей я попросил молчать, а твои – в твоём подчинении. Так что режим секретности соблюден полностью. Вот так.

– Спасибо, Генрих. Я был уверен, что ты меня поймешь, – Редфорд приподнял уголки губ. – Слишком велики ставки в этой игре, а выиграть надо во что бы то ни стало, – он склонил голову набок, потом посмотрел на часы. – Давай□ка подключимся к диспетчерской и объявим, что уже пора.

Штейнберг уселся на директорское место, вздохнул и нажал клавишу селектора. На большом стенном экране появилось спокойное лицо Ли. «Слишком спокойное, – отметил про себя шеф Базы. – Никаких эмоций. Я бы на его месте немножко нервничал, ведь наступает момент истины. Либо после этой проверки мы продолжаем нормально работать, либо, не дай Бог, подтверждаются самые худшие опасения Кевина, и тогда ситуация оборачивается большим сумасшедшим домом, – он насупился. – Правда, есть третий вариант. Все□таки есть. И он заключается в том, что Сфера – это естественное образование. Тоже расклад не из приятных».

– Вячеслав, – сказал Штейнберг вслух, – десятиминутная готовность. Доложите обстановку и вообще давайте полную видеоинформацию.

– Есть, – ответил Ли. – Начинаю отсчет, – и, не глядя, пробежался пальцами по клавишам своего пульта.

Экран разделился на четыре фрагмента. Два верхних показывали весь объем Центра управления и рубку модуля с четверкой готовящихся к полету астронавтов. Два нижних – соответственно модульный отсек и вид на Базу, казалось, неподвижно застывшую на фоне недалекой Земли.

– Четвертый фрагмент дают кормовые камеры носителя, – пояснил Ли, адресуясь к Редфорду. – Камеры на носителе и модуле установлены так, чтобы мы здесь могли видеть круговую панораму с места проявления ПП, если, конечно, в этом возникнет необходимость, – и лаконично добавил. – Служба управления к старту готова.

Полковник взглянул на Штейнберга и, когда тот еле заметно кивнул, вновь сосредоточился на экране.

– Пилоты, – голос его прозвучал неожиданно сухо, – повторите задание.

– Есть, сэр! – Тейлор отвлекся от манипуляций с панелью бортового компьютера и посмотрел прямо на Редфорда.

– Есть, сэр! – как эхо откликнулся Леман, в то время как Эш глянул на полковника поверх очков, а Мартин, дружелюбно улыбнувшись, сделал ручкой.

– Выйти на рубеж в двести восемь и пять девяток, – продолжил Тейлор, – возобновить

связь и ждать дальнейших указаний.

– Хорошо, – голос Редфорда был по-прежнему сух, – продолжайте подготовку к старту.

– К старту готовы, сэр! – отрапортовал Тейлор.

– У вас еще есть время.

– К старту готовы, сэр! – повторил Тейлор. – Данные уже введены в компьютер.

– Диспетчерская? – полковник перевел взгляд на Ли.

Слава пожал плечами, не видя необходимости в повторении сказанного, но все-таки произнес:

– Можем выпускать.

Вместо ответа Редфорд махнул рукой.

– Модуль, пошел! – Ли склонился над пультом.

– Есть, сэр! – в который раз сказал Тейлор и положил руку на джойстик.

Створки внешнего люка мягко поехали в стороны, и каплевидный силуэт модуля, обезображенный двумя боковыми пилонами с подвешенными к ним хищного вида ракетами, завис над палубой отсека. Потом сработал корректировочный двигатель, выплюнув мгновенно расцветший и тут же погасший бутон оранжево-синего пламени, и маленький кораблик заскользил, все ускоряясь, в открытое пространство, к месту стыковки с носителем. Фрагмент экрана с видом Базы сменился изображением тускло отблескивающего на фоне далеких звезд главного корпуса ПП, оплетенного ажурной паутиной вспомогательных ферм. Редфорд, как человек, никогда не имевший прямого отношения к космосу и не видевший вблизи подобных операций, с напряженным интересом следил за всеми этими эволюциями. Между тем модуль приблизился к носителю и отработал последовательный ряд действий, приведших к его воссоединению с основной конструкцией.

– Стыковка завершена, – уведомил Ли.

– Ну, так давайте... – нетерпеливо сказал полковник, – прыгайте...

– Готовность ноль, – буднично произнес Слава, глядя на напряженные лица Тейлора и Лемана. – Старт разрешаю.

Тейлор лихо козырнул и нажал пусковую кнопку. ПП дрогнул и исчез. На экране остались только спокойно мерцавшие звезды. И сразу же погас фрагмент с изображением рубки модуля.

Редфорд нервно кашлянул.

– Во время прокола пространства, – покосился на него Слава, – связь отключается. Это явление, никак не зависящее от нас. Сейчас она восстановится, потому что ПП уже на месте.

И действительно, едва он успел закончить фразу, как изображение фрагмента появилось вновь. Ли насмешливо прищурился, взирая на отражающие всю гамму эмоций лица астронавтов. Для него эта картинка уже не являлась чем-то необычным, сам побывал в такой же ситуации.

– Что, ребята, ощущения непривычные, да?

– Бог свидетель, насколько вы правы, сэр! – непослушными губами выговорил оправившийся первым Леман. – Как будто меня прожевали и выплюнули.

Тейлор пробормотал что-то еле слышное и маловразумительное. Он все еще пребывал в прострации, вероятно, его рефлексов хватило только на то, чтобы нажать клавишу включения связи.

Что же до Мартина и Эша, то они сидели молча и неподвижно, наклонившись друг к другу и как будто прислушиваясь к тому, что происходит у них внутри.

Немую сцену прервал Редфорд, который, как человек военный, да еще имеющий отношение к разведке, жаждал немедленного действия.

– Сынки, хватит прохлаждаться. Переживать будете, вернувшись на Базу. А сейчас доложите обстановку.

Тейлор встрепенулся, обвел глазами приборную панель, глянул на экран обзора и скороговоркой произнес:

- Вышли на рубеж в двести восемь и пять девяток. Готовы к дальнейшим действиям.
- Что видите? – недовольно спросил полковник.
- Посторонних объектов не наблюдаю, – заявил Тейлор. – Даю изображение.

Левый нижний фрагмент сменился, и вместо модульного отсека возникла панорама звездного неба. Взгляд Редфорда скользнул вправо, потом снова вернулся к появившейся картинке.

– Не чувствую особых отличий, – сказал он. Его недовольство еще больше усилилось.

– А что ты хотел? – усмехнулся Штейнберг. – Узреть неприступную твердыню? Нечто материальное? Нет, дружище, перед нами один и тот же участок неба, только с ничтожной разницей в двести восемь астрономических единиц.

– Да, – буркнул полковник, – головой я понимаю, но не могу отделаться от чувства, что всё это где-то здесь, за стенкой.

Он нервно заворочался в кресле, пыхнул сигарой, до сего момента сиротливо пребывавшей в его руке, и сосредоточился на Тейлоре, тихо ждавшем дальнейших распоряжений.

– Бобби, сынок, давай-ка, начинай двигаться. Прямо по курсу. Малым ходом.

– Есть, сэр! – Тейлор положил правую руку на джойстик, а левой вдавил клавишу включения ходового двигателя. Послышался отдаленный рокот, и лица пилотов разом застыли, лишь глаза их внимательно следили за показаниями приборов и за обзорным экраном.

Установилась ничем не нарушаемая тишина. Тянулись долгие, томительные минуты, и, казалось, ничего не происходит, лишь изредка поскрипывал креслом Редфорд, покашливал за директорским столом Штейнберг, да Ли еле слышно перебрасывался фразами со своими операторами. Мартин с Эшем на задних сиденьях модуля и вовсе замерли в неподвижности.

В какой-то момент этого вязкого, растянутого до невозможности времени Слава вдруг резко скомандовал:

– Стоп! Отсечка тяги!

Тейлор рефлекторно вырубил двигатель, но тут же сконфуженно посмотрел на полковника и растерянно спросил:

– В чем дело, сэр?

– ПП не движется уже в течение пятнадцати секунд, – сказал Слава.

– А по нашим приборам, все в порядке, – недоуменно проговорил пилот.

– Отставить! – Редфорд быстро наклонился вперед и люто глянул на Ли. – Диспетчер! – он упорно продолжал называть Славу именно так, то ли из высокомерной вредности, то ли в попытках вывести того из себя, чтобы проверить реакцию. – Запомните раз и навсегда! Сейчас командую только я, а вы все выполняете мои команды! Это моя операция! Не смей вмешиваться!

– Как скажете, – несмотря на внешнюю невозмутимость, Славу выдали его глаза. Что-то в них промелькнуло такое... Сожаление? Ирония? Тщательно скрываемое превосходство? Осуждение? Полковник не сумел определить, даже обладая навыками профессионального разведчика. – Только имейте в виду, что космический корабль – не парусная яхта, запас хода на обычной тяге у него ограничен...

– Включить двигатель! – рявкнул Редфорд. – На полную мощность!

Ли молча пожал плечами, а Тейлор снова нажал на клавишу пуска. Опять потянулись бесконечно длинные минуты. На исходе четвертой из них полковник коротко спросил:

– Диспетчер, что у вас?

– По-прежнему, – так же коротко ответил Слава. – ПП не сдвинулся с места.

– А у вас, лейтенант?

– Приборы показывают движение с ускорением, сэр!

В этот момент зашевелился Мартин. Он что-то тихо сказал Эшу, а затем обратился к Редфорду:

– Играйте отбой, полковник. Боб заикнулся на ходовых показателях и слишком

послушно выполняет ваши указания. Я же хочу напомнить, что передо мной дисплей корабельного компьютера, и он показывает, что после достижения отметки в двести девять единиц корабль не сдвинулся ни на йоту. Так что не тратьте попусту топливо, оно нам еще пригодится.

– Он прав, Кевин, – Штейнберг устало кивнул головой. – Пора прекращать эту бесполезную попытку прорыва. Тем более, что она не первая.

Секунду или две Редфорд слепо смотрел перед собой, видимо, пытаясь понять, почему ситуация так быстро вышла из-под его контроля. Потом вяло махнул рукой с зажатой в ней сигарой:

– Давайте реверс. Отойти на исходный рубеж, – и нахохлился, совсем как замерзающий на проводах воробей. Ли даже стало его немного жаль.

ПП вернулся в начальные координаты гораздо быстрее, чем летел до цели. Как будто само пространство, распрямляясь пружиной, подталкивало его обратно. Мартин с Эшем не преминули отметить это обстоятельство. Полковник, посасывая погасшую сигару, тускло глянул на них и ничего не ответил. Видимо, отсутствие зримой преграды, а также реального врага совсем выбило его из колеи. Одно дело – читать о подобных вещах в отчетах, и совсем другое – столкнуться с ними лоб в лоб. Вернее, не столкнуться. Он сидел неподвижно до тех пор, пока Тейлор не доложил:

– Мы на позиции, сэр!

Только тогда Редфорд шевельнулся, и в его глазах появилось осмысленное выражение. Он снова прикурил, выпустил колечко дыма, распрямил плечи и твердо посмотрел на пилотов. Словом, опять стал самим собой.

– Приступайте ко второй части плана, – приказал он.

– Есть, сэр! – отчеканил Леман и потащил из-за подлокотника кресла небольшой пульт дистанционного управления, соединенный проводом с приборной панелью. Поскольку корпус модуля был непроницаем для практически всех известных видов излучения, активирующую цепь пульта вывели через контур внешних видеокамер, а датчики пуска приклеили прямо на пилоны в непосредственной близости от ракет. Благо, они были одноразового действия.

Леман повозился с пультом, пристраивая его поудобнее у себя на коленях, отщелкнул красную крышку с правого тумблера, обозначенного надписью «Fire», глянул на боковой экран, где появилось изображение ракеты, подвешенной к решетчатой конструкции, и доложил:

– Готов!

Мартин с Эшем вытянули шеи, стараясь не пропустить никогда не виденное ими зрелище.

– Пуск! – гаркнул Редфорд и свирепо осклабился.

Коротко вспыхнул пиропатрон, разрывая узел крепления, и одновременно между стабилизаторами ракеты вырос столб светящегося пламени, в единый миг бросивший ее вперед. В следующую секунду она стала уже яркой звездой, быстро удаляющейся от корабля.

– Пошла красавица! – Леман просто расцвел в улыбке. – Теперь остается только ждать.

Яркая сияющая точка скоро потускнела и затерялась среди других таких же, в изобилии рассыпанных на абсолютно черном бархате неба. Все участники этого действия с напряжением ждали, чем закончится ее стремительный полет. Только Ли был спокоен, как никогда. Он-то все знал с самого начала.

– Две минуты, полет нормальный, – Леман коротко глянул на полковника. Тот машинально кивнул.

– Четыре минуты, без отклонений, – сообщил пилот через некоторое время. Редфорд поморщился и прикусил огрызок сигары.

Наконец Макс начал отчет:

– Десять секунд до цели... девять... восемь... три... две... одна... Касание!

Словно порыв ветра прошелестел по директорскому кабинету и рубке модуля, настолько одновременно все выдохнули. Но ровным счетом ничего не случилось. Ракета как ни в чем не бывало продолжала свое неукротимое движение. Это подтвердил и Мартин, сквозь зубы процедивший:

– А Сфера□то пробита...

Редфорд, наконец□то, вышел из оцепенения.

– Отсчет, – быстро сказал он.

– Есть отсчет, сэр! – мгновенно отреагировал Леман. – Девять... десять... одиннадцать...

Когда пилот дошел до двадцати, полковник скомандовал:

– Аварийный подрыв!

– Есть, аварийный подрыв, сэр! – Макс судорожно вдавил в пульт большую красную кнопку.

Среди россыпи звезд вспух ослепительно белый шарик. С расстояния в триста с лишним километров он сначала показался мелким и незначительным, но было видно, насколько стремительно он расширяется, и отчетливо чувствовалось, какие сумасшедшие энергии заставляют его делать это. Все участники эксперимента, как зачарованные, долго не могли оторвать глаз от рукотворного солнца, загоревшегося по их воле на границе Солнечной системы. До тех пор, пока оно не погасло.

– Впечатляет, – негромко сказал Ли. – Но не снимает проблемы.

Штейнберг округлил глаза и приложил палец к губам, а Редфорд только крикнул.

– Что думают об этом господа ученые? – мрачно спросил он. – Хоть какие□то мысли появились у советников Президента?

– Думать будем потом, – Мартин пребывал в крайнем возбуждении. – А сейчас надо использовать наш последний шанс – вторую ракету. Предлагаю взорвать ее в точке касания со Сферой.

– Что ж, – неожиданно легко согласился Редфорд, – так и поступим. Лейтенант, – он перевел взгляд на Лемана, – пуск второй ракеты.

– Есть, сэр! – Макс откинул крышку с левого тумблера, и всё повторилось с безукоризненной точностью вплоть до момента подхода к невидимой преграде. Едва только Леман произнес: «Касание!», полковник хрипло выпалил:

– Подрыв!

И снова маленький яростный шарик разросся до размеров гигантской тыквы, из которой наверняка можно было бы сделать карету для Золушки, и снова вся команда, от Редфорда до последнего оператора, ждала, что произойдет нечто из ряда вон выходящее, но ничего не случилось, и снова буйно разраставшаяся огненная стихия замерла, а потом превратилась в точку.

И тогда Редфорд, раскорячившийся в своем кресле, как громадный злобный паук, яростно прошипел:

– Прыжок! Вперед! На сто единиц!

Глаза Тейлора вспыхнули, он усердно забарабанил по клавиатуре, стараясь как можно быстрее ввести новые данные.

– Ну! – казалось, полковник сейчас испепелит своего подчиненного.

– Готов, сэр! – испуганно вякнул Боб и, не дожидаясь никаких дополнительных команд, с размаху ткнул пальцем в стартовую кнопку.

Экран сразу же стал беднее на два фрагмента, как будто кто□то невидимый, но чутко реагирующий на происходящее швырнул в него два сгустка тьмы, и они мгновенно выбили два изображения по диагонали, заменив их зияющими провалами.

– Что?! – сжав подлокотники побелевшими пальцами, выдохнул Редфорд.

– Всё, – спокойно сказал Ли. – Game over! Советую взглянуть на оставшуюся нижнюю картинку.

Взгляд полковника метнулся вниз. ПП привычно пребывал в пяти километрах от Базы,

на своем законном месте, словно никуда и не улетал.

– Дьявол!.. – только и смог выдавить Редфорд.

Штейнберг посмотрел на него с сочувствием.

* * *

«Что и требовалось доказать», – мысль Терехова, казалось, окутывалась мягким удовлетворением.

Тараоки: «Печально наблюдать идеальную модель поведения агрессивной и, к сожалению, большей части человечества. Чтобы сначала стрелять, а потом думать, вовсе не надо обладать развитым сознанием. Стыдно...»

Бородин: «Агрессия – это порождение неуверенности или желания самоутвердиться. Выбирайте по вкусу».

Ли: «Самое тяжелое у них впереди. Пора осознания ошибок и поисков истины».

Тараоки: «Наши стажеры обуреваемы сомнениями. Им неизвестно, что никто из нынешних не „открылся“».

Ли: «Настаиваю, что стажеры должны пройти свой путь».

Терехов□Бородин□Тараоки: «Да никто и не спорит». (Ощущение легкой улыбки).

Бородин: «Коллеги, вы обратили внимание на катер?»

Тараоки□Ли□Терехов: «Обратили. У нас теперь еще двое стажеров».

* * *

– Да *смотрю* я, *смотрю* , – уныло сказал Тернер в ответ на взгляд Кобыша, – но ничего не вижу.

– О чем это вы? – не сдерживая любопытства, спросил Дорин.

– Да, понимаешь, Раф, – Тернер с чувством почесал кончик носа, – я *проверял* вернувшихся парней и ничего не обнаружил. Вроде бы они никак не поменялись. Или еще не поменялись. Вот вокруг Ли с компанией появился какой-то ореол, правда, на грани восприятия, но я его могу видеть. А эти совсем прежние. Никаких сдвигов.

– Вот-те раз! – Кобыш приподнял брови. – Что это за ореол у наших соратников? Ты ничего не говорил...

– А я и не намечал раньше. А тут засмотрелся... – Брюс замялся, подбирая слова. – словно мыльный пузырь вокруг каждого... Раньше не было, – поспешно добавил он.

– Ну-ка, ну-ка, – глаза Дмитрия совсем потемнели, – с этого момента постарайся очень поподробнее.

Тернер долго и задумчиво глядел на поверхность стола, так долго, что замершие в ожидании испытатели уже начали проявлять признаки беспокойства и нетерпения. Наконец, он вздохнул и как-то через силу, крайне неуверенно, выговорил:

– Каждый из них, как в скафандре, в какой-то радужной оболочке. Это похоже... это похоже... – пауза снова начала было наливать секундами, но Брюс пересилил себя. – Это похоже на кусочек Сферы, в котором они, как мошки в янтаре. Когда я *смотрю* на них, мне становится не по себе, вроде они уже и не люди, а некто, принадлежащие совсем другой стихии... Да, стихии, – Брюс беспомощно развел руками.

– Некто, – машинально поправил Седых, а Клеменс изменился в лице.

– Иной метаболизм? – уточнил он.

– Не знаю, – Тернер совсем увял. – Но они для нас недоступны.

– А эти? – резко спросил Кобыш.

– Остались прежними, – повторил Брюс. – Пока. Дальше – видно будет.

Дмитрий оглядел притихших пилотов, и ему неожиданно стало весело, как не раз бывало в минуты опасности.

– Значит, так, – сказал он. – Не вешать нос, неврастеники! Держать хвост пистолетом! Раф, ты с Брюсом устраняешь следы нашего шпионажа. Последовательно и тщательно, чтоб никаких зацепок не осталось. Ты, Джек, пытаешься войти в контакт со свежееиспеченными

космопроходцами, если, конечно, тебе это позволят. Женя с Виктором проводят общий мониторинг. Я, как старший группы, принимаю решения. Всё! И не киснуть раньше времени, нас еще не накрыло!

– Я все-таки не понял, – глубокомысленно протянул Хромов, – они пробили Сферу или нет?

– «Папку» видишь? – Кобыш, растягивая паузу, ткнул кончиком пальца в зависшее изображение. – Хрен им, а не Сфера!

* * *

– А второй-то кто? – спросил Всеволод Дейнеко, начальник площадки «Долина-два», вступая в разговор Трубникова и прибывшего с ним моложавого физика Елютина.

– Второй – наш, – рассеянно ответил физик. – Из группы Вознесенского.

– Как вы думаете, Тимур Богданович, они долго еще? – снова спросил Дейнеко.

Доктор неодобрительно поморщился, но посмотрел на часы и сказал:

– Они там уже целый час. Полагаю, что скоро будут, – он задвигался, устраиваясь поудобнее. – Вряд ли американцы сподвигнутся на большее.

Словно в подтверждение его слов за стеклом поста наблюдения, в самом центре ангара, возник блестящий корпус «Примы». Чем-то он напоминал боевой вертолет, но без ротора и с более коротким, утолщенным хвостом. Да вместо шасси у него были широкие салазки.

– Ну вот, – сказал Елютин. – Прибыли.

Боковой люк катера сдвинулся в сторону, и из него легко выпрыгнул Максим Ключев. Следом за ним неуклюже полез второй участник полета – Олег Варчук, молодой, но подающий большие надежды специалист по ви-технологиям. Они приветственно помахали руками встречающим и направились ко входу в пост.

– Есть результаты? – осведомился Трубников, едва только Ключев переступил порог.

– А как же! – широко улыбнулся испытатель. – Целый мешок!

Варчук скромно промолчал.

– Ну, ребята, давайте к столу, – Доктор приглашающе протянул руку. – И подробно, в мельчайших деталях... Может, хотите чаю или кофе с дороги? – спохватился он. – Сева, будь ласка, сооруди.

Задвигались стулья, образовалась короткая оживленная неразбериха, сразу же после которой все чинно расселись по обе стороны рабочего стола и уже серьезно посмотрели друг на друга.

– Мы слушаем, – напомнил Трубников.

– У меня предложение, – Олег сунул руку в нагрудный карман и достал небольшой компакт-диск. – Здесь все показания приборов. Можно сопроводить наш рассказ наглядными иллюстрациями. Так будет лучше.

Елютин одобрительно кивнул, взял диск и подвинулся к компьютеру.

– Сейчас разверну монитор, – пробормотал он. – Чтобы всем было видно.

– Начну я, – Ключев сцепил пальцы. – Если что-нибудь упущу, Олег дополнит...

Доклад испытателей длился недолго, но был насыщен информацией до предела. Когда Варчук, говоривший вторым, закончил, Доктор немедленно спросил:

– Значит, по-вашему, первая ракета миновала Сферу?

– Судя по показаниям сканера, ракета ушла за поверхность Сферы на сто пятьдесят километров, – Олег поморщился. – Собственно говоря, в этот момент Сферы не существовало. Она вообще вела себя очень странно – появлялась при попытках ПП-1 преодолеть ее и пропадала, когда он отходил назад. Посмотрите еще раз. Вот, видите? Сфера выглядит как радужная пленка... А здесь ее уже нет.

– Интересно, – Трубников схватился за мочку уха, и глаза его заблестели. – Крайне интересно! Есть над чем подумать! А, Борис?

Елютин оторвался от созерцания монитора и кивнул.

– В момент взрыва второй ракеты Сферы тоже не было, – он ткнул пальцем в экран. – Она появилась только при попытке следующего прыжка. Это уже система, Тимур Богданович...

– Да, – Доктор скрестил руки на груди. – И что из этого следует? – он явно подначивал Елютина.

– Вы пробовали пройти Сферу? – физик повернулся к Ключеву.

– Мы *так* вернулись, – ответил тот. – Установили дальность на десять единиц в направлении преграды, прыгнули и оказались здесь.

– Кому пришла в голову столь светлая мысль? – немедленно спросил Доктор.

– Ему, – Ключев выпятил подбородок в сторону Варчука. – Он у нас мозг команды.

– Аргументы? – Трубников полностью переключил внимание на Олега.

– Ну... – протянул тот, – я подумал, что мы тоже можем попробовать возврат с помощью Сферы, – он сделал секундную паузу. – После второй попытки американцев пробить преграду в режиме прыжка они оказались у Базы. Это четко зафиксировано сканером. Я изучал отчет Штейнберга и сделал выводы. Несмотря на промежуточные остановки в различных точках Системы, после соприкосновения со Сферой ПП всегда проявлялся у Земли. Не просто отрабатывал задний ход, а именно оказывался в нулевых стартовых координатах. Если бы его отбрасывало по вектору прыжка, я имею в виду «эффект зеркального отражения», придуманный кем-то из группы Бородина, он бы выныривал в истоке вектора...

– Молодец! Сумбурно, но почти верно, – перебил его Доктор и опять повернулся к Елютину. – Ну, так что из этого следует?

– Только то, что Сфера ведет себя как живое существо. Нет, не так, – он поспешил исправиться, – она действует как компьютер с заранее заложенной неизвестной нам программой. Ей дали задание возвращать корабли к третьей планете, она и выполняет.

– Не совсем так, – Трубников сделал предостерегающий жест. – ПП во всех случаях отбрасывало к месту старта у Базы, а «Прима» вернулась сюда. Так что ребята Бородина не так уж и не правы, назвав это «эффектом зеркального отражения». Только в данной ситуации отражение происходит не по прямой, а по полной траектории маршрута, как бы извилист он ни был.

– Что же они до конца не раскрыли термин? – укоризненно сказал Елютин. – Чтоб им! Упростили бы нам работу...

– Они приберегли открытие для себя, – усмехнулся Доктор. – А что? Имеют право.

– Товарищи ученые! – напомнил о себе долго молчавший Дейнеко. – Но ракеты-то американцы взорвали. И никуда они не вернулись.

– Вот! – Трубников поднял палец. – Второй коренной вопрос вставшей перед нами проблемы. Устами младенца... – он с одобрением взглянул на начальника площадки и быстро добавил персонально для него. – Возраст здесь ни при чем. Это, скорее, признание независимости твоего мышления, Сева, – увидев, что Дейнеко и не думает обижаться, а даже польщен, он продолжил. – Ответ прямо-таки напрашивается после сегодняшнего эксперимента. Сфера не пропускает ничего живого!

– Да, – сказал Ключев. – У меня тоже появилось такое ощущение, Тимур Богданович.

– В какой момент? – Доктор насторожился.

– Уже здесь, – Максим, склонив коротко стриженую голову набок, казалось, прислушивался к самому себе. – В процессе разговора.

– А у тебя, Олег? – Трубников уперся взглядом в Варчука. – К чему взывает твой внутренний голос?

– Аналогично, – ответил тот. – Двух мнений быть не может.

– Стало быть, Сфера – искусственное сооружение? – Елютин, похоже, не на шутку расстроился. – И ее появление означает начало блокады?.. Но почему?!

– Ты знаешь ответ на этот вопрос, – жестко сказал Доктор. – Потому что мы попытались переступить порог, за которым начинаются иные миры. Впрочем, – его

напряженное лицо несколько разгладилось, – не будем торопиться с выводами. Может статься, что мы ошибочно истолковали значение некоторых факторов. И это уже тема другого разговора, – он пристально посмотрел на экипаж «Примы». – Вас, ребята, я попрошу пройти обследование в стационаре, но не здесь, а на оборудовании Института психофизики. Поедете с нами. Береженого, как говорится, бог бережет.

– Тимур Богданыч, – Дейнеко опять проявил инициативу, – а с катером что?

– «Приму» – на испытательные стенды. Пусть тщательно протестируют все бортовое оборудование и погоняют ее в различных режимах. О результатах докладывать немедленно.

– Есть, – сказал Дейнеко. – Не извольте беспокоиться.

– У меня всё, – Трубников начал подниматься из-за стола, и следом за ним задвигались остальные. – Борис, не забудь диск. Но сначала скопируй. Оригинал – мне, копию – Вознесенскому.

* * *

«Что-то здесь не так, – думал Доктор, рассеянно глядя в иллюминатор на расстилавшиеся внизу облака. Военный транспортник уже набрал потолок высоты и лег на обратный курс. – Как-то мы лихо расставили всё по своим местам, а картинка не складывается. Нет впечатления истины. Нет удовлетворения от получившегося. Наоборот, сплошное фырканье в душе. Взять хотя бы этот самый „эффект зеркального отражения“. С чего это я решил, что рикошет идет по полной траектории маршрута? Какой, к лешему, маршрут, если имеется в виду внепространственный переход! Там, что, есть маршруты? Стоп! – остановил он сам себя. – Почему вдруг внепространственный? Теория говорит о том, что никуда корабль, оснащенный ви-генератором, не выпадает. Он просто превращается в полевой пакет информации в точке старта и тут же восстанавливается до первоначального вида в точке финиша. Всё происходит внутри континуума, а не за его пределами, только на более высоком уровне взаимодействий. Тогда почему, как назойливая муха, все время возникает это слово „внепространственный“? Куда девается ПП в момент прыжка? Что с ним в это время, пусть ничтожно короткое, которое и мгновением-то назвать нельзя, происходит? Теория говорит... Да мало ли о чем вещает теория! Ее создал человек. Несомненно, поднявшийся над многими старыми представлениями, но все-таки человек. Он выразил всеми доступными ему средствами то, что возникло у него в голове. А насколько адекватны эти понятия тому, что есть на самом деле? Ведь информация до сих пор – понятие неопределенное. Сплошные потемки!.. Ну, хорошо... Мы просмотрели информацию, снятую со сканера. Он же ви-локатор, пеленгующий объекты, интересующие оператора. Что увидели? Только то, что запрограммировали сами. У камня – один сигнал, у компьютера – другой, у человека – третий, у работающего двигателя – четвертый, у установки связи – пятый и так далее, насколько хватит объема памяти у чипа сканера, преобразующего засеченный информационный пакет в изображение на экране, удобное для восприятия человека. Мы видели ПП у радужной поверхности Сферы, а в следующий момент он оказался у Базы. Что происходит между? Может быть, сканер и отслеживает весь путь объекта, но мы не научили его показывать нам это. Потому что сами не знаем, как это сформулировать. Кстати! А почему отключается ви-связь в момент перехода? Кто-то сказал: „Сопутствующее явление“, на том и успокоились. А на самом деле? Ух, сколько еще вопросов! Способен ли человеческий разум сформулировать то, чего он, возможно, понять не в состоянии? По причине отсутствия необходимых естественных рецепторов обратной связи с внешним миром. Ну, не заложила природа! А если заложила, но не было причин для их использования? Пока не было. Если ПП во время прыжка все-таки выпадает из нашего трехмерного пространства и переходит в N-мерный континуум? Что происходит с человеческим сознанием? Обретает ли оно под воздействием таких невозможных для него условий какие-то новые умения? А может, условия как раз возможные и благоприятные, как раз те самые, к которым человек стремился в процессе своего эволюционного развития? –

оранжевая планетка, одетая в нежный туман атмосферы. «*Нам туда...*» Серая бесконечная пелена. Больше никаких ощущений. Тела нет. Ничего нет, кроме пронизывающего всё непонятно чего. Это он?.. Где?.. Всюду?.. Бескрайний океан. Бирюзовая волна лениво накатывает на песчаную отмель, оставляя мокрый шипящий след. Над кромкой воды появляется краешек второго солнца, значит, наступает час двойных теней... Изумрудная лужайка с мягкой шелковистой травой. Кажется, она называется мурава? На траве сидят, лежат, играют дети. Возраст – семь-восемь лет. Свежий, напоенный неведомыми ароматами воздух звенит их веселыми голосами. Он делает шаг. Гомон мгновенно стихает, и дети замирают, кто где был, сев прямо, со скрещенными ногами и ладонями, лежащими на коленях. На этом сочно-зеленом ковре они похожи на только что распустившиеся, тянущиеся к солнцу цветы. А солнце здесь перламутровое. Веснушчатый мальчик с короткой соломенной челкой подходит к нему. В глазах – уважение, хотя и пляшут чертенята.

– Мы слушаем тебя, Учитель, – говорит ребенок и склоняется в коротком поклоне...

«Они ввели ему препарат (сложная химическая формула)»...

«Да. Интересный случай. Локальное нарушение причинно-следственного закона»...

«...пошел вверх по своей мировой линии. Видит будущее».

Вспышка. Вспышка. Вспышка! Темнота... Светлеет... Сумерки. Шумит ветер в кронах деревьев. Гос-с-споди-и-и! Как бол-л-ь-но-то... Качающийся у горла окровавленный кончик шпаги. Над ним возвышается черная фигура в широкополой шляпе. Деталей не разглядеть, только зло блестят глаза. Низкий свистящий шопот: «Жив еще, щенок!» И хриплый равнодушный голос откуда-то сбоку: «Кончай с ним, Филидор. Пора уходить...» Пауза... Высокая скала, поросшая мхом. На вершине что-то слепяще отблескивает, когда солнце показывается из-за облаков. Ему надо преодолеть эту почти вертикальную стену... И как можно быстрее, пусть даже оставляя на шершавом камне клочья кожи и кровавые пятна. Потому что погоня неумолимо приближается. Он затылком чувствует ее обжигающий хрип. А наверху – жизнь... Провал... Дыхание сбивается. Как в холодный омут головой. Вспышка!.. Действительно омут. Вернее, полынья. Он, оскальзываясь на льду, пытается обогнуть ее справа. Слева нельзя – там уже темные фигурки бегут по заматаемой поземкой замерзшей поверхности реки. Дурак! Так бездарно упустить время! Вот тебе и глушь, и безлюдье. Если бы... Громкий треск, ноги теряют опору, и он проваливается с головой в жуткую черную воду. Тьма...

«...фрагменты генетической памяти...»

«...досталось же его предкам...»

«...накопление опыта выживаемости, ключевые моменты...»

У-ф-ф! Только кошмаров ему не хватало! С чего бы? Никогда раньше такого не случилось. И шопот этот странный. Откуда? Да ниоткуда! Сам собой возникает... Максим осторожно приподнял веки, ровно настолько, чтобы стало хоть что-то видно, но, вместе с тем, незаметно для окружающих, и скосил глаза на соседа. Варчук и не думал ничего нашенпывать, вся его поза выражала умиротворенную расслабленность, а голова так вовсе повернута в другую от Клюева сторону. Не было ему никакого дела до пилота, располагавшегося рядом. Он пытался осознать, что происходит с ним самим. Сначала сквозь невнятные и досадливые мысли о том, что полет в Петербург весьма некстати и откладывает на неопределенное время то, что он собирался проверить сразу же после возвращения, пробилась еще одна: «Способен ли человеческий разум сформулировать то, чего он, возможно, понять не в состоянии?» В следующий момент Олег сообразил, что это не его мысль. Не было у нее ни предыдущей логической цепочки, ни каких-либо оснований для возникновения. Вообще он размышлял совсем на другую тему, и внезапно проявившийся вопрос сбил его с толку. Правда, заставил насторожиться. Прикинув, что такая отчетливо оформленная мысль не может всплыть сама по себе, Олег попытался найти ее исток, попутно перебирая варианты и отсеивая всё лишнее. Он не был бы учеником Вознесенского, если бы в результате не пришел к выводу: «Информация – внешняя, и я ухитрился словить ее безо всякой аппаратуры. А это может означать только одно – начинает сказываться влияние

Сферы. Выходит, в истерике американцев и торопливости нашего начальства есть резон». И тут как будто прорвало плотину, и Варчук перестал понимать, где его представления, а где не его. «...если ПП во время прыжка все-таки выпадает из нашего трехмерного пространства и переходит в N-мерный континуум? Тавтология. Трехмерье – частный случай, если случай вообще. Наше восприятие мира несовершенно. Что происходит с человеческим сознанием? Обретает ли оно под воздействием таких невозможных для него условий какие-то новые умения? Ну, теперь-то проверено на себе. Жаль, что механизм непонятен. Та еще будет работка! А условия вполне... Да полно! Непохожи ребята на сверхлюдей... Оп-п-ля! Да ведь я знаю, кто это. Трубников, собственной персоной. Ай да я! Интересно, а он меня слышит? Нет, не так. Я же не подслушиваю его мысли. Получается, что я думаю так же, как и он. А он думает, как я? Объединенный мозг двух разных людей. Или единый информационный блок?.. *Ни то и ни другое. Всего лишь резонанс...* Вот как?! Всего лишь...»

Варчук открыл глаза и исподтишка бросил взгляд на Трубникова. Доктор смотрел в иллюминатор. Его лицо ничего не выражало.

* * *

Редфорд был чернее тучи. Он сейчас сидел за директорским столом, а Штейнберг примостился в гостевом кресле, всеми силами демонстрируя вторичность своего присутствия. Новоявленный главнокомандующий с трудом дождался, пока участники неудачного штурма Сферы не рассядутся на предложенные им места, но потом раздражение все-таки выплеснулось наружу. И окатило оно не притихших в предчувствии неминуемого разноса летчиков, как, скорее всего, и следовало бы, а державшихся индифферентно Мартина и Эша.

– Что вы теперь скажете, голуби мои? – в интонации полковника смешались зловещая снисходительность, сарказм пополам с вымученной иронией и чувство неоспоримого превосходства. Вот ведь как, твердил же я вам, высоколобым, о реальности угрозы, а вы всё отнекивались, да приводили свои, несерьезные для военного человека, доводы. И кто, в результате, оказался прав?

– Нам удалось получить новую информацию, – Эш блеснул стеклами очков. – Сфера непреодолима для человека, но прозрачна для всего остального. По крайней мере, ракеты ее прошли. Не так уж мало, согласитесь.

– И как будем распоряжаться столь великим открытием?

– Если принимать во внимание вашу доктрину, мистер Редфорд, – подчеркнуто вежливо произнес Эш, – то выстраивается следующая модель стратегии. Первый шаг – отправка беспилотного автоматического ПП в режиме прокола за пределы Сферы. Разумеется, запрограммированного на последующее возвращение к Базе, потому что связь во время прыжка отключается. В случае удачного завершения эксперимента мы делаем второй шаг – развертываем за Сферой сеть боевых спутников с системой опознавания «свой-чужой» на направлениях наиболее вероятного появления противника. В этом нам помогут астрофизики, – Эш покосился на Мартина, вероятно, желая получить одобрение, но не получил. – Третий шаг – создание военных станций за орбитой Плутона. Для контроля за внешней сетью и образования второго пояса безопасности. Таким образом, мы сможем максимально защитить себя от возможного вторжения извне. Ну, а дальше, – он пожал плечами, – останется только одна задача: быстро распространить ареал человечества на всю Солнечную систему.

– Вы считаете, этого будет достаточно? – Редфорд все еще пребывал в раздражении.

– А у вас есть другие предложения? – прищурился на него Эш.

– Психи! – убежденно заявил Мартин, чем привел слушавших, раскрыв рот, летчиков в крайнее замешательство. – Что полковник – ксенофоб, ушибленный тарелкой, я понял еще на Земле, а вот от тебя-то, Говард, не ожидал.

– Да как вы смеете! – Редфорд побагровел и даже подпрыгнул на своем месте, но, вспомнив, что перед ним советник и бывший однокашник Президента, сразу умерил пыл и почти мирно добавил: – Если у вас есть, что сказать по существу, – говорите. Мы постараемся принять это к сведению.

– Конечно! – в запальчивости Мартин вскочил и сделал несколько шагов по кабинету. – Я скажу! Вся ваша мнимая угроза – ирреальная истерика, не более того! Где ваш здравый смысл, джентльмены? Мы шарахнули по Сфере двумя ядерными ракетами, и что? Получили адекватный ответ? Ни Боже мой! А будь я творцом Сферы, я бы счел это нападением и врезал бы вам так... Стратеги! Вы хоть представляете себе порядок энергии, необходимой для поддержания подобного экрана? Вряд ли. Куда вам! – астрофизик разошелся не на шутку. – Доктор Бородин показал мне некоторые свои выкладки. Так вот! В нашем трехмерном мире ее просто не существует. Нет ее! Она появляется только в момент попытки преодоления разумным существом границ Солнечной системы. Сфера – просто барьер, подчиняющийся определенной программе. А вот в чем суть этой программы – большой вопрос! Если хотите, главный вопрос! Может, она как хорошо обученная собака – всех выпускает и никого не выпускает. Своеобразная ловушка на краю Галактики. А может, кордон, ограничивающий поле деятельности молодой агрессивной цивилизации. Если сами себя не ухлопаем, то всегда остается шанс когда-нибудь выбраться наружу.

– Так вы считаете, что угрозы нет? – почти ласково поинтересовался Редфорд. – Рекомендуете так и доложить Президенту?

– Докладывайте, что хотите! – махнул рукой Мартин. – Заодно поведайте ему, что вы тут собираетесь вытворять за счет налогоплательщиков.

– То есть, – голос полковника стал вкрадчивым, – вы выступаете против оборонной инициативы. Я правильно понял?

Астрофизик, направлявшийся к своему креслу, как будто налетел на невидимую стену.

– Э-э, нет! – он опять повернулся к Редфорду, и глаза его сузились. – Этот номер у вас не пройдет! Воздействия не было. Во всяком случае, я его не ощутил. Да и остальные, думаю, тоже.

– Вот и чудесно! – полковник, казалось, даже обрадовался. – Значит, снимается хотя бы одна проблема. Но я предпочитаю стопроцентную гарантию, поэтому вам всем придется пройти комплексное тестирование у доктора Слоуна. Надеюсь, возражений не будет?

– Не будет, – вежливо сказал Эш, насмешливо глядя на Редфорда поверх очков.

– Надо так надо, – проворчал Мартин, устраниваясь рядом с ним. – Даже интересно.

Пилоты лишь синхронно кивнули. Штейнберг промолчал.

* * *

Когда американский полковник со своей командой удалился, и скользнувшая в пазы дверь гарантированно отсекла его от пространства директорского кабинета, шеф Базы даже не шелохнулся. Он маялся перед принятием решения. Впрочем, внешне это никак не выразалось. Штейнберг сидел, утонув в мягком кресле и рассеянно глядя перед собой застывшим и, казалось бы, безучастным взглядом. Лишь пальцы его в полном несоответствии с остальной неподвижностью то нервно вздрагивали, то начинали неслышно выстукивать совсем уж немислимые ритмы по мягким подлокотникам, то на некоторое время вдруг успокаивались и расслабленно замирали перед тем, как начать все сначала. Внимательный наблюдатель, конечно же, мог уловить это внутреннее напряжение, но никого из посторонних, к счастью для Штейнберга, в непосредственной близости не находилось. Слишком неожиданно все изменилось, думал бывший генерал Бундесвера, и слишком быстро. Еще одиннадцать дней назад ничто не предвещало такого резкого обвала ситуации. Обнаружение неведомого барьера на границах Солнечной системы. Его воздействие на людей. Правда, пока не доказанное. Но возможное. Прибытие инспекционной группы, состоящей из одних американцев, нет, ну есть в ней русский наблюдатель, как и положено по

конвенции. Значит, закулисная возня уже началась. Главы сверхдержав всполошились сразу. Сделали первые поспешные шаги. Пока остальные их еще не совершили. У них на руках козыри – испытатели, побывавшие у Сферы. Граждане Соединенных Штатов и России. Их можно отозвать на Землю и взять в оборот. И что-нибудь да накопать для использования в собственных целях. А взамен прислать других. Непонятно только, почему русские ограничились одним человеком? Или происходящее их мало беспокоит, или они знают больше, чем другие. Нужно срочно принимать меры. Собственно, он и поставлен здесь для поддержания равновесия. По компромиссному согласию всех сторон, включая Европейский союз. Как фигура беспристрастная и незаинтересованная в чьем-либо превосходстве. А, стало быть, теперь, когда США и Россия получили преимущество в информации, он должен предпринять какие-то нейтрализующие сложившуюся ситуацию шаги.

Штейнберг осторожно помассировал пальцами затекшую от долгой неподвижности шею и огляделся. Надо бы проверить кабинет на наличие жучков. Редфорд хоть и старый его знакомец, но все же разведчик, и интересы страны для него всегда были выше добрых отношений с партнерами по общей работе. Шеф Базы методично ощупал подлокотники кресла, кряхтя, нагнулся и заглянул под столик, встал, медленно прошелся по кабинету, вспоминая, где еще мог находиться полковник во время последних событий, добрался, наконец, до своего рабочего места и сосредоточенно обследовал все незаметные для глаза поверхности. Вроде бы все было чисто. По крайней мере, в первом приближении. Правда, от хитрого лиса Редфорда можно ожидать любых каверз, но, скорее всего, сейчас ему не до нюансов оперативных премудростей.

Штейнберг плотно уселся за ставший уже привычным директорский стол и, успокаиваясь, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Потом набрал код связи с представителем Германии в бернском Центре. Малый дисплей мигнул, и на нем появилось изображение герра Крупката, худого блондина средних лет в отличном сером костюме, прекрасно дополняемом снежной белизны рубашкой и аккуратно повязанным бордовым галстуком.

– Здравствуй, Рольф, – негромко сказал директор. – Как дела на Земле?

– Вашими стараниями, – ответил визави. – Рад видеть тебя, Генрих. У тебя новый сюрприз?

– Нет, но... – Штейнберг кисло улыбнулся, – хотелось бы обменяться мнениями. Только что к вам ушла запись последнего эксперимента. Очередная попытка прорыва не удалась. ПП вернулся к Базе. Ходили на нем американцы. Правда, есть один нюанс. Боевая ракета прошла Сферу, а люди по-прежнему – нет.

– Вот как? – брови Крупката приподнялись. – Это уже что-то новенькое. Значит, неживое может преодолеть преграду...

– Быстро ориентируешься, – одобрил директор. – Ну, на то ты и стратег. Меня беспокоит другое. Люди. У русских и американцев теперь есть масса материала для исследований. Они в любой момент могут отозвать своих и разобраться с ними без посторонних. А что будем делать мы?

– Есть веские основания? – насторожился Крупкат.

– Только косвенные наблюдения, – Штейнберг пожевал губами. – Испытатели сильно изменились. Раньше они были веселой шумной компанией, а сейчас ведут себя очень тихо. Стараются как можно реже попадаться на глаза. И явно говорят меньше того, что знают. Один из них за ночь освоил три языка...

– Необычно, но в рамках допустимого, – перебил его бернский наблюдатель. – Возможно, скрытые способности. Нет?

– Не было у него никогда таких способностей. И тяги к изучению тоже не было. Я просматривал досье. Пилот-ас – безусловно. Хороший механик – да. Но чтобы языки... За такой срок это в принципе нереально. Даже с помощью ви-адаптера.

– Зацепка, но и только, – Крупкат пожал плечами. – Что еще?

– Обобщающий рапорт был составлен только после того, как я дал санкцию на

внеплановый полет к Сфере. Экипаж состоял из Вячеслава Ли, моего заместителя, физика Бородин, биолога Терехова, все, между прочим, русские, и Вивьен Тараоки, пилотировавшей ПП. Они□то в результате и написали то, что попало в Берн...

– Ты нарушил инструкцию, Генрих? – брови наблюдателя опять поползли вверх. – Зачем?

– Иначе бы вы не получили рапорт так быстро и в таком виде. Учти, что его составляли специалисты, сами побывавшие у Сферы... А за свои проступки, Рольф, я отвечу, если наши с тобой шефы решат, что я был не прав.

– Пустое, Генрих, – Крупкат махнул рукой. – Ты действовал по обстоятельствам, тебе там виднее.

– Спасибо... Так вот. Сразу после полета я вызвал их к себе. Чтобы проверить впечатления. По горячим, так сказать, следам...

– И...

– Я утвердился в своих подозрениях. Тем более, что биолог сам решил затронуть тему процессов, начавшихся в их организмах... А теперь у Сферы побывали американцы, которые все свои выводы, – Штейнберг невесело усмехнулся, – оставят при себе. Держу пари...

– Судя по тому, что ты мне сейчас поведал, – осторожно сказал Крупкат, – оснований для тревоги пока нет.

– Это еще не все. Бородин передал Мартину какие□то формулы. И исходя из сурового послеполетного разбора, устроенного Редфордом только что в этом самом кабинете, физик заранее знал, чем закончится их эксперимент.

– Откуда это следует? – сдержанность земного наблюдателя моментально испарилась. Как будто и не было ее вовсе. Теперь он подался вперед и внимательно смотрел в глаза Штейнбергу, фиксируя малейшие оттенки их выражения. – Откуда это следует, Генрих?

– Из слов самого Мартина, – директор, казалось, даже обрадовался, что Рольфа наконец проняло. – Бородин заранее знал, как поведет себя Сфера.

– Да, это уже серьезно, – Крупкат по□прежнему не отводил глаз. – У тебя ведь есть предложения на этот счет. А, Генрих?

– Разумеется. Иначе я бы не стал тебя беспокоить, – Штейнберг пожевал губами. – У меня на борту найдутся пара немцев, француз и испанец, из которых можно составить экипаж...

– Как отреагирует на это Редфорд?

– Он будет категорически против, потому что видит в соприкоснувшихся со Сферой «пятую колонну». Но он же не навсегда здесь. После отлета челнока...

– Нет, Генрих. Забудь об этом... Давай обойдемся без эксцессов, тем более, что Берн не сразу решится на прерывание карантина.

– Но мы получим уже наших носителей информации. Такая цель оправдывает...

– Еще раз – нет. Представь себе, что Редфорд прав. Пусть уж русские с американцами пока сами разбираются с возникшей проблемой. А мы немного подождем. К тому же твое место на орбите очень важно для Европейского союза, и нам не хотелось бы его терять, что будет вполне возможно, если ты решишься на несанкционированные действия. Никаких самовольных выходов. Действуй крайне осмотрительно, собирай и анализируй информацию. А на Земле и без тебя найдутся люди, которые займутся тайнами наших партнеров. Так□то. Надеюсь, недомолвок не осталось?

– Я всего лишь исполнитель.

– Тогда позволь пожелать тебе успеха. В случае любой критической ситуации сразу обращайся ко мне, я всегда на связи.

Дисплей погас, а Штейнберг еще долго смотрел на его темную матовую поверхность.

аппетитных запахов. Он повел носом и осмотрелся. Почти половина столиков была занята сотрудниками Базы, но оставалось еще и много свободных. «Весело им тут, – с завистью подумал психолог. – Вон как щебечут. Впрочем, где им еще расслабляться, как не за обеденным столом. Они же все очень занятые люди. У них сумасшедшая программа исследований. Сроки. Земля ждет результата». Взгляд его остановился на компании в дальнем углу. Джерри сразу узнал их. Память его никогда не подводила, иначе он не стал бы профессионалом столь высокого уровня. «Кобыш, Тернер, Седых и Хромов», – мгновенно отметил он. В отличие от большинства испытал не зубоскалили, а, неторопливо и со вкусом поедая некие экзотические блюда, о чем что негромко переговаривались. Столик рядом с ними пустовал. Для Слоуна это было весьма кстати. Он изобразил на лице вежливую улыбку и не спеша направился к стойке. Там он, непрестанно кося глазом в сторону незанятого места, аккуратно поставил на поднос несколько тарелок, не особо обращая внимание на их содержимое, и высокий стакан с апельсиновым соком. Потом повернулся и прошествовал к облюбованному стратегическому пункту.

Джерри уже приступил к трапезе, когда периферийным зрением уловил брошенный искоса взгляд Кобыша и тут же услышал над собственным ухом чей-то бархатный голос. Подняв голову, он узрел еще два объекта своего профессионального интереса – Дорина и Клеменса, державших в руках по две тарелки и чашке кофе. Подносами пилоты пренебрегли. Раф, очевидно, задавший вопрос по-русски и заметивший недоумение на лице психолога, уже осознал свою ошибку и обратился к Слоуну на английском:

– Простите, мы можем составить вам компанию?

Губы Джерри растянулись в лучезарной улыбке.

– Буду рад знакомству, – сказал он.

– Вот и чудненько, – заметил Дорин, ногой отодвигая кресло и водружая на стол то, что держал в руках. – Присаживайся, Джек.

Клеменса не надо было приглашать дважды. Он, собственно, уже уселся, деловито выуживая из свернутой салфетки нож и вилку.

– Рафаил, – представился израильтянин, – можно просто Раф. А это, – он кивнул в сторону Клеменса, – Джек.

– Меня зовут Джерри, – сказал Слоун, подумав, что все складывается как нельзя более удачно.

Дорин принялся и скользнул взглядом по тарелке психолога.

– О! – воскликнул он. – Соляночка! Блеск! А я и не углядел. Надо пойти восполнить, – и снова встал.

И пока Джерри с интересом присматривался к багровому вареву с непривычным названием «сол-йанотчка», пилот повернулся и, скупно бросив Кобышу «Ни бельмеса!», быстрым шагом пошел к стойке. Психолог отметил, что при этом слове русский едва заметно кивнул, а Тернер уставился на него изучающим взглядом. Одновременно Слоун с удивлением ощутил, что первое блюдо, которое он поглощал совершенно автоматически, действительно вкуса необыкновенного.

Между тем прерванный разговор за соседним столиком возобновился, и Джерри в очередной раз после прибытия на Базу пожалел, что почти ничего не понимает по-русски, кроме общеупотребительных «Здравствуйте» и «Спасибо». Он чересчур поздно осознал свою промашку и вспомнил про ви-адаптер. Слишком уж поспешно проходили их сборы в этот рейс. «Исправить, как можно скорее», – внес Слоун в список неотложных дел.

Вернулся Дорин, держа перед собой обеими руками, как хрустальную вазу необычайной ценности, глубокую тарелку с солянкой, сел, шумно вздохнул и закатил глаза.

– Эх! – чувственно произнес он. – После карантина не существует лучшего блюда!

– Вы только что из карантина? – осведомился психолог.

– Не только что, – ответил израильтянин. – Три дня уже как. Но между тем соляночка за это время впервые.

– И как там, у Сферы? – вновь подал голос Джерри.

– У Сферы? – удивился Дорин. – Да я о ней услышал только от физиков. Вы, наверное, знаете о таком явлении, как «мерцающий выход».

– Я не специалист, – пробормотал Слоун.

– А я что думал, с Земли к нам пожаловали высокие профессионалы.

– Как вы догадались, что я из инспекционной группы?

– Нетрудно было, – фыркнул Раф. – Остальные все примелькались за две недели.

За столом воцарилась краткая пауза, прерываемая только негромким стуком ложек, вилок и ножей. Впрочем, Джерри не дал ей надолго затянуться.

– Вы относитесь к инспекторам с предубеждением? – небрежно поинтересовался он.

– Конечно, – доверительно сообщил молчавший до того Клеменс. – А как еще к вам относиться? Летали бы себе и летали, так нет, кто-то на Земле решил притормозить испытания. А мы, между прочим, только для этого здесь и находимся, и именно за это нам платят. И неплохо платят. А теперь мы в полете, прошу прощения за невольный каламбур.

– Мы тоже люди подневольные, – заметил Слоун.

– Никто и не спорит, – ответил Джек, – но без вас работа бы шла по графику...

– Ой, девочки! – раздалось справа от них. – Это же психоаналитик, про которого Пэт рассказывала. Прелесть, что за мулатик!

Джерри повернул голову и увидел трех улыбающихся девиц в голубеньких платьицах с эмблемами биологической секции. Девицы насмешливо переговаривались, не сводя глаз с психолога. Заметив, что на них обратили внимание, самая бойкая, стрельнув глазами, томно спросила:

– Доктор, а нас вы тоже будете обследовать? Мы бы не возражали!

И все трое прыснули.

– Ага! – сказал Дорин, приподнимая бровь. – Значит, вы – психоаналитик?

– Да, – спокойно сказал Слоун, внутренне досадуя на неожиданное и преждевременное разоблачение. – Моя задача заключается в уточнении психодинамических карт персонала Базы, а в особенности – карт людей, имевших непосредственный контакт со Сферой. Я надеюсь, вы не будете возражать против небольшого обследования?

– Что ж вы сразу не сказали? – возмутился Клеменс. – Разговор бы совсем иной был. Да вы же просто благодетель! Тошно же без работы. А так – хоть какое-то развлечение. А, ребята? – обратился он к сидевшим за соседним столиком. Кобыш кивнул. – Ну вот! Команда в единодушном порыве! Когда надо приступать?

– Да сразу после обеда, – скучным голосом промолвил Джерри.

– О'кей! – сказал Клеменс. – Мы готовы!

«Ну и кто кого протестировал? – недовольно подумал психолог. – Ловко они меня...»

* * *

Когда уставший до чертиков Слоун вошел в каюту Редфорда, там уже сидел, вольно раскинувшись в кресле, непревзойденный мастер нештатных ситуаций и его невольный сосед по каюте. Полковник повернул голову, окинул подчиненного цепким взглядом и пробормотал:

– Неважно выглядишь.

– Еще бы, сэр, – Джерри провел рукой по лбу, – обследование таких людей, как испытатели, требует предельной концентрации внимания.

– И каков результат?

– Стандартный. В пределах нормы. Аномалий не обнаружено, сэр.

В глазах Редфорда мелькнуло разочарование, но вместе с тем и облегчение. Он задвигался, устраиваясь поудобнее, потом сказал:

– Садись и рассказывай. Теперь уже в деталях.

Слоун со вздохом погрузился во второе кресло, мимолетно посмотрев на Хоскинса. Казалось, предстоящий разговор того нимало не занимал. Он думал о чем-то своем. Зато

полковник выглядел чересчур сосредоточенным.

– Сначала я пропустил через полиграф наших, – начал Джерри, – и пилотов, и ученых. Не могу сказать, что итоги меня вдохновили. Разумеется, в рамках предложенных обстоятельств. Никакого постороннего влияния я не обнаружил. По всем тридцати двум параметрам. Отклонения в ответах от истины составляют примерно около двадцати процентов...

– Это допустимо? – прервал его Редфорд.

– Да, сэр. Это в пределах нормы для обычного человека. Если он не находится под давлением.

– То есть?

– Ну, представьте себе, что вы, агент □нелегал, попадаете в руки контрразведки страны пребывания. Вас начинают проверять на детекторе. Подсознательно вы стараетесь давать такие ответы, которые укладываются в легенду, постоянно контролируя себя и помня, что все, произносимое вами, должно быть искренним. Если вы, как любой хороший профессионал, способны к перевоплощению, то сможете, вероятно, обмануть машину. Погрешность будет невелика. Это и называется работа под давлением, сэр.

– А в нашем случае?

– Здесь все проще. Испытуемые знают, что ничего им не грозит, и отвечают на вопросы спокойно, исключая те моменты, в которых им невыгодно говорить правду.

– Например? – заинтересовался полковник.

Джерри сделал паузу и, немного подумав, сказал:

– Среди вопросов, отобранных мной для тестирования, есть такой: «Сможете ли вы отдать жизнь за Родину?» Естественно, все стараются ответить на него утвердительно, чтобы не подвергать сомнению свою лояльность. Но в ответах игроков нашей команды не фиксируется полной откровенности, скорее, прагматизм. Это означает, что подобной ситуации они постараются, по возможности, избежать. Ответы же испытателей были абсолютно натуральны, другой формулировки я не могу подобрать, сэр.

– Как это понимать?

– Они действительно говорили то, что чувствовали. Правда, я бы не рискнул точно определить, что для них означают некоторые понятия. «Родина», например. Или «подчинение приказу».

– Значит, пустышка?

– В первом приближении, да, сэр.

– А во втором?

– Необходимо время и более кропотливые наблюдения, сэр. У меня очень сильное ощущение, что наши подозреваемые просто играют. Весело и находчиво.

И Слоун рассказал о том, как его лихо обставили в «Харчевне», как пилоты спокойно разговаривали за соседним столиком, зная, что он не понимает по □русски, так как сначала была учинена проверка, а потом произнесено кодовое слово «нибелмеса». Закончил он выводом:

– Похоже, они с самого начала знали, с кем имеют дело, сэр.

– Что ж, – Редфорд, очевидно, был готов к подобному раскладу, – значит, будем отслеживать все их действия. Тони, ты все запомнил?

Каменноликий Хоскинс молча кивнул.

– Тогда вот что, – Джерри понял, что полковник, наконец, собрался с мыслями и принял решение. – Наша миссия здесь завершена. Ничего нового сейчас мы больше не узнаем. Поэтому сегодня мы возвращаемся на Землю. Но... – глаза Редфорда хищно блеснули. – Вы двое остаетесь на Базе. Для наблюдения и активных действий в экстремальных случаях. Надеюсь, вы в состоянии определить, когда они окажутся таковыми. Вместо вас на «Уокере» орбиту покинут Клеменс и Тараоки. Я уверен, что в спецклинике Комитета сумеют разобраться, кто они такие. Впрочем, дай Бог, чтобы я ошибался. Вопросы?

– Как долго нам здесь оставаться, сэр? – в голосе Слоуна сквозило недовольство.
– Пока полностью не разберемся в ситуации.
– То есть до полного снятия карантина?
– Возможно, дольше. Линия связи в директорском кабинете. Прямой канал с Комитетом я постараюсь обеспечить. Шифр нашего человека в Берне дам. Штейнберга не обязательно посвящать во все подробности. Все ясно?
– Да, сэр, – в голосе Джерри не слышалось оптимизма.
Хоскинс опять молча кивнул.

* * *

Седых невнятно хмыкнул и свернул картинку. Некоторое время никто не двигался, каждый по-своему переживал увиденное. Первым нарушил молчание Клеменс. Он зябко передернул плечами и спросил:

– Ну и что теперь?
Кобыш крикнул, пригладил ежик на голове и подвел итог:
– Да, братцы. Хотя мы и выиграли первый раунд, похоже, теперь нас пытаются обойти. Не ожидал такого стремительного развития событий.

– А кто ожидал? – поморщился Хромов. – Мы ведь думали, эта бодяга суток на пять, не меньше. Пока разберутся, что к чему.

– Они и разобрались, – сказал Дорин. – Только быстро. И частично. А теперь сделали правильный ход – незачем торчать тут всем, достаточно оставить для наблюдения только пару человек, которые будут тут тихой сапой все высматривать и вынюхивать. А остальные вернутся на Землю и в комфортных условиях выпотрошат Джека и Вивьен. Браво!

Клеменс опять зябко поежился. Заметив это, Тернер тут же вклинился в разговор:

– Ну, мы тоже кое-что можем. Надо только зашевелить мозгами. Так, командир?
– Так, – подтвердил Кобыш и обратился к Седых. – Скажи-ка, Женя, как ты вызываешь картинку?

– В смысле? – удивился капитан.

– Ну, перед тем, как ее увидеть, ты же за что-то цепляешься?

– А-а! – понял Седых. – Конечно. Сначала я четко вспоминаю место, а потом...

– Надо выявить зону охвата. Ты можешь показать нам место на Земле?

– Какое?

– Да любое! На твой выбор.

– Попробую, – капитан усмехнулся и прикрыл глаза.

Все затихли. Сначала ничего не происходило, и пилоты уже начали было недоуменно переглядываться, но тут воздух перед ними сгустился, и показалось даже, что пахло холодом. Прямо посреди каюты возник ободранный угол дома с полуоторванным плафоном фонаря. Плафон немилосердно мотало ветром и заметало снегом, поэтому световое пятно на утопанной грязной обочине у дома дергалось и испуганно прыгало. Улица, уходящая в темноту, почти не освещалась, и непонятно было, что там есть еще, кроме близлежащих зданий.

– Здесь я жил очень много лет назад. В далеком детстве, – мрачно сказал Седых. – По-моему, стало еще хуже.

– Убери, – попросил Кобыш, – а то замерзнем.

Картинка исчезла, а полковник продолжил:

– А теперь, Женя, попробуй зацепиться за какого-нибудь человека. Опять же на выбор.

Седых внимательно посмотрел на командира, но промолчал. Очевидно, он догадался, что затевает старший по званию. Снова закрыв глаза, он сосредоточился.

На этот раз все произошло гораздо быстрее. Перед пилотами возник интерьер комнаты, обставленной со вкусом и излишне не загроможденной. Было-то там всего: тройка мягкой

мебели, журнальный столик, изящный стеллаж с замысловатыми статуэтками и видео□стойка со всеми причиндалами, от телевизора с гигантским экраном до DVD□дисков.

На диване, глядя в потолок, лежал худой человек в махровом халате. Рука его свисала, касаясь пола, а лицо выражало крайнюю озабоченность.

– Мой сосед по лестничной площадке – аудитор Фомский, – возвестил Седых.

– Достаточно, – улыбнулся Кобыш. Невооруженным глазом было видно, что он доволен. – Зачет принят.

– Выходит, радиус действия не ограничен, – сказал Дорин. – Во всяком случае, в пределах Земли. Выкатывай свой план, командир. Хотя, по□моему, и так все ясно.

– Да, – подтвердил Кобыш. – Надеюсь, сообразить было нетрудно, – он посмотрел на начавшего оттаивать Клеменса. – Не паникуй раньше времени, Джек. Команда не бросает своих в беде. Сейчас ты обязан будешь подчиниться воле Редфорда. Но потом, когда ситуация станет опасной, мы тебя вытащим. Брюс и Женя отследят все до упора. А мы с Виктором выступим в роли командос. Сил и смекалки хватит, не сомневайся.

– Почему сразу нельзя что□нибудь предпринять? – с затаенной надеждой спросил Клеменс.

– Потому что мы еще не успели отработать свои новые навыки, – назидательно ответил Кобыш. – Просто времени не хватило. Теперь же мы будем действовать стремительно, так, чтобы супостат не успел принять контрмер. В первую очередь надо найти убежище на Земле и снова собраться в кучу уже на новом месте. Далее – по обстоятельствам.

– Вы□то с Хромовым сможете, – согласился Дорин. – А мы как уйдем с орбиты?

– Пока суть да дело – попытаемся все□таки инициировать друг друга. Если не получится, придумаем что□нибудь еще. В конце концов, челнок с космодрома угоним. Мы ли не пилоты?

– А как с Вивьен? – спохватился Клеменс.

– Вивьен – наш страховочный вариант, – усмехнулся Кобыш.

И стало очень тихо.

– Не хочешь ли ты сказать... – потрясенно начал Тернер.

– Да, – перебил его командир, – с недавнего времени у меня появилось очень сильное подозрение, что возможности Ли со товарищи гораздо более серьезные, чем у нас. С того самого момента, кстати, когда ты, Брюс, увидел вокруг них оболочки.

* * *

Новое здание Института психофизики в Петергофе Варчук с Ключевым снаружи рассмотреть не успели, обратив внимание только на блеск тонированных стекол. Черная «Волга» остановилась у самого подъезда, и два здоровенных, коротко стриженных мужика с бычьими шеями быстро сопроводили их в вестибюль. Зато внутри, пока поднимались на четвертый этаж в современном бесшумном лифте, плавность хода которого могла соперничать исключительно с ходом представительского «Мерседеса», и шли по длинным просторным коридорам, создававшим теплыми пастельными тонами стен и бликующей поверхностью покрытого ламинатом пола впечатление не научного, а, скорее, бизнес□центра, они смогли удостовериться в том, что попали действительно в недавно и со тщанием построенное здание. Вот только двери подкачали. Были они не ажурными, большей частью состоящими из покрытого морозными узорами стекла, а массивными и глухими. «Как будто за каждой из них скрывается жуткая тайна», – подумал Варчук. Обширный холл, куда их привели, составлял приятное исключение. Одна его стена отсутствовала вообще, замененная по прихоти архитектора сплошным стеклом, открывавшим вид на заброшенный, но чем□то притягивающий взор парк. Двери же в трех остальных стенах резко отличались от увиденных ранее. Высокие, двустворчатые, как будто рассчитанные на великанов, они тоже были изготовлены из сплошного стекла, но только матового. Один из сопровождающих, как заправский дворецкий, подошел к центральным створкам, справа от которых висела черная

табличка с выведенной золотыми буквами надписью: «Директор», мягко развел их в стороны и сказал:

– Прошу вас, господа.

Варчук с Клюевым сделали несколько шагов, но очутились еще не в кабинете, а всего лишь в вестибюле□приемной. За столом секретаря сидела отнюдь не девица, как можно было ожидать, там непринужденно устроился широкоплечий детина, правда, со всеми признаками интеллекта на лице. Кивнув вошедшим, он тут же нажал на невидимую кнопку, и дверь в директорские апартаменты бесшумно открылась, теперь уже без посторонней помощи.

«О, как! – мелькнула у Клюева неприязненная мысль. – Почтище, чем на нашем оборонном предприятии». Продолжив движение, испытатели вошли в кабинет, и проем за ними сразу же закрылся, оставляя охрану снаружи. Помещение, в которое они попали, являло собой образец рабочего места высокопоставленного руководителя. Длинный стол для совещаний, встроенные шкафы с книгами и папками, стулья вдоль стен, обшитых дубом, широкие окна, наполовину закрытые портьерами, и большой чиновничий набор с компьютером, стопами документов и портретом президента, благожелательно наблюдающего сверху за действиями своих вассалов.

Тут же обнаружился и Трубников, пропавший еще в аэропорту, когда прибывшие были переданы с рук на руки встречающим. Он разместился слева от директора, против ожидания оказавшегося приятным, не старым еще мужчиной, и при появлении Клюева с Варчуком громко произнес: «А вот и наши орлы!» Справа от главы института сидел еще один человек, взглянув на которого, можно было с уверенностью сказать – это, несомненно, ученый. Что□то в нем сквозило типично академическое, близкое образу киношного героя, непредставимого без мигающей огнями аппаратуры или, на худой конец, без изрыгающих сизый дым колб и пробирок. На кончике носа его имели место старомодные очки, а пегая шевелюра стояла дыбом, совсем как у великого Альберта Эйнштейна.

Директор внимательно посмотрел на каждого из появившихся и вежливо сказал:

– Присаживайтесь, господа. Не стесняйтесь.

При этих словах Трубников моментально поднялся и, обойдя главный стол кабинета, указал испытателям, куда именно им следует сесть.

– Максим Валерьянович Клюев, пилот, а теперь уже космонавт, – представил он. – И Олег Степанович Варчук, физик из группы академика Вознесенского, специалист по ви□технологиям.

Оба коротко склонили головы, потом сели на предложенные им стулья, а советник□энциклопедист снова вернулся к своему месту и продолжил:

– Владимир Львович Славкин, директор Института психофизики, – при этих словах приятный мужчина под портретом президента рассеянно глянул на говорившего и вновь сосредоточился на героях дня, – а также профессор Иван Павлович Костромин, глава отделения паранормальных явлений, – Трубников простер указующую длань в сторону киношного академика.

– Ну□с, – немедленно отреагировал тот, – теперь, когда все представлены, может быть, не будем откладывать дело в долгий ящик.

– Погодите, Иван Палыч, – поморщился Славкин, – дайте им хоть отдышаться с дороги. Да и я хотел бы услышать комментарии к тому, что нам показал Тимур Богданыч, так сказать, из первых уст. А, молодые люди, вы как?

Космопроходцы переглянулись и одновременно кивнули. Они сразу поняли, что от повторного рассказа им не отвертеться. Кроме того, они совсем не спешили стать объектами для опытов.

Беседа в директорском кабинете затянулась надолго. Повествование «примовцев» как□то плавно и незаметно переросло в полноценный обмен мнениями, причем и Трубников, и Славкин, и особенно Костромин не скупились на предположения и эпитеты. Идеи носились в воздухе, как стаи взволнованных птиц, появляясь и исчезая с

фантастической скоростью. За это время широкоплечий молодец дважды вкатывал в кабинет сервировочный столик с чаем, кофе и вазочками с печеньем, и дважды же он между делом опустошался.

Наконец директор мельком, скорее, по привычке, глянул на часы и замахал руками:

– Господа, господа, пора и честь знать! Мы здесь сидим уже без малого два часа. Нас всех ждут неотложные обязанности. Давайте закругляться.

– Да уж, – тут же поддержал его Костромин, – все наши теории и гроша ломаного не стоят, если не подтверждены опытным путем. Ваш патрон, Олег, не был бы столь блестящим ученым, когда б не претворил все свои идеи в совершенно конкретные вещи. Давайте последуем его примеру.

Он поднялся и сделал приглашающий жест, направляясь к двери. Испытатели тоже встали и, пожав руки Трубникову и Славкину, пошли за профессором. Корифеи проводили их благосклонными взглядами.

Миновав приемную, Костромин с вверенным ему экипажем «Примы» выбрались в коридор и устремились к лифту, а потом плавно вознеслись на последний, двадцатый, этаж, где и располагались лаборатории отделения паранормальных явлений.

Когда они вступили во владения энтузиастов обнаружения сверхспособностей у людей, Варчук изловчился и едва слышно шепнул Ключеву:

– Сейчас нас разведут по разным лабораториям.

Тот без интереса посмотрел на напарника и рассеянно кивнул. Вероятно, его голова была уже занята тем, что ему предстояло. Олег знал, что говорил. На очередной площадке, где пересекались коридоры, они свернули направо, и почти тут же обнаружилась приоткрытая дверь, из-за которой доносились смутные голоса. Костромин притормозил, заглянул внутрь и кого-то окликнул. Их ждали и, видимо, довольно давно, потому что на зов, как джинн из замшелой бутылки, явился пред очи компании розовощекий парень в распахнутом белом халате и затараторил:

– Иван Палыч, ну что ж так долго? Народ уже весь пар выпустил! Ведь когда звонили-то! Маеся, как неприкаянные, аппаратуру зря гоняем! Она ж, родимая, на определенный психотип три часа настраивается. Ну, вы же знаете!

– Стоп! – веско сказал профессор. – Уймись, Коля, – и, обращаясь к Варчуку и как бы извиняясь, добавил. – Коллектив жаждет общения. Тем более что о вашем прибытии сообщили, когда вы еще с аэродрома в Сибири взлетали.

«Ай, да Трубников! – подумал Олег. – Ай, да сукин сын!»

– Вас, Олег, я оставляю на попечение Николая и его сотрудников, – Костромин развел руками. – Но я вас обязательно навещу. А мы с Максимом устроимся в седьмой лаборатории. Это чуть дальше по коридору.

Он ободряюще улынулся, глядя поверх очков, и, развернувшись, зашагал дальше, увлекая за собой Ключева. Максим успел еще оглянуться, но единственное, что он заметил, так это странное выражение в глазах Варчука, смысл которого он не сумел определить.

Профессор не погрешил против истины, светлая большая комната, куда они вошли, действительно, оказалась примерно в тридцати шагах от места, где они расстались с Олегом.

«Занятно, – Максима проняло вдруг необъяснимым ознобом, – но так я себе всё и представлял...» Что именно «всё», он бы не смог ответить.

Вдоль двух стен, буквой «Г», стояли стойки с блоками непривычного вида аппаратуры, уступая место только подковообразному пульту, находившемуся буквально в паре метров от входа. Третья стена почти сплошь поросла буйной зеленой растительностью, причем было непонятно, откуда тянется вся эта флора – то ли из длинных узких кювет, стоящих на полу, то ли из кашпо, во множестве проглядывающих сквозь заросли. Скорее всего, отовсюду, решил Ключев. Внешнюю стену занимало окно, начинавшееся от потолка и заканчивавшееся непосредственно над радиаторами отопления, разместившимися на остальном пространстве. А в центре помещения, на круглой просторной площадке, выступавшей из пола где-то на ладонь, стояло в обрамлении двух блестящих полуцилиндров кресло, живо напоминавшее

Максиму стоматологический кабинет.

– Ну□с, молодой человек, – Костромин не дал ему расслабиться, – присаживайтесь□ка сюда, – он указал на мягкий стул с полукруглой спинкой, а сам прошел за пульт, пощелкал там какими□то кнопками и тумблерами и застыл, глядя на экран встроенного монитора. – Постарайтесь, чтобы зрачок сканера был прямо напротив вашей груди. Будем проверять ваш организм на предмет возможных аномалий.

Испытатель посмотрел на круглую штуквинку, прилепившуюся к пульта и напоминающую банальную камеру видеонаблюдения, развернул стул и уселся так, как просил профессор. Тот удовлетворенно кивнул и зашелестел клавишами.

– Процедура долгая, – заметил он, – займет минут двадцать, поэтому, если вы не возражаете, я бы задал вам ряд вопросов.

– Спрашивайте, – сказал Максим, – это же ваша работа.

Время, необходимое для сканирования, промелькнуло, вопреки ожиданию, довольно быстро. Костромин сыпал вопросами, летчик отвечал, и так, незаметно, все вдруг подошло к концу.

– Крайне интересно, – услышал Ключев, – и довольно неожиданно. Прибор несколько раз возвращался на прежние треки, потому что, пока длился процесс, состояние ваших внутренних органов менялось. Похоже, молодой человек, что организм у вас оптимизируется буквально на глазах. Никогда не наблюдал такого! Регенерация у пресмыкающихся это, знаете ли, одно, а здесь совершенно...

Профессор замолк на полуслове и буквально впился взглядом в картинку на мониторе.

– Да, несомненно, – подтвердил он. – Устраняются все микропатологии. Вы теперь будете абсолютно здоровым человеком. Абсолютно! Мало того, похоже, характеристики вашего биологического возраста свидетельствуют о некотором омоложении. Поразительно!

Костромин вдруг зашарил рукой по пульта и севшим голосом произнес:

– Каневский, Засулович, немедленно в седьмую лабораторию!

А потом, поправив совсем уж сползшие очки, вновь обратился к Ключеву:

– Ну□с, Максим Валерьянович, теперь извольте□ка надеть вот эту тубетейку, и, благословясь, продолжим. Кстати, теперь вы вольны повернуться в любую сторону и не затрудняться с фиксированным положением.

Пилот взял в руки металлическую на вид, но странно шелковистую на ощупь круглую шапочку, с сомнением повертел ее, оглядывая со всех сторон, и, наконец, водрузил себе на затылок.

– Так? – спросил он у профессора.

– Можно и так, – согласился тот, уже отвлекаясь на манипуляции с пультом и рассеянно кивая.

Ключев привстал, развернул стул, чтобы быть спиной к стойкам с аппаратурой, и уставился в окно. За почти невидимым стеклом угасал короткий зимний день. Небо затянули низкие, свинцовые тучи, из которых сыпалась неприглядно мелкая и, судя по всему, сырая мерзость, оставляя на стекле змеящиеся причудливые дорожки.

«Надо же, – с недоумением подумал Максим, – когда мы ехали сюда, вроде, подмораживало, да и довольно солнечно было. А тут слякоть какая□то. Зима называется...» Он не успел округлить свои размышления, потому что раздался звук открываемой двери. Пилот скосил глаза и обмер. В лабораторию вошли двое в салатного цвета хирургических одеяниях. Двое из его недавнего кошмара. Вдоль позвоночника прокатилась ледяная волна.

– Потрясающе! – раздался изумленный возглас Костромина, и Максим невольно вздрогнул. Профессор со своими заботами при появлении этих двоих как□то выпал из его восприятия. – Саша! Вы только посмотрите! Небывалой силы пик альфа□ритма! – и уже к Ключеву. – Вы чего□то испугались, юноша?

– Нет, профессор, – выговорил деревянными губами испытатель, стараясь сохранять на лице невозмутимое выражение, а один из салатных, тот, что повыше и покурчавее, мигом оказался за пультом и буквально прилип к монитору.

– Да, Иван Палыч, – выпалил он через две-три секунды, показавшиеся Максиму бесконечными. – Это наш клиент. Гена, глянь...

Второй салатный, стянув с головы шапочку, мрачно прошествовал внутрь подковы и тоже сосредоточил внимание на экране. Потом задумчиво пощипал себя за ухо и кивнул.

– Надо работать, – подвел он итог.

– Какой я вам клиент, – сухо сказал уже немного пришедший в себя Ключев. – Я прибыл сюда всего лишь на послеполетную проверку.

– Э-э-э, молодой человек, – растерянно протянул Костромин, – не относитесь столь опрометчиво к необдуманным словам моего... м-м-м... сотрудника. Ему, знаете ли, свойственно иногда впадать в... экспериментаторский раж, – он бросил укоризненный взгляд на курчавого. – А вам, Каневский, я неоднократно замечал, что надо быть осмотрительнее в выражениях.

– Да я что? – моментально отреагировал тот. – Я ж не имел в виду ничего такого... Извиняйте, ежели что не так. Не по злему умыслу, а токмо по воле...

– Ну, хватит! – рассердившись, прервал его профессор. – Опять понесло, – он с досадой постучал пальцем по краю пульта. – Слушайте внимательно. Обрабатывать результаты предыдущих тестов будем позже. Сейчас надо ловить благоприятный момент. Введете нашему гостю три кубика «Дельты» – и в зеркала. А вы, Максим, – он вновь обратился к летчику, – не извольте беспокоиться. Ничего дурного здесь с вами не произойдет... – поколебавшись немного, он закончил. – Я же, с вашего позволения, отлучусь на некоторое время. Надо проведать нашего второго... э-э-э... посетителя.

С этими словами он встал и поспешно направился к двери, а оба салатных усталились на Ключева.

– Не гневись, космонавт, – с интонациями раскаяния произнес Каневский. – Я еще и не такое могу ляпнуть. Так что просто не обращай внимания.

– Что это вы собираетесь мне вкалывать? – Максим все еще не мог успокоиться.

– Всего лишь стимулятор, – Засулович успокаивающе поднял руки. – Ничего сверх нормы. Для здоровья не опасно.

– Зачем? – подозрительно поинтересовался Ключев, памятуя о недавних кошмарах.

– Видишь ли, Макс, – сказал Каневский, приближаясь к нему с пневмошприцем в правой руке, – для проверки в зеркалах Козырева, как показывает опыт, лучше активизировать мозговую деятельность. Тогда все происходит намного эффективнее. Препарат только для этого.

– И что дает такая проверка?

– Дополнительную информацию о параметрах и возможностях сознания. Должны же мы убедиться, что после полета в глубокий космос с тобой все в порядке. Ну-ну, не напрягайся. Все замечательно, и нет причин для волнений... Ага, так... Закатай левый рукав.

Максим, уже мысленно плюнувший на все свои опасения: «Будь, что будет! Они, неверное, знают, что делают. Я же здесь не первый», расстегнул манжет и задрал вверх мягкую ткань комбинезона, одновременно оглядываясь на «стоматологическое» кресло.

– Вот-вот, именно туда, – подтвердил Каневский, приставляя пневмошприц к руке пилота и нажимая на активатор. С коротким шипением прозрачная жидкость исчезла под кожей. Засулович тем временем уже прочно обосновался за пультом, а Максим ступил на круглую площадку. – Располагайся поудобнее. Все мышцы расслаблены, тебе покойно. Глаза можешь закрыть... Если, конечно, хочешь. Так... Дивно!.. Гена, запускай машинку.

Кресло было упругим, прохладным и, казалось, обволакивало тело. Во всяком случае, впервые за время своего пребывания в институте Ключев ощутил некоторый комфорт. Вроде как остался наедине сам с собой. Сквозь прикрытые веки пробивался слабый свет, и где-то далеко, почти на грани восприятия гудела аппаратура и звучали невнятные, совершенно его не раздражающие голоса. Потом все там же, далеко, прозвучало знакомое слово «Фокусировка», и испытатель приоткрыл глаза, чтобы полюбопытствовать, к чему же это относится. Он только успел заметить, что зеркальные полуцилиндры начали еле видимое

движение, уловить краем зрения фигуры за пультом и ощутить отчетливую, но быстро ускользающую мысль: «Дежа вю».

Вспышка света расколола мир на прошлый и будущий.

Максим приподнялся и воспарил к потолку. И уже оттуда, под новым углом обзора, стал присматриваться к происходящему.

Прямо под ним, метрах в двух ниже его теперешнего пребывания, распростерлась освещаемая рассеянными зеленоватыми бликами знакомая фигура в летном комбинезоне. Чуть левее, ближе к двери, замерли над подковообразным пультом двое салатных естествоиспытателей. «Как он?» – спросил тот, что был Каневским. «Сам посмотри, – растерянно откликнулся другой, бывший Засуловичем. – У меня такое чувство, что его здесь нет. Полное отсутствие реакции на внешние раздражители...»

«Ха! – мысли Ключева стали, наконец, оформляться в интуитивную цепочку. – Да ведь это я сам внизу. Вернее, мое тело. Бледненькое, однако. Еще бы, я же его покинул! Стало быть, имеем выход сознания из материального носителя. Как же, читал об этом. Читал, но не верил. А теперь получил возможность убедиться. Вот, значит, чем они тут занимаются! А всех остальных дурачат – послеполетные проверки, тесты, активизация мозговой деятельности. Ну да! Нет, ребята, я вам не подопытный кролик... Стоп! А мои галлюцинации в самолете? Это как? Выходит, я видел будущее? Минуточку! Не все там было кошмаром. Были там еще звезды... и дети... И это случилось до того, как они начали со мной экспериментировать... Совсем запутался...»

– А ты распутывай не спеша...

– Кто это? – удивился Ключев – сознание.

– Есть варианты?

– Олег? – неуверенно ухватился за ниточку подпотолочный призрак.

– Долго же ты соображаешь, напарник!

– Ты где?

– Да все там же, где мы расстались. Тут у нас весело. Сижу в зеркалах. Костромин рядом подпрыгивает. Остальные носятся, как ужасенные, пытаются сообразить, что происходит. А я с тобой разговариваю и делаю вид, что принимаю какую-то их передачу. Смешно...

– Олег, они тут не в игры играют...

– Можешь не рассказывать, я их всех уже прочитал. Сами-то они ребята ничего, но вот их кураторы из Службы безопасности. Правильнее назвать ее Службой опасности для обычных людей.

– Дальше-то что?

– А дальше не робей, прорвемся. Будем держаться вместе. Есть у меня надежда, что нас не бросят. Я же все-таки специалист по теории информационных взаимодействий, и не из самых последних. Спускайся вниз, Макс, поговорим позже, тут запарка начинается.

– Олег, подожди! Как спускаться-то?!

– Ну, ты даешь, летчик! Как выходил, так и входи. Представь себя внутри собственного тела.

И голос Олега пропал. А Ключев снова осмотрел лабораторию. Салатные экспериментаторы суежились вокруг кресла, полуцилиндры застыли в прежнем положении.

– Ты ему сколько кубиков вкатил? – нервничал Засулович. – Это же труп, Саша! Пульс нитевидный. И активность мозга, если верить приборам, абсолютно нулевая. Как с Пальчем объясняться будем? Вышел на минутку...

– Что за наезды, Гена? Сколько надо, столько и засандалил! Что с тобой, доктор! У нас же шприц только на три, больше при всем желании не получится.

«Ну, я вас!» – подумал Максим и заструился вниз.

Он широко открыл глаза, приподнял онемевшую руку, вытянув указательный палец в направлении сотрудников Костромина, и, с трудом разлепив непослушные губы, хрипло сказал: «Кх!»

Салатные от неожиданности шарахнулись в сторону. А потом Каневский, слегка заикаясь, выдавил:

– Это не труп, Гена. Он просто шутник. Йог хренов!

* * *

Хоскинс сидел в аппаратном отсеке Базы и смотрел, как удаляется «Уокер». Увеличенное окно позволяло обозревать процесс возвращения челнока на Землю во всех подробностях. Было отчетливо видно, как шаттл маневрирует, попеременно включая веньерные двигатели и отходя от причального узла, как разворачивается на фоне недалекого голубого шара и постепенно уменьшается в размерах. Когда корабль вошел в атмосферу, и стало ясно, что ничего интересного больше не будет, Тони повернулся к соседнему креслу, в котором расположился офицер-оператор, и спросил:

– Стив, мы можем узнать, где сейчас группа испытателей?

– Без проблем, сэр! Стоит только набрать индекс кого-нибудь из них.

– Поищи их для меня, – сказал Хоскинс и задумался. Он опять остался один. Как всегда. Психолог не в счет. Случись кризис, он вряд ли чем поможет. Правда, такое положение его вполне устраивало. За годы службы он привык к одиночеству, потому что всегда работал без прикрытия, полагаясь только на собственные силы и доверяя только самому себе. Больше никому. Таким образом он исключал всякую возможность чужой ошибки. Если он где-то промахнется, то некого будет винить в этом. Кроме человека по имени Антонио Хоскинс. Пока что он ни разу не оплошал. Оттого и выбрал его полковник Редфорд, старый хитрый лис, абсолютно уверенный, что парень не подведет.

Все полномочия оговорили накануне с шефом Базы, и, в общем-то, ему, как агенту, было предоставлено практически неограниченное поле действия. Кроме, разумеется, устранения людей, взрыва станции и тому подобных экстремальных штучек. Короче, почти полный карт-бланш.

Его размышления прервал оператор:

– Испытатели в четырнадцатом окне, сэр!

Хоскинс отыскал на стене-экране предмет своего интереса и стал наблюдать. Через некоторое время он понял, что картинка ему не нравится. Что-то в ней было неправильно. Астронавты шлелись по кают-компаниям, рассказывали друг другу бородатые анекдоты, беседовали о каких-то совершеннейших пустяках, смеялись, в конце концов, просто полулежали в креслах. Изредка их старший – полковник Кобыш – пускался в зануднейшие рассуждения на тему полетов в ближнем пространстве. И это все! Тони не мог поверить, что лучшие пилоты планеты собрались только для того, чтобы почесать языки. Они могли сделать это в любом другом месте, от собственных каморок до обширного заведения под названием «Харчевня». Но в зале, где обсуждаются совершенно другие проблемы...

– Спасибо, Стив, – сказал Хоскинс. – На сегодня все. Пойду, пройдуся.

– Приятного отдыха, сэр! – оператор проводил его завистливым взглядом.

Агент Комитета осторожно вышел в коридор, немного постоял, прикидывая в каком направлении ему следует идти, и направился к лифтовой площадке. «Так будет быстрее», – решил он. Поднявшись на четвертый уровень, он огляделся и скользнул в сторону кают-компаний. «Погляжу живьем, чем они там занимаются», – почему его посетила именно эта мысль, Тони вряд ли знал. Просто он привык доверять своим ощущениям.

Неслышно ступая, он подкрался к заветной двери и только тут сообразил, что ее нельзя ни приоткрыть, ни сдвинуть в сторону, как на Земле. Он с досадой втянул в себя воздух и нажал на клавишу входа. Пока дверь скользила по направляющим, Тони успел уловить часть фразы, сказанной Хромовым: «...А еще, помню, в учебке был такой случай...», но проем уже открылся полностью, и лица находящихся в помещении дружно повернулись к нему. Испытатели приветливо улыбались.

– Хай, – сказал агент, тоже растягивая непривыкшие к таким упражнениям губы.

Получилось криво и неискренне. «Черт бы их побрал!»

– О, мистер Хоскинс! – Кобыш, сидевший на угловом диване, обратился к нему на чистейшем английском. – Рады, что вы к нам заглянули. А мы тут, знаете ли, в воспоминания ударились. Скучно!

– Извините, парни, – Тони попытался выровнять ситуацию. – Я просто ошибся дверью. Как-нибудь в следующий раз...

Он повернулся и, ссутулясь, пошел обратно. «Все равно, не верю, – упрямо подумал он. – Слишком уж просто».

Гомерического хохота, шквалом прокатившегося по кают-компании, он не услышал. Звуконепроницаемая дверь отсекала все звуки.

* * *

Отсмеявшись, Кобыш сказал:

– Спасибо, Брюс! Ты очень вовремя заметил его приближение. Кстати... ты же принимал активное участие в обсуждении, как ты ухитрился еще и...

– Успел потренироваться, Дим. За прошедшие дни. Это оказалось не очень сложно. Приключаешь свою внутреннюю сторожевую систему, вроде как вывешиваешь в окружающем пространстве паутинки, а потом активируешь блок распознавания «свой-чужой», ну вот...

– Научишь этому ребят.

– Есть, командир!

– Как вспомню его физиономию... – снова всхлипнул Хромов.

– Братцы, – перебил его Седых, – а ведь он не поверил нашей картинке, если приперся сюда. Убедиться, так сказать, лично.

– Да уж, – Дорин кивнул в знак согласия, – пора придумать что-нибудь более правдоподобное. А то ведь он начнет искать другие методы шпионажа.

– Так, господа офицеры, – Кобыш сделал серьезный вид, – поржали, и будет! Релаксационная пауза закончилась. Не забудьте вставить в картинку фрагмент с задумчивым вопросом: «И зачем это он приходил?» А теперь продолжим...

В отличие от вас всех я еще не занимался тренингом. Даже Хромов мотался туда-сюда в пределах Базы. Я – нет. А время поджимает. Поэтому предлагаю следующее. Сейчас я отправлюсь на Землю. Ориентировочно в будущее лето. Если, конечно, получится. Хочу посмотреть, что нас ждет. Хотя бы косвенно. Полагаю вернуться часов через пять-шесть. В зависимости от обстоятельств. За меня остается Дорин. Как-никак человек с боевым опытом, привычка быстро ориентироваться у него отшлифована лучше. Вы же работаете в группе: совершенствуете навыки, пытаетесь инициировать друг друга и выявлять возможные новые способности. Периодически можете отслеживать мои перемещения и ситуацию с Тараоки и Клеменсом. Все! Вопросы?

– Какие вопросы, командир? – Дорин пожал плечами. – Все предельно ясно.

– Тогда, Раф, сотвори-ка мне какую-нибудь неприметную, легкую одежонку. Натурально, цивильную. И функциональную.

– Может, спортивную?

– Нет, но приближенную к ней по свойствам... Да, и еще. Мне нужна некоторая сумма денег... Скажем, тысяч десять. Думаю, на прессу и немудреный харч хватит. Помнишь еще, как выглядят российские рубли?

– Обижаешь, Дим! Ваши купюры незабываемы, сплошная вода на рисунках.

Дорин ощупал взглядом Кобыша, прикидывая размеры, и возвел очи горе, видимо, перебирая различные варианты.

– Нерукотворный памятник! – восхитился Хромов. – Стилист! Нет! Кутюрье! Кристиан Диор, Слава Зайцев и Дж. Версаче в одном флаконе!

– Не мешай работать, – эхом откликнулся Раф.

– И кассир Сидоров, – тихонько обронил Седых.
– Лучше банкир Ротшильд, – подмигнул ему Тернер.
В кают□компании снова назревала релаксационная пауза.
– Как дети, ей□богу! – усмехнулся Кобыш. – Ни на грош серьезности.

* * *

Бородин с Тереховым пристроились рядышком в креслах обсерватории и, подобно Хоскинсу, *смотрели*, как уходит «Уокер». Это, скорее, была дань традиции, а не настоящая необходимость, тем более, что обзорные окна размещались совсем с другой стороны Базы. Они пришли сюда, чтобы вместе проводить друга. А Вивьен для них стала не просто другом, но частью их объединенного сознания. «*Как ты там?*» – спросил Бородин.

Тараоки: «Прекрасно, ребята, не волнуйтесь!»

Ли (с наивозможнейшей мягкостью): «Андрюша, не вмешивайся в управление, на челноке опытные пилоты».

Тараоки (с улыбкой): «Он непроизвольно. Атавизм».

Терехов: «Странное ощущение. Ты с нами и ты улетаешь».

Бородин вздохнул и поерзал в кресле. Умом он ясно понимал, что все его попытки как□то сгладить ситуацию – пустая трата времени и никому, по большому счету, не нужны, но его деятельная натура требовала выхода чисто человеческих эмоций. Сознание того, что он теперь, не шелохнув пальцем, может управлять природными процессами, парадоксально уживалось в нем с желанием потрогать все собственными руками. Действительно, атавизм.

Пока Андрей обдумывал эту простейшую мысль, Терехов непроизвольно вздрогнул и уставился на него взглядом, полным сочувствия.

– Ты чего? – недоуменно вскинулся Бородин.

– Веня Лямкин в лаборатории куksится, – проворчал Вася. – У него эти недоумки, – он мотнул головой в направлении удалявшегося «Уокера», – Эмму забрали.

– Ну, так верни ребенку предмет его обожания, – физик ободряюще улыбнулся. – Какие проблемы? «*Вивьен, ты не против?*»

Тараоки: «Обеими руками „за“. Мне это не мешает, а для них будет еще одним уроком».

– Не сомневался, что вы поймете, – на коленях у Терехова объявилась испуганная, сжатая в комочек кошка. Сначала она боязливо осмотрелась, потом мяукнула и, выгнув спину, потянулась, и лишь затем благодарно лизнула биолога в ладонь. – Пойду, обрадую.

– Давай, – Бородин проводил его доброжелательным взглядом.

Переместившись в свои пенаты, Василий осторожно посадил животное на рабочий стол и вошел в лабораторию, где, уныло свесив нос над пустой клеткой, сидел убитый горем Веня Лямкин.

– Привет, естествоиспытатель, – весело сказал Терехов. – Почему такая всемирная скорбь?

– У меня Эмму забрали, – тоскливо сообщил Веня, поднимая на руководителя застывшие в муке глаза. – Это они теперь пыталели, а я – сирота.

– Вот те раз! – молвил суровый доктор. – А ты что же?

– А что я! – отчаянно вздохнул Лямкин. – Вас не было. Вперлись три мордоворота с предводителем... этим... угрюмым. Отловили, хоть она и сопротивлялась. Чувствовала, наверное. Шипела, под столы пряталась. Не нравились они ей. Меня вообще никто не слушал... Засадили в переноску и хлопнули дверь...

– Веня, – укоризненно покачал головой Терехов. – Это же Эмма! Она могла чудом ускользнуть от них. Она же не обычная кошка, а уникальная, исследования ее способностей еще в самом зачаточном состоянии. Искать не пробовал?

– Вы думаете? – с надеждой спросил Лямкин.

– Я допускаю такую мысль, – подтвердил Василий. – Не отвергай ни малейшего шанса.

Молодой биолог неуверенно поднялся, выжидательно посмотрел на своего начальника, вероятно, желая убедиться, что тот не шутит, и, набирая скорость, бросился к выходу. Из оставшегося открытым дверного проема послышался сперва неясный шум, потом звук чего-то упавшего, скорее всего, стула и ликующий венин вопль:

– Василий Николаевич! Она нашлась!

Высоко над головой, причудливо подсвеченные снизу огнями города, стремительно скользили клубы облаков. Они напозлали друг на друга, перемешивались, то ускоряя, то замедляя свой бег, то вдруг начинали двигаться куда-то вбок, разрывая единую массу. И тогда в этих неожиданно возникающих провалах изредка показывалась луна, и начинало казаться, что не облака бегут по небу, а вечное ночное светило сорвалось почему-то с насиженного места и пытается удраить, прикрываясь рваными лоскутьями камуфляжного дыма.

Кобыш, отвыкший за много дней от незаметной для обычного человека изменчивости природы, завороченно слушал шелест листьев, вдыхал прохладный ночной воздух, приносимый легким ветерком, и смотрел, как луна играет с облаками. Он вернулся на Землю сам и был страшно горд этим. Простор-то какой!

Как непохоже на спонтанный первый раз, думал он, ведь тогда ему было не совсем понятно – во сне он или наяву, пригрезилось его путешествие или было на самом деле, хотя не надо кривить душой, он точно знал, что вокруг реальность. Просто он еще не принял в ту пору новый для себя мир. Теперь же он шел на Землю сознательно, со вкусом выбирая место для своего появления и нисколько не беспокоясь о возможных накладках, даже не так, он знал наверняка, что сможет сделать то, что задумал.

Этот вопрос он когда-то уточнял у Бородина, выясняя, не боится ли тот, что корабль после прокола может совместиться с уже находящейся в точке выхода массой, и получится взаимоуничтожение. Полная аннигиляция, пострашнее любого атомного взрыва. Физик неприлично расхохотался и доступно объяснил ему, что в данном случае речь идет о переносе информации, а информация не возникает в уже занятом объеме. Только рядом с ним или в любом другом свободном месте. Это закон природы. Катастрофы же, в изобилии изобретаемые авторами космических опер, всерьез принимать не следует.

Так что, начиная первый испытательный полет на «папке», он уже не нервничал, тем более не волновался теперь.

Кобыш, потягиваясь, раскинул руки и упруго прогнулся назад, а потом мгновенно расслабился и осмотрелся. Он стоял посреди хорошо утоптанной площадки, находящейся внутри обширного двора и огороженной невысоким металлическим забором. Вдоль забора, полускрывая его, росли молоденькие деревца. Справа от пилота темнело двухэтажное, довольно длинное строение с причудливыми фасадными выступами, а перед зданием виднелись грибочки, песчницы, горки и прочие прелести дошкольной жизни. Сам же двор с трех сторон ограничивали сияющие разноцветными окнами девятиэтажки, а с четвертой имела место кирпичная высотка этажей этак на пятнадцать.

К ней-то и направился Кобыш, решив, что выход на улицу, скорее всего, там. Он легко перемахнул через детсадовскую оградку и оказался в совсем уж сумрачной зоне. Почти на ощупь он прошел по мягкой траве газона и выбрался, наконец, на асфальт подъездной дорожки. Тут его и поджидали. Слабенький свет из подворотни заслонил высокий, но какой-то несуразный парнище, а из-за его спины появились еще двое и стали обходить летчика с боков. «Вот и комитет по встрече», – с неприязнью подумал Дмитрий.

– Дяденька, – хрипло сказал верзила, – поделись со страждущими. Бог велел делиться, – и с нажимом добавил. – Добровольно, – говорить высоким штилем ему было, видимо, непривычно, и он раздраженно сорвался. – В натуре, бля. На дозу, бля, не хватает.

В руке его, в тусклом свете опять проглянувшей луны, блеснул нож.

В старые добрые времена Кобыш, ни минуты не задумываясь, положил бы всех троих мордой в землю. А сейчас почему-то медлил. Он смотрел на этого поганца не с гневом, а почти с сожалением, и мысли, обгоняя друг друга, неслись в его голове. Животное. Фауна.

Еще ничего хорошего в жизни не сделал, а удовлетворение прихотей уже на первом месте. Развлечения. Стремление испугать, подавить, вырвать лакомый кусок, надругаться. Наркотики. Асоциальность. Зачем родился человеком? Зачем вообще пришел в этот мир? И никому вокруг нет дела...

Дмитрий внезапно ощутил, как внутри него проклюнулось что-то необычное и неведомое и резко рванулось наружу.

Недоросль, решивший, видимо, что «дяденька» испугался и колеблется, уже собрался было половчее ухватить его и добить с помощью сообщников, но глаза незнакомца вдруг полыхнули неземным призрачным светом, и парнишка почувствовал, как слабеют ноги, и панический страх разрастается в груди. Нож, выпавший из безжизненных пальцев, со звоном ударился об асфальт. Грабитель, только что чувствовавший полную безнаказанность, с жалобным поскуливанием попятился назад, закрываясь от несостоявшейся жертвы обеими руками.

– Иди, – тихо сказал Дмитрий, а потом неожиданно для самого себя закончил, – и больше не греш.

Он взглянул на застывших в ступоре дружков недоросля, сначала на одного, затем на другого и вздохнул:

– Вы тоже. Я отпускаю вас с миром.

Троица канула в темноту, как будто ее и не было.

Кобыш постоял еще немного, раздумывая над случившимся. Что это из него поперло такое? Проснулись новые умения?.. Вполне возможно... Как адекватный ответ на внешнюю агрессию... И что, теперь всегда так?.. Когда находишься среди нормальных, дружелюбных и умных людей, быстро забываешь, что на свете существуют подобные мерзости. А ведь это еще не самое плохое. Так, щенячьи забавы. Впрочем, забавы они только для тех, кто может дать отпор. А если попадется женщина, слабосильный интеллигент или, упаси Бог, ребенок? Тогда эти забавы мигом превращаются в насилие, способное исковеркать психику, а то и саму жизнь любой жертве. И что самое страшное, щенки эти, недоросли, даже не думают о таких вещах. Просто не в состоянии. Не научили их думать о других. Только о себе, любимом. А потом из таких вот негодяев при благоприятных для них условиях вырастают полновесные члены преступных групп, террористы, сутенеры, наемные убийцы и, как венец подобного развития, не знающие сомнений авторитеты, по трупам рвущиеся к власти. И прорываются – таки. И все их потенциальные жертвы превращаются в состоявшиеся. И жить в таком обществе становится опасно для нормальных людей, если не сказать больше... Эх его занесло! Хватит об этом. И так ощущение гадостное... Но все же есть надежда, что урок пойдет им на пользу...

Неведомая сила, проснувшаяся в нем, свернулась калачиком и улеглась на задворках сознания.

Дмитрий прошел через подворотню и, наконец, выбрался на сияющий огнями проспект. Несмотря на довольно поздний час, было многолюдно. И многомашинно. Похоже, он попал в вечер выходного дня. Скорее всего, субботы. Кобыш почувствовал, что к нему вновь возвращается варварски нарушенное равновесие. Он не спеша побрел по тротуару, с любопытством поглядывая по сторонам и выискивая, где поблизости можно купить газеты. Скорее всего, в каком-нибудь торговом центре, заключил он. Вряд ли в такое время их можно найти на улице. Вскоре ему подвернулась возможность убедиться в своей правоте. Он заметил ярко расцвеченные витрины громадного павильона с убедительно-призывной светящейся надписью «Здесь есть все!», толкнул стеклянные двери и вошел внутрь. И тут же увидел то, что ему было нужно. Почти сразу у входа на обширном столе лежали пачки газет и журналов. Дмитрий подмигнул продавщице и попросил дать ему «Известия», «Комсомольскую правду», «Аргументы и факты» и еще что-нибудь на ее вкус. Пока девушка делала ему подборку, он быстро просмотрел даты выпуска и облегченно вздохнул. Он попал туда, куда хотел. В лето будущего года.

Расплатившись, он шагнул было к выходу, но остановился и стал рассматривать схему

павильона. Обнаружив, что на втором этаже расположены целых три кафе, пилот подумал, что лучше всего будет пролистать прессу за стаканчиком холодного сока. Он представил себе высокий запотевший сосуд и, больше не сомневаясь, стал подниматься по лестнице.

На его счастье оказалось, что пустых столиков в одном из заведений круглым счетом четыре. Он выбрал тот, что стоял у самого окна, заказал себе сок с какой-то немыслимой плюшкой и занялся просмотром. Хотя просмотром то, что он делал, назвать можно было только с большой натяжкой. Он просто переворачивал страницы, пробегая глазами заголовки, и выискивал интересовавшую его информацию. Наконец, зацепившись за фотографию челнока «Тайфун» на фоне их Базы в колонке новостей «Аргументов и фактов», он стал читать внимательно.

В статье, занимавшей всего лишь четверть пятнадцатой страницы, сообщалось об успехах первых разведчиков, высадившихся в начале прошлой недели на Марс и спутники Юпитера. Как узнал Кобыш, от Базы, именовавшейся теперь «Пента», стартовало сразу шесть кораблей ПП, являвшихся первыми ласточками, оповестившими мир, что освоение Солнечной системы началось. В полете принимали участие более двадцати специалистов из различных стран мира, включая Канаду, Испанию, Китай и Индию.

И вот через два дня первая группа исследователей, побывавших на Марсе, после трехсуточного карантина должна была вернуться на Землю, а точнее финишировать на челноке «Тайфун» вблизи космодрома Плесецк, где оборудована новая посадочная полоса. Автор статьи выражал недоумение, почему до сих пор, особенно после того, как все убедились в абсолютной надежности ви-генераторов, старты по-прежнему производятся от «Пенты», а экипажи приземляются на устаревших челноках. Не проще ли, писал журналист, уже отказаться от этой порочной практики и не выбрасывать миллиарды рублей, долларов и евро на ветер. Корабли ПП могут и должны уходить с поверхности планеты и туда же возвращаться. Последние строки были исполнены сарказма. Автор надеялся, что с космонавтами не случится такой же трагедии, какая произошла менее полугода назад и унесла жизни первых испытателей во главе с полковником Дмитрием Кобышем. И желчно замечал, что власти не слишком-то стараются выяснить подлинные причины катастрофы, так как до сих пор внятных объяснений со стороны «Росавиакосмоса» и других заинтересованных организаций не последовало.

Дмитрий неподвижно сидел над раскрытой газетой, и строчки расплывались у него перед глазами. «Вот, значит, как, – отстраненно думал он, – мы погибли, возвращаясь на Землю. Стали жертвами слепого случая. Или не случая? Выполнили свой долг и... Ну уж нет», он встряхнулся и неизвестно кому сказал:

– Хрен вам, ребята, а не «Вечная память павшим героям»!

Несколько голов с любопытством повернулось в его сторону, а Кобыш сгреб в охапку газеты, достал из кармана сторублевку, сунул ее под пустой стакан и, резко отодвинув стул, поднялся и пошел к выходу. «Поглядим еще, – он, не останавливаясь, маханул всю пачку в ближайшую урну, – кто кого... Кто предупрежден, тот вооружен».

* * *

Трое неудачливых грабителей сидели под грибком все на той же детской площадке. Их сотрясала крупная дрожь. Колотило так, что постукивали зубы.

– С-слышь, М-мухомор, – наконец удалось выговорить одному из них, – эт-то чо было?

– Отвали... Пень, – старш о й пытался прикурить, но сигарета плясала у него в руках, да и зажигалка никак не хотела слушаться. К тому же, как только что выяснилось, все сочные матерные вкрапления, ранее служившие связками между словами, казалось, застревают в гортани, и вместо них возникали по-дурацки несуразные паузы. Ему вдруг вспомнилась ретро-байда, из тех времен, когда еще черепа, в натуре, были мелкими, где стремный старик, бля... м-м-м... зараза, приговорил неправильного пацана за то, что тот ссучился и

стучал на своих, к собачьему гавканью. То, под что они попали, до отвращения походило на древнюю кинуху. Этот перец в гриновом прикиде, без балды, отмороженный дед и есть. Как его... Старш о й напруг заkostenевшие извилины. Ага. Вспомнил. – На... Хоттабыча... нарвались...

– Ты... чо, братан... Башню снесло?

– П□п□приколись... М□мухомор... – встрял третий, со смешным погонялом «Тяпа». – Мне т□теперь д□доза п□по б□барабану...

– Не гони... – Пень вдруг перестал трястись, глаза его округлились. – А у меня...

Все трое с ужасом посмотрели друг на друга.

* * *

Верхушки высоких елей покачивались от ветра, издавая невнятный шум, перекрываемый только птичьим свиристением. А здесь, внизу, среди довольно густого подлеска, было безмятежно. Кобышу уже надоело продираться сквозь заросли, и он решил переместиться еще раз, но тут заметил впереди просвет. Буквально через минуту он стоял на высоком берегу реки и смотрел на быстрое течение, срывавшее пену с выступающих из□под воды валунов. Дмитрий сел и свесил ноги с обрыва. Отсюда до кромки леса оставалось метра три, и можно было дальше пройти по берегу, но он решил немного отдохнуть. К тому же ему всегда нравилось смотреть на воду. Это успокаивало. И настраивало на размышления. Впервые за последнее время он остался один.

«Я правильно сделал, – думал он, – что выбрал тайгу. Где еще можно надежно укрыться, если не среди этого бескрайнего моря деревьев. Только здесь надо строить убежище».

Там, в большом городе, выйдя из павильона, он нырнул в ближайший полутемный двор и, не медля ни секунды, отправил себя в Сибирь, но на год назад. В далеком подмосковье он, более ранний, гонял сейчас с ребятами на тренажерах. Представлять такое было странно, но то, что случилось с ними, со всеми, вообще не укладывалось в рамки здорового материализма, к которому его приучали с детства.

«Мы в опасности, – струи воды завораживали Кобыша, – потому что одарены Сферой, а дар – это оружие. У нас из всего ухитряются делать оружие. И получается, что мы не согласились на компромисс, и нас... Кому это нужно?! Ну, кому? Обычным людям? Хрен! Это нужно тем, кто наверху и хочет там и оставаться, тем, кто решил, что мы представляем угрозу для стабильности их персонального, для себя выстроенного мира, куда остальным доступа нет.

А что требуется всем нам? Живешь себе, живешь, ну, занимаешься любимым делом, а время уходит, как песок сквозь пальцы, или, допустим, как эти струи воды. Не в этом же предназначение, – он поймал себя на том, что подобные мысли раньше никогда не приходили ему в голову. – Сейчас, когда мы стали другими, изменилось и наше отношение к миру. Нас больше не устраивает обычное человеческое бытие. Нам хочется чего□то большего. Нет, не так... «Мы желаем странного». Вот. Где□то ему встречалась эта фраза, в какой□то давней книге, и он ее запомнил. Потому что понравилась и, действительно, вызывала иногда желание послать всю давно устаканившуюся жизнь к чертовой матери и заняться чем□то новым и будоражающим. Как после обнаружения необычного дара, преподнесенного Сферой. Вот и надо подумать, почему он нам достался. А, главное, для чего?

Человек создал свою машинную цивилизацию и поставил себя в зависимость от того, что он создал. Вместо вполне естественного посыла развивать в самом себе способности, заложенные в него природой. Видимо, это требует гораздо больших усилий, чем создание внешних помощников□машин. Это нам способности достались даром. Нет, ну, не совсем даром. Мы тоже затратили на свой путь вверх определенные усилия. Учились, впитывали нужные знания, стремились быть первыми и лучшими. В своем деле, конечно. А дело это и

вывело нас напрямиком к Сфере, реализующей скрытые возможности самого человека.

Скорее всего, техногенные катастрофы – это предупреждение. Люди, остановившиеся в развитии, умирают для самих себя. Результат следует с неотвратимостью горного обвала – превращение в животное, которое просто существует, ест, пьет, размножается, становится идеальным потребителем, поддерживающим лишь условия для дальнейшего такого же жития. И все! Такими людьми легко управлять. На это и направлена современная система образования, реклама, внедрение в сознание стереотипов поведения, как□то: лояльность к власти, страх потерять денежную работу, обустройство комфортного (более или менее, в зависимости от уровня жизни) быта. Для тех, кто дергает за ниточки, это очень удобно.

А кто, собственно, сказал, что мир существует только для тех, кто им управляет, для небольшой кучки властолюбцев, считающих себя умнее других только на том основании, что они добрались до вершин власти? Если человек достиг духовных высот, им не надо управлять, он сам будет определять путь своего дальнейшего развития. В зависимости от способностей и наклонностей. О, как! Это я неплохо сформулировал».

Дмитрий нащупал правой рукой камешек и с размаху бросил в воду. Потом встал, отряхнул брюки и пошел вдоль берега. Можно сказать, ему повезло. Метрах в пятидесяти от того места, где он сидел, обнаружилась тропка, уходящая вглубь леса. Он не мог увидеть ее сразу, потому что она находилась за изгибом берега. Тут же были и ступеньки, вырубленные в скальном основании, которое и представляло собой обрыв, полустертые, очень давние, но все еще годные для спуска. Он задумчиво глянул на них, на тропинку и почесал затылок. Значит, где□то рядом есть люди. Будет, у кого спросить, куда именно он попал. Перед перемещением он просто вообразил себе дремучую чащу, связал ее с понятиями «тайга» и «Сибирь» и махнул в белый свет, как в копеечку.

Насвистывая прилипчивую мелодию известного шлягера, он ступил на тропу и двинулся в лес. «Гораздо приятнее, чем напролом□то», – заключил он.

Так, прогулочным шагом, он отмерил пару километров, и совсем уж было расстроился, что до сих пор не обнаружил жилья, но тут остановился, как вкопанный. Впереди, прямо на тропе, лежал большой пегий пес, рассматривая его настороженными глазами и держа уши торчком.

– Ну, привет, – сказал Кобыш, присаживаясь на корточки и протягивая руку. Ему стало хорошо и весело. – Давай знакомиться. Меня зовут Дима.

Пес вывалил язык и махнул хвостом.

– Ты отведешь меня к своему хозяину? – серьезно спросил летчик.

Пес пружинисто вскочил на лапы и, повернувшись, затрусил по тропинке.

– А ты понятливый парнишка, – одобрительно заметил Кобыш и направился следом.

Вскоре они оказались на большой, ровной и круглой поляне (остриженной! – отметил про себя Дмитрий). Там же обнаружился и хозяин пса – полураздетый молодой мужчина с мускулистым торсом, иссеченным шрамами. На нем были лишь спортивные штаны и мягкие тапочки с черным матерчатым верхом. «Я старше его лет на десять», – прикинул полковник. Рядом с ним стояли еще двое – юная девушка в цветастом сарафане и невысокий пацан, лет десяти, в коротких шортах и желтой футболке.

– Здравствуйте, – улыбнулся Кобыш самой широкой из своих улыбок. – Я тут... – э□э□э... немножко заплутал. Не подскажете, где я?

Атлет глянул сначала насмешливо на него, потом с удивлением на пса, неподвижно стоявшего у ног летчика, и сказал:

– Играй впервые не лает на чужого. Вы, часом, не шпион□кинолог?

– Нет, – серьезно ответил Кобыш. – Здесь от границы пешком, наверное, далековато будет. Я инопланетянин, – уточнил он. – Моя тарелка села в лес верстах в трех отсюда.

– А□а□а, – сощурился мужчина, – тогда другое дело. Добро пожаловать на Землю, инопланетянин! Ваше имя произносимо для человеческого языка?

– Дмитрий, – представился пилот. – Можно просто Дима.

– Никита, – положив руку на грудь, атлет коротко поклонился. – Здешний лесник. А

это, – он с нежностью посмотрел на девушку и мальчика, – Маша и Федор. Каким ветром вас занесло сюда?

– Случайность, леди и джентльмены, чистая случайность! Ткнул пальцем в карту, куда попал, туда и приехал.

– У вас какие-то конкретные интересы, – лесник подошел поближе, – или просто отдохнуть решили?

– Мне понравились здешние места, – не покривил душой Кобыш, – и я захотел с кем-нибудь поближе познакомиться, чтобы побывать здесь еще раз. И не одному, а с компанией.

– Охотники? – взгляд Никиты стал колючим.

– Ну что вы. Самые обычные любители природы. Убивать – не наше кредо. Ни зверей, ни людей.

– Считайте, что вам повезло, – лесной житель моментально оттаял. – У меня большой дом неподалеку. Места хватит для всех. Что же мы стоим, – спохватился он, – Маша, Федор, пойдемте, покажем страннику наши хоромы.

Девушка и мальчик заулыбались и, легко перебирая ногами, подошли к ним.

– Прошу вперед, хозяйшка, – ласково сказал Никита, – а мы уж за тобой. Играй, – он потрепал пса по загривку, – ты – замыкающим.

* * *

Они сидели на открытой веранде за большим деревянным столом, сработанным явно умелыми руками и с любовью, и пили чай, разливаемый Машей из настоящего старинного медного самовара. Бока его были начищены и горделиво блестели. Стол ломился от вазочек с вареньем, тарелок с огородной зеленью и блюд с разнообразной выпечкой. Еще на нем имели место салат в миске, каша в чугушке и молоко в кринке.

Полковник блаженствовал. Давно ему не приходилось вот так, под навесом пахнущего деревом лесного жилья, гонять чай с травами, да еще угощаясь при этом всевозможными домашними штучками.

– Как хорошо-то у вас, ребята, – Кобыш благодарно кивнул Маше, подкладывающей ему еще варенья. – Уезжать не хочется.

– Не уезжай, – хмыкнул Никита. Они были уже на ты, выяснив, что оба имели отношение к армии. – Или труба зовет?

– Да, дела, – неопределенно сказал Дмитрий, – и весьма срочные, – он повернулся к девушке и мальчику, глядевшему на него во все глаза. – Спасибо вам большущее за чудесное угощение и компанию. Надеюсь, еще свидимся. Даже не надеюсь, а уверен. Если вы не возражаете.

– Да что вы! – Маша смущенно улыбнулась. – Конечно, приезжайте. Да, Никита?

– Будем только рады. В нашей глуши и поговорить-то толком не с кем. Приличные приезжие как дар судьбы.

– Дар? – Кобыш уже встал, и тут, очевидно, какая-то мысль пришла ему в голову. – Никита, ты бы не мог меня немного проводить?

– Безусловно, – лесник тоже поднялся. – Машенька, я ненадолго.

Они спустились с веранды и пошли через открытые настежь ворота по утрамбованной, но все-таки местами поросшей редкой травой дороге. Верно, ездили по ней нечасто. Когда дом скрылся за поворотом, полковник остановился и повернулся к Никите.

– Послушай, – он еще колебался, но, вероятно, то были последние сомнения, он уже все решил, – если хочешь, давай откровенно. Идет?

– Идет, – ответил лесник. – Я с самого начала понял, что у тебя еще что-то на уме.

– Вот и хорошо, – Кобыш посмотрел Никите в глаза. – Я на самом деле летчик. И в армии до сих пор.

– Верю.

– А ты, судя по всему, из десантуры?

– Судя по чему?

– У тебя все тело в шрамах.

– Ах, это! Нет, – лицо Никиты стало скучным, – это следы бурной молодости. Спецназ. Войска быстрого реагирования.

– Как тебя угораздило?

– На Алтае, – нехотя проговорил лесник. – Перекрывали наркотрафик. Послушай, тема давно закрыта. Давай не будем. Мне неприятно.

– Как скажешь, – легко согласился Дмитрий. – Но мне надо было знать. Прости.

Никита пожал плечами.

– Ты сейчас услышишь такое, чему, возможно, не поверишь. Я не просто летчик. Я испытатель ПП.

– Что такое ПП?

– Неужели не знаешь? – поразился Кобыш. – Об этом в последнее время и радио, и телевиденье, наверное, все уши прожужжали, – он осекся, вспомнив, что их команда еще не покидала Землю.

– Я редко смотрю телевизор, – ответил Никита. – И почти не слушаю радио. А газет здесь нет, – но было видно, что в нем проснулся интерес. – Расскажи.

– ПП – Пронизывающий пространство, новый тип космического корабля.

– Так ты космонавт?

– Не совсем, – терпеливо сказал Кобыш. – Я – испытатель. На «папке» мне повезло сходить только один раз, но этого было достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для того, чтобы перестать перемещаться с помощью любой техники.

Никита ошарашенно посмотрел на него:

– Как прикажешь тебя понимать? Ты ходишь только пешком?

– Нет, – Дмитрий сдержал улыбку. – Это выглядит несколько иначе.

И он вкратце пересказал новому знакомому события последних дней. По мере повествования лицо Никиты меняло выражения. Сначала на нем светилась заинтересованность, потом оно стало бесстрастным, а к концу рассказа приняло скептическое выражение. В глазах же читалось явное недоумение и проблески неловкости из-за того, что Дмитрий так лихо заливает. Лесник даже прикрыл глаза, чтобы этого было не видно.

Кобыш заметил реакцию Никиты и неуклюже скомкал концовку.

– Я же предупреждал, что поверить трудно. Почти невозможно. Но если ты решил, что я в космосе умом тронулся, то ты глубоко заблуждаешься.

– Да нет. Просто я далек от всего, о чем ты рассказывал.

– Послушай, Никита, – голос летчика стал глухим, – если ты считаешь, что я наплел тут тебе с три короба, дело твое. Но ты обещал нас приютить. Надеюсь, договоренность остается в силе?

– Да, господа, конечно приезжайте...

– Это будет через полгода. Зимой. Скорее всего, после Нового года. Вот тогда у тебя появится возможность убедиться во всем, о чем я рассказал. А сейчас – до свидания.

– Да, – невпопад сказал лесник. – Мы с Машей подготовимся к вашему приезду.

– До свидания, – повторил Кобыш. – Доказательство номер один...

И он исчез. С едва слышным хлопком. А Никита еще долго изумленно смотрел на то место, где он только что стоял. «А ведь я с ним даже не попрощался», – с раскаянием подумал бывший спецназовец.

сплетенные пальцы рук. Взгляд его время от времени перемещался с одного рассказчика на другого, и какие уж он там делал умозаключения, ни Мартин, ни Эш сказать бы не взялись.

– ...беседовали с ними в самолете, – закончил астрофизик. – На обратном пути в Вашингтон. Ручаюсь, что они абсолютно нормальные люди. А Вивьен так и вообще – очень миленькая женщина. И вдобавок ко всему, большая умница.

Эш согласно кивнул.

– То есть вы считаете, – Президент наконец прервал свое затянувшееся молчание, – что Хоуп ошибся, и ни о каком воздействии говорить не приходится.

– Чарли, – Мартин, казалось, сейчас подпрыгнет от возмущения, – ну, посмотри ты на нас. Ты знаешь меня и Говарда без малого тридцать лет. И что? Находишь ты в нас какие-либо изменения? А ведь мы были у Сферы чуть ли не дольше всех остальных. Мы даже палили по ней ракетами. Пустая трата времени. Я считаю, что Сфера – это явление, которое надо долго, кропотливо изучать и только потом плавно переходить к практическим действиям.

– Говард?

Эш поправил очки и пожал плечами:

– Я всего лишь аналитик. Я могу строить свои модели лишь на основании точной и проверенной информации. В данном случае такой информации я не вижу.

– Что ж, – Президент откинулся на спинку кресла, – подождем. Генерал уже должен быть здесь. Интересно, что дали его исследования?

– С его стороны было очень невежливо лишать нас общества Вивьен, – буркнул Мартин.

– Ну-ну, – Дуглас усмехнулся. – Ты еще в колледже отличался пылким отношением к женскому полу. Даже выполняя правительственное поручение, не можешь удержаться.

– Бог свидетель, – Мартин обиженно фыркнул, – никаких романов! Даже легкого флирта...

Дверь открылась, и вошел генерал Хоуп. Лицо его выражало озабоченность.

– Мистер Президент! Господа! – генерал коротко склонил голову.

– Фредерик!

– Разрешите, сэр? – Хоуп, дождавшись кивка Дугласа, отодвинул стул, сел и положил на стол папку.

– Какие новости? – Президент искоса посмотрел на подобранных Мартина и Эша.

– Строго говоря, новостей нет, сэр, – тон генерала был нейтрален. – Вивьен Тараоки и Джек Клеменс прошли тестирование. Отклонений от нормы не обнаружено.

Астрофизик и аналитик облегченно вздохнули. Одновременно.

– Стало быть, – Дуглас сосредоточил внимание на папке Хоупа, – ваши подозрения оказались беспочвенны?

– Они пока не подтвердились, – глава Комитета сделал ударение на слове «пока». – Не считая одного маленького инцидента. Во время возвращения шаттла пропала подопытная кошка, захваченная нами с Базы.

– И что?

– Это одно из животных, участвовавших в ранних испытательных полетах, сэр. Еще до того, как была обнаружена Сфера. Напрашивается довольно серьезный вопрос, как она могла исчезнуть из герметично закрытого челнока без какой-либо посторонней помощи? Поэтому я вынужден просить у вас разрешение на проведение углубленного исследования, сэр.

Мартин с Эшем недоуменно переглянулись. Дуглас вновь покосился на них.

– Поясните, – сказал он.

– Мы получили от русских новое высокотехнологичное оборудование. Основа его – два ви-генератора, способных, кроме всего прочего, раскручивать поля 2-го порядка, то есть полностью стирать всякую информацию. Оборудование установлено в нашем исследовательском центре...

– Где это? – Президент по-прежнему не сводил взгляда с папки Хоупа.

– В отрогах Скалистых гор, сэр. На вполне безопасном расстоянии от любого населенного пункта.

– Есть причины?

– Есть сомнения, сэр. Наши русские коллеги провели серию опытов по микростиранию информации у подопытных животных. С большой долей вероятности можно сказать, что опыты увенчались успехом.

– В чем суть ваших инициатив, Фредерик? – нетерпеливо обронил Дуглас.

– Мы хотим провести серию с участием Клеменса и Тараоки.

– Это может быть опасно для их здоровья?

– Результат непредсказуем, сэр. Но всю ответственность мы готовы взять на себя.

– Вивисекторы! – Мартин возмущенно заерзал. – Мало вам фиаско на орбите и угробленной кошки, так вы еще и тут решили руку приложить. Этот ваш Редфорд...

– Редфорд, – сухо перебил его генерал, – выполнял задание Комитета и действовал, по моему мнению, безукоризненно. Если же говорить об опытах, то не вы ли в этом самом кабинете не так давно утверждали, что изучать новое надо постепенно и без ажиотажа.

– Но не такими же варварскими методами!

– Микроимпульс генератора может стереть какой-то фрагмент памяти. Всего лишь. Это не опасно для жизни.

– Почему же тогда ваш Центр расположен далеко от городов?

– Мы вынуждены соблюдать режим секретности. Кроме того, я не могу предугадать последствия всех действий своих сотрудников, тем более в сфере науки.

– Я бы военных к науке и близко не подпускал, – попытался оставить за собой последнее слово Мартин.

– А я отвечаю за безопасность нации, – парировал Хоуп.

– Хватит! – Президент сурово сдвинул брови. – Делайте каждый свое дело. И делайте его хорошо, – он поморщился. – Во всяком случае, хоть один положительный момент у нас есть. Мы договорились с русскими о полномасштабном производстве ПП и сделали первый шаг в освоении Солнечной системы.

* * *

Джерри лениво свесил ноги с верхнего яруса и зевнул. Ничего не хотелось. Ни слезать с койки, ни, тем более, куда-то идти. Чем дальше, тем очевиднее становилось, что миссия вконец забуксовала. А если честно, то она стопроцентно провалилась. Испытатели на контакт не шли. Отшучивались и подтрунивали. Шеф Базы дал понять, что в их делах он не профи и помогать явно не собирался. Скорее всего, не хотел. Слоун мог его понять: каждое их новое поползновение – лишняя головная боль для него. Ни к чему это. И без того некоторые работы на Базе свернуты, как следствие карантина, введенного не без их помощи. Персонал ропщет, слоняется без дела. Да директор с милой душой выставил бы их с Базы в считанные секунды! Была б его воля. Но приходилось терпеть.

Джерри все-таки спрыгнул с койки и так же лениво потащился в санузел. Открыл кран, сполоснул лицо холодной водой, достал с полки зубную щетку и посмотрел на себя в зеркало. Хорош, ничего не скажешь. Изнывающий от беспомощности лучший психоаналитик Комитета. А что еще он в состоянии предпринять? Ну, можно навестить докторов. Бородина и Терехова. Переброситься парой слов с ними. Попытаться прощупать. Ерунда! Ничего они ему не скажут. Отмахнутся, как от назойливой мухи. Можно подкатиться к Патрисии. Слоун оживился. Да! Почему бы и нет. У нее, наверняка, должны быть медкарты сотрудников. Провести еще раз сравнительный анализ. Вдруг что-нибудь обнаружится. И жизнь опять станет осмысленной.

Вот Хоскинс шляется же где-то целыми днями. Что-то вынюхивает, к чему-то присматривается, о чем-то разговаривает. Собирает информацию. По крупицам. И потихоньку набивает ею свою базу данных. Работает человек. Терпеливо и целенаправленно.

А он чем хуже? Надо стряхнуть апатию и разочарование и попытаться не смотря ни на что сделать свою работу. Вперед! На лысом верблюде! Джерри не помнил, где он подцепил это выражение, но оно ему нравилось.

От приступа хандры не осталось и следа. Слоун подмигнул сам себе, вытерся полотенцем, тщательно прикрыл дверь санузла и стал одеваться. Внимательно проследив за тем, чтобы воротник рубашки выбивался из-под куртки с подчеркнутой легкой небрежностью, он вышел из каюты и направился на третью палубу, где располагался медицинский отсек. Это место он запомнил очень хорошо. В частности еще и потому, что мадмуазель Леконт оставила в его душе неизгладимый след.

Добравшись до владений очаровательной последовательницы Гиппократы, он с трепетом нажал на клавишу звукового сигнала и, получив разрешение, шагнул через порог.

– Здравствуйте, Патрисия! – Джерри постарался обнажить в улыбке все свои тридцать два белоснежных зуба. Он знал, что улыбка эта безотказно действует на женщин, потому что резко контрастирует с его темно-матовой кожей.

– Добрый день, Джерри! – улыбка Леконт была не менее ослепительна, и смысленный психоаналитик сразу понял, что его демонстрация не достигла результата. – С чем пожаловали?

– Единственно с мыслью увидеть вас, – галантно поклонился Слоун.

– Так уж? – на лице Патрисии отразилось сомнение.

– И с ма-а-аленькой просьбой, – поспешил исправиться Джерри.

– Вот это более похоже на инспектора из Берна, – смягчилась Леконт. – Слушаю.

– Мне хотелось бы взглянуть на медицинские карты испытателей.

– Вы хотите увидеть что-либо новое? – удивилась Патрисия.

– Нет, но вдруг замечу нечто необычное, – психоаналитик приблизился к столу. – К тому же новое – это забытое старое.

– Хорошо забытое, – поправила его богиня от медицины. – У вас не было столько времени.

– Да, конечно, – Слоун почти смутился. – И тем не менее... Хочу проанализировать по нескольким параметрам состояние испытателей до полетов и после.

– Тогда вы не там ищете, – мадмуазель Леконт пожала плечами. – Кондиции пилотов отслеживали биологи из группы доктора Терехова. Впрочем, я могу скопировать вам свою информацию, только, боюсь, она мало, чем поможет.

– Окажите любезность, – Джерри теперь воплощал саму вежливость. – А я уж потом разберусь, что мне подходит, а что – нет.

Через пару минут он уже покинул медицинский отсек, унося в кармане куртки мини-диск с картами испытателей, и пошел напрямик к своей следующей цели – территории русского естествоиспытателя.

Слоун не успел даже прикоснуться к звонку, а дверь уже скользнула в сторону. «Туда ли я попал?» – заколебался психоаналитик, но тут же увидел в открывшемся проеме худощавого человека в белом халате, стоящего спиной к нему у стеллажа с книгами. Человек, не оборачиваясь, *посмотрел его*. Не окинул взглядом, потому что голова его была повернута в другую сторону, а именно *посмотрел*. Слоун еще пока доверял своим ощущениям, и они его не обманывали. Казалось, незнакомец *увидел всё*. Начиная от момента зарождения Джерри в утробе матери и заканчивая его последними шагами. Все его мысли, поступки, тайные желания и движущие мотивы. Работу сердца, легких, печени, желудка, мышц и суставов, цепочки ДНК и глубинные связи, незримо властвующие в организме. Прошрое, настоящее и даже будущее существа, зовущегося Джерри Слоуном. Всю его суть и, вероятно, душу.

– Туда, – ответил он, обращая лицо к психоаналитику. – Входите, Джерри.

– Доктор Терехов?

– К вашим услугам.

– Простите, я хотел...

– ...получить сведения об испытуемых, – закончил за него биолог. – Зачем они вам? Вы, как и большинство людей, пытаетесь разобраться в следствиях, а не в причине. Все ваши поиски страхов, обид, вожделений и других истоков, могущих служить поводом для потери стабильности психики – лишь самая верхушка айсберга, поверхность океана, глубины которого вам неведомы.

– Где же истина? – тихо спросил Слоун.

– Истина заключается в том, что самый страшный враг человека – он сам. Бороться нужно только с самим собой, так как мы имеем дело с тривиальным раздвоением сознания. Изначально враг был только внутри разума, воплощенный страхом перед неведомым, а потом человек вынес его вовне и постарался персонифицировать. Менялись времена, менялись враги. Сейчас, например, мы придумываем злобных инопланетян, и сами же ужасаемся тому, что может произойти. Порабощение Земли! А ведь порабощение – термин чисто человеческий. Мы распространяем свой оголтелый и ущербный выдуманный мир на всю остальную Вселенную.

Да нет в ней агрессоров. Нет! Кроме нас самих. Как дети, сочиняем себе врага, которого надо побеждать. Выдуманное добро борется с выдуманным злом! Собственно, мы и есть дети, еще не доросшие до нормального взрослого симбиоза с Мирозданием.

Так что, коллега, побеждать надо только самого себя. И проявлять агрессию, если это можно так назвать, только по отношению к самому себе. И учиться у победителя, то есть у самого себя науке побеждать, если хватит сообразительности. И совершенствовать ее.

Вообще, внешнего врага придумал изощренный разум того, кто первым захотел использовать остальных, чей внутренний мир еще не дорос до абстрактных понятий, для удовлетворения каких-то своих потребностей. В пище. В удовольствии. Во власти...

В нынешнюю эпоху развитых СМИ воздействие на сознание в этом смысле стало еще более агрессивным и негативным. Подменяются понятия. Честь – на умение устроить свою жизнь, любовь – на секс, чувственные утехи плоти, добро – на зло. Выстраиваются целые системы умозаключений, объясняющие, что существование добра без зла просто невозможно. Что для одного – зло, для другого – добро. Чушь собачья! Но глубоко проникающая в незащищенный разум. Вам ли этого не знать!

И отягощается все это геномным механизмом, сохраняющим информацию предыдущих поколений с уже отравленным, искаженным мировоззрением... Цепная реакция, которая рано или поздно приведет к взрыву.

А чтобы этого не случилось, на отдельных представителей рода человеческого с еще незамутненным сознанием иногда сходит Благодать в виде всеобъемлющей информации о том, как все есть на самом деле. И появляются Учителя и Пророки. И говорят пламенные слова, пытаясь выразить то, что дано им в ощущениях. Но и эти слова истолковываются учениками и последователями превратно. В меру своего собственного понимания и амбиций. И круг замыкается. Но приходит время и...

Бородин □ Ли □ Тараоки: Есть надежда?

Терехов: Не так уж он и плох...

Джерри лениво свесил ноги с верхнего яруса и зевнул. Странные сны посещают его в последнее время. Он все-таки соскочил с койки и лениво потащился в санузел, по пути машинально запуская пальцы в карман висевшей на стуле куртки. Диск был на месте.

И тут Джерри будто морозной волной окатило.

* * *

– Привет честной компании! – Кобыш проявился в центре собственной каюты в аккурат между Дориным и Седых, скорее всего, только что сюда вошедшими.

– О! – расплылся в улыбке Тернер. – С подбытием. Как раз к ужину.

– Как там, на Земле? – Хромов с любопытством уставился на командира. – Что новенького?

– Ну, прежде всего, обрадую, – сказал Кобыш, стягивая куртку. – Я нашел нам убежище.

– Замечательно, – Седых забрал у него куртку и зашвырнул ее на верхнюю койку, – но предполагает что-то еще.

– Да, – подтвердил полковник, – и огорчу. Нас похоронили.

– Шутишь? – Дорин всерьез изумился. На лицах остальных тоже возникло глубоко озадаченное выражение. – Каким образом?

– Челнок взорвался. Мы стали жертвой несчастного случая при возвращении домой.

– Все? – уточнил Хромов.

– Вся команда, – Кобыш кивнул. – Естественно, кроме Клеменса и Тараоки.

– Нельзя ли поподробнее? – осторожно спросил Тернер.

– Можно, – полковник присел на стул и стал рассказывать. Он постарался не упустить ничего из своего более чем пятичасового пребывания на Земле. Когда он закончил, в каюте царила мертвая тишина.

– Однако! – Седых зашевелился первым. – Похоже, нас таки достали? Кто?

– Если б знать, – Дмитрий развел руками. – Челнок наш, и, стало быть, кто-то из наших постарался. Короче, парни, я думаю, придется обращаться за консультацией.

– К группе Ли? – Дорин не спрашивал, а, скорее, уточнял.

– Мысли читаешь?

– Стараюсь, – израильтянин с деланной скромностью потупился. – Иногда даже получается...

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Кобыш. – Чем это вы тут занимались, пока меня не было? Не томите. Теперь ваш черед.

Выяснилось, что у каждого из пилотов есть, чем похвастаться. Правда, способности эти проявлялись спонтанно, только в момент экстремума, совсем как у полковника при его встрече с алчущими поживы наркоманами. Так, у Тернера, сверзившегося с верхней койки, случайно ногой зацепился, непонятно за что, с кем не бывает, прорезалась вдруг способность к левитации. Он воспарил над полом, не долетев до него каких-нибудь сантиметров двадцать. Все последующие попытки повторить сие уникальное достижение к успеху не привели. Так что синяки и шишки есть.

Хромов в минуту раздражения, ну, пристал, как банный лист, блин, ходит за мной и ходит, отправил Хоскинса в путешествие по большому кругу. Теперь тот регулярно осматривает вторую и третью палубы, после чего направляется в аппаратный отсек и сидит, пялясь в окно с центром управления, Женя проверял, минут сорок. После чего все происходит по новой. И так уже, Хромов взглянул на циферблат, почти шесть часов. Считай, смену отработал.

Седых же, в перерывах между сеансами показа информационных картинок, умудрился выудить из пустоты, без всякой помощи со стороны Дорина, чашку с куриным бульоном. Сил нет, как захотелось горяченького, а тащиться в «Харчевню» было некогда, потому что народ жаждал лицезреть происходящее в мире. Это вызвало некий, и довольно приличный, дискомфорт, тут она и появилась. Правда, была она принадлежностью все той же «Харчевни», Седых помнит эти чашки, они ему давно понравились, удобные такие, темного стекла, рисунок сбоку – два цыпленка. Не материализация, конечно, как у Дорина, но все же, случись что – с голодухи не опухнешь.

– Изрядно! – Кобыш призадумался. – Не было ни гроша, да вдруг алтын! Не кажется ли вам, дорогие соратники, что нас кто-то подталкивает к новым открытиям? В преддверии грядущих событий. Или у меня уже бзик? Но, согласитесь, как-то странно. С каждым случилась ситуация, послужившая толчком не для реализации, а, скорее, для обнаружения новых способностей. Так сказать, вывешен знак: внимание – проявите инициативу! Глядишь, кое-что и нарисуетя. Надо только поискать. И все это – за последние пять часов! Не настораживает, а?

– Не изобретай лишних сущностей, Дима, – Раф переступил с ноги на ногу, – хватит

того, что уже есть. Процесс может быть просто растянут во времени, и сейчас наступила следующая фаза.

– В самый что ни на есть канун Рождества, – вернул Седых. – Для поднятия сникшего боевого духа.

– А что? – сказал Тернер и пригладил ежик. – Как вариант годится.

– Да ну вас! – Дорин махнул рукой. – Вместо того, чтобы...

– Стоп! – прервал его Кобыш. – Женя, а смотреть Ли, Бородин или Терехова вы не пробовали?

– Как же, – Седых кисло скривился, – попытки что были. Только ничем не кончились. Я не могу их увидеть. По причинам от меня не зависящим.

– Так, – полковник резко повернулся к Тернеру. – А ты, Брюс?

– Избавь меня от этого, – американец как что неубедительно перекрестился. – После того, как я пометил их радужные оболочки, у меня запала всякая охота даже глядеть в их сторону. Не придумай, что боюсь. Просто есть вещи, недоступные для нас. Ну, примерно, как высшие иерархические программы компьютера недоступны обычному юзеру.

– Вот как? – Кобыш прищурился. – Интересно. И интригующе. А нас ты видишь...

– Мы – команда, – поспешно буркнул Тернер, будто ждал этого вопроса. – Единомышленники. Каждый открыт для другого. Тут проблем не возникает и не может возникнуть. Да и уровень отношений с закружающей действительностью, – испытатель развел руками, – у нас подниже. Во всяком случае, мне так кажется.

– Что ж, – Дмитрий кивнул, скорее для себя, чем для остальных, как бы утверждаясь в собственном мнении, – похоже, ты все понял правильно. Стало быть, контакт с ними не просто необходим, а является насущной потребностью. И не будем его откладывать в долгий ящик. Надеюсь, они выступят в роли дедов Морозов, тем более что Новый год на носу.

* * *

Ключев стоял, прижавшись лбом к стеклу, и смотрел на заснеженный парк. Окна институтского профилактория, где их разместили на время проведения обследований, выходили во внутренний двор здания, громадным полукольцом окружавшего свою территорию. Парк же, несмотря на то, что он не являлся частью института, был отсюда прекрасно виден. Наступал третий день пребывания испытателей на положении объектов изучения. Однообразные процедуры, тесты, проверки и изыскания хоть и являлись для них чем что новым и настораживающим, но уже успели порядком надоест. А сами для себя они давно сделали соответствующие выводы. Двое суток назад.

– Как ты думаешь, – спросил Максим у Варчука, лежавшего на кровати, давно застеленной и приведенной в божеский вид, закинув руки за голову, – скоро они угомонятся?

– Не дождеешься, – ответил Олег. – И я не думаю, а точно знаю. Они еще только вкусначинают входить. Сегодня ждут какого что Медведева из окружения президента. Видимо, большая шишка.

– Зачем?

– Я же тебе объяснял! Куратор института – ФСБ, а не Академия наук. Все наши способности, которые здешние алхимики сумеют обнаружить, их начальство попытается приспособить во славу государства, то есть для себя. Ты ж понимаешь.

– Я не собираюсь быть сексотом.

– А тебя и спрашивать никто не будет. Просто постараются использовать. Втемную, если сам не захочешь.

Ключев, глядя в окно, улыбнулся. Олег ощутил теплую и вместе с тем возбуждающую волну, окатившую его изнутри и принесшую образ малоприметного, но заметно сильного человека, старающегося примирить то, что он мгновение назад увидел, с тем, как он хотел бы распорядиться вновь открывшимися перспективами.

– Пожалуй, я его несколько озадачу, – сказал Максим. – Но после этого они возьмутся за нас всерьез, а мне не хотелось бы завязнуть здесь надолго. А тебе?

– Кто это? – Олег насторожился, хотя уже догадывался, кого ему показал Ключев.

– Медведев, которого ты помянул всуе. Событие наступит через пару часов. А сейчас ответь все-таки, что ты намерен делать дальше?

– Видишь ли, Макс, – нахмурился Варчук, – наше будущее неопределенно и заботит меня не меньше твоего. Я уже даже кое-что предпринял: послал Вознесенскому на компьютер сообщение, не по почте, а напрямую, в котором обрисовал ситуацию. Но этого, видимо, мало. Просто так нас никто отсюда не выпустит. Мы должны будем уйти сами.

– Есть идеи?

– Шутишь... Как карты лягут, так и сообразим. Бой покажет.

В дверь негромко постучали. Ключев повернул голову и сказал:

– Войдите.

В приоткрывшийся проем проскользнул розовощекий Коля и с порога, дружелюбно улыбаясь, брякнул:

– Здравссьте всем!

– И тебе привет, служитель психофизики! – Варчук стремительно переместился из горизонтального положения в вертикальное. – Какую участь ты уготовил нам сегодня?

– Да что вы, ребята! – Коля излучал само радушие. – К чему такое мрачное настроение? Веселее! Могу только порадовать – нынче вы работаете в паре.

– Они уже давно работают в паре, – пробормотал Костромин, прильнувший к монитору в своем кабинете. – С первого же дня, – он покосился на Трубникова, внимательно рассматривающего дисплей следящей аппаратуры со змеящимися на них зелеными, желтыми и красными кривыми. – Впечатляет?

– Несомненно, – произнес Доктор. – Такой активности я еще не наблюдал.

Он оторвался от созерцания экранов и пояснил сидевшему поодаль Медведеву, с любопытством взиравшему на их деятельность:

– Это только кажется, что они там сами по себе: один в окно смотрит, а второй на койке валяется. Они догадываются, что комната нашпигована датчиками, и потому общаются телепатически. И весьма плотно. Им невдомек, что в помещении установлены еще и ви-сканеры.

– И что? – с интересом спросил Солдат. – Мы можем узнать, о чем они говорят?

– К сожалению, нет, – Доктор развел руками. – Мы только фиксируем факт обоюдной передачи информации.

– Недоработка, – проворчал бывший контрразведчик. – И за что вам только деньги платят?

– За умение видеть то, чего не видят другие, – с достоинством ответил Трубников и переключился на профессора. – Иван Палыч, нам не пора?

– Да, – сказал Костромин. – Минут через десять летчик уже будет в седьмой лаборатории, а его напарник на стенде у Коли. Но сегодня зеркала станут не катализатором, а помехой. Подопытные об этом не знают. Посмотрим, смогут ли они пробиться друг к другу. Задание выглядит достаточно жестким: Варчук должен передать приказ на проведение сеанса телекинеза, а Ключев его, естественно, осуществить...

– Скажите, профессор, – перебил его Солдат, – а способность к телекинезу проявилась только у летчика, или его приятель тоже?..

– Нет, Олег не выказывал ничего подобного. Да и у Ключева новый талант прорезался только к вечеру второго дня. А почему вы спрашиваете?

– А потому, драгоценные мои труженики науки, – Медведев оглядел ученых с ног до головы, – что сегодня, перед вылетом сюда, мне позвонил из Берна крайне рассерженный академик Вознесенский и в резких выражениях поинтересовался, какого черта мы держим испытателей во вверенном моему попечению Институте психофизики, и почему, собственно, никто не удосужился его уведомить об этом. И учитывая то, что он заинтересован лицезреть

своего сотрудника Варчука как можно скорее, так как от его, Варчука, впечатлений и наблюдений напрямую зависит работа всей международной группы, мне было предложено немедленно освободить названного сотрудника из□под стражи. Он так и сказал: «из□под стражи»... – еще один взгляд исподлобья. – Вот я и хочу выяснить, не проклюнулось ли у нашего ви□физика еще каких□нибудь неожиданных дарований. Вернее, вопрос стоит так: можете ли вы не знать об этом?

– Вообще□то такое возможно, – Костромин ссутулился, засунув руки в карманы, – хотя мы и стараемся отслеживать все полевые изменения в непосредственной близости от объектов эксперимента.

– Я не спрашиваю, имел ли Варчук доступ к компьютеру, – продолжил Солдат. – Мои люди проверили все серверы института, а также отследили все телефонные звонки. Никакой информации отсюда Вознесенскому не уходило. Я спрашиваю, как он мог это сделать?

– Ну□у... если у академика есть свои телепаты, – вслух начал прикидывать Трубников.

– Нет у него телепатов, ни своих, ни чужих, – прервал его Медведев. – Еще идеи?

– Информация... – продолжал бормотать Доктор, озвучивая свои мысли, – он мог передать пакет информации... Предположим, прямо на компьютер в Берн... Он у нас большой специалист по ви□технологиям, кому, как не ему, знать, как можно ей оперировать... *«Ай да Трубников, – Олег разразился воображаемыми аплодисментами. – Догадался все□таки...»* Почему бы и нет? Если Сфера активировала...

– Ты считаешь, это реально? – Солдат резко, вместе с крутящимся креслом, повернулся к ученому. – И такое нельзя отследить?

– Ну, узнал же как□то Вознесенский, что его питомец здесь, – теперь уже энциклопедист окинул Медведева рассеянным взглядом. – Твоей службе хорошо бы проверить, какие сообщения есть в почте у академика. Если, конечно, он их сразу не стирает. Хотя зачем ему... – он сделал паузу. – Что же касается отслеживания, то он мог выкинуть этот фокус в зеркалах, на фоне общей работы, и тогда мы не в силах что□либо зафиксировать, кроме пиков активности. Да и вообще не в силах, и ты, Иваныч, знаешь это не хуже меня. Может, в будущем...

– Ты, Тимур, не мудри, – Солдат поморщился, – а лучше скажи прямо: да или нет?

– Да, – нехотя ответил Трубников. – Но поймать пакет можно только в том месте, куда он отправлен. Либо в исходном пункте. Причем заранее зная, чего мы ждем от объекта эксперимента.

– А наши мысли они в состоянии прочитать? – бывший контрразведчик совсем посуровел. – Здесь и сейчас?

– Нельзя исключать и такую вероятность, не смотря на то, что кабинет надежно защищен. Опять же с нашей точки зрения.

– Худо, – подытожил Медведев. – Что ж, пойдем посмотреть на наших соколов. Воочию, – он поднялся и, кивнув, направился к двери. Ученые молча последовали за ним.

По пути в седьмую лабораторию они заглянули «к Коле», как выразился Костромин, где советники президента любезно пообщались с Варчуком, которому Солдат не преминул задать несколько каверзных вопросов в надежде поймать физика на слове. Ответы он получил весьма двусмысленные, рассердился было, но сдержался, памятуя о том, что экстрасенсы – люди не от сего материального мира, и раздражаться на них – себе дороже. Уточнив программу эксперимента и проверив готовность сотрудников, они покинули «колину обитель» и добрались, наконец, до «семерки».

Каневский и Засулович встретили их сдержанно, не зная как реагировать на присутствие высоких гостей, а Максим, тщательно скрывая насмешливые искорки в глазах, отвесил низкий поклон.

Медведев же неторопливо обошел лабораторию, внимательно рассматривая блоки аппаратуры, хотя Доктор готов был дать голову на отсечение, что он в них ничего не понимает, приблизился к подковообразному пульта, с интересом его изучил и лишь затем обратил свой взор на Ключева.

– Знакомы ли вы с Аристархом Васильевичем Батюшкиным? – задал он неожиданный вопрос.

– Не припоминаю, – Максим удивленно вскинул брови. – А что? Должен?

– Как вы попали в испытатели?

– Меня откомандировали с завода в Капустин Яр, на полигон. Там я обкатывал «Приму» на стендах. А потом, после доводки, стал летать на ней. Если, конечно, это можно назвать полетом.

– Вот так, сразу, с производства – и на экспериментальную модель?

– Ну у... нет, конечно. Вообще то я подавал заявку на участие в программе ПП...

– Ага! – Солдат вперил в Ключева испытующий взгляд. – Значит, хоть и косвенно, но вы должны были пересечься.

– Да в чем дело то? – не выдержал Максим. – Это имеет какое то значение?

– Может, да, а может, и нет, – Медведев заложил руки за спину и качнулся с пяток на носки. Потом обратился к ожидавшей в молчании группе ученых:

– Ну что ж, начнем, пожалуй... – пауза. – Посмотрим, на что годятся птенцы гнезда аристархова, а?

Костромин тут же занял место за пультом, а Засулович с Каневским разместились по обе его стороны, в боковых операторских креслах. Трубников же остался у двери, видимо, чтобы сохранить лучший сектор обзора. Оттуда ему хорошо были видны и мониторы на пульте, и кресло между двух зеркальных полуцилиндров.

Ключев прошел в центр помещения, сел, откинулся на спинку, сделал несколько движений, устраиваясь поудобнее, и расслабился, прикрыв глаза. Солдат, внимательно осмотрев диспозицию, передвинулся к окну и замер в ожидании.

– Внимание! – произнес Костромин в интерком. – Начинаем.

И все застыло. В первые секунды, тягучие и тяжелые, казалось, что ничего не происходит. Потом Медведев, тоже, вероятно, полностью вписавшийся в эту неподвижную картину и напряженно наблюдавший за Максимом, почувствовал в нагрудном кармане своего пиджака некое шевеление. Он с удивлением глянул вниз и обнаружил, что его любимый золотой «Паркер» покинул свое убежище и завис буквально в паре сантиметров от его лица, затем дрогнул и медленно поплыл к распластанному в кресле испытателю. А тот в последний момент поднял правую руку и, не открывая глаз, принял его на ладонь. Лишь после этого действия летчик приподнял веки и спокойно спросил:

– Ну, как?

– Впечатляет, – в тон ему ответил Солдат, сохраняя на лице невозмутимое выражение. И, не обращая внимания на зашумевших у пульта сотрудников института, добавил. – А что то нибудь посущественнее можете?

– Как скажете, – Максим сделал легкий отстраняющий жест, и ручка вернулась на свое законное место, причем на этот раз советник президента не уловил никакого движения в воздухе. – Посмотрите за окно.

– Смотрю, – Медведев сосредоточился на пейзаже.

– Скамейку видите?

– Которую?

– Ту, что поближе к нам, у фонарного столба.

– Да, – Солдат с интересом пригляделся. Скамейка была старой, еще прошлого века, но ухоженной. На массивном чугунном основании покоились тщательно покрашенные в голубоватый цвет перекладыны, плавным изгибом переходящие с сиденья на спинку. На боковинах лежали шапки снега, но середина оказалась расчищенной. Видно, кто то пристраивался ненадолго. Массивные ножки, напоминающие львиные лапы, намертво вмерзли в ледяную утопанную тропинку и виднелись только наполовину. В общем, неприглядный зимний антураж.

– Показываю, – тихо сказал Ключев и опять прикрыл глаза.

За спиной контрразведчика тут же вырос Доктор и тоже сосредоточенно уставился в

окно.

Скамейка резво прыгнула вверх, выдирая и разбрасывая причудливые куски слежавшегося до непробиваемой плотности снега и льда, ее по спирали понесло выше, как будто невидимый смерч закружил ее в своих объятиях, но вдруг передумал, потому что она круто остановилась, словно в оцепенении, медленно развернулась торцом к зданию института и снова замерла. Неожиданно она рванулась вперед, как снаряд, выпущенный из гигантского призрачного орудия, и, со свистом рассекая воздух, понеслась к окну седьмой лаборатории. Она летела быстрее, чем расширялись зрачки Солдата, который даже не успел среагировать на изменившиеся обстоятельства. Трубников за его спиной тоже впал в ступор. «Все! – мелькнула шальная мысль. – Доигрались!»

Скамья, впрочем, не врезалась в стекло. Она недобрала до него каких-нибудь пять сантиметров, неподвижно повиснув перед потерявшими сцепление с реальностью зрителями. И пока Доктор сглатывал тугой комок, застрявший в горле, она исчезла.

И объявилась там, где и пребывала прежде. Как ни в чем не бывало.

Солдат начал медленно оборачиваться.

Максим открыл глаза и невидящим взглядом посмотрел в пространство.

«Финиш! – раздался голос Олега. – После такой демонстрации надо лиять как можно быстрее».

* * *

Звонок Ильина был неожиданным для Медведева. Он с досадой подумал, что настырный Вознесенский, видимо, добрался и до президента. Поэтому сейчас, расположившись на заднем сиденье джипа, стремительно мчавшегося из аэропорта в сторону столицы, распугивая попутные машины звуками сирены и лихорадочным миганием маячков, он пытался выстроить хоть какую-то систему в сложившейся к этому моменту ситуации, а заодно немного пригасить неприятные ощущения от, прямо скажем, неудачного визита в Институт психофизики.

Мальчишки, думал он с тягостью и, одновременно, каким-то едва уловимым уважением, талантливые мальчишки. Хлебнем мы еще с ними. В рамки их ставить надо. Пытаться ставить, поправил он себя. Объяснять, растолковывать, вдалбливать, наконец. Как же, усмехнулся его альтер-эго, ты уже пробовал, они тебе сами лучше, чем кто-либо другой, объяснят, тем более, что видят тебя насквозь. Ну, правильно, наорал, вернее, нашипел, ярость требовала выхода (больше – страх, уточнил альтер-эго; да, да, конечно, и страх тоже), пар надо было выпустить, вот и сорвался. А кто бы не сорвался после такого! Ни хрена себе, двухсоткилограммовая скамеечка, как пушинка, содрана с места и брошена в него. Ее и отковырять-то из ледяных наростов без лома, какой-то матери и, по крайней мере, получаса времени невозможно. И это невзирая на противодействующее поле, созданное зеркалами. Вот и потерял контроль, понесло. «Сопляк! Идиот! Ты мог убить нас!» Как он ответил-то? «Убивать и приказывать убивать – ваша прерогатива, а мы как раз стараемся этого не делать. Нам это не нравится. К тому же, если меня просят показать что-либо существенное, я показываю, причем так, чтобы это произвело впечатление, но гарантировало полную безопасность. За свои поступки я отвечаю». Уел, короче. В общем, их перепалка в узком семейном кругу, под озадаченными взглядами остальных присутствовавших, но не вмешивавшихся в ход словесной баталии, закончилась тем, что открылась дверь, и заглянувший в нее Варчук сказал: «Макс, не трать слов попусту. Нам пора».

И когда он, Олег Медведев, в растерянности рявкнул: «Куда? Кто разрешил?», его оглядели спокойно, без раздражения и высокомерия, и объяснили, что им разрешение не требуется, и отныне они намерены поступать так, как сочтут нужным, потому что, во-первых, им надоело быть подопытными кроликами, а во-вторых, ничего хорошего и конструктивного от пребывания именно в этом заведении они не ждут. «Настоящую свободу начинаешь ощущать только тогда, когда понимаешь, что тоже кое на что способен и не хочешь зависеть от прихотей и целей других людей, если, конечно, они не совпадают с

твоими собственными. Вы слишком привыкли командовать. Вам надо пересмотреть свое отношение к действительности. В самое ближайшее время, вероятно, вам это пригодится».

И они ушли. Сдержанно, со спокойной совестью, особенно не торопясь. Добрались до своей комнаты в профилактории (весь их путь, естественно, отслеживался), оделись и направились к выходу. Несмотря на истерический приказ задержать их любой ценой, охрана застывала при их приближении, чуть ли не отдавала честь. Дико это выглядело. Дико! Но, тем не менее, выглядело именно так. Невозмутимо покинув здание, они погрузились во взявшееся неведь откуда такси, и только их и видели.

Он не стал гнать волну и пытаться применить другие радикальные средства. Понял, что бесполезно. С такими ребятами необходимы иные навыки. Какие? А вот об этом стоило подумать. И впрямь, придется пересмотреть свое отношение к действительности...

Да еще вернувшийся с орбиты Докучаев добавил забот. Из его устного пока рапорта выходило, что никак тамошние обитатели во время их визита себя не проявили. Значит, умнее оказались? Ну, естественно. Они постарше этих пацанов будут, а, следовательно, и жизненного опыта у них побольше. Хорошо хоть американцы со своими потугами по преодолению препятствий обломались. Правда, под занавес прихватили с собой своих же астронавтов, Клеменса и Тараоки. Теперь, скорее всего, потрошат их в аналогичных научных центрах. Получат что-нибудь или нет? Видимо, получают. Мы же смогли. Пусть и с потерей контроля. Стало быть, они будут все время наступать нам на пятки. А надо их опередить. То есть переломить ход событий. И сделать это можно только одним способом. Коренным. Значит, так и доложим Тимофеичу.

Джип миновал Боровицкие ворота и медленно поехал по территории Кремля. Солдат глянул на часы. В самый раз успели, и схему он все-таки выстроил. Так что есть с чем являться пред очи.

Медведев вошел в президентский кабинет бодрой походкой, с видом, долженствующим означать полную уверенность в себе. Ильин глянул на него прозрачным взглядом, усмехнулся и предложил присесть поближе.

– Ну, докладывай, Олег, – сказал он, – каких дров вы еще наломали.

– Вознесенский наябедничал? – Солдат поджал губы и утвердительно качнул головой.

– Откуда этот дошкольный жаргон, генерал? – снова усмехнулся Ильин. – Не наябедничал, а уведомил, что ему мешает работать твое ведомство. Сообщил, что обращался к тебе, но вместо помощи встретил непонятное сопротивление. Зачем тебе его сотрудник?

– Варчук ходил на «Приме» вместе с Ключевым. Поскольку ты мне предоставил полную свободу действий, я решил проверить в ИПФ и его тоже. В конце концов, один работник погоды не делает, подождет бы академик. Но тут выяснились некоторые обстоятельства...

– ...и ты немедленно приложил руку, – прервал его президент. – И все пошло прахом.

– Ага. И Доктор туда же.

– Да. Трубников звонил. Почему, ответь мне, вместо того чтобы слаженно работать в команде, вы мешаете друг другу? Какого лешего тебя понесло в институт? Они бы и без тебя справились. Ты ведь уже знал, что побывавшие у Сферы умеют читать мысли, когда появился в лаборатории. О чем, интересно, ты подумал в момент проведения эксперимента?

– Ну-у... о том, что такие возможности обязательно надо использовать. Ничего лишнего.

– Ты должен был просто забыть на время такое понятие, как «использовать». Для них же это как красная тряпка для быка, – Ильин смерил Солдата осуждающим взглядом. – Засиделись вы, ребята, в начальственных креслах. Оперативное чутье потеряли. Ты же был лучшим из лучших. А нынче так вляпался! Испытателей вообще нельзя было изымать из естественной среды, вести их втихую наружкой, наблюдать и делать выводы. У тебя, что, профессионалов мало?

– Ты, Тимофеич, тоже не перебарщивай со своими советами! – огрызнулся Медведев. – Как их вести, если они телепаты? Научи.

– Сразу после полета, – сурово сказал Ильин, – никто об этом еще не знал. Можно было

бы подкинуть им для компании третьего. Физика. Из твоего же ИПФ. Ненавязчиво. И пусть бы изучал их в нормальных для них условиях.

– Они бы его вычислили к концу второго дня.

– И прекрасно. Был бы повод для разговора и, вероятно, дальнейшего сотрудничества. На паритетных началах. А ты их мордой об стол! Использовать! Теперь ищи их... – глава государства махнул рукой, потом сверкнул на Солдата глазами. – Кстати, ищи! И найди! И приставь к ним наружку. Но только так, чтобы комар носа не подточил.

– Как?! Как их вести, если они уже пуганые?

– А вот это уже – твоя забота. Сообрази, – президент начал остывать. – Используй весь новый состав нашей бывшей группы. Они же теперь тебе подчиняются. В общем, думай сам. Я за тебя не буду... А теперь рассказывай, что было и что будет. По глазам вижу, что то уже придумал.

Медведев облегченно вздохнул и пустился в повествование. Он постарался дать четкий анализ всех событий, произошедших после приземления «Примы». Вероятно, у него это неплохо получилось, потому что Ильин окончательно отмяк и теперь сидел, откинувшись на спинку кресла и задумчиво глядя в потолок.

– Кстати, – спросил он, – а почему вы с Доктором решили, что информацию Вознесенскому скинул именно Варчук, а не, скажем, тот же... как его... Елютин?

– Первым делом я проверил всех заинтересованных лиц, имеющих какое-либо отношение к академику. Никто из них сообщений не посылал. Думаю, что Елютин тут же забыл, куда и зачем отправились Доктор с испытателями, потому что он откомандирован на полигон совсем для других целей. У него голова забита своими проблемами, которых у него – выше крыши. Он готовит для отправки недельный отчет, а его срок еще не наступил. Да и сам Вознесенский вряд ли хватился бы в ближайшее время одного из десятков сотрудников, если бы ему не напомнили. Оставался только Варчук.

– Что ж, определенная логика прослеживается. Тут ты не ударил в грязь лицом. Тут все по технологии. Да. Ну, давай теперь о том, что будет.

– Хорошо, – Солдат перевел дух. – Но должен тебя предупредить, что решение этой проблемы находится за рамками этики.

– Подробнее.

– Мы должны вывести из оборота тех испытателей, которые находятся на Базе. Желательно всех. Исключение – Клеменс и Тараоки, и то потому, что их уже забрали наши коллеги.

– Довольно неожиданно, – Ильин подобрался. – И чревато. Зачем?

– Во избежание экспромов, которые нам преподнесли Ключев с Варчуком. Мы должны сохранять контроль над ситуацией.

– Возможно, ты прав, – Ильин все еще сомневался. – Как собираешься это сделать?

– Вам лучше не знать, Александр Тимофеевич, – Медведев назвал президента по имени-отчеству, что случалось в их беседах тет-а-тет крайне редко. Такое происходило лишь тогда, когда уровень принимаемых решений был чрезвычайно высок и требовал от исполнителя нетривиальных действий, граничащих с риском, не столько для жизни, сколько для положения. – В рамках стратегии Конторы. Несчастный случай. Когда вы столкнетесь с прессой, а рано или поздно это произойдет, вы *действительно* не будете ничего знать. А уж если, не приведи Господь, вам повезет встретиться с телепатами, то и тут вы будете чисты, аки ангел. Весь груз ляжет на мою совесть.

– Может, не стоит так... э-э-э... необратимо? Ты оценивал возможности плотного сотрудничества с ними?

– В составе инспекционной группы был наш Докучаев. Он старался откровенно поговорить с пилотами, но они не раскрыли своего потенциала. Значит, вариант с плодотворной работой отпадает. Другого выхода, гарантирующего стабильность, нет.

– Что ж... в конце концов, интересы государства для нас приоритетны. Остановимся на предложенном варианте. Что потом?

– А потом мы отберем неоднократно испытанных людей, поставим задачу, все им заранее объясним о проверках, тестах и личной преданности, отправим на «Приме» к Сфере и получим стопроцентный послушный материал для своих нужд.

– Откуда такая уверенность?

– Скорее надежда. Я буду отбирать рекрутов сам.

Брови Ильина поползли вверх.

– В чем дело, Олег? – спросил он. – Ты перестал доверять Аристарху?

– Я бы сформулировал это иначе, – Солдат насупился. – Я не совсем понимаю методы отбора, которыми оперирует он. Пока мы имеем сугубо отрицательный результат в плане контактов с теми, кто прошел через его сито. Я хочу попробовать сам. А после сравнить итоги. Кроме того, я бы просил сохранить спланированную акцию, как первую, так и вторую ее части, в тайне от всех. Даже от остальных советников. И особенно от Монаха. Чем меньше людей будет о ней знать, тем более гарантирован успех.

– Это азбука, Олег.

– Стало быть, можно считать, что санкцию я получил? – Медведев исподлобья посмотрел на президента. Тот молча качнул головой. – Спасибо, Тимофеич, – он снова перешел на «ты», – я знал, что ты поймешь и оценишь по справедливости.

– Ты сделал выбор сам, – Ильин пожал плечами. – И взял ответственность на себя. Дерзай! Ни пуха тебе, ни пера.

– К черту! – напряжение полностью покинуло лицо Солдата. – Маленькая просьба.

– Да.

– Можно сейчас вызвать сюда Монаха?

– Цель?

– Я все-таки хочу, чтобы он рассказал нам о принципах своего отбора.

– А ты хитрец! – президент погрозил советнику пальцем, хмыкнул и нажал на клавишу селектора.

* * *

– Мисс Тараоки, – сказал полковник Редфорд, усадив женщину напротив себя, – я постараюсь быть с вами предельно откровенным.

– Можно просто Вивьен, – предложила она, перекинув ногу на ногу и сплетя их самым замысловатым образом. Строгий шерстяной костюм – и приталенный жакет, и брюки, плотно облегающие бедра, выгодно подчеркивали изящество точеной фигуры – очень шел ей, но она, вероятно, этого не замечала, не смотря на откровенную заинтересованность мужской половины Центра. Взгляд ее казался устремленным внутрь себя, и, скорее всего, ей не было никакого дела до окружающих ее людей и интерьеров. Изредка он оживал, но лишь в те моменты, когда кто-нибудь или задавал ей вопрос, или просто обращался с какими-либо словами.

– Если вам так удобнее, – согласился Редфорд, – пусть будет Вивьен. С вашего позволения, я продолжу. Задача сегодняшнего эксперимента состоит в том, чтобы стереть часть лишней информации, как мы полагаем, содержащейся в вашем мозгу. Очень незначительную часть. Вы можете и не догадываться об этом, но полностью исключать подобную вероятность нельзя.

– Почему вы решили, что такая информация существует? – вяло поинтересовалась женщина.

– Видите ли, Вивьен, многолетние наблюдения за неопознанными летающими объектами, а также появление Сферы на границах Солнечной системы заставляют нас сделать определенные выводы, а именно, прийти к заключению, что, с большой долей вероятности, на вас и ваших партнеров было оказано воздействие. И хотя все проверки, которым вы подверглись, не выявили никаких аномалий, мы все же рискнули попросить вас принять участие в работе с новейшим ви-оборудованием. К тому же, как мне кажется,

кошка на «Уокере» исчезла из закрытого контейнера для перевозки животных не без вашего участия. Может быть, неосознанного.

– Вы заблуждаетесь, – Тараоки, наконец, посмотрела на полковника. Глаза ее напоминали два бездонных темных колодца, в глубине которых таилось нечто такое, отчего Редфорду сразу же стало не по себе, – когда имеете в виду инопланетную агрессию. Но, насколько я понимаю, мне не рекомендуется отказываться от участия в затеянных вами играх.

– Нам не хотелось бы столкнуться с вашим сопротивлением. Данный эксперимент предполагает добрую волю и полное доверие.

– Хочу вас предостеречь, – ровным голосом сказала женщина, – как специалист. Любое, даже очень незначительное, вмешательство в психику человека может иметь катастрофические последствия.

– Для кого? – насторожился полковник.

– И для самого человека, и для его окружения.

– Мы постараемся избежать подобных эксцессов. Всего лишь микроимпульс точечного действия.

– Вынуждена поверить.

– Вот и славно, – Редфорд, опершись на подлокотники, поднялся. – Тогда не будем терять времени.

Тараоки уже стояла. Полковник поразился сему обстоятельству, ведь он выпустил женщину из поля зрения всего лишь на долю секунды. Воздержавшись от реплики, он сделал зарубку на память, и зарубка эта плотно улеглась среди косвенных нюансов, только подтверждавших его уверенность в том, что воздействие все-таки было.

Когда они уже шли по коридору, высверленному внутри базальтовой породы, к месту проведения эксперимента, Вивьен спросила:

– А куда вы дели Клеменса?

– О, не беспокойтесь, с ним все в порядке, – заверил ее Редфорд. – Он с большим комфортом ждет своей очереди.

Губы Тараоки скривились в подобии саркастической улыбки. Она *мельком взглянула* и увидела металлический стул, привинченный к полу, Джека, опутанного тонкими проводами, заканчивающимися в белых наклепках датчиков, громадный пульт с десятком дисплеев, мужчину, колдующего над переключателями, и двух верзил в форме, занявших позицию у двери. «Еще одна маленькая ложь, – подумала она, – которую, как считает полковник, я не могу проверить».

Вскоре они очутились перед титанической дверью. Редфорд приложил большой палец к считывателю сканера, и мощная преграда отъехала в сторону. За ней оказался большой круглый зал с полусферическим потолком и полом, отблескивающим голубоватыми искрами. На дальнем радиусе стены вплотную к плавному переходу в потолок виднелось панорамное окно, за стеклом которого маячили фигуры в матовых комбинезонах. В центре помещения был обозначен белый крест.

Редфорд посторонился, протянул руку, приглашая ее войти, и извиняющимся тоном сказал:

– Мне, к сожалению, придется вас покинуть. Мое место – в наблюдательном пункте. А вы проходите к центру и вставляйте точно на крест. И не волнуйтесь, никаких побочных и болезненных ощущений не будет.

– А вы, полковник, – произнесла Вивьен, перешагивая через порог, – постарайтесь никогда не забывать того, о чем я вам сказала. Любые попытки воздействия на психику чреваты непредсказуемостью. Особенно если вы слабо представляете себе результат.

Редфорд кисло улыбнулся ей в спину, и дверь стала закрываться.

Минут через пять верный помощник генерала Хоупа был уже наверху, в месте сосредоточения управляющей аппаратуры. Сами генераторы, их периферийные излучатели, сканеры и приборы располагались вдоль внешних стен круглого зала, так, чтобы фокус

пикового воздействия активного сферического поля приходился в аккурат на белый крест, где пребывала сейчас Тараоки. Отсюда, с высоты наблюдательного поста, ее фигурка казалась крошечной среди просторов экспериментального стенда. Она стояла, повернувшись к окну спиной.

– Так, – полковник удовлетворенно потер руки и подошел к пульта. – Что у вас, парни?

– Готовы, – сказал один из трех молодых ученых, одетых в матовые комбинезоны. – Можем начинать, сэр. Микроимпульс будет послан сюда, – он ткнул пальцем в желтый участок коры головного мозга, объемное изображение которого медленно вращалось вокруг своей оси на экране центрального монитора, – в точку наиболее вероятной концентрации информации, отвечающей за агрессию.

– Отставить, – в голосе Редфорда прозвучал металл. – Будем воздействовать сразу на весь участок, и не микроимпульсом, а половинной энергией генераторов. Я должен быть уверен, что мы полностью снимем результат воздействия, если таковое состоялось. Кроме того, мне нужно видеть, как поведет себя человек, и не просто человек, а предполагаемый захватчик, если в его мозгу будет уничтожена информация, дающая целеуказания.

– Так нельзя, – ошарашенно запротестовал парень. – Мы можем нарушить целостность общих нейронных связей, и человек превратится либо в послушный автомат, либо станет идиотом. Так нельзя, сэр, – повторил он.

– Можно, – с нажимом произнес полковник. – Идиот предпочтительнее врага. Хочу также напомнить, что команду здесь я, а вы всего лишь исполняете мои приказы, которые обсуждению не подлежат. Меняйте режим!

И пока обескураженные ученые вводили в компьютер новые параметры, Редфорд, поглядывая на стоящую внизу женщину, включил диктофон и заговорил:

– Третий научный центр Комитета, база «Скалистые горы». Время – два часа пополудни. Начинаем эксперимент по стиранию информации, заложенной потенциальным противником. Общее руководство осуществляет начальник аналитического подразделения Комитета, полковник Кевин Редфорд, – он сделал паузу и посмотрел на матовокомбинезонных парней. Тот, что восседал в центре, мрачно кивнул. – Начинаю отсчет. Пять... четыре... три... два... один... Пуск.

В глазах Вивьен, стоявшей спиной к панорамному окну прямо в центре белого креста посреди огромного абсолютно герметичного зала, но, тем не менее, слышавшей и видевшей все, что происходило в центре управления, мелькнула легкая тень сожаления.

«Вы сделали выбор», – отрешенно подумала она.

Ли□Бородин□Терехов: Помочь?

Тараоки: Справлюсь сама.

Ли□Бородин□Терехов: И все же мы с тобой.

Неведомая и страшная сила мягко толкнула полковника Редфорда в лицо. Он покачнулся, но не удержался на ослабевших ногах и, скребя пальцами по гладкой вертикальной поверхности пульта, попытался удержаться. Не тут□то было. Необоримый ужас навалился на него с еще большим остервенением и бросил на сидевшего сбоку парня. Впрочем, тот уже не сидел, а вскакивал, слепо глядя перед собой расширяющимися зрачками. Остальные двое, опрокидывая кресла и мешая друг другу, почему□то лезли прямо через мигающие мониторы, клавиатуры и переключатели. Редфорд, оттолкнув вцепившегося в него ученого, устремился к выходу. Инфернальная жуть гнала его вперед, как можно дальше от того места, где он сейчас находился. Дыша в затылок, за ним рвались подручные горе□экспериментаторы. Так, почти свившись в клубок из четырех, ранее бывших отдельными, особей, они вывалились в коридор и попали в еще большее столпотворение. Из открытых проемов, срывая двери с петель, выдавливались, как паста из тюбиков, бесформенные массы людей, уже переставших ими казаться. Белые лица, разинутые рты, ошарашенные глаза, руки, молящие о помощи, ноги, цепляющиеся друг за друга, истошный женский визг. И плотный поток тел, несущийся прочь по радиальному коридору. И неистовый рев, исторгающийся из глоток. И топот, топот, топот...

Все они уже не видели, да и, по правде сказать, не могли видеть того, что творилось в стендовом зале. Зато все это в полной мере реализовывалось в ощущениях Вивьен, пронизывало ее, накрывало удушливым куполом, изменялось, деформировалось и разлеталось хрустальными брызгами, встречая сопротивление и запредельную мощь той, что находилась в самом эпицентре неистовой феерии.

Когда генераторы были запущены, Тараоки сразу *заметила* сферическое поле, отсекавшее ее от внешнего мира. На зыбких границах рожденного человеческими амбициями энергетического шара стали возникать левозакрученные вихревые спирали и по радиусам устремляться к ней. И тогда она поставила защиту. Сказать, что она сделала это мгновенно, значит, ничего не сказать. Поле□заслон появилось одновременно с пуском генераторов, как реакция на нешуточную угрозу. Весьма отдаленной аналогией может служить действие рефлексов, вызывающих резкое сокращение мышц глаз в ответ на внезапное появление слепящего света.

Разобравшись с характером опасности, инстинкты Вивьен активировали новую волну могучей энергии, по силе далеко превосходившей ту, что была разбужена приборами. Волна эта свирепо ударила по полевым структурам, созданным наружными источниками, вгрызаясь в них, сминая и корежа. Казалось, что само пространство корчится, разрывается и проваливается внутрь себя, издавая при этом немыслимый какофонический звукояд.

Предназначенные для стирания информации импульсы были взорваны изнутри, а оставшиеся клочья, осколки и фрагменты уничтожены и превращены в абсолютное ничто вместе с первопричинами, их породившими – материнским сферическим полем и недолго прослужившими ви□генераторами.

Именно разрушение стирающих вихрей и послужило толчком тому, что сейчас творилось вокруг зоны эксперимента – дикому исходу обезумевших от панического ужаса людей.

* * *

Придя в себя, Редфорд обнаружил, что стоит, вцепившись в поручни трапа, ведущего в командный пункт базы «Скалистые горы». Рядом кто□то тихо поскуливал. Он с трудом заставил себя перевести взгляд вниз и через некоторое время все же увидел под металлическими ступеньками одного из своих ученых помощников. Облик тот имел совершенно расхристанный – матовый комбинезон висел рваными клочьями, лицо покрывали ссадины и царапины, а левая нога, торчавшая из□под трапа, была вывернута под неестественным углом. Несколько мгновений полковник тупо смотрел на этот трагический слепок с человека, всегда, насколько он помнил, имевшего безукоризненную внешность, потом, стремясь избегать резких движений, каждый раз отдававшихся мучительной головной болью, попытался обследовать себя. Начал он с ботинок. Один был полуразодран, второй вообще отсутствовал. Грязный носок кое□как прикрывали лохмотья штанины. Китель, растерзанный в нескольких местах, лишился пуговиц, орденских планок и части нашивок. «Где ж меня так?» – скользнула вялая мысль, но память ничего не подсказала. Осторожно пошевелив руками и ногами и убедившись, что телесных повреждений нет, Редфорд решил все же подняться в командный пункт. Когда он осилил трап и ступил на площадку перед дверью, из□за нее послышался телефонный звонок.

Пока полковник лихорадочно припоминал сегодняшний код, телефон продолжал надрываться. Память и на этот раз спасовала. Никак он не мог вытащить из нее нужные цифры. «Да что они там, заснули?! Трубку некому снять?» И тут Редфорд обнаружил еще одну несуразность. Массивная стальная дверь была приоткрыта. Сквозь щель просачивался бледный, немощный свет. Еще раз ругнувшись, любимец Хоупа навалился на холодный металл, несколько расширил проход и протиснулся внутрь.

Глазам его предстала печальная картина. Командный пункт был безнадежно пуст. Но этого казалось мало. Часть оборудования и настенных светильников поблескивали разбитым

стеклом, изломанными поверхностями и искореженной арматурой. Стулья валялись на полу, экраны мониторов шли серой рябью, а из форсунок противопожарной системы мерно капала вода. Телефон не умолкал.

Полковник доковылял до стола, снял трубку, поднес ее к уху и просипел: «Алло». В ответ он услышал несколько смачных выражений и раздраженный вопрос о том, что у них там, собственно, происходит. Говорившим оказался генерал Боллард, начальник аварийной службы Комитета. Выяснилось, что связь с базой «Скалистые горы» – и ви-пакетная, и сетевая, и радио – пропала двадцать пять минут назад. База молчала во всех диапазонах. А когда со спутника поступил сигнал о мощном выбросе энергии, с ближайшей площадки снялось звено вертолетов и устремилось к месту предполагаемого ЧП. Сейчас они находились в пяти минутах лета от третьего научного центра. «Понял», – скрипнул Редфорд и осторожно положил трубку на рычаг.

Прибывшая вскоре оперативная группа произвела тщательный осмотр и в незамедлительно последовавшем рапорте отметила, что:

- практически весь персонал базы в плачевном виде обнаружен вне пределов рабочей зоны, на скальных выступах и площадках, окружающих выходы с территории;
- ущерб, нанесенный оборудованию, составляет примерно сорок процентов;
- в месте расположения стендового зала не осталось ничего, кроме гладко срезанной, с диаметром, примерно, в пятьсот метров, идеальной сферы, являющей собой абсолютно пустое пространство. Внутренняя поверхность сферы похожа на безупречно отполированный камень;
- директор базы в тяжелом состоянии отправлен вертолетом для оказания неотложной помощи;
- среди сотрудников базы погибших нет;
- эмиссар Комитета полковник Редфорд на задаваемые вопросы не отвечает;
- объекты последнего эксперимента – астронавты Вивьен Тараоки и Джек Клеменс – не обнаружены.

Да, пустота, заключенная в безукоризненном каменном пузыре, производила тягостное впечатление. Огрызок радиального коридора выходил точно в центре боковой полусферы, и отсюда, с самого края обрывавшейся в пропасть дорожки, не было видно практически ничего. Все терялось в темноте, свившей гнездо там, где раньше был яркий свет.

Во все еще звенящей после пережитого голове крохотного, по сравнению с титаном, сотворившим фантастическую пустоту в чреве Скалистых гор, человечка по имени Кевин Редфорд, стоящего на пороге бездны, кружились только одни слова: «Любые воздействия на психику чреваты непредсказуемостью. Особенно, если вы слабо представляете себе результат... Она все знала... С самого начала...»

9

Батюшкин вошел в президентский кабинет присущей только ему свободной походкой и, приняв, как должное, приглашение Ильина занять место одесную, отодвинул стул, уселся и безмятежно оглядел присутствующих. Что всегда нравилось в Монахе бывшему командиру экспертной команды ФСБ, так это спокойная независимость, природная внутренняя сила, соседствующая с какой-то неуловимой глубинной раскрепощенностью, и умение слушать. Вот и сейчас Батюшкин не задал ни единого вопроса, справедливо полагая, что ему и так все расскажут о причине столь поспешного вызова. Так и случилось.

– Рад видеть тебя, Аристарх, – сказал Ильин, искоса глянув на Солдата. – Надеюсь, ты в добром здравии?

Монах кивнул и вежливо улыбнулся, ожидая продолжения.

– В последние часы произошло несколько событий, – продолжил президент, – требующих объяснения. Пожалуй, лучше об этом поведает Олег, – он снова посмотрел на Солдата.

Медведев хмыкнул, прокашлялся и уложился в несколько предложений, упомянув и нежелание испытателей идти на контакт с Докучаевым, и побег из ИПФ Варчука с Ключевым. Свою речь он, натурально, закончил словами:

– При отборе последнее слово всегда оставалось за тобой. Вот и хотелось бы знать, чем ты руководствовался, внося в формуляр именно этих, и почему сейчас они не желают сотрудничать?

– Все просто, – Батюшкин пожал плечами. – В космосе, а особенно при возможной встрече с иной цивилизацией – мы ведь испытывали ПП и о Сфере не догадывались, так что такая вероятность совсем не исключалась – не место упертым спецназовцам, не ведающим сомнений в полученном приказе. Основной критерий – отсутствие агрессии. Поэтому и выбирались люди, для которых нравственные законы выше стремления любой ценой выполнить поставленную задачу. Отказники. У них уже случался подобный опыт. Но это еще не все. Они должны были иметь совершенно четкое понятие о дисциплине, обладать широким кругозором и желанием применить свои знания в рамках предложенных обстоятельств. Что же до неприятия сотрудничества, – он в упор посмотрел на Солдата, – то, если они уловили хоть тень возможности неэтичного использования их новых дарований, – в этом месте Ильин значительно поднял палец, – они не будут играть с вами на вашем поле. Я доступно объяснил?

– Вполне, – Медведев хмуро рассматривал собственные ногти. – Толстовцы, значит.

– Если при словах «отсутствие агрессии» перед тобой возникает образ тюфячка – непротивленца, живущего по принципу «дали по одной щеке, подставь другую», ты не прав, – терпеливо объяснил Монах. – Военные летчики в отличие от гражданских постоянно рискуют собой. Полеты на высоких скоростях, выполнение экстремальных боевых задач, кстати, не обязательно связанных с насилием и убийством, требуют предельной концентрации ума, внимания и точности действий. Ощущаешь разницу? – «Ну, еще бы, – Солдат вспомнил летящую скамейку, остановленную перед самым его носом. – Пр – профессионалы!» – Это агрессия по отношению к самому себе. Испытание себя на пределе возможностей... В конце концов, Спаситель взошел на Голгофу, чтобы доказать всем свою правоту. Он подверг себя невыносимым страданиям, чтобы остальные могли понять и принять этот его шаг и сделать для себя соответствующие выводы. Выбранные мной люди, разумеется, не дадут распинать себя ради подтверждения истины, но и зла они творить не станут.

– И как теперь прикажешь поступить? – Медведев саркастически скривился. – Скомандовать «отбой» и пустить все на самотек?

– В первую очередь дать им понять, что наши помыслы чисты, а деяния направлены только во благо.

– А интересы государства? – сухо поинтересовался Ильин.

– Они и должны служить этим целям, – эхом отозвался Монах.

Спутниковый телефон, лежащий на столе перед Солдатом, завибрировал. Контрразведчик с недовольным видом взял его в руку и, включив прием, стал слушать. По мере того, как менялось выражение его лица, можно было судить, что информация не из обнадеживающих. В конце сообщения губы его сжались в линию, глаза полузакрылись, он процедил: «Принял» и прервал связь. Установилась тишина. Впрочем, грозившую затянуться паузу прервал Ильин.

– Ну? – нетерпеливо спросил он.

– Двадцать минут назад сканеры военного спутника засекли мощный выброс энергии в отрогах Скалистых гор, – угрюмо сказал Солдат. – Там находится научный центр Комитета по контролю за космическими исследованиями. Насколько я знаю, именно туда наши коллеги увезли снятых с орбиты Клеменса и Тараоки.

– Вот как? – прозрачный взгляд президента стал холодным. – И что это может значить?

– Если исходить из последних событий в ИПФ, то, похоже, коллеги перегнули палку.

– Расценивайте это как предупреждение, – невозмутимость Монаха была

непоколебима.

Ильин посмотрел на Батюшкина и, убедившись в том, что он отвлекся на какую-то мелочь, а Солдат явно ждет его подтверждения, едва заметно кивнул.

* * *

Джерри с интересом наблюдал, как диктофон ползет по столу. Он занимался этим уже целую четверть часа, гоня маленький приборчик туда и обратно и размышляя о странностях судьбы. Не то, чтобы он испугался появления неожиданного дара, просто он сделал соответствующие выводы. Как психолог.

Обнаружив в кармане куртки диск с медкартами испытателей и убедившись в том, что события последнего часа – не сон и не иллюзия, он немедленно залез обратно на койку, пристроил подушку вертикально, прислонив ее к стенке, чтобы удобнее было сидеть, и раскрыл ноутбук. Он любил работать с комфортом, развалившись в мягком кресле, и внизу, за столиком, ему совершенно не нравилось. Поерзав и угнездившись, наконец, так, как ему хотелось, он вошел в программу, и только тут выяснилось, что диск-то остался в кармане. Досада на себя – не самое лучшее чувство, но она не заставила себя ждать. Опять слезать вниз, чтобы восполнить обидный промах, очень не хотелось. Но, тем не менее, кляня собственную забывчивость, он все-таки свесил ноги с койки, и тут-то под рукой и образовался выпавший из памяти предмет.

Несколько секунд он тупо смотрел на него, лихорадочно соображая, в чем же, собственно, дело. То, что он не доставал его из куртки, не вызывало сомнений. Он лишь коснулся его и сейчас же отдернул руку, испугавшись того, что зыбкие реминисценции сиюминутного прошлого оказались вполне весомой явью. Как же он оказался здесь? Сильно смахивало на галлюцинацию. Но нет. Вот он – диск. Твердый, зримый, вещественный.

Джерри все же спрыгнул с койки, встал на колени и задумчиво стал нащаривать свою сумку под нижней кроватью, попутно пытаясь понять, что происходит. По всему выходило, что случившееся – результат его общения с доктором Тереховым. Расстегивая найденную сумку и доставая оттуда диктофон, чтобы зафиксировать свои наблюдения, Джерри, по своей неизбывной привычке, продолжал анализировать ситуацию. В том, что Терехов оказал на него воздействие, он почти не сомневался. Зачем? Он совершенно не помнил обратной дороги, да и вообще задуматься его заставил только обнаруженный в кармане диск. Какую цель преследовал русский доктор?

Джерри машинально присел на подвернувшийся стул и положил диктофон на покрывало нижней койки. Тому, что диск оказался не в кармане, а под рукой, должно было найтись очень простое объяснение. Ведь не чудо же? В чудеса он не верил. Значит...

Слоун сосредоточился и впился взглядом в диктофон. Тот дрогнул. Вот как? Следовательно, у него реализовался дар телекинеза. Сидел где-то глубоко внутри? А теперь вот проявился? Терехов слегка подтолкнул? Зачем ему это? Продемонстрировать свое могущество? Вряд ли. Заполучить его, Джерри, в союзники? Тоже нет. Скорее, заставить задуматься о том, что в природе почти не существует простых связей и решений. Ну, например, следующая логическая цепочка: психолог, направленный с Земли для изучения феномена Сферы, убеждается, что воздействие все-таки имело место, разговаривает с одним из непосредственных подозреваемых; тот каким-то непонятным образом инициирует психолога, и последний встает перед проблемой выбора – докладывать или нет высокому начальству о полученных результатах.

Отрапортовать – значит, практически сознаться в сопричастности к когорте пресловутых агентов влияния пришельцев. Ему ли, Джерри, не знать, что за этим последует. Промолчать – значит, сыграть на руку новообращенным и, следовательно, реально встать под их знамена. Что именно для него предпочтительней? Ответ прост, как точка на плоскости. Остаться самим собой. Но это автоматически приводит ко второму варианту. Молодец Терехов! Нашел, чем поставить психолога на место.

Джерри переложил диктофон на стол, отметив про себя, что ровная, гладкая поверхность все же лучше покрывала, и решил провести серию опытов.

И вот сейчас, спустя пятнадцать минут после начала, серия эта завершилась сокрушительным успехом. Слоун убедился, что дар его послушен и не вызывает особого напряжения сил. Напротив, он сейчас возбужден, в отличие от тех экстрасенсов, которые в лабораториях достигали путем колоссальных затрат энергии минимальных результатов в передвижении предметов и выглядели после проведенного эксперимента не лучше выжатого лимона. Значит, различия между талантами, упорно развиваемыми в естественных условиях, и способностями, инициированными извне, все же есть. И Терехов в процессе общения каким-то непостижимым образом определил его скрытые возможности и вытащил их на поверхность. Получается, что гипноз не единственное его умение и, уж конечно, не самое главное.

Дверь бесшумно скользнула в сторону, и через порог шагнул угрюмый Хоскинс.

– Хай, Джерри, – тускло произнес он.

– Рад тебя видеть, Тони, – ответил Слоун, а про себя подумал: «Кстати, почему бы мне не провести с ним гипнотический сеанс? Разгрузить его от проблем и заодно узнать, что же он все-таки нарыл. У меня ничего не получилось с испытуемыми, о докторам и говорить не приходится, но ведь Хоскинс – совсем другое дело».

Пока мрачный специалист по нештатным ситуациям усаживался на свою койку, Джерри как бы ненароком оголил правое запястье, где красовался блестящий переливчатый браслет, улучил момент, когда Тони повернул к нему лицо, и взгляды их встретились, и сказал:

– Послушай-ка, приятель...

Примерно за полчаса он выведал все, что хотел, и полученные сведения лишь подтвердили его выводы об общей ситуации на Базе. Выяснилось, что Хоскинса с первого же дня преследовали неудачи, хотя, если говорить о стратегии и логике, он все делал идеально. Но, тем не менее, не заладилось. Испытатели его близко не подпускали, правда, пару раз он все же сблизился почти в касание, но по каким-то неведомым причинам сразу потерял к объектам интерес; докторов и руководителя полетов он вообще не мог засечь, они даже в «Харчевню» не ходили (этот факт Слоун отметил особо); остальной же персонал контактировал легко и непринужденно, но толку от него было мало. Никто особо не вникал в обстоятельства первопроходцев, у всех находились собственные дела, которые их занимали гораздо больше. Короче, зря психолог тихо завидовал Хоскинсу, ни до чего тот не докопался, да и докопаться, собственно, не мог. Его просто вели. Играючи. Опытного профессионала. Естественно! Где ему тягаться с людьми, шутя оперирующими даже латентными чужими способностями.

Свои же результаты Джерри оценивал теперь достаточно высоко. Мало того, что его подпустили, пусть только для того, чтобы рассмотреть получше, это совершенно неважно, ведь его еще и инициировали. Можно сказать, ему было чем гордиться. Его акции стояли выше, чем у всей инспекторской команды. А почему, собственно? Для ответа на такой вопрос требовалось время.

Слоун начал осторожно выстраивать структуру возможных причин.

Первое. Из двух оставшихся на Базе проверяющих он для сферников (психолог для удобства решил называть побывавших у Сферы именно так) более предпочтителен, потому что в состоянии понять и принять их движущие мотивы и цели. Хоскинс не в счет по причине сугубой прямолинейности: ему приказали искать доказательства вражеских умыслов, он их и ищет.

Второе. Вся вероятная деятельность сферников покрыта тайной, но не враждебна. Иначе, при их-то способностях, они бы, в первую очередь, обработали полковника Редфорда, как человека, имеющего непосредственное отношение к обороноспособности одной из самых мощных держав Земли. А они ограничились единственным контактом (Бородин о чем-то беседовал с Мартином) с инспекторской группой и более к этому не

возвращались. Кроме, безусловно, прощупывания его, Джерри, в «Харчевне».

Третье. Его инициировали после отбытия основной группы, значит, в планы сферников не входили и не входят контакты с военными. Ведь он мог сгоряча побежать докладывать Редфорду. Мог? Мог. А сейчас у него есть время подумать.

Четвертое. Разбудив его латентный дар, сферники дали понять, что для них приоритетны скрытые резервы самого человека и его реакция на обнаружение у себя подобных вещей.

Пятое. Они никого не боятся, следовательно, абсолютно уверены в своих силах. Иначе, опять же, не стали бы его инициировать. Стоп, сказал себе Джерри, но ведь они, наверняка, не с каждым так поступают. Должны же существовать какие-то критерии отбора. Ну-ка, ну-ка... Чем, например, он отличается от Хоскинса? Тони – человек военный, подчиняется приказам, если надо убить... Так. А он, Слоун, может убить? Вряд ли. Более того, если придется выбирать на таких условиях между нынешней, престижной и высокооплачиваемой, работой и сотрудничеством с этими загадочными людьми, он сделает выбор не в пользу Комитета. Даже так? Вероятно, да. С ними гораздо интереснее, и есть множество путей для развития... Доктор Терехов, вы победили.

Джерри посмотрел на все еще сидящего изваянием Хоскинса, щелкнул пальцами и сказал:

– Проснись.

Тони зашевелился, глаза его приняли осмысленное выражение и живенько обежали пространство каюты. Затем он потянулся, буркнул: «Что-то я устал сегодня», встал и направился в санблок.

Слоун проводил его взглядом, вздохнул и подумал, что, пожалуй, начинается новый этап в его жизни: он становится чужим среди своих.

* * *

– Присаживайся, Дима, – голос Ли был ровен и безмятежен. – С чем пожаловал?

– Насколько я помню, – сказал Кобыш, – ты хотел со мной поговорить.

– Эк ты хватил! Это ж было неделю назад, – руководитель полетов насмешливо прищурился. – Не хитри, полковник, и не закрывайся. Во-первых, бесполезно, а во-вторых, без твоей доброй воли мне это ни к чему. У нас так не принято.

– Хорошо, – Кобыш посмотрел в глаза Ли и поразился, насколько они изменились со дня их последней встречи. Они стали бездонными и... Какими? Дмитрий сразу смекнул, что определить не может. Слово «мудрые» в данном случае не подходило, потому что могло выразить лишь слабое подобие того, что требовалось. Казалось, что погружаешься в бесконечность Мироздания со всеми его непредставимыми для обычного человека измерениями, связями и понятиями. Но страшно не было, наоборот, покой и умиротворенность воцарялись в душе, потому что в глубине этих глаз плавали крохотные теплые искорки. Ничего подобного он раньше не замечал. В голове вдруг возникли и неотвязно закружились слова старой песни. «Исполненный очей, исполненный очей... очей», – повторял про себя летчик.

– Другое дело, – лицо Ли словно взорвалось улыбкой, затрепетали и потеряли очертания уголки губ, гладкая и смуглая кожа пошла причудливыми волнами света, а глаза выплеснули целый водопад солнечных зайчиков. Все заботы и опасения Кобыша будто сразу растворились в этом фейерверке вселенской доброжелательности. Он почувствовал себя легко и как-то привольно. Как в детстве, когда только что удалось совершить нечто, по мальчишеским меркам, доблестное.

– Мне... – начал Дмитрий.

– Мы знаем, – прервал его Ли. – Ты ведь уже догадался, что мы знаем. Ты столкнулся на Земле с проявлениями агрессии, непонимания, замешанного на страхе, и недоверия. Каждый раз ты поступал так, как никогда не поступил бы раньше. Ты ведь сообразил,

почему?

– Стараюсь, – с непривычной робостью ответил Кобыш. Ему на миг показалось, что он опять стал маленьким, и на суровые вопросы взрослых надо отвечать честно, ничего не утаивая. – Пацанов мне стало просто жаль, живут своей мелкой жизнью, ничего не понимая и ни к чему не стремясь, но это не их вина, им не повезло, не те родители и не та среда...

– И что ты с ними сделал? – заинтересованно спросил Ли. – Я не совсем улавливаю...

– Понятия не имею, – легко ответил Дмитрий. – Но теперь с ними все в порядке, и, я уверен, они больше не будут шалить в темных подворотнях.

– Продолжай.

– Прочитав сообщение в газете, я сперва ощутил горечь, а после разозлился. Никому не дано права походя распоряжаться чужими жизнями, – полковник мимоходом удивился, что точно знает, о чем именно его спрашивает Слава. – Как бы нас ни боялись, можно же сначала попробовать объясниться...

– Ты не знаешь всех кусочков мозаики, – мягко сказал Ли. – Тот, кто ошибочно считает себя поводырем, слишком привык полагаться на свое мнение и решать за остальных глупых людей, как им надо жить, забывая при этом, что такими их сделал он сам.

– Да, верно, – Кобыш кивнул. – Но мы уже не хотим так существовать. Мы уже прикоснулись к настоящей свободе.

– Вот это и пугает поводырей.

– Мы же не собираемся расшатывать устои общества. Нам только надо, чтобы нас не трогали.

– Откуда такая уверенность? – Ли покачал головой. – Вы просто еще не вполне сознаете, как надо обращаться с тем, что вам досталось. Впрочем, у вас все впереди. Продолжай.

– Ну, а когда я познакомился с Никитой, то решил сначала ничего не говорить. Мало ли какие компании приезжают на отдых. Согласился приютить, и – слава Богу. Большое спасибо. Но потом я подумал – чем больше мы общались, тем яснее мне становилось, что Никита как раз тот парень, которому можно верить, надежный, в общем – нельзя скрывать от него правду. Он должен был понять и поверить. Сожалею, но я ошибся. Хотя, с другой стороны, если бы мне еще две недели назад кто-нибудь наплел про Сферу, вытаскивающую из самых глубин человека его скрытые возможности, я бы тоже не поверил.

– Ты не ошибся.

– То есть? – Кобыш вскинулся.

– Никита *уже* верит.

– Откуда... извини, Слава, – Дмитрий усмехнулся, – я еще не отвык от обычных человеческих представлений. Значит, все это время вы наблюдали...

– Ты не должен ни раздражаться, ни обижаться. Вы лишь в самом начале пути, и мы подстраховываем вас. Вы – наши ведомые, чтобы тебе было понятнее. И в какой-то мере мы несем ответственность за вас и ваши поступки.

– А... – летчик вдруг понял, что продолжать не надо, хотя Ли не шевельнулся и ни словом, ни жестом не дал повода для того, чтобы он замолчал. Он просто смотрел на него.

– Слушай себя.

Терехов □ Бородин □ Тараоки: Сбрасываем микроинф.

Ли: Поехали.

Кобыш машинально прикрыл глаза, и в голове его словно прошелестел прохладный сквознячок, вслед за которым появились четко оформленные мысли.

Головной мозг – это совершенный объект, сотворенный Мирозданием. Главная функция его – реализация полной свободы человека или любого иного носителя разума. Тут и перемещение в любую мерность континуума, в котором мы существуем – вернее, взаимодополняем друг друга – будь то время, или пространство, или что-то еще, чему у нас еще даже нет определения; и возможность их преобразования, как для нужд самого разумного существа, так и для нужд Мироздания; и генерирование внутренней энергии –

можно называть ее, как угодно: прана, ци, психическая или тонкая, совершенно не важно, дело не в словах – для поддержания процессов, происходящих на всех уровнях Мироздания.

Дмитрий несколько ошалел, он и думать□то о таком никогда не думал, но решил повременить с эмоциями, тем более, что вспомнил некогда виденный восточный символ – змею, кусающую собственный хвост (вот, вот, словно подсказал кто□то: порождение Мироздания принимает участие в акте творения этого самого Мироздания). А мысли продолжали возникать из ниоткуда и выстраиваться в законченные образы.

Мы не умеем использовать гигантский потенциал своего мозга. Мы даже не пытаемся научиться его использовать. Ведь любые мыслеформы или идеи, возникающие у нас, напрямую связаны с вероятностью акта творения. А мы по□прежнему все стараемся овеществить руками, либо с помощью придуманных нами внешних приспособлений. Это даже не забивание гвоздей микроскопом. Это просто... *отвергнутая возможность забивания.*

Человек создан по образу и подобию своего Творца. Это не фигура речи. Это *так и есть*. И это нужно понять и, наконец, *пробудиться*. Не валять ваньку, отдаваясь инстинктам и грубым желаниям, а попытаться хотя бы *начать понимать*, что человек всемогущ. И ему не нужны никакие подручные инструменты, он сам – самый совершенный инструмент с абсолютно неограниченной свободой действий.

Мозг – безупречное средство коммуникации и управления реальностью. Сфера лишь переключила его в другой, не ведомый нам ранее, режим. Он теперь обрабатывает информацию иначе, не так, как у большинства людей. Задействованы дополнительные функции, заложенные в него изначально. Мы просто не умели ими пользоваться. Или забыли, в гордыне своей изобретя колесо. А великое множество случаев спонтанного проявления способностей – ясновидение, телепатия, телекинез, левитация, целительство только начинают длинный перечень подобных функций – расценивали, как уникальные явления, далеко не всегда признаваемые традиционной наукой.

Мироздание постоянно изменяется, это его естественное состояние, оно до краев наполнено сложнейшими многоуровневыми процессами, в которые человек должен органично вписываться, но пока, увы, не вписывается.

Вся загвоздка в противопоставлении. Человек, как ни странно, все еще полярен Мирозданию. Он возомнил себя царем природы, а не ее частью. И дело тут не в коэффициенте Ай□Кью и не в недостатках логического мышления, а в неправильно понятой и интерпретированной информации, полученной извне. Проблема не в так называемом благоприобретенном высокомерном интеллекте, а в мироощущении, которое подавляется порочными воспитанием и обучением.

Дети воспринимают мир таким, каков он есть, пока их сознания не касается жестокое вмешательство взрослых, старающихся навязать им свои несправедливо выдуманные правила. И не остается ничего от красоты мира, его совершенства, веры в чудо, чистой радости и открытых эмоций. Они стираются, прячутся и искажаются под маской, которая должна соответствовать общепринятым нормам поведения.

Столкнувшись со Сферой, взрослый человек получил возможность снова прозреть. И чем больше сил и энергии он вложил в развитие своего сознания для того, чтобы жить в гармонии с миром, тем более высокой ступени инициации он может достигнуть. Вы пока на втором уровне. Дальше все зависит от вас.

Дмитрий открыл глаза.

– Прямая передача, – подтвердил Ли. – Словами выразить труднее и незачем.

– Вот уж никогда бы не подумал, – медленно и раздельно выговорил полковник, – что ты способен на такие... – он замялся, не в силах вербально оформить созревшую мысль, – ...назидания...

– Не я, – сказал Слава. – Это Терехов и Бородин... Впрочем, я тоже. И Вивьен. Мы вместе.

– Ага... – Кобыш тряхнул головой. – Ну, да... Конечно... Вы теперь всегда вместе... А

это, если не секрет, какой уровень?

– Третий.

– Исчерпывающе. А сколько их всего?

– Предположительно, девять.

– Значит, вы тоже еще не... м□м□м...

– Не достигли совершенства, – согласился Ли. – Мы тоже лишь в самом начале пути, хотя уже во многом отличаемся от вас. Но ты ведь не за этим пришел?

– Да, – Кобыш неожиданно для себя замялся. – Я, собственно, хотел просить о... гм... содействии.

– О помощи, Дима. О помощи. Не старайся сгладить острые углы.

– Ну, ты, Слава... слишком... прямолинеен.

– Привыкай. Привыкайте все. Скоро вы будете не в силах что-то скрыть друг от друга.

– Не так-то это просто... как кажется.

– Об этом нет и речи. Но путь вверх предполагает предельную открытость.

– Да, знаю я, – с досадой сказал Кобыш, – просто не привык просить о помощи. Мы накануне помозговали немного... В общем, самим нам не справиться. Мы с Витей еще как-нибудь можем выкрутиться, а вот остальные... Не угонять же, в самом деле, челнок с космодрома...

– Мальчишество, – утвердительно кивнул Ли. – В принципе, вы, конечно, могли бы справиться и сами, но вы еще не умеете *видеть* траекторию событий. Слишком велик риск.

– Так как? – в глазах Дмитрия застыл вопрос.

– Не сомневайся, мы будем рядом. Скажи об этом остальным. Никто не должен зря беспокоиться.

– Когда?

– «Тайфун» прибывает завтра, в десять утра по условному времени. Не делая резких движений и не задавая лишних вопросов, вы грузитесь на борт. Дальнейшее происходит по раскладке того, кто это задумал. Кроме финала. Его мы скорректируем.

– Спасибо, Слава, – Кобыш облегченно вздохнул.

* * *

Никита отпивал обжигающий чай маленькими глоточками и изредка посматривал в окно. С таким же успехом он мог бы изучать стену напротив. Ничего там не было. «Тьма, и хоть бы кто-нибудь...» – всплыла вдруг сама собой стихотворная строчка. «Ну, уж нет, – подумал Никита. – Прошли те времена». Он припомнил, как совсем еще недавно, в такой же зимний вечер, чтобы заполнить пустоту, протянул руку к книжной полке, наугад вытащил томик, раскрыл его и стал читать. Как точно, поразился он тогда, автор смог передать состояние, терзавшее его уже многие годы. В смятении он перелистнул страницу назад и уткнулся в начало: «Мрачной полночью бессонной... беспредельно утомленный...» Однако! Это кто ж так?.. Эдгар Аллан По.... Ни хрена себе, угадал! Беззвучно шевеля губами, Никита еще раз перечитал стихотворение и долго сидел, уставившись невидящим взглядом в окно.

Наутро он решил навестить отца Василия. После службы они расположились в «светелке» священника и долго беседовали. Тогда Никита впервые поведал батюшке о своей заключительной боевой операции и о том, какое тягостное бремя давило на него всю последующую жизнь. Не мог молчать более. «Скажи, отче, – хмуро спросил он, – какова мера искупления человеческих заблуждений?» «Господь отмерит все, что положено, – вздохнул священник. – Велик грех твой, и таково же принятое наказание. Хорошо, что ты понял это и сам осудил себя. Плохо, что сразу не исповедался. Почитай, десять лет прожил пустынником в маяте душевной. Значит, такова твоя мера. Душа, она очиститься должна. Иначе не будет тебе ни света, ни покоя. Теперь что ж! Думай, как дальше жить». «Не вижу я пути, – горько сказал Никита. – Разве монахом стать?» «Не твое это, – батюшка

перекрестился. – Вижу, что не твое... Ищи и обрящешь... У меня ведь тоже сын есть, – он снова вздохнул. – Сурово я с ним обошелся. Сам, не ведая сомнений, определил ему путь в священнослужители. Еще матушка жива была, упокой Господь ее душу, – опять крестное знамение. – А он решил по-другому. Где он теперь, не ведаю. Не виделись, почитай, годков двадцать пять, уже забывать стал облик его. Хотя иногда шлет весточки, мол, жив-здоров, не тревожся, отец. А мне и отписать-то ему некуда. Молюсь за него и чувствую, что праведен путь его, сподобил Создатель. Но вот кто он ныне, не знаю». «Мы бы с ним, наверное, могли стать друзьями, – выслушав отповедь Василия, пожалел бывший спецназовец. – Здесь-то, кроме вас, и поговорить по душам не с кем. Ровесников, считай, нет». «Ровесники есть, – сурово молвил священник. – Нет ровни. Те, что остались, беспутные и неприкаянные... Жениться бы тебе, деток нарожать... Да не на кого глаз положить. Была одна ладная девонька, Прасковьи дочка, да и та уехала. Вернется ль?»

Как в воду глядел отец Василий. А может, и действительно угадал наперед. Полгода не прошло.

Свежим июньским утром, по обыкновению своему, когда солнце еще только поднималось из-за вершушек сосен, на облюбованной издавна поляне Никита начал разминку. Случались дни, когда ему страшно не хотелось вставать в такую рань, куда-то бежать, чем-то заниматься, но первый принцип Мяосина, гласивший: «Сторонись нерадивости и лени», уже работал на уровне инстинкта. И все гнусные сомнения он жестоко подавлял в самом зародыше, с уханьем выскакивая на крыльцо и делая первый длинный прыжок с верхней ступеньки на утоптанную дорожку, и потом, пока, набирая темп, не оказывался под покровом охватывающего дом леса. Верный Играй, стремительно обходя хозяина, вырывался вперед. Когда Никита добирался до полянки, предательских колебаний уже и в заводе не было. Так что, начиная процесс «самосовершенствования», экс-спецназовец уже являл собой образец спокойствия и сосредоточенности.

Медленный «Тай-цзи», завершившись на глубоком выдохе, несколько секунд спустя взорвался предельно эмоциональным и экспрессивным «Красным кулаком», во время которого Никита буквально превращался в призрак, скользивший по поляне, настолько высока временами была скорость перемещений. Перейдя к заключительной фазе динамических упражнений, Никита еще немного поработал с базовой техникой, оттачивая и без того доведенные до автоматизма движения, и увенчал ее серией хлестких чуйчжан. Взглянув на уже начавшее пригревать солнце, он определил, что затратил на первую часть комплекса не более часа, и решил приступить к медитации. Скрестив ноги, он начал неспешно опускаться в полулотос. Вот тут-то и случилась неожиданность.

Боковым зрением он уловил легкое движение слева. Так и не завершив приседания, он застыл в каких-нибудь пятнадцати сантиметрах от травы и осторожно повернул голову. На краю поляны, полувыступив из кустарника, стояли тоненькая девушка в голубом ситцевом сарафане и мальчишка, лет десяти, в джинсах и желтой футболке. Глаза девушки были полны удивления, а на мальчишеском лице пылал явный энтузиазм. «О, как! – подумал Никита. – Сестрица Аленушка и братец, блин, Иванушка. Девицу в первый раз вижу, а пацан, вроде, местный... Что-то я не заметил, как они подобрались, хотя со слухом у меня все в порядке. Старею, что ли?.. А Играй как же?» Он так же медленно повел головой в другую сторону. Пес, вероятно, набегавшись по лесу, бессовестно дрых у тухлявого пня, лежа на боку и тихонько повизгивая во сне. «Сторож хренов!» – внутренне улыбнулся лесник и снова перевел взгляд на неожиданных гостей.

– Здравствуйте! – звонким голосом сказала девушка. – А мы мимо шли...

– Джеки Чан отдыхает, – одновременно с ней выразил свое восхищение пацан.

До Никиты наконец дошло, что выглядит он в такой позиции, вероятно, крайне глупо, поэтому, снова распрямив ноги, принял вертикальное положение и, обозначив улыбку, произнес:

– И вам привет, путники. Что в такую рань привело вас сюда? Для грибов да ягод еще не время...

– Мы – ранние пташки, – засмеялась девушка, будто серебряные колокольчики рассыпались. Осмелев, она сделала несколько шагов навстречу. Двигалась она с грацией Терпсихоры, и Никита немедленно поразился, откуда в отдаленной таежной глуши могло возникнуть подобное чудо. Когда девушка оказалась значительно ближе, он заглянул в ее глаза и совсем уж остолбенел. Таких глаз он нигде и никогда не видел. Бездонная и прозрачная глубина их, нисколько не скрываемая, а, наоборот, лишь подчеркиваемая васильково-голубым цветом радужки, казалось, сулит нескончаемую череду откровений тому, кто сумеет разгадать секрет хозяйки. А еще они были полны ожиданием чуда.

– Как зовут тебя, фея лесная? – севшим голосом пробормотал Никита.

– Машкой ее зовут, – снисходительно оповестил подросший вовремя мальчуган. – И вовсе она не фея, а старшая наша. Плотниковы мы.

– Ага, – сказал Никита, не отводя взгляда от девушки. – А тебя как кличут? – И он наконец-то посмотрел на маленького сопровождающего феи.

– Федор я, – солидно представился Плотников-младший. – Как в «Простоквашино», только не дядя, – и тут же, без перехода, поинтересовался. – А можно научиться так же?

– Можно, – весело сказал экс-спецназовец. Его уже стало отпускать. – Только надо быть настойчивым и непреклонным в своем решении. И заниматься каждый день. Сможешь?

– А то, – фыркнул пацан. – Это ж не в школу ходить, – он шмыгнул носом и деловито поинтересовался. – За лето управимся?

Никита засмеялся и положил руку ему на плечо.

– Лета, – сказал он, глядя в глаза Федору и обнаруживая несомненное сходство с сестрой, – маловато будет. Этим надо заниматься всю жизнь.

– Так долго? – разочарованно протянул мальчишка. – Не-е. Я после школы в город подамся. Как Машка, – он кивнул в сторону сестры, но тут же снова возбудился. – А может, успеем? Мы к тебе каждый день приходим будем.

– Вы? – с замиранием сердца спросил Никита, опять взглянув на девушку и тут же почувствовав давно забытое щемление в груди. – Вы тоже, Маша?

Щеки лесной феи стали медленно наливаться краской.

– Меня без нее одного в тайгу не пустят, – еще раз встрял Федор. – К тому ж это она меня сюда затащила. Давай, говорит, к дому лесника ходим...

«Неужели... – подумал Никита, продолжая тонуть в машинах глазах, – неужели это случилось?.. Она?..» Согревшая душу мысль неожиданно сменилась вызвавшей трепет следующей: «А не про нее ли отец Василий сказывал?» И он, как-то не заметив, что мысли уже обратились в слова, спросил:

– Вашу маму часом не Прасковьей звать?

– Так я ж и толкую, – удивляясь непонятливости старших, хотя сестру он взрослой явно не считал, напомнил о себе Федор, – Плотниковы мы. Прасковьи Кузьминишны.

– Что ж вы сразу не сказали? – невпопад брякнул лесник. – Мне ж... – «Что „мне ж“?» – тут же осекся он. – В общем... э-э-э... я – Никита, – он приложил руку к груди и склонил голову.

– Так тебя и так все знают, – сказал мальчишка. – Ты к нашему попу каждый месяц ходишь. А больше ни с кем... Мать говорит, странный ты. Видный, говорит, мужик, а живет бобылем... Собака, говорит, ему вместо семьи. Непорядок...

– Ты, Федор, не суди о том, чего не знаешь, – наконец подала голос девушка. – Всякое болтают, а ты не повторяй...

– Во... – пацан смешно сморщил нос, – и Машка воспитывает. А сама как в тебя втюрилась еще в школе, так и до сих пор...

– Федор! – отчаянно сорвался звонкий голос, и лесная фея снова зарделась. – Не смей!

– Да ладно, – мальчишка понял, что хватил лишку. – Больше не буду.

То, что в запале вырвалось у Плотникова-младшего, хмельным вином ударило Никите в голову, и внутренне воспарив в горные выси, он все же постарался сгладить возникшую неловкость.

– Не сердитесь на него, Маша, – примиряюще сказал он. – Мальчишки – иногда народ взбалмошный и колючий. Сам такой был. Это пройдет со временем, – и, заметив, что Федор опять собирается что-то ляпнуть, приложил ему палец к губам и добавил – Если действительно хочешь овладеть боевыми искусствами, научись быть сдержанным и справедливым. А в первую очередь – относиться с уважением к женщинам. Ясно?

Парнишка сжал губы в полоску, посмотрел на лесника блестящими потемневшими глазами и молча кивнул. Девушка, все еще смущенная и одновременно рассерженная, отвела взгляд. Потом робко улыбнулась.

– Вот и славно! – счастливый Никита взял обоих за руки. – А теперь пошли чай пить. Приглашаю вас в гости.

Так состоялось их знакомство. Потом были древний пузатый самовар, подаренный отцом Василием, откопавшим его невесть где и когда, веранда, заполненная солнечным светом, и машины глаза, от которых Никита, как ни старался, не мог оторваться. И хитрющая физиономия Федора, сама за себя говорившая: «Вот, мол, и этот туда же. Втюрился, как последний второгодник. А еще Джеки Чан называется!»

После чаепития экс-спецназовец целый час гонял мальчика по утоптанному двору, заставляя до изнеможения повторять базовые стойки и передвижения, а также попутно выбивая из него дух противоречия и строптивость. «Запоминай, – приговаривал он. – Первое – сторонись нерадивости и лени, второе – сторонись гордыни и похвальбы, третье – сторонись вспыльчивости и суетливости...»

Надо отдать должное, Федор старался. Даже тогда, когда его слабенькие силенки, очевидно, были уже на исходе. И все это под внимательным взглядом старшей сестры.

Наконец Никита сказал: «Для первого раза достаточно», и они уселись, скрестив ноги, на траву у изгороди, где лесник стал обучать парнишку важнейшим правилам медитации и глубокого дыхания. Истекли еще полчаса, потом еще полчаса, потом они опять сидели на веранде и говорили, говорили, говорили... Правда, в основном вещал гостеприимный хозяин, распуская перед Машей павлиний хвост, а младший брат ее больше не улыбался ехидно, наоборот, притихнув, он молча слушал, теперь уже окончательно убедившись в праве Никиты быть центром внимания.

И только во второй половине дня гости вдруг вспомнили, что время, отпущенное им на прогулку, уже давно истекло. «Мама, наверное, переволновалась вся, куда мы запропастились», – смущенно сказала девушка, а Федор, как бы подтверждая ее слова, со вздохом кивнул. Уходить ему явно не хотелось. «Если вы не против, мы могли бы вас проводить. Да, Играй? – Никита подмигнул псу, который, услышав свое имя, тут же выставил вперед лапы, распушив когти, с прискуливанием потянулся и махнул хвостом, выразив тем самым полную готовность сопровождать компанию хоть на край света. А его хозяин, трепеща от собственного нахальства, добавил. – Заодно с Прасковьей Кузьминишной меня познакомите. Можно?» И замер, ожидая ответа.

– А то, – подтвердил Федор, Маша же, покраснев, отвела взгляд и судорожно, так, что костяшки побелели, сжала кулачки.

По дороге в деревню Никита рассказывал разные смешные истории, случавшиеся с ним в прежней жизни, девушка звонко смеялась, а меньшей Плотников только хитро и понимающе прищурился, не покушаясь, впрочем, на то, что со всей очевидностью возникло между его сестрой и вновь обретенным старшим другом. По-своему он тоже был умиротворен и даже счастлив. Соседские пацаны теперь умрут от зависти, и хотя Никита сказал, что надо избегать гордыни и похвальбы, но один-то раз похвастаться все же не мешало. Тем более, что есть чем. Играй степенно трусигл рядом с Федором, деликатно не обращая внимания на хозяина с его пассивностью, мол, у вас – своя компания, а у нас – своя.

Прасковья Кузьминишна встретила их на крыльце старого, но еще крепкого и ухоженного деревянного дома, вытирая мокрые руки полотняным полотенцем. Оказалась она женщиной приятной, совсем не деревенской наружности, статной и довольно улыбчивой. Увидев Никиту, она тут же забыла о своем справедливом желании устроить

детям нагоняй, растерялась и только и сказала: «Никак гости к нам». Уже позже, когда они сидели за покрытым цветастой скатертью столом, уставленным всевозможными разносолами, извлеченными из погреба по случаю неожиданного знакомства, вели неторопливую беседу и прихлебывали из объемистых кружек свежесваренный чай, когда первые впечатления друг о друге достаточно сложились и по ходу выяснения за разговором различных мелких подробностей в значительной мере оправдались, когда от внимательного и оценивающего взгляда хозяйки не укрылось трепетное отношение героя деревенских слухов к ее дочери, вдруг с простодушной бабьей прямоотой прозвучало: «А ты, Никита, никак в зятя ко мне набиваешься?» «Набиваюсь, – не дрогнув, ответил лесник. – И надеюсь, что вы мне не откажете». «Ха», – сказал Федор, удостоверившись в правильности своих наблюдений, и с независимым видом удалился из горницы. «Давно она по тебе сохла, – разглаживая скатерть, Прасковья Кузьминишна подняла испытующий взгляд на гостя. – Дождалась вот. Видать, судьба. Не обижай ее, Никита... хотя чего это я. И так вижу, мужик ты хороший. А она – то уж у меня...» Маша, побледнев и потупив взор, сидела молча, такого скорого материнского откровения она никак не ожидала. «В общем, доверяю я тебе дочь, – глаза хозяйки потемнели. – А там уж сами смотрите».

Дальнейший разговор Никита запомнил плохо, вернее, совсем не запомнил, потому что голова вдруг стала тяжелой, мысли расплывчатыми, а сердце засбило, и по телу разошлась волна слабости. «Что это со мной? – удивился он. – Совсем сдурел от радости?» Кое – как собравшись, все – таки многолетний тренинг – великая вещь, Никита постарался, чтобы его внутреннее смятение хотя бы внешне было незаметно.

Когда наступила пора прощаться, он уже вполне взял себя в руки и даже, удивляясь невесте откуда взявшейся храбрости, испросил у Прасковьи Кузьминишны разрешения на то, чтобы Маша с Федором погостили у него несколько дней. Та посмотрела на лесника долгим взглядом и молвила: «А это уж она сама пусть решает». Девушка проводила его до калитки, и там, в уже сгустившихся сумерках, прильнула к нему, поцеловала в колючий подбородок и шепнула: «Мы обязательно придем завтра».

Всю обратную дорогу Никиту просто распирало от необычных для него чувств. Пожалуй, такой легкости и совершенно фантастического ощущения грядущих праздничных перемен он не помнил с юности. Верный пес, всегда чуткий к настроению хозяина, носился вокруг него широкими кругами и изредка ликуяще взлаивал.

А ночью бывшего спецназовца опять скрутил застарелый кошмар. Снова распускался на броне зловещий огненный бутон, и Никиту коржило и разрывало на части, а Играй тыкался холодным мокрым носом во вцепившиеся в покрывало пальцы и жалобно повизгивал. Снова когда – то чудом выживший воин дрожащей рукой отирал со лба ледяной пот, пытаясь разглядеть, что таится в плотно обступившем его мраке. И снова бесконечно тянулись часы, оставшиеся до утра, они могли принести успокоительное забытие, но могли и еще больше разбередить терзаемую видениями душу.

Новый день должен был все изменить. Откуда – то Никита знал это. Или его согревала рожденная накануне надежда. На будущее, в которое придет Маша.

Утро, как всегда, он встретил на поляне, раскручивая спирали боевых комплексов. А до медитации дело снова не дошло. Едва солнце повисло над верхушками самых высоких елей, Играй радостно твякнул и усиленно завилял хвостом. По тропинке, за много лет утоптанной лесником до каменной твердости, шли Маша с Федором. «Ну, вот и все, – подумал Никита. – Прощай, прежняя жизнь!» Он расплылся в улыбке и шагнул им навстречу:

– Здравствуйте, пташки ранние! Наверное, не выспались, а?

– Ты – то тоже не в постели, чай, валяешься, – по – взрослому отвечивал Федор. – Ну и мы – люди привычные.

Никита насмешливо фыркнул, а Маша, приобняв брата за плечи, сказала:

– Еле добудилась этого привычного человека. Спал, как сурок.

И легко коснулась руки обитателя лесной глуши. Того словно током ударило. «Да ты никак боишься, а, старлей? – мелькнула шальная мысль. – Боишься поверить в свое счастье?»

В то, что наступает время перемен? Совсем одичал в тайге...» И он, совершив над собой приятное насилие, накрыл ее узкую, прохладную ладонку своей широкой огрубевшей дланью и снова улыбнулся, на этот раз с облегчением и благодарностью.

Потом он, как и накануне, гонял Федора по поляне, пока с мальчишки семь потов не сошло, еще около получаса они уделили внутреннему созерцанию, когда мокрого, как мышь, адепта боевых искусств сушили ласковые лучи еще не вовсю разошедшегося солнца. Маша все это время заинтересованно наблюдала за ними, сидя на окраине поляны и почесывая за ухом прикорнувшего рядом Игря, вконец разомлевшего от привалившего форта. А после финального, медленного и глубокого, выдоха Никита предложил гостям совершить омовение, благо речка недалеко, и вода уже успела прогреться. Так и сделали.

В общем, когда наступил вечер, выяснилось, что день пролетел, как единый счастливый миг, и масса впечатлений слилась в сплошное, яркое и эмоциональное пятно.

После ужина, устроенного на веранде, Никита запалил во дворе костер, и они сидели, глядя на трепещущий под легким ветерком огонь, разгоняющий подбирившийся вплотную мрак и заслоняющий казавшиеся особенно крупными в этот вечер звезды. Федор, впрочем, долго не задержался. Глаза его стали слипаться, и благодущный хозяин, подхватив мальчишку на руки, отнес его в одну из комнат, примыкавших к гостиной, раздел и уложил в кровать. К костру он вернулся, держа в руках бутылку «Хванчкары» и два бокала.

Присев, он вытащил пробку, разлил в тонкостенные вместилища просвечивающее багрянцем в отблесках костра вино и перехваченным голосом сказал:

– Маша... я хочу выпить за нашу встречу... Мне трудно говорить сейчас...

– Не говори, – серьезно ответила девушка, глядя на него блестящими глазами. – Потом. Давай, просто выпьем.

Они сделали по три медленных глотка и, не сговариваясь, разом отставили бокалы. Маша встала, обойдя костер, подошла к нему вплотную и положила руки на его плечи. Никита растерянно поднялся, ощущая неповторимый аромат луговых трав, казалось, окутывающий тоненькую фигурку его избранницы с ног до головы, робко обнял ее за талию и осторожно привлек к себе. Губы их встретились.

И мир опять взорвался и раскололся на разноцветные брызги, только на этот раз взрыв принес не боль, а невыразимое наслаждение. Не сознавая более поступков своих, он подхватил Машу и так, бережно неся возлюбленную, совершенно не чувствуя веса и только ощущая тело ее, нежное и словно сотканное из лунного света, пошел к дому. Не чуя под собой ног, поднялся на второй этаж, подцепил носком ботинка приоткрытую дверь в спальню и шагнул к своему ложу.

До сих пор воспоминания об их первой ночи вызвали в нем сладкую истому. Маша была неистова. Казалось, все, что копилось в ней годами в ожидании близости с любимым, выплеснулось через край в единый миг. Она не стеснялась, как можно было бы ожидать от деревенской девушки, правда, к тому времени ставшей уже городской, она предавалась любви, забыв обо всем на свете, напрягаясь всем телом и распахивая душу. Никита же просто растворился в этом тайфуне страсти, стремясь не упустить ни одного порыва и ни одного трепетного касания. Мир вокруг них перестал существовать, и время остановилось.

Не было больше ни лесного дома, ни обступающей его тайги, ни самой планеты Земля, кружащейся вокруг Солнца, остались лишь их тела и души, слившиеся воедино.

А потом, в некое неуловимое мгновение, когда ночь за окнами стала уже блекнуть и сходить на нет, и когда голова девушки упокоилась у него на груди, а он с невыразимой нежностью начал ласкать ее шелковистую кожу, он вдруг решил и, словно кинувшись в бездонный омут головой, поведал ей всю свою жизнь от начала и до конца. Как он лишился родителей и оказался в детском доме, как учился в заведении специального профиля, стены которого покидали только крутые бойцы-профи, как умер на горной алтайской дороге и вновь воскрес в госпитале, как увлекся роскошной женщиной, равнодушно бросившей его через полгода, и как жил все эти десять лет, никого и ничего не замечая. Он не уловил мига, когда с шепота перешел на хрип и уже не сам обнимает Машу, а она его, приговаривая:

«Бедный ты мой, бедный!» И тогда он окончательно понял, что все жуткое осталось в прошлом, что Маша – та самая женщина, о которой он мечтал всю свою жизнь, уткнулся носом в ее грудь и закрыл глаза, а она еще крепче сжала его голову и, запустив пальцы в его волосы и ласково теребя мочку уха, шепнула: «Любимый мой, единственный...»

И он сам не заметил, как рухнул в сон. Ему привиделись причудливые облака над безбрежной синью моря, пронзительно-желтая полоса песчаного пляжа, почему-то пальмы и обнаженная прекрасная Маша, выходящая из пены прибоя. Впервые за много лет его не мучили кошмары.

Никита открыл глаза от шума внизу и только через некоторое время сообразил, что это Федор ходит по гостиной и что-то невнятно бурчит, а Играй вторит ему постукиванием когтей по полу. Он ощутил рядом горячее машино тело, руку, обвившую его шею, льняные волосы, рассыпавшиеся по его груди, мягкое умопомрачительное бедро, плотно оседлавшее его ногу, и понял, что никакой утренней тренировки сегодня не будет. Вставать и бежать куда-то, оставив это диво дивное, было выше человеческих сил. Прости, Федор!

Никита полежал еще немного, предаваясь неземному блаженству и боясь, что любым движением может прервать хрупкий сон своей феи, но потом решил, что мальчишка способен по незнанию сунуться в спальню и обнаружить сестру в компрометирующем виде. Тогда он огорченно и очень тихо вздохнул, осторожно высвободился из машиных объятий, соскользнул с кровати, натянул джинсы прямо на голое тело и, неслышно ступая босыми ногами, буквально просочился в приоткрытую дверь.

Федор стоял на веранде, хмуро озирая окрестности. Не увидев, а скорее, ощутив подобравшегося сзади лесника, он повернулся и, скорчив пренебрежительную гримасу, сказал:

– Ну что, проспал?

– Проспал, – виновато подтвердил Никита.

– А Машка где? – бдительно спросил папан.

– Наверное, еще не встала, – хозяин дома невинно пожал плечами. – И вообще, давай-ка не будем ее тревожить. А?.. И вот что, брат мой меньший, на поляну мы не пойдем, а позанимаемся с тобой здесь, на бескрайних просторах двора. Идет?

– А то, – Федор приободрился, но потом как-то сник. – Только не сильно, у меня после вчерашнего ломит все.

– Ничего, – легко молвил Никита. – Пройдет. Это с непривычки. Через пару недель забудешь и думать.

И карусель завертелась. Мальчишка пыхтел, морщился, но вскоре разошелся и перестал думать о мышечной боли. А его старший друг и наставник исподволь наращивал темп. Минут час, прежде чем они завершили тренировку и уселись на траву, друг против друга.

– Нэйгун, – лесник положил руки на колени, ладонями вверх, и прикрыл глаза.

Парнишка склонил голову в знак послушания и повторил движения учителя.

Но медитации не суждено было затянуться.

– Ага! – послышался звонкий голосок Маши. – Вот вы где!

Она вихрем слетела с крыльца, в несколько шагов преодолела разделявшее их расстояние и сходу вклинилась между ними, грациозно припав на колени, обхватив взъерошенные головы и притянув их к себе. Потом сочно чмокнула обоих в щеки.

– Мужчины! – глаза ее лучились счастьем. – Защитники сна!

– Ты чего это? – Плотников-младший ошарашенно посмотрел на сестру. – С глазда съехала?

Но тут встрял Никита.

– Позволь тебе представить, Федор, – с наслаждением сказал он. – Маша – моя жена.

Лицо мальчишки приняло совсем уж озадаченный вид.

– А как же свадьба? – обиженно спросил он.

– А свадьбу сыграем осенью, – лесник приставил указательный палец к его носу. – Как и положено в деревне.

– Ничего не получится, – огорченно произнесла Маша. – Я тебе не успела сказать, Никита. Я ведь учусь в педагогическом. Последний курс остался. Так что либо сейчас, либо придется подождать до следующего года.

– Сейчас, – хором сказали Никита с Федором, удивленно посмотрели друг на друга и расхохотались, а первый голосом киношного злодея добавил. – Мне надоело ждать.

Вовремя подоспевший Играй весело твякнул, как бы подтверждая слова хозяина, вывалил язык и свесил голову набок.

Днем они отправились в Елань обрадовать Прасковью Кузьминишну. Та всплакнула по обычаю, но, впрочем, лишь слегка, быстро собралась, и вся компания двинулась к отцу Василию. Священник принял их радушно, значительно кивнул Никите: «Видишь, сподобил Господь!», сотворил крестное знамение и, выслушав, назначил обряд на конец недели. «А перед венчанием, дети мои, – оповестил он, – надобно исповедаться и причаститься. Так что извольте отстоять три дня на службе».

Федор ходил гоголем, свысока поглядывая на соседских пацанов, все ж таки не каждый день сестру замуж выдаешь, да не за какого-нибудь задохлика-сельхозтехника, а за мастера боя и властелина тайги.

Свадьба удалась на славу. Никита ополовинил свои сбережения, а их накопилось за десять лет немало, съездил на станцию и привез чуть ли не полный грузовик снеди и напитков, Прасковья Кузьминишна расстаралась и накрыла гигантский стол, соседки, как могли, помогли, в общем, гуляла вся деревня. Бабы и девки открыто завидовали Маше, еще бы, муж достался статный, красивый, из бывших военных, опять же хозяин отменный, вон какой домище отгрохал вместо прежней лесниковой сторожки. Мужики и парни сначала сдержанно поздравляли, потом вполголоса переговаривались, судили да рядили, ну, а после, выкушав не по одному стопарику водки и самогона, устроили было потасовку – какая ж свадьба без драки! – но Никита подавил ее в самом зародыше, быстро и эффективно, к вящему удовольствию Федора, Маши и уже любимой тещи, показав разбушевавшимся гостям, кто здесь хозяин. Сильно никого не ушиб, но дал понять, что безобразия не потерпит. Зауважали.

И наступила изумительная пора дней, напоенных радостью от сознания того, что он теперь не один, у него есть семья – чудная жена, маленький братишка, мама Прасковья, и ночей, сотканых из жарких объятий, волшебных поцелуев, запредельного слияния душ и тел, короткого забытья на рассвете. Они выпивали друг друга до дна и никак не могли насытиться. Любовь пьянила их и обещала быть бесконечной. А ночной кошмар навсегда ушел из жизни Никиты. Прошлое, наконец, отпустило его.

Июнь пролетел незаметно, а за ним и июль. Федор вытянулся, мышцы его обрели плотность и упругость, движения стали плавными и скупыми, речь избавилась от лишнего мусора, а на Никиту он смотрел теперь, как на непогрешимого учителя, обладающего знанием истины. Сам же великий сэнсей старался делить свое внимание к благоприобретенному брату и жене поровну, чтобы не обижать мальчишку. Днем. Ночь всецело принадлежала Маше.

Она вообще стала хозяйкой всего, она царила в доме, и дом отвечал ей взаимностью. Он как будто стал светлее и выше, в нем появились неведомые доселе ароматы и звуки, восхитительные соцветия и берущиеся ниоткуда солнечные блики. Никита блаженствовал.

А потом появился этот странный летчик. Он же космонавт. Он же маг и кудесник. Впрочем, он понравился всем троим. Даже скептически настроенному Федору. Даже Играю. И пообещал приехать с компанией. После Нового года. И уж, разумеется, когда все они появятся здесь, Никита задаст ему много вопросов, возникших уже после его таинственного исчезновения с обочины лесной дороги. Какого же дурака он свалил после рассказа Дмитрия. Ведь он не поверил! А ведь мог бы все узнать еще летом. Ну, ничего. У него еще будет такая возможность.

А самую новогоднюю ночь Никита проведет в узком семейном кругу. Маша, он, Федор и мама Прасковья. Выпьют по бокалу шампанского в деревенском доме, посидят немного, а

потом он уведет жену в свои хоромы. Остался один день. Маша обещала приехать тридцатого.

Он опять глянул в темное окно и сладко потянулся в предвкушении встречи. Соскучился все-таки с сентября-то месяца.

10

Тенькнул сигнал вызова. Кобыш протянул руку и нажал клавишу. Экран осветился, и на нем появилось лицо руководителя полетов.

– «Тайфун» только что причалил, – сказал он. – Пятая палуба, третий стыковочный блок. Будьте готовы.

– Уже... – в глазах полковника мелькнула шальная искра, но, заметив, что Слава сосредоточен и собран, он не стал продолжать. Вероятность того, что после взрыва на орбите будут шерстить вся и всех, была стопроцентной.

Вчера испытателей вызвал к себе Штейнберг и, с сумеречным видом посмотрев на их непроницаемые физиономии, недовольно заявил:

– Вас всех отзывают на Землю. В связи с приостановкой программы исследований. Для тестирования и переподготовки. За вами прибудет российский челнок «Тайфун». Время на сборы до десяти часов утра завтрашнего дня. Вопросы?

– Почему российский? – спросил Тернер прищурившись.

– Потому что он готов к старту, – отрезал Штейнберг. – Я принципиально возражал против вашей эвакуации, но у Земли свои резоны.

– Разрешите идти? – Кобыш, казалось, несколько не удивился.

– Идите, – директор кивнул и, когда пилоты уже развернулись к двери, неожиданно добавил. – А вас, полковник, я попросил бы задержаться.

Испытатели бросили на своего командира по сочувственному взгляду и гуськом вышли, а Дмитрий, хмыкнув про себя, снова воззрился на Штейнберга.

– Надеюсь, вы помните наш последний разговор? – немец решил сразу взять быка за рога.

– Помню.

– И каков же будет ваш ответ?

– Вы были абсолютно правы в своих предположениях, герр генерал, – с удовольствием сказал Кобыш на идеальном немецком. – Все, кто побывал у Сферы, действительно изменились. Мне кажется, что Сфера вытаскивает на свет божий нереализованные по каким-либо причинам скрытые способности людей. У каждого они свои. У меня, например, как вы уже имели возможность убедиться, проявились таланты к языкам. Тернер, видимо, стал лучшим программистом Земли. Про остальных сказать не берусь, потому что они еще работают над собой.

– Что ж, – Штейнберг задумчиво посмотрел на пилота и пожевал губами. – Вы были достаточно откровенны, и это, несомненно, свидетельствует в вашу пользу. Жаль, что наше сотрудничество прервано в самом начале. Хотя, Бог даст, еще свидимся. Можете идти.

Кобыш вновь развернулся и, чеканя шаг, вышел вон.

А теперь он смотрел на славяно изображение и думал: «Первыми, в кого вцепятся иностранные дознаватели после катастрофы, будут побывавшие у Сферы Ли, Бородин и Терехов, потому как других просто не останется. И все – русские. Ну, с ними-то обломаются, они – ребята второго уровня. Не хрен собачий! А вот Штейнбергу мало не покажется. Хотя, с другой стороны, взрыв возвращающегося на Землю челнока и исследовательские работы на Базе никак между собой не связаны. Правда, можно притянуть факты за уши и бросить тень на коллектив орбитальной станции. Как-никак ЧП произойдет *после* посещения Базы. Стало быть, могли иметь место козни агентов инопланетян. Ерунда, конечно, не было этого в газете. Значит, скорее всего, спустят на тормозах».

– Давайте, ребята, – произнес Ли. – Трогайте. Ни пуха ни пера!

– К черту! – Кобыш кивнул Тернеру. – Пошли, Брюс.

Они выбрались в коридор, захватили по пути остальных и всей гурьбой направились на пятую палубу. Там их уже ждали Штейнберг и незнакомый русский пилот, представившийся Петром Астраханом. Директор по очереди оглядел готовых к отбытию испытателей – непроницаемого Кобыша, нахально блестящего глазами Тернера, возвышавшегося над товарищами Хромова, углубившегося в себя Седых и ухмылявшегося Дорина – заложил руки за спину, качнулся с пяток на носки и, задрав подбородок, сказал:

– Благодарю за службу, господа офицеры. Приятно было иметь с вами дело. Вы возвращаетесь на родину, но знайте, что здесь вам всегда найдется место. С нами Бог!

Испытатели молча отсалютовали Штейнбергу и потянулись за Астраханом сквозь открывшиеся створки стыковочного блока. Войдя в шлюз, они помахали руками глазку видеокамеры и стали спускаться в переходник. Минут пять у них заняло размещение в салоне челнока, пока каждый выбирал себе место по вкусу. Не отрываясь от данного полезного занятия, познакомились со вторым пилотом, оказавшимся рыжеволосым парнем лет двадцати пяти со странным именем Кокор. Наконец, и эта процедура завершилась, и Кобыш в ответ на вопросительный взгляд Петра дал отмашку.

– Поехали, Звездный князь, – усмехнулся он. Тот показал большой палец и повернулся к штурвалу.

– Как ты сказал? – немедленно удивился Тернер.

– Астра – по латыни «звезда», а хан – восточный князь, – терпеливо объяснил Дмитрий. – Стало быть, Звездный князь. Что тут непонятного?

– Действительно, – Брюс скорчил ехидную гримасу. – Если замешать слова из разных языков, то в результате получится русский. Я правильно понял?

– Нахал! – изрек Кобыш и исподтишка окинул взглядом свою команду. Все держались достойно, хотя он мог себе представить, что творится сейчас в душе у каждого. Неудивительно, ведь одно дело – вообразить себе картину собственной гибели, и совсем другое – сознательно участвовать в действии, которое может к ней привести. У него самого адреналин выбрасывался в кровь бешеными дозами, несмотря на то что он абсолютно верил в возможности Ли с компанией. Вот и Брюс хоть и ехидничает, но напряжен до предела. Это видно по мелким капелькам пота, выступившим у него на висках. Дорин и Седых, как привыкли быть в паре, так и сели вместе, о чем что неслышно переговариваются, тоже, видимо, чтобы сбить накал эмоций. Только Хромов устроился отдельно, закрыл глаза и сосредоточился. Его выдает лишь меловая бледность, совершенно ему не свойственная. «Хорошие ребята подобрались, – подумал Дмитрий. – Рисковые, но надежные. Если идти ва банк, то всем вместе, невзирая на исход, но с уверенностью в победе. Не то что те гаденыши, которые все это задумали, даже своих пилотов им не жалко».

– База, я «Тайфун», – сказал Астрахан. – Отстыковался, перехожу на низкую орбиту. Будьте здоровы.

Кобыш почувствовал, как сзади зашумело, челнок повело вниз и в сторону, значит, сработали маневровые двигатели. Сейчас кораблик развернется, включатся маршевые, и пойдем к Земле. А там уж...

– Пять минут до входа в атмосферу, – обернувшись, известил второй пилот. – Советую проверить крепление ремней безопасности и функционирование индивидуальных систем. Хоть вы и асы, но трясти вас будет так же, как и нас.

– Спасибо, дорогой, – Тернер решил блеснуть напоследок обширным словарным запасом. – Плавали, знаем.

– Вот и хорошо, – пилот кивнул. – Нам хлопот меньше.

На третьей минуте полета Кобыш уловил странные изменения в окружающей его обстановке. Сначала он решил было, что у него что-то случилось с глазами, поскольку сигнальный плафон, торчавший из стены в полтора метра от него, вдруг стал двоиться. Он зажмурился, а потом перевел взгляд на сидевшего рядом Брюса. Тернер тоже расслаивался, причем основной силуэт все больше отставал от второго, смещаясь назад. Это напоминало

некачественное изображение в древних черно-белых телевизорах прошлого века, которые он года два назад видел на Выставке развития технологий. Потом Брюс повернулся к нему, и Дмитрий по его приподнятым в изумлении бровям понял, что тот тоже заметил начавшуюся аберрацию. Тогда он оглянулся на остальных, и, очевидно, вовремя. Испытатели крутили головами, разглядывая причудливые явления, и, скорее всего, начинали догадываться об их причинах. Каждый из них уже разделился надвое, и призрачные двойники продолжали сдвигаться вперед. Кобыш негромко сказал: «Спокойно, парни. Все идет по плану», но тут его перебили.

Из пилотской кабины послышался потрясенный возглас:

– Черт возьми! Что это за хрень!

Дмитрий не успел среагировать, потому что мимо него со все возрастающей скоростью проплыли сперва призраки Хромова, Седых и Дорина, за ними пустые кресла в хвосте салона, потом переплетения трубопроводов двигательного отсека и, наконец, срез кормы челнока с изрыгающими пламя соплами маршевых двигателей. Огненный поток в короткий миг времени охватил его со всех сторон, но он даже не почувствовал его невыносимого жара.

Корпус «Тайфуна», все уменьшаясь в размерах, продолжал удаляться, а команда испытателей вкупе с двумя обалдевшими пилотами осталась висеть в открытом пространстве над голубым покрывалом Земли. Все в том же сидячем положении и без скафандров. В одних только летных комбинезонах. Зрелище, прямо скажем, сюрреалистическое. Семеро людей в вечном безмолвии космоса, подсвечиваемые лишь далеким солнечным диском.

Но в полной мере вкусить всю запредельность ситуации им не удалось, так как в этот момент выглядевший уже всего лишь большой игрушкой челнок вдруг вздрогнул, деформировался, подернулся мелкой рябью и стал разваливаться на куски. Внутри него полыхнуло, фрагменты обшивки брызнули в разные стороны, а в эпицентре вспух пронзительно-оранжевый огненный шар, в следующую секунду растекшийся интерференционными волнами. Сквозь застывших в оцепенении космонавтов пронесся целый рой осколков, не причинив им, впрочем, никакого вреда, как будто они были нематериальны. Вся эта вакханалия сильно смахивала на стереофильм с потрясающими спецэффектами, но досадно выключенным звуком.

А потом они, без всякого видимого перехода, оказались на заснеженной поляне посреди отягощенных пушистыми белыми саванами елей.

– О, как! – вырвалось у лихорадочно оглядывающегося по сторонам Хромова. – Знакомая до слез тайга, – он топнул ногой по плотно утрамбованному снегу. – С прибытием, господа!

– Да, – сказал Кобыш, тоже осматриваясь. – Это поляна Никиты. Можно считать, что мы дома. А вон и тропинка.

– Постойте, ребята, – Дорин выглядел растерянным. – А летчики-то где?

И только тут остальные обратили внимание на то, что их только пятеро. Пилоты челнока бесследно исчезли.

* * *

– Шеф, взрыв на «Тайфуне»! – голос оператора сорвался, очевидно, у него перехватило горло. Он только смотрел на руководителя полетов, отчаянно разевая рот и тараща глаза.

– Зафиксировать координаты, следящие сканеры не отключать, – быстро произнес Ли. – Аварийный режим на Базе.

В коридорах и помещениях орбитальной станции, набирая силу, зазвучал сигнал тревоги. Штейнберг, уже добравшийся к тому времени до своего кабинета, замер перед дверью. Впрочем, он быстро справился с волнением, шагнул через порог и бросился к дисплею внутренней связи. Судорожно щелкнув клавишей, он уставился в оживающий экран.

– Что?! – вскрикнул он, как только появилось изображение Ли.

– Взрыв на челноке, Генрих, – лицо Славы было напряжено. – При входе в атмосферу.
– Мы сможем оказать помощь?
– Некому, Генрих. Там не осталось ничего.
– Зачем аварийный режим?
– Выполняю букву инструкции. Во избежание последующих недоразумений.
– Ну, верно, – оторопело подтвердил Штейнберг и после паузы добавил. – Только прошу без фанатизма. Обо всех изменениях ситуации докладывай немедленно.

Он отключил связь и бездумно уставился в поверхность стола. Это был шок. Пять минут назад он еще говорил напутственное слово возвращающимся на Землю испытателям. И вот в какую□то ничтожную долю секунды их не стало. Ощущение, испытываемое сейчас отставным генералом, было сродни потрясению от потери лучших солдат, уцелевших в жестокой боевой операции, но случайно погибших по дороге домой, в заслуженный отпуск. Случайно ли?

Штейнберг встряхнулся, побарабанил пальцами по столу, сжал губы в упрямую жесткую линию и набрал код Крупката. Едва изображение того появилось на малом дисплее, директор сказал:

– Здравствуй, Рольф. Случилась катастрофа. Только что погиб челнок «Тайфун» со всем экипажем.

Бернский представитель изменился в лице.

– Как это произошло? – тихо спросил он.

– Якобы при входе в атмосферу.

– Ты предполагаешь иное?

– А ты бы не предположил?! – сорвался Штейнберг. – На нем летела вся команда испытателей, отозванных на Землю.

– Да, – мрачно кивнул Крупкат, – кураторы уведомили нас о возможной смене состава. Правда, ни слова не было сказано о сроках.

– А теперь подумай, Рольф, – директор Базы перешел на свистящий шопот. – Челнок был русским и забрал не только своих, но и американца с израильянином, то есть *всех*, кто ходил на ПП к Сфере, кроме ранее увезенных Клеменса и Тараоки. Здесь остались только Ли, Бородин и Терехов, тоже, между прочим, русские. Но ученые, не пилоты. Тебе не кажется, что Россия разыгрывает какую□то неизвестную нам карту? Это на руку и американцам. Все возможные агенты инопланетян, как их окрестил мой старый знакомец Редфорд, уничтожены одним ударом, а оставшаяся троица находится под присмотром двух сотрудников Комитета.

– Ты, наверное, не знаешь, Генрих, – Крупкат совсем одеревенел, – но четвертого дня крупно пострадал научный центр Комитета в Скалистых горах. Там они собирались обследовать Клеменса и Тараоки.

Штейнберг отпрянул от экрана, как будто его ударили по лицу.

– Вот и все, – выдал он. – Круг замкнулся, – и, помолчав, добавил. – Хотя есть еще люди Редфорда, ходившие к Сфере.

– То была штурмовая группа, – уточнил Крупкат. – Не забывай об этом. Именно так они ее и рассматривают.

– Значит, оставшиеся в изоляции на орбите всех устраивают, – хмуро подытожил Штейнберг. – А взрыв челнока спишут на случайность.

– Скорее всего, – представитель Германии в Берне поморщился и внезапно отвел взгляд. Было видно, что он изучает нечто, не попадающее в обзор канала связи. Потом он вновь глянул на директора Базы и сказал: – Только что наземные следящие станции передали нам сообщение. Они засекли взрыв на границе атмосферы.

– Что будем делать, Рольф? – Штейнберг устало сгорбился, оперев локти в поверхность стола и положив подбородок на сжатые кулаки.

– То же, что и раньше, Генрих, – быстро ответил Крупкат. – Ты у себя присмотришь за русскими и за их пастухами, а я здесь постараюсь разобраться, что затевают наши кураторы.

Вряд ли они в ближайшее время планируют визит на Базу. Скорее они симитируют бурные расследования в своих департаментах. Это для них тоже неплохо, поскольку средства массовой информации уже начали шумную раскрутку Проекта дешевого и эффективного освоения Солнечной системы с использованием новейших кораблей ПП. Челноки, сам понимаешь, должны уйти в прошлое.

– Не знал, – буркнул директор, – Но мне от этого не легче.

– Будь оптимистом, Генрих! База – уже готовый космический порт, а ты – его глава. На переправе лошадей не меняют.

– Великолепно! – в голосе Штейнберга прозвучал неприкрытый сарказм. – Только вот некоторые ветеринары подозревают у лошадей наличие скрытых паразитов. Как быть с этим?

– Не твоя проблема, – жестко сказал Крупкат. – И не твоя вина. Бернский центр для того и существует, чтобы решать подобные вопросы. По мере их поступления.

– Что ж, – директор откинулся на спинку кресла и пожевал губами. – Спасибо за поддержку, Рольф.

– Не стоит, Генрих. Спокойно продолжай работать. С нами Бог!

* * *

Едва Медведев переступил порог кабинета начальника площадки «Долина□два» и вскинул в приветствии руку, как зазвонил спутниковый телефон. Солдат с досадой плюхнулся на предупредительно отодвинутый Дейнеко стул и полез в карман. Достав аппарат, он недовольно воззрился на дисплей и тут же поспешно нажал кнопку связи. Маленький экран явил изображение Ильина.

– Ты где? – спросил президент.

– В Сибири, – кратко отчеканил Солдат. – На площадке.

– Зачем?

– Привез группу. Для небольшой прогулки.

– Ты один?

Солдат глазами указал Дейнеко на дверь, тот быстро снялся с места и покинул кабинет.

– Теперь один, – спокойно сказал он.

– У нас ЧП. «Тайфун» при входе в атмосферу разнесло вдребезги.

– Знаю, – на лице Медведева не дрогнул ни один мускул. – И сожалею.

– Так, – Ильин получил ответ на невысказанный вопрос. – Твои действия?

– Через полчаса люди из «Росавиакосмоса» проведут брифинг. Состав комиссии по расследованию причин аварии уже утвержден. Ваше обращение к нации, – Солдат мельком взглянул на часы, – будет готово через десять минут.

– Оперативно, – Ильин хмыкнул. – Но, черт возьми, какое несчастье перед Новым годом!

– Это сплотит народ вокруг вас, господин президент.

– Когда ты будешь в Москве?

– Часам к девятнадцати.

– Надо раньше.

– Хорошо. Думаю, ребята доберутся до Питера самостоятельно.

– Жду, – Ильин отключил связь.

Солдат сунул трубку в карман, покосился на дверь и гаркнул:

– Всеволод!

Никто не ответил. Тогда он встал и вышел в приемную. Секретарша вовсю шелестела по клавиатуре, а Дейнеко примостился в дальнем конце, на подоконнике. Он курил в открытую форточку. Естественно, вне пределов слышимости. Хотя, какая тут слышимость, при двойной□то двери из звукопоглощающих материалов. Да еще на военном объекте. Но все равно Медведев довольно усмехнулся: старая закалка.

– Всеволод, – повторил он, – я нуждаюсь в вашем обществе. А вы, сударыня, – указующий перст в сторону востроившейся секретарши (в камуфляже да еще с погонами генерал-лейтенанта он выглядел внушительно), – будьте любезны соорудить нам пару чашечек кофе. Ну, и еще что-нибудь к нему.

Не успели они как следует устроиться за столом, девица уже впорхнула в кабинет, бережно неся серебристый поднос с кофейником, сливочником, сахарницей, двумя миниатюрными чашечками, блюдцем с тонко нарезанным лимоном и причудливой вазочкой с печеньем.

– Однако, – изумился Солдат. – Это у тебя хорошо поставлено.

– Так глухомань же, – Дейнеко проводил свою сотрудницу ласковым взглядом. – Единственное развлечение, можно сказать.

– Ну-ну, – высокий гость двумя пальцами взял хрупкое фарфоровое изделие, поставил перед собой и потянулся за кофейником.

– Одну секунду, Олег Иванович, – Дейнеко резво вскочил, чтобы поухаживать за московским начальством, но тут более светлая мысль озарила его чело. – Не желаете ли по коньячку к кофе-то?

– Можно и коньячку, – благосклонно кивнул Солдат. – Отчего ж.

Начальник площадки «Долина-два» прошествовал к своему рабочему месту, нагнулся, открыл дверцу тумбы и, кряхтя, достал две хрустальных стопки и пузатую бутылку армянского коньяка.

– «Арагат», – он продемонстрировал этикетку. – Ребята прямо с Кавказа привезли.

– Наливай, – сказал Медведев и пригубил кофе.

Когда стопочки наполнились солнечным напитком, он подхватил одну из них, поднял и, рассматривая на свет, произнес:

– За успех предприятия.

Чокнулись, выпили, закусили дольками лимона.

– А теперь слушай внимательно, друг мой Всеволод, – Солдат вперил пристальный взгляд в начальника площадки. – Я тебе привез троих геройских ребят. Они уже в ангаре. Примериваются к аппарату. Старт через час. На всю операцию – полчаса. «Прима» должна вернуться не позже обозначенного срока. После этого грузишь их на военный транспортник и с вашей полосы отправляешь в Питер. Там их встретят. Передать с рук на руки.

– Понял, Олег Иванович.

– И не дай Бог, чтобы хоть одна живая душа узнала об этом. Гриф «Совершенно секретно». В курсе только я и президент, но он тебя беспокоить не будет.

– Обижаете, Олег Иванович, – возмутился Дейнеко. – Мы службу знаем.

– А я на вертушке доберусь до гражданского аэропорта, меня уже ждут. Все запомнил, как я сказал?

– Так точно.

– Смотри у меня! – Солдат грозно нахмурил брови и, отодвинув стул, легко поднялся. – Провожать не надо. Сам дорогу найду.

* * *

Звонок президента застал Доктора в объятиях молодой и весьма привлекательной сотрудницы московского филиала ИПФ. Досадуя на столь не вовремя раздавшийся вызов, он накинул шелковый халат и вышел из спальни. Ильин, когда на его экране появилось изображение Трубникова, сразу все понял.

– Никак не успокоишься, старый хрыч? – с нескрываемой иронией спросил он.

– Это делу не мешает, – проворчал Доктор. – Наоборот, только стимулирует.

– Взбодрился, значит? А теперь быстро ко мне. Машина за тобой уже вышла.

Спорить с президентом – себе дороже, поэтому Тимур Богданович скоренько принял душ, скормил себе стакан ряженки, заглянув в опочивальню, где его дожидалась

очаровательная богиня, уныло развел руками, «Извини, солнышко! Сам вызывает. Ключи в прихожей, на тумбочке», после чего покинул свое уютное пятикомнатное гнездо и, спустившись на лифте вниз, сел в поджидавший его черный лимузин.

В кабинете Ильина уже пребывал Фабрикант, что□то быстро строчивший в блокноте.

– Ты, конечно, «Новости» не видел? – встретил Доктора утвердительным вопросом президент.

– А что? – застыл на месте Трубников.

– «Тайфун» взорвался, – Ильин скорчил подобающую случаю скорбную гримасу. – При входе в атмосферу.

– Этим уже кто□то занимается? – быстро сориентировался Тимур Богданович.

– Занимается, – сказал глава государства. – Медведев. А у тебя будет другая задача. Присаживайся, в ногах правды нет.

И когда Доктор уместился напротив Мирзояна, продолжил:

– На месяц□полтора, пока будет идти расследование, полеты прекратятся. За это время тебе необходимо подключить всех нужных специалистов, чтобы придумать и запустить в серию ограничитель дальности для двигателя ПП.

– Ну, это не так уж сложно, – заверил его Трубников. – Вмонтируем в ви□генератор электронный блок с заданной программой – и все дела.

– Сроки поджимают, – напомнил Ильин. – Производство ПП запущено на полную катушку и у нас, и у американцев.

– Больше двух недель, думаю, не потребуется, – уверенно сказал Доктор. – Надеюсь, изготовление ходовых генераторов – наша монополия?

– А то чья же! – Фабрикант, наконец, оторвался от блокнота. – Барнаульские объединения трудятся, дорогой!

– То есть проблем не будет? – Ильин теперь сверлил взглядом обоих. – Я правильно понял?

– Правильно, – хором подтвердили советники.

А затем Трубников недоуменно спросил:

– В чем великий смысл?

– Чтобы любопытные к Сфере не летали, – усмехнулся первый человек России. – У них и в Солнечной системе дела найдутся. В этом вопросе мы достигли с мистером Дугласом полного консенсуса.

– А наши катера? – возбудился Доктор.

– Какие катера? – приподнял брови Ильин. – В международных соглашениях нет ни единого слова о катерах. Можете поинтересоваться у Левы.

– Ага, – сказал Тимур Богданович. – Это уже значительно лучше.

* * *

Дела складывались как нельзя более скверно. Неудачи последней недели – и холостой штурм Сферы, и печальные последствия рокового эксперимента в Скалистых горах – пробили изрядную брешь в бюджете Комитета по контролю за космическими исследованиями, о чем не преминул едко заметить Президент. Да еще ближайший помощник Редфорд с тяжелым нервным расстройством оказался в госпитале. Конечно, в случившемся есть немалая доля и его вины, нечего было буром напролом переть. Но все же... Хоть какой□то бы результат!

Тараоки и Клеменс испарились бесследно. Осторожное наружное наблюдение за Мартином и Эшем тоже ничего не дало, они вели себя как обычно, то есть вполне пристойно. Лейтенанты, принимавшие непосредственное участие в атаке на незримого стража границ системы, выпотрошены в спецклинике по самое некуда, а итог нулевой. В довершение ко всему, сегодня ночью гибнет русский челнок «Тайфун» с оставшимися предполагаемыми агентами влияния. Правда, есть еще трое ученых на Базе, к которым

приставлены Слоун и Хоскинс, но и здесь полная тишина. Чем они там занимаются?

Генерал Хоуп тяжело вздохнул и пригладил седую бровь. Вот ведь какая незадача! Ни одной зацепки в подтверждение такой убедительной теории инопланетной агрессии. И ведь явно что-то тут не так. Интуиция его еще никогда не подводила. Он нутром чуял несомненную опасность создавшегося положения. Только в чем она заключается?

Хоуп нервно вздрогнул, услышав мажорный аккорд. На его компьютер пришло сообщение. Генерал раскодировал послание и, нацепив очки, прочитал: «Данные перехвата. Объект: российский спутник связи Н-17. Время: 11.35 по Гринвичу. Оператор SV-03». Развернув прицепленный файл, Хоуп углубился в изучение. Это был телефонный разговор президента Ильина с советником по национальной безопасности Медведевым. Теневым советником, поскольку официальным являлся генерал Щеголев. Но Ильина с Медведевым связывали долгие годы совместной работы, и он верил ему, как самому себе. Уж это-то руководитель Комитета знал доподлинно.

Хоуп дважды пробежал глазами текст и задумался. Вроде бы ничего особенного. Президент возбужден случившейся трагедией и призывает к действию своего верного клеветы. Но вот сам клевет! Абсолютно спокоен и через час после гибели «Тайфуна» готов к любому раскладу. Возможно такое? В принципе, да. Но настораживает. Он не возвращается сразу в Москву, получив сообщение о катастрофе, а продолжает движение к некой площадке, чтобы доставить туда какую-то группу. Для небольшой прогулки. После которой группа должна прибыть в Петербург. А взрыв челнока побоку. Связался в полете со своими и отдал все необходимые распоряжения? Надо проверить. Есть сильное подозрение, что знал все заранее. А раз так, то трагедия с «Тайфуном» – не роковая случайность, а спланированная акция. Зачем? Ответ напрашивается сам собой: чтобы устранить испытателей, ходивших к Сфере. Про наши неприятности они знают? С большой долей вероятности – да. Их разведка работает не хуже нашей. И получается: нет возможной «пятой колонны» – нет проблем. Тем более, что случай с Тараоки – образец предостережения. Один неверный шаг – и колоссальный выплеск неведомой энергии, уничтожающий все вокруг, объяснить который до сих пор никто не в состоянии. Хорошо, радиус действия оказался ограниченным. А то бы... Так. А дальше что?

Хоуп придвинул клавиатуру поближе и отстучал запрос в информационный отдел:

«1. Отслеживалось ли передвижение генерала Медведева после взрыва челнока „Тайфун“? Имел ли он спутниковую связь со своими сотрудниками с 10.00 до 11.35 по Гринвичу?

2. Какая сибирская площадка имеется в виду в полученном перехвате? Координаты? Назначение?

3. Какие подразделения курирует Медведев в Петербурге?

Ответ – немедленно».

Руководитель Комитета вновь уткнулся в полученный текст перехвата и стал ждать. Может, это обычная деза? Не похоже. Таких игр с участием президента страны не бывает. Тогда в чем же смысл вояжа Медведева в Сибирь?.. С группой... на небольшую прогулку... Что у них там?.. Нет, без дополнительных данных не разобраться... Мысль Хоупа совершила прихотливый изгиб. А откуда, собственно, взялся ви-генератор? Могли русские войти в контакт с инопланетянами и за спинами своих партнеров договориться о разделе сфер влияния? А потом с умилением наблюдать за заранее обреченной на провал попыткой Редфорда штурмовать непреодолимую преграду? А потом убрать лишних свидетелей, оставив только группу посредников на Базе? Тогда в Сибири у них может быть все, что угодно, вплоть до центра по адаптации инопланетных технологий к нуждам землян. Господи! Так можно дойти до сумасшествия.

Мажорный аккорд снова прервал его размышления. Наконец-то! Пальцы генерала забегали по клавиатуре. Раскрыв сообщение, он впился в него взглядом.

«Ответ на запрос.

1. В 8.00 по московскому времени с базы „Ораниенбаум“ поднялся борт 01-07 и взял

курс на восток. Предположительно на нем и находился генерал Медведев. Во время полета борт поддерживал связь в штатном режиме, только с диспетчерами наземных служб. Иных сеансов связи не выявлено.

2. Борт 01□07 совершил посадку в 13.00 по московскому времени на полосу бывшего полигона по обкатке боевых вертолетов. Координаты: широта – 68 градусов 12 минут, долгота – 100 градусов 40 минут, Среднесибирское плоскогорье. Ближайший к нему населенный пункт – Ессей. Характеристики: площадь – 7 квадратных миль, четыре ангара, пять крупных строений хозяйственно□административного назначения, две взлетно□посадочных полосы, разветвленная инфраструктура. В последние три□четыре года активных действий на территории полигона не наблюдалось.

3. Основной объект интереса Медведева в Петербурге – Институт психофизики (ИПФ)».

Час от часу не легче! Ну, с первым пунктом ясно – раз не давал руководящих указаний, значит, все было подготовлено заранее. А вот зачем ему таскать какую□то группу из Института психофизики на бывший вертолетный полигон и обратно? Что за эксперименты они там проводят? А может, это как раз связано со взрывом челнока? Нет, они туда прибыли позже. Что же у них там такое? Что□то очень важное, раз Медведев пренебрег протоколом и в момент катастрофы оказался не в центре событий, а совсем в другом месте...

Хоуп нажал на клавишу селектора.

– Отдел внешней обсервации, капитан Прист. Слушаю, сэр!

– Вот что, капитан, – сказал руководитель Комитета, – необходимо срочно установить круглосуточное наблюдение за объектом в Сибири. Координаты я предоставлю.

– У нас над этой местностью работают только четыре среднеорбитальных спутника, сэр. Они не дадут полной картины.

– Значит, подвесьте один из них в геостационар. Или вы не знаете, как это делается?

– Знаю, сэр, но...

– Никаких «но», это приказ. Вы его получите в письменной форме вместе с координатами. Можете подключать для выполнения задачи любые подразделения Комитета. Выполняйте, капитан.

* * *

– Холодно, однако! – Седых сунул ладони подмышки. – В комбинезонах□то. Раф, придумал бы нам тулупы. И подлиннее.

Дорин рассеянно посмотрел сквозь него, припоминая, видимо, что такое тулуп, пошевелил губами, и на утоптаный снег полянки вывалилось пять одинаковых дубленок и пять меховых шапок.

– Размеры не гарантирую, – сказал он. – Соорудил побольше.

– Вот это приятно! – Хромов тут же подобрал одно из овчинных изделий и натянул на себя. – Жаль, коротковата.

– А мне в самый раз, – заявил Тернер, запахивая полы и нахлобучивая шапку. – Даже еще место осталось.

Кобыш и Дорин оделись молча. Теперь, когда испытатели были экипированы, они почувствовали себя увереннее.

– Так где же все□таки летчики? – опять спросил Раф.

– Скорее всего, Слава забросил их в другое место, – вслух подумал Седых, засовывая руки в карманы. – В общем□то, хорошие ребята, но не из нашей команды. И потом мало ли, что им в голову взбредет. Побегут к ближайшей почте докладывать по инстанции. Ну, и накроют нас всех одним медным тазом. Ни к чему это.

– Женя прав, – Кобыш сбил назад сползающую на глаза ушанку. – Мы их не знаем. А посему надежнее без них. Пошли, парни. Тут недалеко.

Испытатели, подтрунивая друг над другом, двинулись за командиром. Им

понадобилось одиннадцать минут, чтобы добраться до дома лесника.

Играй встретил их залихватским лаем, а следом на крыльцо выбрался Никита в стеганой безрукавке.

– Здорово, дружище! – Кобыш широко улыбнулся. – Принимай гостей. Извини, что получилось раньше уговора.

Хозяин, щурясь от лучей заходящего солнца, с недоумением оглядел странную для этих мест компанию и изрек:

– И вам доброго здравия. Ну и вид у вас, мужики!

Потом спохватился:

– Что ж мы здесь стоим□то. Давайте все в дом. Не лето все же. И вечереет, однако...

И когда пилоты, стуча башмаками по ступеням, потянулись к открытой двери, он пружинисто прыгнул с крыльца, шагнул к Кобышу, и они крепко пожали друг другу руки.

– С прибытием, Дима, – радушно сказал лесник. – Это и есть твоя команда? – он кивнул в спину Хромову, заходившему в дом последним.

– Ты поразительно догадлив для своих лет, – рассмеялся полковник. – А что, не совсем похожи?

– Кто ж в такой одежке по тайге ходит? Да еще зимой? – Никита удивленно покачал головой.

– А мы и не ходим, – Кобыш пренебрежительно дернул плечом. – Мы непосредственно оттуда, – он показал пальцем вверх.

Лесник поднял взгляд в небо, как будто мог там что□то разглядеть, кроме синевы и редких облаков, шмыгнул носом и глубокомысленно заметил:

– Ну да... Конечно... Кто бы сомневался.

– Ладно, хозяин, – Дмитрий от души хлопнул его по спине. – Пошли тоже. А то мои орлы уже в доме, а мы с тобой еще на улице. Неудобно как□то. А колебания твои скоро развеются. Аки дым, – он покрутил пальцем в воздухе и неожиданно спохватился:

– Слушай, а где же Маша? В деревню ушла?

– Маша приедет только завтра. Она учится в Пединституте. Последний курс, сессия на носу, ну, ты сам понимаешь.

– Вот и чудесно. Вместе и встретим. Не возражаешь?

– Тут до станции довольно далеко, – протянул Никита.

– Это мы уладим, – не терпящим возражений тоном произнес Кобыш. – Как два пальца об асфальт. Ты□то не возражаешь? Мы своим досрочным прибытием не нарушили твоих планов?

– Какие планы, Дима? Новый год в кругу близких – вот и все мои планы.

– Так мы будем к месту?

– Да, – сказал Никита. – К тому же у меня накопилось много вопросов.

– Вопросы потом, – непреклонно заявил полковник. – А сейчас я вас знакомить буду.

Войдя в дом, они обнаружили, что испытатели без них не скучали. Дубленки были свалены в углу горницы, шапки образовывали горку сверху, а их обладатели разбрелись кто куда. Седых, стоя у книжной полки, внимательно изучал корешки книг. Хромов колдовал над стареньким телевизором. Тернера с Дориным вообще не было видно. Впрочем, кто□то из них шебуршал на кухне. Потом сверху раздались шаги, и по лестнице, придерживаясь рукой за перила, стал спускаться Брюс.

– Парни, – объявил он, – я не нашел туалета.

– Не там ищешь, – усмехнулся лесник. – Все удобства в сенях, за дверь – и налево.

И пока Тернер в удивленном молчании заканчивал процедуру схождения, Кобыш негромко произнес:

– Да вы обнаглели, братцы. Не представившись хозяину, уже шныряете по дому. А ну, быстро все сюда.

Седых и Хромов моментально оказались рядом, следом подоспел Тернер, а за ним появился Дорин, покачивая головой в такт своим мыслям.

– А вот теперь, – сказал полковник, – будем знакомиться по-настоящему. Это Никита, наш гостеприимный хозяин и властитель здешней тайги. А это, – он сделал широкий жест в сторону испытателей, – бывшие орбитальные небожители, ныне – бездомные, Евгений, Виктор, Брюс и Рафаил.

– Рад знакомству, – улыбнулся лесник.

– А мы-то как рады, – заверил его Хромов, и начались дружеские рукопожатия, похлопывания по плечам, безобидные смешки и пристрелочные вопросы.

Через пару минут все уже были на «ты».

– Погодите, ребята, – взмолился Никита, – я же вас хотя бы чаем угостить должен. Накормить до отвала не смогу, – он почесал затылок, – но есть холодное мясо, картошка в печи еще не остыла...

– Давай, лучше мы тебя накормим, – предложил Дорин. – Парни, двигайте стол на середину.

Седых с Тернером ухватились за края старинного стола-книжки и потащили его в центр горницы. Хромов тут же взялся за лавку, стоявшую почти у самой двери.

– Ну, я хоть самовар поставлю, – Никита направился в кухню, по пути соображая, чем это они его собираются потчевать, если прибыли сюда без единой поклажи. Разве что в карманах у них есть какие-нибудь хитрые космические штучки, похожие на тюбики от зубной пасты. Сомнительное удовольствие, однако. Впрочем, от этих можно ждать чего-нибудь и похлеще.

Он сунул руку за печь, достал оттуда мешок с еловыми шишками и начал по одной заталкивать их в самоварную трубу. Шишки были абсолютно сухими, но все еще пахли лесом. Вскоре они уже весело горели, потрескивая и выбрасывая короткие искры. Никита снял крышку и долил из ведра воды. Сапога, пожалуй, не понадобится, решил он, и так сойдет. Пока они там возятся, кипяток будет готов.

На кухне появился Тернер. Увидев самовар, он испустил экзальтированный вопль.

– Это что? – спросил он, тыча пальцем в блестящий бок. – Паровой котел прошлого века? Да?

– Нет, – улыбнулся лесник. – Это агрегат для производства чая. Естественно, очень старый. Ему, почитай, лет двести будет.

– Это ж антикварная вещь, – поразился Брюс. – А ты его... эксплуатируешь!

– Ничего, – Никита расхохотался, – он еще лет сто протянет. А капризничать начнет, мы его подлудим, и опять будет, как новый.

– Под... что? – изумился Тернер. – Я не знаю такого слова.

Тут из горницы потянуло восхитительным запахом. Никита готов был дать голову на отсечение, что так пахнет жареная дичь, если бы не абсолютная уверенность, что ее там быть не может.

– Оооо! – послышался из-за стенки восторженный хор голосов.

– По-моему, стол готов, – Брюс подмигнул. – Прошу, хозяин!

– погоди, – сказал лесник. – Сейчас самовар поспеет и...

– Никуда твой котел не денется, – Тернер развернул Никиту и подтолкнул к двери, – а гости уже выжидались.

– Ладно, – ответил тот, – ты прав, Пятачок, – шагнул в комнату, да так и застыл на пороге.

Стол потрясал. Во-первых, как показалось Никите, он увеличился в размерах, во-вторых, был покрыт цветастой льняной скатертью, и, наконец, в третьих, оказался уставлен всевозможными яствами. И разнообразными нарезками из окороков, колбас, балыков, сыров, осетрины, семги, буженины и бастурмы на изящных тарелочках; и фруктами в причудливых вазах – от обычных яблок и великолепных гроздьев винограда до располосованного небольшими ломтиками ананаса и совсем уж экзотических плодов, никогда ранее лесником не виданных; и свежими овощами – помидорами, огурцами, редисом, салатом, зеленью – на удлиненных блюдах; и черной икрой в обширной салатнице.

На столе имели место также три матово-зеленоватого стекла бутылки шампанского «Мадам Клико» и по шесть поблескивающих новеньким фарфором тарелок, бликующих резными гранями хрустальных фужеров и отсвечивающих серебром приборов для участников предстоящего застолья. Венчало же сие великолепие большое блюдо с индейкой, запеченной в яблоках. От нее-то и исходил чудодейственный аромат, уловленный Никитой еще на кухне.

Остолбеневший хозяин дома перевел вопросительный взгляд на Кобыша.

– А что? – пожал тот плечами. – Рождество еще не кончилось.

– Можем мы хоть раз за полгода посидеть по-человечески? – добавил Седых.

– Что-то не так? – поинтересовался Тернер.

А Хромов хлопнул себя по лбу и заявил:

– Водки не хватает!

– Один момент, – Дорин жестом фокусника извлек из воздуха запотевшую бутылку «Смирновской». – Такая устроит?

Никита только крикнул.

– Тогда к столу! – провозгласил Кобыш, и только тут лесник заметил, что вокруг всего этого изобилия стоят отнюдь не привычные лавки, а изящные деревянные стулья с высокими спинками.

– Ну, братцы, вы даете! – Никита недоуменно покачал головой. – Откуда?

– Дары природы, – неопределенно сказал Дорин. – Она, знаешь ли, дама щедрая. Уверяю, все самого лучшего качества.

Между тем хлопнули пробки, и шампанское, пенясь, потекло в фужеры. Гости оживились, перебрасываясь ничего не значащими короткими фразами, обычно сопутствующими началу любого застолья, застучали по тарелкам ножи и вилки, а хозяин все еще сидел неподвижно, пытаясь как-то разобраться с захлестнувшими его впечатлениями и не обращая внимания на Хромова, деятельно накладывавшего ему каких-то деликатесов. В голове навязчиво крутились слова старой песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... та-ра-там-там-та-ра-ра-ра-рам...»

– Очнись, Никита! – послышался с другого конца стола голос Кобыша. – Поддержи тост.

Лесник машинально взял фужер, не в силах преодолеть ощущение, что вся эта иллюзия сейчас развеется, и останется лишь то, что всегда было: потертый стол-книжка, яичница с кусочком докторской колбасы, чугунок с дымящейся картошкой, кружка с чаем и верный пес, устроившийся возле двери, положив морду на передние лапы. Но действительность и не думала меняться.

– За нас живых и возвращение на Землю! – торжественно провозгласил Тернер.

Зазвенел соприкоснувшийся хрусталь, и пузырьки шампанского, ударившие в нос, окончательно убедили Никиту в том, что все происходит на самом деле.

Он подцепил на вилку ломтик ананаса, оказавшегося в непосредственной близости, отправил его в рот и стал тщательно прожевывать, вспоминая давно забытый вкус. Единственный раз он пробовал ананасы еще в городе, девять с половиной лет назад, правда, тогда это не произвело на него большого эффекта.

Установилось короткое затишье – гости и хозяин были заняты поглощением пищи, причем первые – непринужденно и без затей, а последний – избирательно и осмотрительно, смущаясь собственной провинциальностью.

– А теперь по водочке! – с чувством объявил Хромов, потянувшись к бутылке, и тут же недоуменно приподнял брови. – Раф, а стопки где?

– Нет проблем, – ответил Дорин, отвлекаясь от нарезания осетрины, и тут же возле каждого образовалась изящная семидесятиграммовая рюмочка. – Наливай.

Хромов хрустнул отвинчиваемой пробкой, привстал и занялся скрупулезным процессом наполнения свежесотворенных емкостей.

– А тэпэр за хазаина сэго гастэприимнаго дома! – с хорошо отработанным кавказским

акцентом произнес Кобыш. – Пуст всегда он будит полной чашей!

– Ура! – подхватил Тернер, поднимая рюмку выше головы.

– Спасибо, ребята, – сказал порозовевший Никита. – При таких□то гостях любой дом соответственно... будет.

Когда выпили и закусили, он осторожно спросил:

– А как вы это делаете?

– Вах! Дарагой! – полковник ухмыльнулся. – Эта нэ мы, эта он, – и указал вилкой в сторону Дорина.

– У каждого свои способности, – Раф пожал плечами. – Они тебе еще своих не демонстрировали.

– Скатерть□самобранка, – пробормотал Никита.

– Скорее, рог изобилия, – поправил его Седых. – Он не только деликатесы может извлекать, но и другие полезные предметы.

– Кстати, Раф, – перебил Женю Хромов, – тебя не очень затруднит сотворить мне мой мундирчик?

Дорин возвел очи к потолку, вспоминая, как выглядел его приятель в момент прибытия в учебный центр, наморщил лоб, и на табурете, рядом с телевизором, появилась аккуратная стопочка форменной одежды.

– Так, – сказал Виктор, поднимаясь со стула. – Извините, джентльмены, но я схожу переоденусь.

Он подхватил образовавшуюся из пустоты форму и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Я быстро, – оглянувшись, пообещал он.

Когда Хромов скрылся из виду, Тернер скептически оглядел свой комбинезон и задумчиво спросил:

– Может, нам всем имеет смысл сменить имидж? Как вы полагаете?

– Не стоит, сэр! – в тон ему ответил Кобыш. – Мы не в палате лордов. И прекрасных дам поблизости не видно. Просто, наш друг решил еще раз чем□то удивить хозяина, – он заговорщицки подмигнул Никите. – А я предлагаю начать хвастаться без него. Пр продемонстрируем неверующему Фоме весь спектр возможностей. Кто первый?

– Вероятно, я, – предложил Брюс. – Как наименее эффективный.

Он перевел взгляд на лесника и утробным голосом заговорил:

– В дизель□генераторе поканчивается топливо, а резервный бак на две трети пуст. Через пару недель надо будет что□то припринять, но до этого дело не дойдет. Потому что есть мы□ы□ы, – Тернер с завыванием сделал пасс руками. – В подвале весной опять затечет, боковая стенка выгнила, а в том строении, что подмыкает к дому справа, силовая проводка требует замены на более мощную. И телевизор у тебя не работает, потому что сгорел блок развертки. А! Ерунда все это! – он махнул рукой.

Никита слушал, широко распахнув глаза. Он был прекрасно осведомлен о проблемах, которые ему предстояло решать. Но как о них мог узнать Брюс?

– Ты умеешь читать мысли? – спросил он.

– Нет, – кротко ответил тот. – Я просто *смотрю* .

Последнее слово Тернер как□то неуловимо выделил, а, может быть, Никите просто померещилось.

Тем временем на лестнице снова показался Хромов. Мундир на нем сидел, как влитой, без единой складочки, и майорские погоны блестели одинокими звездами.

– Ну, как я? – поинтересовался он.

– Неотразим, – резюмировал Кобыш и показал большой палец.

Виктор спустился вниз, подошел к столу, наклонился к Седых и стал что□то неслышно шептать ему на ухо, тот только кивал и улыбался. Закончив приватное шушуканье, Хромов сел на свое место.

– Скажи, Никита, – Евгений указал на фотографию, стоявшую на книжной полке. – Эта

прелестная девушка – твоя жена?

– Да, – подтвердил лесник. – Ее зовут Маша. А что?

– Сказочное имя, – восхитился Седых. – Как, впрочем, и девушка. И где же она?

– Приедет завтра утром. Тогда и познакомитесь.

– А не хотел бы ты увидеть ее сейчас? – коварно закинул удочку Женя.

– Вы и это можете? – поразился Никита.

– Нет, нет, – замахал руками Тернер. – Только картинку.

– Картинку я и так вижу, – лесник разочарованно кивнул на фотографию.

– Вот, блин! – с досадой сказал Хромов. – Он не понимает. Покажи ему.

И та часть горницы, куда выходила лестница со второго этажа, пропала. Вместо нее появился внутренний срез железнодорожного вагона с сидячими местами, ограниченный потолком и стенами привычной комнаты. Вагон слегка покачивало под равномерный стук колес, за окнами проносились деревья и телеграфные столбы, пассажиры либо переговаривались друг с другом, либо дремали, откинувшись на мягкие подголовники, либо занимались какими-то своими, дорожными делами. Машу Никита увидел сразу. Она сидела, уткнувшись в учебник и не обращая ни на кого внимания. Соседнее кресло пустовало. «Ну, да, – мелькнула мысль, – зубрит. Последняя сессия скоро». Повинуясь внезапному импульсу, Никита встал и шагнул к девушке.

– Осторожнее, – раздался сзади голос Седых. – В стенку вляпаешься. Это всего лишь изображение.

Лесник в смятении отступил, уж больно реальной казалась развернутая перед ним картина, и тут же увидел идущего по проходу между креслами, улыбающегося Хромова. Он растерянно оглянулся, так и есть, майора за столом не было. «Ну, фокусники, – подумал Никита, – ну, дают!»

Виктор же добрался до машинной секции, остановился у пустого кресла и вежливо спросил:

– Здесь свободно?

– Да, – сказала девушка, оторвавшись от книги и рассеянно взглянув на Хромова.

– Вы разрешите, сударыня?

– Пожалуйста, – Маша пожала плечами и снова углубилась в текст.

Майор сел, скосил на сосредоточенную студентку глаза и заявил:

– А мне знакомо ваше лицо, извините за назойливость. Мужа, случайно, не Никитой зовут?

– Да, – удивилась девушка, тут же забыв об учебнике. – А откуда вы знаете?

– Мы служили вместе, – степенно поведал Хромов. – А потом на многие годы потеряли друг друга. А недавно вот нашлись. Он мне письмо прислал. С фотографией. Вы там вместе.

– Во, заливает! – восхитился Седых, хлопнув себя ладонью по колену, и повернулся к Никите. – У вас же знаки различия – что небо и земля!

– Она ничего не понимает в знаках различия, – буркнул лесник, стараясь не упустить ни одного слова.

– ...это нас Федор снимал, мой брат, – между тем отвечала Маша. – А вы к нам едете?

– Увы, – майор изобразил сожаление. – Мне выходить на следующей станции. Но я обязательно у вас буду. А пока передавайте ему огромный привет от Виктора. Не запамятуете?

– Ну что вы! – девушка улыбнулась. – Обязательно. Как здорово, что вы нашлись.

– Искренне рад встрече, – Хромов поднялся. – С наступающим вас Новым годом! Вы простите, но мне пора.

– Как же так? – в голосе Маши послышалось недоумение. – До следующей остановки еще минут сорок ехать.

– Дела, – значительно сказал майор. – Я, если вы заметили, человек военный. До скорой встречи.

Он коротко поклонился и пошел в сторону тамбура.

Изображение дрогнуло и исчезло, а на его месте опять появились лестница и бревенчатая стена.

– Круто! – Никита потер лоб и повернулся к Седых. – А Виктор так там и остался?

– Ну зачем же! – хохотнул Кобыш. – Здесь гораздо веселее. Сейчас явится.

И сразу же после его слов хлопнула входная дверь, в клубах морозного воздуха возник Хромов и с достоинством спросил:

– Как иллюзион?

– По высшему разряду, – Тернер бесшумно поаплодировал. – Все бросаются к рампе и наваливают маэстро цветами.

– Учитесь, детвора! – майор гордо выпятил грудь и прошествовал к своему стулу. – И каждому воздастся.

– Господа офицеры! – воззвал размягчившийся Кобыш. – А не хлопнуть ли нам еще по рюмашке? За прекрасную хозяйку этого дома!

Хлопнули, закусив маленькими солеными рыжиками и хрустящими корнишонами. Способность Никиты к восприятию чудес, по□видимому, иссякла от такого их количества, и он уже не удивлялся ни постоянной смене блюд, исчезающих в никуда и появляющихся из ниоткуда, ни периодически вспыхивающим очень специфическим разговорам, в которых он мало что понимал, ни планам на будущее, отдающим совершеннейшей фантастикой. Он только изредка поднимал стопку, когда кто□либо произносил очередной тост, поддерживал темы, ему доступные, и млел от такого изобилия интересных собеседников.

В какой□то момент застолья Тернер заявил, что за полученные способности тоже надо выпить, потому как они делают жизнь увлекательной. Выпили незамедлительно, и Никита заявил:

– Ребята, с такими талантами можно жить припеваючи, ни о чем не думая.

– Думать полезно, – нравоучительно проворчал Кобыш, – А жить, не думая, просто скучно.

– Займитесь благотворительностью, – посоветовал лесник. – Школу вон в деревне оборудуйте.

– Ага, – тут же встрял Седых, – а потом появится налоговая инспекция вкупе с нашими славными органами правопорядка и прижучит тех, кто эту школу построил неизвестно на какие шиши, а заодно и тех, кто этому попустительствовал.

– Ну, накормите людей, – уверенности в никитином голосе заметно поубавилось.

– И это уже было, – отозвался Дорин. – Иисус накормил народ пятью хлебами. Не помнишь, как с ним обошлись?

– Так то Пилат...

– То есть власть, – уточнил Раф. – Нас, к твоему сведению, тоже уничтожили.

– Как?! – Никита все же нашел в себе силы удивиться.

– Очень просто, – Дорин несколько помрачнел. – Взорвали на орбите. И никаких тебе следов... Кстати, коллеги, – обратился он к товарищам, – не пора ли посмотреть, что о нас вещают в информационных программах?

– Давно пора, – согласились остальные. – Любопытно все же.

– Тогда потерпите немного, – сказал израильтянин, встал и направился к выходу из дома. – Сейчас антенну подключим.

– Так есть же антенна! – вслед ему крикнул лесник. Дорин только рукой махнул.

Буквально через минуту он вернулся, волоча за собой длинный шнур, подошел к той стенке, что соседствовала с лестницей, примерился, и рядом с ним появился огромный плоский телевизор с экраном метра два на полтора, с дистанционным пультом, выносными колонками и прочими причиндалами.

– Брюс, – позвал Дорин, – надо подключить и настроить. Это больше по твоей части.

Тернер снялся с места, а Никита привстал и выглянул в окно. Шнур оказался антенным кабелем, тянувшимся от большущей спутниковой тарелки, лежавшей прямо на сугробе.

«Однако, – подумал лесник, – скучать не придется».

Пока Брюс подключал и настраивал телевизор, за столом продолжались локальные диалоги, но как только процесс был завершен, разговоры стихли, и все уставились на экран. Тернер, нажимая на кнопки пульта, перескакивал с канала на канал, пока не добрался до блока новостей Си-Эн-Эн. Очаровательная дикторша с испуганными глазами, судя по мелькавшим кадрам, как раз вещала о катастрофе, постигшей русский челнок «Тайфун». Никита плохо знал английский, но кадры говорили сами за себя.

Сначала он увидел мужчин, с которыми вот уже полдня сидел за одним столом. Они делали ручкой перед объективом камеры и спускались в стыковочный переходник. Потом все заслонил корпус челнока, величаво отходящего от борта орбитальной станции на фоне голубого шара Земли. Вот включились двигатели. Космический самолет развернулся и стал удаляться. И, наконец, финальный кадр – ослепительная вспышка в дымке атмосферы и лица погибших, как бы выплывающие из нее.

– С Базы снимали, – прокомментировал Кобыш. – Теперь до посинения крутить будут.

Брюс снова взялся за пульт и вскоре наткнулся на канал «Россия». Хроника была почти такой же, только диктор говорил по-русски и фотографии демонстрировались во весь экран. Собственно, ведущий программы уже закруглялся:

– ...погибли космонавты-испытатели – командир группы, полковник Кобыш Дмитрий Васильевич, майор Хромов Виктор Михайлович, капитан ВВС США Тернер Брюс Клиффорд, капитан ВВС государства Израиль Дорин Рафаил Симон и капитан ВВС России Седых Евгений Кузьмич. Погибли также пилотировавшие «Тайфун» летчики – майор Астрахан Петр Афанасьевич и старший лейтенант Ишимов Кокор Савёлович. Вечная память героям космоса, – голос диктора наполнился торжественной скорбью.

– Ну вот, – сказал Хромов, – нас и отпели.

А Кобыш подпер щеку кулаком и философски заметил:

– Познавательное все же, государи мои, смотреть на свою смерть со стороны, особенно, когда она осталась далеко позади. Или сверху?

– Сверху, – подтвердил Тернер. – Там, – он указал пальцем в потолок.

– Значит, – Никита заторможенно оглядел присутствующих, – официально вы мертвы.

– Еще как! – Дорин кивнул и надкусил яблоко. – Распылены по орбите. Символические похороны в ближайшие семь дней.

– А летчики где?

– Где-то... – Седых неопределенно пошевелил пальцами. – Но тоже живы.

– Да что это мы все о грустном! – рассердился Кобыш. – Предлагаю выпить за чудесное воскрешение и простирающееся впереди светлое будущее!

– Ура! – сказал Тернер.

Выпили с молодецким уханьем. Закусили хрустящей квашеной капустой, забирая ее горстями прямо из миски.

– Что-то мы пьем и не пьянем, – возмутился Дорин. – И это настоящая русская водка?

– Несмышлениш, – ласково пробормотал Хромов. – Просто из тебя стресс выходит.

– Кстати о стрессе! – встрепенулся Никита. – Нет лекарства лучше, чем самая обычная деревенская банька!

– О! Банька! – восхитился Тернер. – Есть?

– А то как же! – насмешливо прищурился лесник. – Самая что ни на есть! Только истопить надо.

– Я помогу, – с готовностью заявил Седых. – Сто лет в бане не был.

– И я! – Брюс уже предвкушал. – Хочу с самого начала.

– Давайте, ребята, – одобрил Кобыш. – А мы пока с Витей и Рафом тут посидим.

– Тогда за мной! – Никита встал. – Делать, как я, и не отвлекаться!

Они вышли в сени – хозяин нащупал в темноте выключатель, и вспыхнула целая гирлянда лампочек вдоль крытой галереи – добрались до противоположной бревенчатой стены и, распахнув низкую дверь, пригнувшись, вступили в просторный предбанник с лавками и небольшим столом из оструганных досок, с висевшими на крючьях деревянными

шайками и множеством веников, с застекленным угловым шкафчиком для принадлежностей, необходимых при достойном мытье, с целой поленицей сухих березовых дров и с еще одной створкой, более похожей на вход в чудесную страну из каморки папы Карло.

– А это для чего? – спросил американец, указуя на почти игрушечную дверку.

– А это – для души, – Никита хитро прищурился. – Скоро узнаешь, – и шагнул в парную, представлявшую собой помещение метров десяти, в котором имели место: неизменная чугунная печь, обложенная крупными булыжниками, открытый котел для воды и три полока, широкими ступенями расположенные друг над другом. Вода в котле была покрыта прозрачной корочкой льда.

– Вот так, – сказал он. – Даже шестерым здесь места хватит.

В дверном проеме появился озирающийся Тернер.

– Ни одной трубы! – его удивленный взгляд скользил по стенам. – Где ты воду берешь?

– Летом – в колодце, – усмехнулся лесник, – а зимой снег топлю. У нас в Сибири снега много. И здесь он чист и девственен, не то, что в городах.

– Конечно! – Брюс сокрушенно потрянул головой. – Как это я не угадался. Буколика!

– Да, – подтвердил Никита, – патриархальный уклад. Ну, что стоишь? Дрова неси!

Через полтора часа температура в парной уже зашкаливала, а хозяин все поддавал и поддавал из круглого ковша на длинной ручке. Ароматная смесь из воды вперемешку с домашним квасом, попадая на раскаленные камни, отчаянно шипела и исходила туманными обжигающими волнами. Три веника отмокали в шайке.

Никита натянул фетровую рукавицу, взял один из них и помахал перед ставшей уже темно-вишневой поверхностью печи.

– Ух! – раздался за его спиной возбужденный возглас, и к полоку скользнул голый Седых. – Хватит уже! А то народ тут окончательно помрет.

– Народ здесь окончательно возродится, – поправил его лесник, продолжая размахивать веником. – К новой светлой жизни... За это и пили... Кстати, где он?

– Уже раздеваются, – отдуваясь, сообщил Женя.

Следующим появился Тернер в войлочной шапочке и попытался тихо просочиться мимо колдующего над печью банщика. Попытка не удалась. Никита, развернувшись, стегнул его веником по розовой заднице.

– Это насилие! – завопил Брюс. – За что боролись?!

– Не бывает святых без истязаний, – сообщил лесник. – Вы ведь утром воскресли... – продолжил он, охаживая бока американца, – ...потом вас причислили к лику... а сейчас очиститесь от суеты мирской... А ну, марш наверх! – свирепо закончил он. – И лежать там, не двигаясь! Дышать через нос!

Через приоткрывшуюся дверь ввалились последние трое – Кобыш в альпийской панаме, Дорин в вафельном полотенце, обернутом вокруг чресел, и Хромов без ничего.

И начался разгул банных страстей. С улюлюканьем, богатырскими замахами, ушатами холодной воды, жизнерадостным ржанием и удовлетворенными стонами тех, кого обрабатывали вениками.

При первом же выходе из парной Никита подвел ставшего малиновым Тернера к таинственной дверке, распахнул ее, выпихнул Брюса наружу, прямо в подступающий вплотную сугроб, и сейчас же захлопнул. Американец заорал благим матом. Когда в проем ломанулся Кобыш, из пушистого снега торчала только голова. Лицо выражало неопишное блаженство.

Так, разогреваясь до умопомрачения в парной, а потом ныряя в снег, они провели остаток вечера. Заходов никто не считал, да, видимо, было и незачем. И лишь спустя какое-то время, когда наступило полное изнеможение и «воспарение души», как определил это состояние Хромов, они завернулись в извлеченные Дориным простыни и расселись по лавкам в предбаннике, прислонившись спинами к теплой вагонке, вытянув ноги, расслабленно перебрасываясь удовлетворенными замечаниями по поводу только что закончившегося сеанса «приведения организма в оптимальный режим» и доброжелательно

посмеиваясь над «крещением» Тернера.

– Пивка бы сейчас, – томно произнес Кобыш. – А, Раф?

На столе тут же возникла зеленая картонная коробка с надписью «Holsten». Из нее соблазнительно торчали горлышки бутылок.

– Фи, – отреагировал на это Седых. – Шведское.

– На вас не угодишь, – проворчал Дорин. – А какого бы вы хотели?

– Настоящее пиво, – сообщил Хромов, подняв палец, – варится только в Чехии. Или Баварии. Издавна. И оно темное.

– Так бы и сказали, – израильтянин пренебрежительно дернул плечом. – А то – пивка!

Коробка мгновенно исчезла, и на ее месте появилось шесть полулитровых кружек с фирменными эмблемами и белыми пенными шапками.

– Вот, – просиял Виктор. – Можешь же, когда хочешь! А вобла где?

Дорин только фыркнул.

Первые кружки осушили залпом, как и положено. Над вторыми уже сидели вдумчиво, снимая кожуру с воблы, тщательно прожевывая вяленых кальмаров и рассуждая о прелестях сельской жизни.

– Эх! – сказал, потягиваясь, Тернер. – После такого□то удовольствия не мешало бы хорошенько проспать.

– Выспишься еще, – Кобыш был непреклонен. – Время пока детское.

– Да! – неожиданно вспомнил Никита. – Мне же вас как□то разместить надо.

– Не кручинься, хозяин, – тут же пресек его порыв Седых. – Я думаю, Раф позаботится.

Дорин, прихлебывая из кружки, молча кивнул.

– А что, ребята, – Дмитрию идея явно понравилась, и он, несомненно, уже прикинул собственный вариант, – не возвести ли нам еще один дом?

Израильтянин еще раз утвердительно кивнул, а Никита покачал головой:

– Как вы собираетесь это делать? Уже ночь на дворе, а дом – не пиво, его так просто не вообразишь. Сложная конструкция, между прочим!

– Ты□то построил! – Кобыш уже горел энтузиазмом. – А Раф тем более сможет. Для начала прикинем, что к чему, а потом... У тебя остались справочники, книги, каталоги?

– Остались, – Никита наморщил лоб. – Где□то в чулане пылятся.

– Вот и давай их сюда. Думать будем.

Лесник нехотя поднялся, нашел в углу, у поленницы, валенки, сунул в них босые ноги, накинул поверх простыни старую телогрейку и, ворча что□то о недостойном приличных людей волонтеризме, удалился на поиски.

– Так, – полковник прихлопнул ладонью по столу, – займемся подсчетом. Нас пятеро. Сердце вещует, что к Новому году еще народ соберется...

– Какой? – простодушно спросил Тернер.

– Всякий, – не задумываясь, ответил Кобыш. – Хотя бы Маша с Федором, да теща никитина. Может, появится группа Ли. Чем черт не шутит! Традиционный праздник все□таки. Стало быть, получается тринадцать человек. Ну, плюс еще трое□четверо для верности. Итого – семнадцать. По двое на комнату. Значит, девять.

– Лучше каждому по спальне, – предложил уже сомлевший Тернер.

– Жирно будет, – Дмитрий кинул на него суровый взгляд. – Баловство одно... Хотя с другой стороны, – улыбнулся он, – почему бы и нет? Гулять так гулять! И чтобы гостиная метров на шестьдесят...

– Сто, – сонно сказал Тернер.

– Нет, – хохотнул Седых, – никогда нам не догнать Америку.

Они еще минут пять обсуждали разнообразные нюансы, прежде чем появился Никита, притащивший целую стопу книг, журналов и каталогов.

– Ага, – Кобыш потер ладони, – дивно! Вот сейчас и начнется основное творчество. Потрудимся, джентльмены!

Битый час они листали журналы, сверялись со справочниками, внимательно

рассматривали каталоги, не забывая предаваться возлияниям и закусываниям. Возбужденный гомон не утихал ни на секунду. Сталкивались мнения, создавались и рушились проекты, рисовались схемы и аксонометрические проекции, выбирались отопительные системы и сантехническое оборудование, в общем, вырабатывалась устраивающая всех концепция будущего жилья.

Наконец, в толстом каталоге с невинным названием «Загородный дом для обеспеченной семьи» они нашли то, что, в принципе, устраивало всех. Это был трехэтажный особняк с десятью комнатами в верхнем этаже, восемью – в среднем, а также удобной кухней, просторной гостиной и парой помещений, предназначенных либо для развлечений, либо для кабинетов, библиотек и детских, внизу. На выбор предлагалось несколько вариантов. Существовали еще мансардная надстройка и цокольный этаж. В надстройке советовали устроить зимний сад, а полуподвал, соответственно, служил для размещения могучих бойлерных систем, основных источников электропитания, тренажерного зала и бассейна с душевыми кабинками, примыкающими к способной удовлетворить самый взыскательный вкус сауне. Нужно ли говорить, что на каждом этаже имели место уютные холлы, ваннные комнаты, соседствующие с туалетами, и выходы на открытые галереи, тянувшиеся снаружи вдоль стен дома. Следующие страницы каталога демонстрировали дизайнерские решения внутреннего пространства, рекомендуемые гарнитуры мебели, блоки бытовой техники и планы обустройства приусадебного участка.

Пока шло обсуждение, Никита только внимал да потягивал пиво, но когда стало ясно, что выбор состоялся, он принужденно улыбнулся и заявил:

– Это же не дом, а целый пансионат получается.

– Жить надо с комфортом, – Кобыш подавил попытку бунта в зародыше – Или тебе не нравится? Это ведь будет и твоя обитель.

Никита поперхнулся.

– А как же с прежней? – осведомился он.

– Уберем на хрен! – успокоил его Седых и, заметив, что лесник призадумался, спросил: – Тебе жалко трудов своих?

– Не то, чтобы жалко, – сказал Никита, – но ведь... если сюда явится начальство или какая-нибудь инспекция... как я буду с ними объясняться?

– Тебя это должно меньше всего волновать, – изрек Хромов. – Тем более что здесь всегда будут, по крайней мере, трое из нас. Прорвемся!

– Мне бы вашу уверенность, – пробормотал лесник.

– Так ты даешь добро? – Кобыш смотрел на него, ожидая решения. – Это ведь твоя территория.

– Да стройте вы все, что хотите! – махнул рукой Никита и взялся за кружку.

– Внимание! – полковник строго глянул на соратников. – Тишина! Раф, приступай!

Дорин уткнулся в каталог, а остальные, стараясь не шуметь, принялись за чешское пиво и воблу, хотя взоры, бросааемые исподтишка, все равно были прикованы к израильтянину. Через несколько минут на его лбу выступили крупные капли пота, а еще спустя некоторое время он прерывисто вздохнул и, прислонившись спиной к стене, устало выдавил:

– Ты был прав, Никита. Дом – не пара перчаток. Это уже уровень повыше.

– Не получилось? – расстроился Кобыш.

– Я бы сейчас водки выпил, – сказал Раф. – А то пиво да пиво...

Со стола исчезли кружки и остатки вяленых лакомств, а взамен появились шесть стопок, неубиенная бутылка «Смирновской» и миска с солеными огурцами. Дорин молча свинтил крышку, разлил водку и, пристально посмотрев на каждого, провозгласил:

– Ну, за дом!

Секунды три еще стояла тишина, а потом будто плотину прорвало. Все разом загомонили, потянулись к Рафу с поздравлениями и лобызаниями, с поднятыми стопками и огурцами, зажатыми в руках, с веселыми прибаутками и сочными эпитетами, только Тернер, не поместившийся в пространстве рядом с Дориным, почему-то округлив глаза и

приплясывая, выразил свои чувства шепотом:

– Ура!

Когда волна эмоций схлынула, Кобыш, выдержав паузу, скомандовал:

– А теперь, братцы, быстро одеваемся и пошли обживать.

Уговаривать никого не пришлось. Собирались споро, совсем как в армии. Никита только диву давался, вроде бы и выпили немало, а реакция у парней – дай Бог каждому. Он был практически последним, только Хромов запоздал, разыскивая куда-то запропастившуюся спортивную куртку и едва слышно бранясь. Шумным строем прошли обратно к дверям в сени, толкаясь и перебрасываясь крепкими словечками, и высыпали сначала на крыльцо, а затем в заснеженный двор.

Собственно, двора уже почти и не было, вернее, он изменился до неузнаваемости. Прямо из сугроба вырастал темный монолит дома, отражая стеклопакетами мохнатые таежные звезды, луну и одинокую лампочку, светившуюся в окне бани. Ступени парадной лестницы, ведущей к центральному входу, тоже наполовину тонули в снегу. Рядом с этим роскошным строением двухэтажный сруб Никиты выглядел жалкой лачугой. А еще дальше, на том месте, где совсем недавно виднелась деревянная изгородь, стоял мощный забор с кирпичными столбами и фигурной решеткой между ними.

– Ну, блин! – только и смог сказать Никита.

– А почему темно? – спросил Хромов.

– Я, знаешь ли, еще не умею включать электричество на расстоянии, – рассеянно ответил Раф, задирая голову и рассматривая мансарду.

– Тогда изобрази фонарики, – тут же нашелся Виктор.

– Это пожалуйста, – под ноги Дорину свалилось три поблескивающих цилиндрических фонаря.

– Спасибо, друг, – проникновенно поблагодарил Хромов, поднял один из них и, увязая в снегу, стал пробираться к лестнице.

Остальные два подобрали Тернер и Седых. Они включили свет, и вся компания полезла через сугроб. Оказавшись на ступеньках, а потом и у тонированного стекла двустворчатой входной двери, хозяева свежесотворенного особняка остановились. Хромов осторожно потянул за бронзовую ручку, створка бесшумно и плавно открылась.

– Не заперто, – прокомментировал Виктор. – Прошу вас, господа.

Они вошли. Лучи фонарей разрезали мрак, царивший в доме, и выхватывали из темноты куски шикарного интерьера.

– Правее, – попросил Дорин. – Вход в подвал должен быть там.

Быстро сориентировавшись, они отыскиали спуск, добрались до аппаратной, и там Тернер нашел нужный пакетник. Свет вспыхнул сразу и везде.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Брюс, – так значительно лучше. С чего начнем?

– С отопления, – проворчал Кобыш. – Холодно здесь. Боюсь, что ночевать придется в старом доме.

Вдвоем с Тернером они обследовали ту половину цокольного этажа, где размещалось все оборудование для жизнеобеспечения, и, повозившись минут десять, подключили отопительную систему. Затем началось знакомство с хорами. Компания долго ходила по комнатам, цокая языками, перебрасываясь замечаниями или веселыми возгласами. После долгого пребывания в учебном центре и сидения на орбите испытатели были рады комфортабельному человеческому жилью, а Никита, давно забывший в тайге, как оно выглядит, полностью поддерживал их чувства. Лишь Дорин изредка пофыркивал, объясняя это тем, что не все получилось так, как он хотел. «Ничего, – приговаривал Кобыш, – жить можно». Так истекли еще полчаса, и начавший мерзнуть Тернер, наконец, возмущился:

– Ну, хватит, парни. Давайте продолжим завтра. Уже спать давно пора.

– Да, – поддержал его Седых. – Имея в виду все сегодняшние передрыги, хорошо бы и на боковую.

– А мне, – с сожалением вздохнул Никита, – после всего этого вашего великолепия

возвращаться в старую хибару как□то и не хочется.

11

Астрахан с Ишимовым оказались точнехонько у одного из КПП Плесецкого космодрома. Пока майор остановившимся взглядом смотрел на доску с названием, Кокор очумело крутил головой.

– Ни хрена себе, – наконец выпалил он, – за рыбу деньги! С возвращением, Петр Афанасьевич! В родные, так сказать, пенаты.

На бетонное крыльцо домика КПП выбрался угрюмый прапорщик в полушубке и валенках. Подозрительно взирая на летчиков, он зычно осведомился:

– Вы кто такие, мужики? По виду, вроде, наши.

– Ваши, ваши, – хмуро подтвердил начавший приходить в себя Астрахан. – Давай, впускай. А то так и околеть можно.

– Сначала документики предъявим, – уперся прапорщик.

– Ты что, едрена вошь, – скрипнул зубами майор, – совсем охуел! Открывай дверь, там и проверишь. А будешь нас здесь держать, долго не прослужишь!

Прапорщик, вероятно, смекнул, что кто попало так разговаривать не будет, приоткрыл дверь и посторонился. Астрахан с Ишимовым протиснулись в образовавшийся проем, караульный вошел следом.

– Зеньков! – заорал он сидевшему за перегородкой сержанту. – Чего развалился! А ну встань на внутренний проход!

Проследив за выполнением приказа, он расстегнул полушубок, пробрался за конторку и, выжидательно глядя на летчиков, спросил:

– Ну, где документы?

– Знаешь что, прапор, – Кокор смерил его уничтожающим взглядом, – хватит заниматься херней. Видишь, мы в летных комбинезонах. Какие документы? Читай, что написано, – он ткнул себя пальцем в грудь, туда, где красовался российский флаг с эмблемой «Тайфуна».

Караульный нехотя приблизился и, шевеля губами, долго рассматривал надписи на комбинезонах.

– Ну, – сказал он, – вижу. Майор Астрахан и старший лейтенант Ишимов. А ракета ваша где?

– Челнок взорвался, – зло сообщил Астрахан.

– А вы как здесь оказались? – не унимался прапорщик.

– На парашютах спустились, – майор уже начал терять терпение.

– А парашюты где?

– Ну, ты тупой! – не выдержал Астрахан. – Это тебе зачем? Тебе надо доложить по службе, что у тебя в караульном помещении находятся двое пилотов «Тайфуна». А дальше уже не твое собачье дело! Снимай трубку и звони!

Лицо прапорщика покраснело, глаза выкатились, но он сдержался, все□таки с ним разговаривали старшие по званию, хотя погон он и не видел. Развернувшись и грозно сопя, караульный подошел к телефонному аппарату, взял трубку, дунул в нее и хрипло проговорил:

– Штаб? Это двенадцатый пост, прапорщик Репенко. Нами задержаны двое. Говорят, с «Тайфуна»... Что?.. Так точно... Не могу знать, товарищ капитан!.. Что?..

Даже майору с Кокором было слышно, как в мембране клокочет начальственный голос, не говоря уж о страже ворот, который просто отодвинул трубку от уха и внимал на расстоянии.

– Да, представились, – наконец выдавил он. – Астрахан и Ишимов... Что?.. Так точно!

Он осторожно, будто это была гремучая змея, положил трубку и совсем другим тоном произнес:

– Присаживайтесь, господа офицеры. Сейчас за вами придет машина. Извините, ежели что не так.

– То□то, – сказал Астрахан.

* * *

Солдат прикрыл дверь в кабинет Дейнеко и направился к столу секретарши. Она уже смотрела на него, и взгляд ее выражал готовность выполнить любую генеральскую прихоть.

– Вот что, милочка моя... – начал Медведев, но так и не закончил. Серебристый аппарат ви□связи издал мелодичный свист, и девица аккуратно нажала на клавишу приема. Из динамика раздался чей□то знакомый голос, но вот чей, Солдат сообразить не успел, потому что услышал свою фамилию.

– Вас, господин генерал, – секретарша развернула аппарат дисплеем к нему. На маленьком экранчике виднелась растерянная физиономия полковника Кондратова, его первого заместителя и главы службы контроля.

– Слушаю, – сухо сказал Медведев.

– Олег Иванович, в Плесецке объявились Астрахан с Ишимовым.

– Кто?!.. – горло у Солдата перехватило.

– Ну, эти... пилоты с...

– Молчать! – прохрипел генерал.

Очевидно, выражение его лица было таким, что Кондратов мгновенно смолк. Если бы речь шла о компьютере, то более всего подошло бы определение «завис».

– Вот что, Терентий... – Медведев уже справился с потрясением, искоса глянул на секретаршу и, увидев, что та деликатно отвернулась, продолжил. – Пусть отправляют их в Питер. С сопровождением. Нет. Лучше займись этим сам. Передай Славкину с рук на руки. Он о них позаботится. При любом отклонении от штатной ситуации – режим «Два креста».

– Есть, – Кондратов отключился.

Солдат улыбнулся секретарше, сказал: «Спасибо» и пошел прочь. Такого поворота событий он не ожидал. Вся тщательно спланированная операция с треском рухнула. Если эти двое живы, значит, живы и остальные. Как?! Как они это сделали?! Может, правы американцы, и те, кто соприкоснулся со Сферой, уже не люди? Хорошо, думал он, испытатели вырвались из капкана. Сумели. Но эти□то двое? Выходит, им помогли? Кто?! Те, которые были обречены, или те, которые остались на орбите? Пятеро пилотов или трое ученых? Но как они узнали, что челнок будет взорван? Астрахан с Ишимовым ни о чем не догадывались, следовательно, прочитать у них в головах о готовящейся акции никто не мог. Тогда что же получается?.. Утечка информации? Откуда? Всех, кто имел доступ, можно пересчитать по пальцам одной руки, они неоднократно проверены в деле, и их преданность не вызывает сомнений. Он с досадой скрипнул зубами. Не об этом сейчас думать надо! Хуже другое. Сообщение о взрыве уже наверняка прошло по всем мировым каналам. Давать задний ход поздно. Что сделано, то сделано. И перед Тимофеичем будет не оправдаться. Значит, летчиков надо наглухо запереть, а тех, кто хоть как□то входил с ними в контакт, обработать. Лучше бы, конечно, ликвидировать – и концы в воду. Но это чревато. Пока существует вероятность того, что все всплывет. А она существует! Потому что где□то в космосе болтаются трое соотечественников, возможности которых ему неизвестны. Потому что где□то на Земле затаилось пятеро тех, кого он пытался уничтожить. А может, и семеро! Если взрыв челнока не привел к желаемому результату, то где гарантия, что Тараоки и Клеменс погибли? Хватит с него летающих скамеек и абсолютно бесконтрольных телепатов! Надо задействовать всю систему, вплоть до резервов, и искать, искать, искать! Искать Варчука и Ключева, искать Кобыша с компанией, напрямч американцев, чтобы не сидели, сложа руки, хотя какое тут сложа, если у них там Хоуп заправляет. Вкупе с Редфордом. Им только повод дай. А повод ого□го какой! Выявленная «пятая колонна» шастает по Земле! И неизвестно, на что она способна. Мы видели только краешек их фантастических

возможностей. Ответную, так сказать, реакцию на угрозу и принуждение. А что будет, когда они встанут в полный рост?

Солдата передернуло. «Да ты, никак, паникуешь?» – спросил он себя. И сам себе ответил: «Паникую!» Трудно сохранять спокойствие и ясность мысли, если непонятно, чего можно ожидать от противника. Воображение здесь не помощник, а враг – оно заставляет съеживаться и замирать от бессилия.

* * *

Банкир позвонил Мирзояну в два часа пополудни, когда тот только что закончил селекторное совещание с директорами заводов. И предложил встретиться. «Давай, заеду к тебе в офис», – сказал он. «Не надо в офис, Лева», – ответил Фабрикант. – Тут неподалеку есть уютный ресторантик. Заодно и перекусим».

Ресторантик действительно оказался славным. Они комфортно расположились в углу, за столиком на двоих, и у них состоялся вполне бессвязный разговор, оставивший, впрочем, у обоих некое тягостное впечатление.

– Про взрыв уже знаешь? – сходу спросил Фридберг, как только заказ был принят и официант отошел.

Мирзоян утвердительно кивнул.

– Это в рамках допустимого? – Лева пристально глянул на визави поверх очков.

– Да как тебе сказать, – Фабрикант недовольно поморщился. – Вообще-то такого давно не случалось. У моих ребят все под контролем.

– Видно, не все! – Банкир оперся локтями на стол и ссутулился. – Тебе не кажется, Армен, что вокруг проекта ПП затевается какая-то мышиная возня?

– С чего ты взял?

– Суди сам, – Фридберг придвинулся к приятелю и тихо заговорил. – Сначала проваливаются испытания, и выясняется, что дальше Солнечной системы улететь нельзя. Потом обнаруживается, что у людей, нарвавшихся на Сферу, появляются весьма эффективные способности...

– Это еще вилами по воде...

– Не перебивай, – Банкир раздраженно мотнул головой. – Есть факты. У Солдата из института, из тщательно охраняемого, между прочим, института, сбегает двое подопечных, причем именно те, которые обкатывали «Приму». У американцев, забравших с орбитальной станции своих астронавтов, тоже происходит лихая заварушка, от которой они до сих пор в шоке.

– Откуда сведения?

– У меня свои источники, – Фридберг нетерпеливо дернулся. – Теперь вдруг очень подозрительная гибель «Тайфуна». На нем, если тебе не известно, возвращались оставшиеся испытатели ПП. Тимур разводит руками. Аристарх просто молчит. А Солдат шныряет туда-сюда.

– Тебе-то, Лева, что за дело? – Мирзоян недоуменно поднял брови. – Плаваешь в своих финансовых потоках, ну, и плавай на здоровье!

– Не понимаешь! – Банкир угрюмо нахохлился. – И наши, и американцы убирают контактировавших со Сферой.

– В космосе осталось еще трое, дорогой, – напомнил Фабрикант. – Их, что, для науки сохранили?

– За ними присматривают, – тут же зыркнул на него Лева. – Крутой психолог из Комитета и киллер-диверсант. Думаешь, им заняться больше нечем?

– Не могу утверждать... – Мирзоян задумался. – И какие же выводы?

– А выводы неутешительны! – Фридберг нервно поправил очки. – Либо мы действительно под колпаком у могущественной цивилизации, намерения которой совсем не очевидны, и спецслужбы всю стараются не допустить проникновения их агентов на

Землю, либо вскоре появится новая генерация людей, способных пошатнуть сложившуюся на сегодняшний день общественную систему, потому что проект массового производства ПП и освоения планет уже запущен на полную катушку И в том, и в другом случае экономика затрещит по швам и может рухнуть! Это страшно, Армен!

– Ну, Лева, ты даешь! – Фабрикант тоже почувствовал себя не в своей тарелке. – Прямо сценарий Апокалипсиса...

В этот момент официант принес заказанные блюда, и они на некоторое время замолчали и принялись за еду, не очень, впрочем, активно, размышляя каждый о своем. Банкир, вяло ковыряя вилкой «караи», пытался увязать логические концы событий последних дней, а Мирзояну, застывшему над «боботи», виделись жуткие картины разрушающихся от ржавчины заброшенных заводов и пустынных городов, покинутых сбежавшими в отчаянии обитателями. Первым не выдержал Фридберг.

– Надо что-то делать, Армен, – тоскливо произнес он. – Может, на Тимофеича как-то повлиять...

– Как?

– Ну, подготовить аналитическую записку с вероятным раскладом. А он ее, в свою очередь, предъявит, скажем, в ООН. Наверное, стоит попробовать как-то с ними договориться...

– С кем? – Фабрикант поднял на него саркастический взгляд. – С инопланетянами или с будущими суперменами?

– Какая разница! – махнул рукой Лева. – Главное, чтобы все срослось.

– После того, как первых из них вероломно уничтожили? – Мирзоян был непреклонен.

– Ошибка! – быстро сказал Фридберг. – Со страху. С кем не бывает.

– Ну, безусловно! – Армен отложил вилку в сторону и промакнул салфеткой губы. – Испугались дружески протянутой руки. Теперь посыпает голову пеплом.

– Скотина ты, – Банкир сверкнул очками. – Вместо конструктивных предложений я слышу одни издевательские реплики.

– Ладно, Лева, успокойся – Фабрикант примиряюще улыбнулся. – Рисуи свою аналитику. Я тебя поддержу. Аристарх, думаю, тоже присоединится. Доктора как-нибудь уломаем. Останется один Солдат. Вот он будет неприступен. С ним придется воевать. Хотя, с другой стороны, должен же он понимать, что против неведомой циклопической силы не попрешь.

– То-то и оно.

– И вообще, давай-ка после Нового года махнем на охоту. А? Пока страна празднует.

– Как бы этот праздник не закончился трауром... К тому же какой из меня стрелок!

– Ничего, – успокоил его Мирзоян. – Развеешься.

* * *

Никита проснулся чуть позже обычного от заливистого собачьего лая и с неясным беспокойством. Мелькнула вдруг мысль, что события вчерашнего дня ему просто пригрезились, слишком уж фантастическими они показались утром. Он пружинисто вскочил, откинув одеяло, и выглянул в горницу. Нет, вот спит на надувном матрасе Седых, уткнувшись носом в подушку и свесив руку до пола. Второй матрас, как две капли воды похожий на первый, пуст, наверное, Кобыш уже встал, да еще и Игрый выпустил, потому что пса тоже не видно, только слышно. В углу, вместо вчерашних дубленок и шапок, небрежно брошены летные комбинезоны. Дорин перед сном сотворил всем спортивные костюмы, а космическую униформу решено было оставить на память.

Лесник довольно хмыкнул, натянул одежду и вышел наружу. Игрый, припав на передние лапы, остервенело лаял на новый дом. А тот, как ни в чем не бывало, по-прежнему возвышался на своем месте, только уличные декоративные фонари, украшавшие парадный спуск, теперь горели, освещая все пространство от двустворчатых металлических дверей до

никитино крыльца. Кобыш, размеренно работая большой пластиковой лопатой, раскидывал сугроб. Пес почуял хозяина, смолк и завил хвостом, повернув к нему морду, на которой отражалось безмерное возмущение коварством природы, вот ведь, вчера еще ничего не было, а сегодня – на тебе. Гость тоже приостановился, опершись на черенок, и весело сказал:

- Доброе утро, Никита! Как спалось?
- Отлично, Дима! И тебе того же. Что в такую рань?
- Радуюсь, знаешь ли, жизни, – сообщил он, подходя и переводя дух. – Никакого тебе напряжения, сплошное удовольствие и благорастворение воздушных масс. А отсыпаться на пенсии будем. Побежишь? – он кивнул в сторону тропинки.
- Всенепременно.
- Тогда Женьку буди. Он хотел с тобой. Если не возьмешь, обидится. Он же у нас тоже мастер. Соскучился по единомышленникам. А я пока своих растолкаю.
- Не стоит, – Никита улыбнулся. – Пусть поспят еще. Вчера у вас был тяжелый день.
- А поезд когда?
- Прибывает в десять двадцать пять.
- А до станции сколько?
- Верст шестьдесят по прямой будет, – лесник озабоченно нахмурился. – А по дороге так и все восемьдесят. Я же говорил, до нее еще добраться надо.
- Ну□у□у, – Кобыш небрежно махнул рукой. – Для бешеной собаки сто верст – не крюк. За час уложимся.
- Каким образом? – Никита озадаченно посмотрел на полковника. – Вертолет, что ли, подгоните?
- Вертолет, конечно, штука хорошая, – Дмитрий хитро прищурился, – но уж больно заметная. Засечь могут. А вот снегоход – в самый раз! На нем тоже можно напрямую.
- Снегоход? – лесник задумчиво почесал затылок. – На нем же быстро не поедешь...
- Отстал ты, брат, в своей тайге, – Кобыш покровительственно похлопал его по плечу. – Сейчас такие модели появились! Скутеры, а не снегоходы! Что ты! Девяносто миль в час для него не предел.
- На такой скорости при нашей температуре без лица останешься, – усмехнулся Никита. – Так что времени больше понадобится.
- А мы выберем модель с салоном на четверых.
- Что, и такие есть? – усомнился лесник.
- А как же! – Дмитрий уже откровенно забавлялся. – Затворник□одиночка. Все на свете промухал! Чего сейчас только нет. Один поведу я, а второй – кто□нибудь из моих асов.
- А два□то зачем? Маша одна приедет.
- На всякий случай. От гаишников удирать веселее будет.
- Какие гаишники! – расхохотался Никита. – Здесь их сроду не видели. У нас один участковый на сто квадратных километров.
- Еще и лучше, – обрадовался Кобыш. – Тогда устроим встречу с помпой! А потом праздничные гонки, как на тройках! За Федором заедем, покатаем. Мальцу удовольствие доставим. А?

– Договорились, – лесник сдался. – Гулять, так гулять! А остальные как же?

– Остальные пусть пока дом обживают, – Дмитрий оглянулся и посмотрел на здание. – Готовятся к встрече. Им там работа найдется. Играю вот, – он похлопал пса по загривку, – новое место соорудят. Ну, иди Женьку будить, а то заболтались мы тут с тобой...

К девяти часам утра все обитатели деревянного жилища уже перебрались на новое место, натопленное и сверкающее чистотой, с помощью Дорина плотно и разнообразно позавтракали, приоделись по вкусу (причем Кобыш выбрал себе камуфляж с полковничьи погонами. «В дороге может пригодиться», – заявил он) и разбрелись кто куда. Вместе остались лишь Раф, Дмитрий и Никита, вышедшие во двор к стоящим там снегоходам. Дмитрий любовно огладил блестящие обтекаемые бока аппаратов, попинал для соблюдения

традиции лыжи, удовлетворенно вздохнул и повернулся к товарищам.

– Ты что □нибудь решил со своей лачугой? – спросил он лесника.

– А чего тут решать? – Никита после горячего душа, от которого он отвык за столько □то лет, пребывал в радужном настроении. – Сносить его надо. Ни к чему он теперь. Баньку вот разве что оставить?

– Убирать, значит, убирать, – не терпящим возражений тоном сказал Дорин. – Мы тебе другую баньку спроворим. Лучшую из всех возможных.

– Эх! – бывший таежный схимник махнул рукой. – Прощай, прежняя жизнь! Спасибо тебе за все, сторожка. Ломай, Раф!

И дом исчез. Осталась только причудливой формы яма, повторяющая контур пропавшего без следа сруба. Но и она недолго зияла темным провалом. Израильтянин тут же заполнил ее крупным речным песком и гравием, а сверху положил настил из гладко оструганных и плотно подогнанных друг к другу досок.

– Готовая площадка для празднования Нового года, – объяснил он друзьям. – Может, по центру елку поставить? Побольше.

– Рубить жалко, – проворчал Никита.

– Не будем рубить, – успокоил его Раф. – Поставим искусственную. Здоровенную и красивую. Я такую видел в Стокгольме.

– Давай! – воодушевился лесник. – И игрушек побольше! То □то Маша с Федором обрадуются. У нас тут с игрушками туго. А из города везти смешно.

– Алле □оп! – крикнул Дорин. – Елочка явись!

В центре площадки воздух заструился сияющими искрами, и из них проявилась трехметровая ель, сплошь усыпанная переливающимися шарами, затейливыми фигурками, цветными хлопушками и мигающими лампочками.

– О, как! – восхитился Никита. – Высший класс!

– Другой нас не интересует, – Раф скромно потупился и изобразил носком ботинка причудливый узор. – Мы тут не баловством занимаемся.

– А как гирлянды горят?

– Под основанием аккумулятор. Все предусмотрено.

Кобыш одобрительно кивнул и приоткрыл дверку снегохода.

– Ну что, хлопцы, – он потер замерзший нос, – по коням?

Израильтянин полез на водительское место второй машины, а лесник обошел округлый нос первой, поставил ногу на порожек и легко забросил себя в кресло рядом с Дмитрием. Полковник включил двигатель, примерился к штурвалу, оглядел приборную панель, высказавшись: «Ну, Бог не выдаст, а свинья не съест», и аппарат плавно тронулся, начиная понемногу набирать скорость. Проскользнув в открытые ворота, машина прибавила ходу. Никита оглянулся и убедился в том, что Дорин висит у них на хвосте, но дистанцию, тем не менее, держит твердо. «Не сомневайся, дружище, – ухмыльнулся Кобыш, заметив проявленное им любопытство, – теперь так и пойдем в строю. Я – ведущий, он – ведомый. Не сдвинется ни на миллиметр. А ты не отвлекайся, дорогу показывай».

Когда миновали мост через замерзшую реку, лесник сказал:

– Сейчас лучше налево, через поле. Сократим расстояние верст на пять. Елань в стороне останется.

Дмитрий кивнул, выбрал момент, когда обочина стала более или менее пологой, повернул штурвал, и снегоход, мягко перескочив через препятствие, вырвался на целину. По нетронутому снегу он пошел еще резвее. Никита покосился на спидометр. Стрелка повисла на отметке шестьдесят пять. «Однако! – подумал он. – Так мы действительно приедем раньше времени. Еще и ждать придется». Машина проскочила обширное поле в считанные минуты, и по правому борту замелькали деревья опушки.

– Может, напрямик рванем? – спросил Кобыш.

– Не получится, – Никита с сожалением покачал головой. – Здесь чаща густая. Не продеремся. Вот начнется редколесье, тогда – пожалуйста.

Действительно, километров через пятнадцать просветы между деревьями стали больше, и снегоходы, не снижая скорости, ворвались в тайгу. У лесника мучительно екало под ложечкой всякий раз, когда пилоты закладывали виражи и стремительно обходили попадающиеся на пути деревья. Ему это напоминало компьютерные автогонки, с сумасшедшим скольжением между коварными соперниками и неожиданными препятствиями, только сейчас все происходило в реальности, и любая ошибка могла стоить здоровья, а то и жизни. Но от Кобыша веяло безмятежностью и уверенностью, и Никита мало-помалу успокоился. «Летчики, они и на земле летчики. Что с них взять, – решил он. – Но мастера! Этого не отнимешь. Наверное, шестьдесят – для них черепаший шаг». Он опять оглянулся, аппарат Дорина шел, как привязанный.

Снова опушка, поле, взлет на холм, и вот впереди показались далекие еще строения и дома поселка, раскинувшегося вокруг станции. Снегоходы сбросили скорость только в тот момент, когда мимо пронеслись первые здания. Плавно подкатив по наезженной дороге к деревянной коробке вокзала, пилоты аккуратно развернулись и припарковали машины возле невысокого заборчика, окружавшего заснеженный сквер, рядом с потрепанной «Нивой» и не менее побитым жизнью «Уазом». На их фоне они выглядели сверкающим чудом инопланетной техники. Водитель «Нивы», дремавший за рулем, встрепенулся, выбрался наружу и стал было приставать к Кобышу с вопросами, но тот значительно сказал: «Военная техника. Опытные образцы», чем, собственно, и прекратил домогательства аборигена. Мужик покосился на полковничьи погоны и решил не связываться.

До подхода поезда оставалось еще пятнадцать минут, и троица решила размять ноги. Они неспешно двинулись вокруг вокзала, с любопытством разглядывая провинциальную архитектуру и перекидываясь незначительными репликами. «Да-а-а, – думал Никита, все еще находившийся под впечатлением стремительного бега снегоходов сквозь зимнюю тайгу, – это тебе не на раздолбанной полуторке трястись... Вжик – и на станции. В пятьдесят минут уложились. А по занесенной дороге да еще на сельской технике два часа отдай и не грехи. А то и все три. Как повезет...»

Они успели три раза обойти вокруг здания, прежде чем косноязычный станционный громкоговоритель невнятно объявил о прибытии поезда. Сутолоки на низеньком утоптанном перроне, как в больших городах, не было. Всех встречающих набралось лишь четыре человека, их – трое, да приставучий мужик из «Нивы». «Интересно, сколько будет приезжающих?» – хмыкнул Кобыш. Локомотив, притормаживая, обдал их клубами пара, и мимо потянулись вагоны. Лишь в трех из них двери были открыты, и на площадках стояли недовольные проводницы. «Стоянка поезда – одна минута», – оповестил рупор. Поезд дернулся и замер.

Машу Никита увидел сразу. Она, держась за поручень, спускалась по ступенькам из тамбура пятого вагона. Он рванулся к ней, но его придержал Дорин. «Держи, заполошный», – сказал он и сунул ему в руки громадный букет бордовых роз. В лицо пахнуло одуряющим ароматом лета и солнца. Никита схватил букет в охапку и бросился к Маше. Она уже заметила его, уронила сумку на перрон и, пританцовывая и радостно смеясь, тянула к нему руки. А он, не останавливаясь, подхватил ее на руки, так, что букет рассыпался по ее груди, и закружился, выписывая фигуры вальса. «Я люблю тебя», – шептал он, и в ее глазах искрилось счастье. «Я жутко соскучился», – еще больше распалялся он, а она обхватывала его шею и прижималась щекой к его губам. На Никиту праздник обрушился гораздо раньше боя курантов.

Кобыш и Дорин, улыбаясь, наблюдали за ними.

– Вот это я понимаю! – умильно сказал Раф. – Это тебе не проза. Это, братец ты мой, взрыв эмоций и страстей!

– Да, – согласно кивнул Дмитрий. – Везет же людям! Нашли друг друга.

Они не заметили, как из вагонов на перрон спустились еще пятеро: женщина типичного деревенского вида с двумя подростками, тащившими увесистые котомки, которых, как оказалось, и дожидался водитель «Нивы», и двое высоких парней в спортивных куртках,

вязанных шапочках и большой туристической сумкой, одной на двоих. Нерешительно потоптавшись у тамбура, прибывшие осмотрелись, заметили Кобыша с Дориным и скорым шагом направились к ним. А с другой стороны уже подходили обнявшиеся Маша и Никита.

– Здравствуйте, Дима! – пропела девушка, светясь от счастья и прижимая к себе букет.

– Как я рада, что вы приехали раньше. Новый год вместе встретим. Вот будет весело! Всю ночь гулять будем! – перезвон серебряных колокольчиков. – А это ваш друг?

– Это *наш* друг, – радостно сообщил Никита. – Великий волшебник и чародей Раф. Познакомься, Раф, это Маша.

Девушка протянула руку, а Дорин тут же галантно приложился к ней губами и, глядя снизу вверх, голосом уездного трагика произнес:

– Безумно польщен знакомством со столь очаровательной дамой.

Снова перелив колокольчиков и элегантный реверанс.

– Может, ты и остальных представишь? – Маша укоризненно посмотрела на мужа.

– Остальных? – удивился Никита и только тут заметил, что в нескольких шагах от его друзей в молчаливом ожидании стоят двое незнакомцев. Кобыш с Дориным тоже недоуменно обернулись.

– Вам чего, ребята? – спросил Дмитрий.

– Так это не ваши, – сразу осеклась девушка. – А я ☐то думала...

– Наши все дома... – уточнил Никита и оборвал себя на полуслове, потому что один из парней утвердительно сказал:

– Вы – полковник Кобыш. Я вас узнал.

– Предположим, – командир испытателей хмуро воззрился на чужаков. – А вы ☐то кто?

– Олег Варчук, – тот, что пониже, коротко поклонился. – Физик.

– Максим Ключев, – по ☐военному доложил второй. – Летчик ☐испытатель.

– Мне это ни о чем не говорит, – Дмитрий отрицательно качнул головой. – Вряд ли мы встречались раньше. У меня хорошая память на лица.

– Верно, – согласился тот, что назвался Варчуком. – Но мы были у Сферы.

– Вот как? – брови Кобыша поползли вверх. – И что?

– У нас теперь много общего, – улыбнувшись, сказал Ключев. – Хотя об этом лучше бы попозже. Здесь не очень удобно.

– Почему вы так решили и как вы нас нашли?

– Мы были у Сферы, – повторил физик. – Теперь Макс – телекинетик, а я – телепат. Как видите, мы вполне откровенны. А нашли... – он на мгновение запнулся. – Скорее всего, нам дали поводок.

– Кто?

– Не знаю, – Варчук опять замялся. – Я получил инструкции, – он коснулся пальцами лба. – Еще в Институте психофизики.

– Где? – изумленно спросил Кобыш. Это название он слышал впервые.

– Есть такое закрытое учреждение в Петергофе, – пояснил Олег. – Находится под крылом спецслужб. Вот туда ☐то мы и попали после полета.

– Дима, – не выдержал Дорин, – хватит вопросов. И так видно, что они наши, иначе их бы здесь не было. За сутки ни одна из самых крутых разведок мира не смогла бы установить, где мы. Даже «Моссад».

– И то правда, – глаза полковника потеплели. – Извините, ребята, что неласково встретили. Мы тоже пуганые.

– Поехали, дома обо всем поговорим, – Раф обернулся к Маше с Никитой. – Вы были абсолютно правы, сударыня, это наши.

– Я чувствую хороших людей, – девушка смущенно опустила ресницы. – И сразу подумала, что вы из одной компании. Вы светитесь одинаково.

– Светитесь? – Кобыш опять удивился. – Машенька, ты что, видишь биополе?

– Не всегда, – девушка совсем застеснялась. – Но иногда получается. Вот как сегодня.

– Второй день сюрпризов, – пробормотал Никита. – Моя жена – экстрасенс...

Они покинули перрон в молчании, следуя за Дмитрием, обогнули станционное здание, выбрались на привокзальную площадь и подошли к парковке. «На этих поедет?» – девушка всплеснула руками, в восхищении потрогала изящные обводы машин и вопросительно посмотрела на камуфляжного предводителя. Тот степенно кивнул и широким хозяйским жестом распахнул перед ней дверцу, мол: «Прошу вас, сударыня, не пожалеете». А Клюев взглядом знатока осмотрел аппараты, цокнул языком, сказал: «Вещь!» и подтолкнул Варчука к Рафу, который уже призывно махал им из второго снегохода.

Обратный путь занял больше времени. Ехали не спеша, давая приезжим возможность насладиться величием таежных просторов. Огромные хвойные деревья, покрытые причудливыми снежными шапками, уже не мелькали, как стеклышки в калейдоскопе, а царственно проплывали мимо, как бы нехотя расступаясь впереди и тут же вставая непреодолимой стеной за вьюжным шлейфом, тянувшимся от машин.

– Красотища – то какая! – Олег, не отрываясь, смотрел за окно. – Девственный край!

– Не доводилось раньше здесь бывать? – спросил Дорин, бросая взгляд в зеркало заднего вида.

– Нет, – признался Варчук. – Теперь жалею. Мы ведь все больше по Европам.

– Вот и я впервые. Хоть и поневоле, но в самую десятку.

– Что значит поневоле? – насторожился Клюев.

– А то и значит, – усмехнулся израильтянин. – Мы сюда прямо с орбиты. Искали убежище, а нашли покой души и благолепие.

– Для нас – то место найдется в вашем благолепии? – забеспокоился Олег.

– Хватит всем. Да еще и с комфортом. Вам понравится.

Так, за разговорами и любованием расстилающимися вокруг пейзажами, быстро промелькнул остаток пути. Маша еще издали разглядела сногшибательные перемены и изумленно распахнула глаза.

– Что это? – в ее голосе явственно проступало недоверие. – Откуда, Никита?

– Чудеса только начинаются, малышка! – лесник нежно привлек жену к себе. – У нас будет сказочный Новый год!

Снегоходы плавно замедлили ход, миновали по – прежнему раскрытые ворота и остановились перед домом. Дверки распахнулись, и пассажиры высыпали наружу. Варчук с Клюевым с удивлением осматривались, оценивая, прикидывая и покачивая головами, а Маша зачарованно застыла и не сводила с нового дома взгляда.

– Мать честная! – наконец сказал Олег. – Чтоб в таежной глуши, да такое жилище! Что – то не похоже на приют убогого егеря. Его ведь, кажется, Кобыш егерем назвал, хозяина нашего, когда в машины садились? Раф, – спросил он у подошедшего Дорина, – это местный санаторий или частные владения?

– Все в одной посуде, – ответил израильтянин. – И частные владения Никиты, и уютный санаторий для всех нас.

– А он по случаю не губернатором подрабатывает? – осведомился Варчук. – Чтобы отгрэхать такой особняк, немалые деньги нужны.

– Еще утром здесь стоял деревянный дом. Вон там, – Дорин указал на сверкающую елку. – Большой. Двухэтажный. С баней. Никита его построил собственными руками. А это, – он кивнул в сторону современного здания, – продукт нашего общего творчества. Правда, не без помощи столичных дизайнеров.

– Да ну? – не поверил Клюев.

– Ну да, – подтвердил Раф. – Вы ведь тоже были у Сферы? Или мне послышалось?

– Так это...

– Вот именно.

– Ну, вы даете, ребята! – взгляд Клюева стал растерянным. – Я сам не без некоторых способностей, но чтобы такое!

– И у нас они не самые выдающиеся, – успокоил его Дорин. – Вот у тех, кто снял нас с орбиты, они действительно... – он закатил глаза.

В это время из дверей особняка появился Хромов в строгом черном костюме и при бабочке.

– Ой! – поразились Маша. – Мой попутчик. Как же он здесь раньше меня оказался? Он же еще вчера вышел! И привет тебе передавал, – она заглянула в глаза Никите.

– Я же тебе сказал: чудеса только начинаются, – лесник улыбнулся во весь рот. – Ты что, мне не поверила? Вообще□то он со вчерашнего дня здесь и тоже передал мне привет. От тебя.

Маша совсем притихла и прижалась к Никите, но в этот момент стеклянная створка снова приоткрылась, в образовавшуюся щель протиснулась сначала собачья голова, а потом и весь пес. С радостным лаем скатившись по лестнице, он вихрем метнулся к девушке, не останавливаясь, с ходу привстал на задних лапах, упершись передними в ее плечи, и лизнул Машу в подбородок.

– Играй, негодник! – весело рассмеялась она, обхватывая лайку за шею. – Ты же меня с ног собьешь! Соскучился, шельмец! Лучше бы с гостями познакомился.

Пес, вероятно, воспринял ее слова с полным пониманием, потому что тут же принял нормальное собачье положение, неспешно подошел к Варчуку с Ключевым, внимательно их обнюхал и вильнул хвостом.

– Ну вот, – одобрительно пробормотал Никита, – теперь, считай, церемония представления закончена.

– Еще нет! – Хромов, все это время дожидавшийся, пока опередивший его Играй немного утихнет, отвесил низкий поклон и зычно провозгласил:

– Добро пожаловать, гости дорогие! Заждались мы вас. Даже сюрприз небольшой приготовили, чтобы не скучно было.

Казалось, он нисколько не удивился, увидев Варчука и Ключева, или умело скрыл это.

– Ну, естественно, – пробурчал Кобыш, сощурившись от солнца и разглядывая Виктора так, как будто тот произнес нечто предосудительное. – Мы к вам с сюрпризом, и вы в грязь лицом решили не ударить. Только интересно, что у вас□то?

Сквозь тонированные стекла дверей было видно, как кто□то спускается по ступенькам холла и подходит к выходу. Мужчина. Одет точно так же, как и Хромов: черный костюм, белая рубашка, галстук□бабочка. Кто□то очень знакомый, но лица не разглядеть. Вот плавно скользнули в стороны внутренние прозрачные створки, он вступил в просторную прихожую, пересек ее и взялся за бронзовую ручку. Дверь открылась.

– Ха! – заорал Дорин, хлопая себя по коленкам. – Джек! Рад тебя видеть живым и здоровым!

– С возвращением в команду, – Кобыш растроганно шагнул навстречу. – Как хорошо, что ты опять с нами, – он крепко стиснул Клеменса в объятиях.

– Не раздави, командир, – слабо просипел американец. – Я вам еще пригожусь.

– Пригодишься, – отстраняясь и награждая приятеля увесистым шлепком по плечу, хохотнул Дмитрий. – Еще как пригодишься! Мы тут, дружище, собираемся закатить такой праздник по случаю избавления от напастей и наступления Нового года. Что ты! К тому же в нашем полку прибавилось, – он указал на Варчука с Ключевым. – Кстати, а ты□то нас как нашел?

– А я не один, – невинно сообщил Джек. – Я с дамой.

– Неужели?... – глаза Кобыша заискрились. – Вивьен?... Сама пожаловала?

– Сама, сама, – ворчливо уведомил Хромов. – Спускаюсь я, это, со второго этажа, смотрю – стоят, голубчики! Прямо посреди холла, фонтан разглядывают. Я сразу□то их не признал, со спины□то. Но чую, знакомые, вроде. Да и откуда тут незнакомым взяться. А она поворачивается и так спокойно говорит: здравствуй, Витя! Давно, мол, не виделись. Как настроение у парней? Ну, я на ступеньки и сел.

– Так чего же мы ждем? – с ноткой нетерпения спросил Дмитрий. – Вперед! У нас теперь целых две прекрасные дамы! Закатим пир горой...

– ...и Винни Пух, – смачно брякнул Дорин, уже поднимаясь по лестнице с ликующей

физиономией, исполненной предвкушения грядущих приятностей.

Остальные четверо тоже стронулись с места и с самым заинтригованным видом последовали за испытателями. В холл ввалились уже гурьбой, тем не менее, Кобыш оказался первым. Обширный зал с окнами во всю стену был освещен лучами скупого, но все же достаточно яркого зимнего солнца. Тараоки сидела в большом мягком кресле, поставленном так, чтобы свет не мешал, но и не падал куда-то мимо, поэтому казалось, что она нежится в сияющем снопе, наискось рассекающем пространство холла и играющем на стеклянистых каскадах воды, разлетающейся радужными брызгами на уступах и мерно журчащей в причудливых ложбинках фонтана, расположенного слева от широкой лестницы с мраморными ступенями, ведущей на второй этаж. В соединенных ладонях Вивьен, одетой в тонкий черный свитер и черную же облегающую юбку, открывающую округлые колени, но лишь намекающую на возможность узреть стройные бедра, покоился изящный вытянутый бокал, на треть наполненный бордовым, искрящимся на солнце вином. Над сервировочным столиком, стоящим у кресла, колдовал озабоченный Тернер, сразу же, впрочем, обернувшийся на звук множественных шагов, а за спиной Тараоки, как верный паладин, размещался Седых с откупоренной бутылкой, обернутой в белоснежное полотенце, в одной руке и пустым еще высоким тонкостенным стаканом в другой.

При появлении вернувшихся со станции хозяев сего комфортабельного обиталища и встреченных ими гостей женщина мгновенно сменила позу. Только что она сидела, совершенно расслабившись и откинувшись на спинку кресла, и вот уже стоит, приветливо улыбаясь и весело глядя на товарищей. Перехода между этими двумя состояниями никто не заметил, даже вино в бокале не шелохнулось.

– Вивьен! – Кобыш искренне протянул к ней руки. – Как я рад, что ты снова с нами!

– Взаимно, – тихо рассмеялась Тараоки. – По правде говоря, я давно хотела, чтобы мы собрались вместе где-нибудь в укромном, уютном уголке, подобном этому, – она слегка повела свободной рукой, как бы имея в виду все здание целиком, а заодно и окружающую его тайгу, – где нет настойчивого и не всегда приятного внимания со стороны тех, кто рассматривает нас лишь как объект для изучения и возможного дальнейшего использования. Я довольна, что вы выбрали именно такое место.

– Спасибо хозяевам, – Дмитрий стоял уже рядом с ней и держал под локоток. – Если бы не их дружеское согласие, не было бы у нас ни уютного уголка, ни приятной во всех отношениях встречи. Позвольте вас представить друг другу. Никита, Маша, вы видите перед собой немеркнущую звезду нашей команды Вивьен Тараоки. Она единственная женщина, прошедшая жесткий отбор перед началом испытаний новой космической техники. Вивьен-сан, – он сделал короткий поклон в сторону японки, – го-хироо итаси-масу ¹: очаровательная Маша и мужественный страж лесов Никита.

– Коко га аната но о-ки ни ири-масита ка? ² – неожиданно спросил страж лесов.

– Аа! – удивленно заломила бровь Тараоки. – Сорэ ва сегоку ёо гозай-масу!

³ Польщена, что вы знаете мой родной язык.

– В некоторых незначительных пределах, – смутился Никита. – Хотелось произвести на вас впечатление.

– Считайте, что вам это удалось, – глаза Вивьен сейчас производили впечатление двух бездонных колодцев. – Правда, у меня есть основания полагать, что это отнюдь не главное ваше достоинство. Точно так же, как красота вашей спутницы служит лишь обрамлением ее основных качеств.

¹ Рекомендую вам. (япон.)

² Как вам здесь нравится? (япон.)

³ Ах! Это превосходно! (япон.)

Смешавшись, Никита переломился в поясе, прижав кулаки к бедрам и не сводя глаз с японки, так, как когда-то его учил сэнсей Хирота, и выпалил:

– Нан-то-мо аригато гозай-масу... ⁴

– Доозо, го энрё наку ⁵, – не моргнув глазом, ответила Вивьен. – Но все же перейдем на русский, не всем, вероятно, понятен наш обмен любезностями. Спасибо за теплый прием моих товарищей и меня, Никита. Спасибо, Машенька. Если вы не против, мы потом с вами отдельно пошепчемся.

Девушка, зачарованно смотревшая на первую женщину Страны восходящего солнца, побывавшую в космосе и вдруг оказавшуюся на ее таежной родине, мало того, в доме, где ей предстояло жить, в непосредственной, так сказать, близости, машинально кивнула.

– Вы ошибаетесь, Машенька, – поправила ее Тараоки. – Я – лишь этническая японка, а вообще-то я гражданка Америки.

– Извините, – на лице девушки появился легкий румянец, она даже не подумала о том, что ничего не произнесла вслух. Может быть, она и сообразила бы чуть-чуть попозже, но тут встрял Кобыш:

– А это, Вивьен, наше пополнение, – он подмигнул новичкам. – Летчик Максим Ключев и физик Олег Варчук.

– Я знаю, – уголки губ Тараоки слегка приподнялись. – Это мы направили их сюда.

«Ах, я старый осел! – тут же ругнулся про себя Дмитрий. – Ну, конечно же! Мог бы давно догадаться. Кто еще, кроме Ли с компанией, дал бы им координаты этого места». Новички после произнесенной фразы просто пожирали японку глазами. Она же, заметив первые признаки возрастающего любопытства, вытянула вперед руку, покачала пальцем и приложила его к губам:

– Все вопросы потом, джентльмены.

– Ну, – с видимым облегчением вздохнул Кобыш, до самого последнего момента он побаивался, что случится какая-нибудь накладка, всплывет что-то непредусмотренное или скажется вдруг некая разница во взглядах на их нынешнее житье-бытье, – ритуал знакомства, слава Богу, мы проехали. Давайте теперь по-домашнему! А? Без всяких куртуазностей. Побродим по этажам, выберем себе каморки в соответствии со вкусами, естественно, право первого заселения у хозяев, с этим, думаю, никто спорить не будет. Машенька, прошу, – и когда оживившийся народ потянулся к лестнице, продолжил. – А потом уж, когда все устроимся, займемся более интересными вещами, скажем, душевными разговорами или другим несуетным времяпровождением. Торопиться нам теперь вроде некуда...

Так, болтая обо всем, что придет на ум, Дмитрий постепенно разговорил всю компанию. Пока обходили и разглядывали комнаты, каждая из которых была не менее тридцати квадратных метров, правда, по-разному спланированные и оформленные, гости и хозяева уже перестали различать стареньких и новеньких, все были свои, всем было хорошо и уютно, будто встретились давно знакомые, но много лет не видевшиеся люди, сыпались шуточки, реплики, замечания, свежие идеи и высказывания, произносились целые монологи, плавно перетекающие в дискуссии, либо приветствуемые общим одобрением, завязывались и иссякали короткие обмены мнениями, короче, каждый уже чувствовал себя в своей тарелке. С особым вниманием Маша и Вивьен обследовали мансардный этаж, тщательно взвешивая, что и где можно посадить, чтобы стало совсем красиво и гармонично, а мужчины в это время так же скрупулезно оценивали достоинства всевозможной бытовой техники и мебели, прикидывая, насколько она близка к совершенству, и не надо ли, пока не поздно, заменить ее на более подходящую. Играй, цокая когтями по паркету, ходил за ними, как привязанный.

⁴ Покорнейше благодарю. (япон.)

⁵ Пожалуйста, без церемоний. (япон.)

С третьего этажа опять спустились на второй, и женщины, теперь уже при поддержке Никиты, наконец, определили жилье для супружеской четы. Они облюбовали двухкомнатный блок с шестиметровой прихожей, гостиной, общей спальней («А зачем нам отдельные?» – очень удивился Никита на тактичный вопрос Дорина, не стоит ли расширить апартаменты до трех просторных помещений), отдельным комфортным санузлом и выходами на опоясывающую дом галерею. Хотя Маша уже и освоилась в новом доме, но при виде собственных покоев, удивительно смахивающих на рекламные картинки в дорогих гляцевых журналах, и даже в значительной степени превосходящих их, она снова впала в счастливый ступор, из коего ее удалось выудить лишь Вивьен, шепнувшей: «Девочка моя, это далеко не самое значительное, что ждет тебя в ближайшие часы». Сама Тараоки выбрала себе комнату напротив, а друзья-испытатели с пополнением обосновались на третьем ярусе.

Когда с квартирными делами было покончено, опять собрались в холле, попутно осмотрев прилегающие залы и так ничего не решив по поводу их применения, а потом все же надумали наведаться в полуподвальные места отдохновения. Обойдя вокруг бассейна, уже заполненного прозрачной голубоватой водой, и полюбовавшись на субтропические заросли, окаймлявшие дорожку вокруг него и растущие непосредственно из множественных круглых проемов, вырубленных в плитках пола, те, кто застал дом уже в готовом виде, с удовольствием констатировали, что создатели постарались на славу. Есть, где порезвиться. По широким пологим пандусам поднялись обратно и вспомнили, что осталось еще одно не обследованное помещение, чуть ли не самое главное в любом жилье, а именно кухня.

Но тут Маша ойкнула, звонко хлопнула ладошками и с раскаянием произнесла:

– Мне ж еще маму навестить надо!

– Да, – виновато сказал Никита. – Совсем забыли с вашими чудесами!

– Дело поправимое, – успокоил их Дорин. – Снегоходом – раз плюнуть.

– Нет, – лесник в сомнении покачал головой. – Мы уж лучше пешочком. В Елани люди всякие живут. Есть и завистливые, и недобрые. Зачем подставлять Прасковью Кузьминишну. Да и нам светиться лишний раз незачем. Собаку заодно выгуляем.

– Он прав, – Вивьен посмотрела на Кобыша. – Ни к чему лишние разговоры.

– Вот и ладненько, – Никита расплылся в благодарной улыбке. – А до деревни тут рукой подать. Верст шесть, не больше. Прогуляемся. Нам не привыкать. Правда, Маша? – Девушка молча кивнула. – Однако день уже скоро к закату, так что, ежели вы не против, мы бы там и заночевали. А завтра...

– Стоп, – перебил его Дмитрий, – зачем ноги зря трудить? Сейчас мы сварганим какой-нибудь замызганный Уазик с местными номерами и быстро доставим по назначению, тем более, что дело действительно к вечеру. Заодно и подарков подкинем. Сегодня уж, так и быть, отпразднуете в узком семейном кругу, я понимаю, долгожданная встреча, проводы старого и щедрого на приятные сюрпризы года, еще при желании повод можно найти, если сильно захотеть... А вот завтра не обессудьте – тем же макарон забираем вас всех и привозим сюда, и тут... Э-э-э! Сами увидите.

– Ну, я пошел созидать, – Раф, не дожидаясь решения Никиты, двинулся к выходу. – Нам нужен только с виду занюханный Уазик, внутри у него должен стоять надежный, мощный двигатель, и ходовая быть в полном порядке. А вы пока собирайтесь. Играя не забудьте.

– Спасибо, ребята! – с чувством сказал лесник. – Вы настоящие друзья!

* * *

– Итак, джентльмены, – Вивьен оглядела удобно устроившихся в креслах испытателей, расположившихся перед ней полукругом, в том числе и Дорина, уже вернувшегося из вояжа в деревню, – что мы намерены делать дальше?

– Не вопрос, – Кобыш пригладил ежик. – Устроим беспрецедентное празднование

Нового года в сибирской тайге. Кстати, надеюсь, Слава с Тереховым и Бородиным почтят нас своим присутствием?

– Почтят, – Тараоки кивнула. – Всенепременно почтят.

– А когда ты с ними говорила на эту тему?

– Только что. Мы постоянно общаемся. Вернее, мы практически единый разум, чтобы вам было известно.

– На Базе их не хватает?

– Видишь ли, Дима, – Вивьен сделала паузу, очевидно, подбирала подходящие слова, – наши физические тела теперь... не имеют большого значения. Они могут раздваиваться, растравиваться и даже расчленяться. Не в этом суть... Мы можем находиться одновременно во многих... слоях... пространственно-временного континуума, количество их я определить сейчас не возьмусь.

– Вот даже как, – задумчиво сказал Дорин. – Но тогда для вас вся эта мишура, – он обвел взглядом холл, – слишком... тривиальна?

– Отнюдь, – японка машинально коснулась рукой гладких, иссиня-черных волос. – Общение на нижнем уровне нам не чуждо. В некоторых случаях даже приятно. Тем более с вами, людьми второго круга. Вы – наши подопечные, и цель каждого ученика, вставшего на Путь – подняться как можно выше.

– Но ведь человеку свойственно совершать ошибки, – Седых посмотрел на Тараоки долгим взглядом. – Как говорится, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Что будет, если люди, прошедшие инициацию, неправильно расставят приоритеты? Если эмоции и подсознательные желания толкнут их на поступки, являющиеся злом для других? Если они вдруг захотят использовать полученные возможности для своих, корыстных целей, скажем, для того, чтобы подчинять и властвовать?

– На нашем уровне ошибки подобного рода исключены, – спокойно ответила Вивьен. – Мы оперируем частными процессами, энергиями и информацией, материальные интересы в обществе нас не занимают. Наша задача – поддерживать стабильность в данном уголке Мироздания. Мы обязаны контролировать ход событий и не допустить коллапса в развитии земной цивилизации. У вас тоже есть свои функции, о которых вы можете еще и не догадываться. Что же до использования инициированных способностей во зло, то, поверьте мне, люди такого сорта просто не могут преодолеть потенциальный барьер, установленный законами природы. Вернее, они могут самостоятельно развить в себе некоторые ограниченные умения путем настойчивого и терпеливого обучения, но не более того. Если же они еще и презирают нормы, давным-давно весьма грубо и приблизительно изложенные в библейских заповедях, то участь их печальна. Никому бы не пожелала.

На втором уровне еще существует вероятность неосознанной ошибки, подчеркиваю, *неосознанной*, поэтому мы и опекаем вас. Судите сами. Дмитрий и Виктор в состоянии переместиться в какую угодно точку Солнечной системы, даже уйти далеко за ее пределы, хотя такого смелого поступка они пока не планировали, потому что над ними довлеет Сфера. Они попали в сети обычной инерционности мышления, и, несмотря на то, что теперь легко могут преодолеть эту границу, такое им в голову не приходило. Более того, командир наш может по своему желанию управлять временным вектором, и вам это хорошо известно. Брюс нынче – лучший хакер планеты, любые коды и защиты для него не помеха. Он просто умеет менять информацию по своему усмотрению, и поймать его нельзя, так как он не пользуется дополнительными устройствами типа компьютеров, основной инструмент для него – его разум. Женя тоже оперирует информационными потоками, но по-другому. Он гений овеществления недоступных обычному человеку каналов связи. Джек – метаморф, и этим все сказано. Ну, а Раф уже много раз продемонстрировал вам свои способности: нет такого материального объекта, который он не мог бы воспроизвести. Есть только то, чего он не знает, например, как работает ви-генератор, но если Варчук ему подскажет, что к чему, у вас будет собственный ПП-катер или корабль. Все зависит от желания. Что же касается влившихся в команду, думаю, вы уже выяснили, что Максим сильнейший телекинетик, а

Олег – единственный у вас телепат. Но это не дает ему права пытаться читать мои мысли. Не так ли? – она насмешливо посмотрела на физика.

– Извините, Вивьен, не смог удержаться, – покраснел Варчук. – От вас исходит такой могучий поток, что я... инстинктивно... нет, не так... просто растерялся. Ваше биополе не похоже на обычное, оно уходит куда-то в бесконечность...

– Не надо реверансов. Я же объяснила, что «группа Ли», как вы ее называете, – это единый разум, и контроль над ним далеко не в ваших силах. Но зато перед нами живой пример *неосознанной* ошибки. Как удержаться от соблазна, когда у вас прорезались чудодейственные, с точки зрения обыкновенного человека, способности? И можно ли удержаться? Рекомендую подумать над этим на досуге. Проанализируйте свои желания и эмоции и, уверяю вас, обнаружите много нового и занимательного. Говорю вам, как специалист. И если бы не заложенное в вас от рождения и тщательно культивируемое каждым стремление к развитию, вы остались бы прежними...

Вот, например, как вы себе представляете завтрашнее веселье? – Вивьен вдруг резко сменила тему.

Сначала испытатели никак не прореагировали, потому что уже некоторое время воспринимали монолог Тараоки как назидательную лекцию, как вводный курс в этику второго уровня, потом зашевелились, и Кобыш, в очередной раз пригладив ежик, неуверенно произнес:

– Ну-у, в принципе, Новый год – традиционный праздник, и ничего особенного тут не придумаешь. Достойный стол, ёлка, занимательные аттракционы, фейерверк, хлопушки, подарки, застольные беседы, дружеские розыгрыши, игры... песни и танцы, наконец...

– Какие же танцы без женщин? – хитро зыркнув на него глазом, насмешливо спросила Вивьен. – Вы все парни холостые. Или вы уже решили эту проблему?

– Нет, но... – Дмитрий слегка опешил, – ...у нас есть ты, Маша, теща Никиты... не старая, между прочим, дама...

– Да-а-а, – призадумался Хромов, – а ведь, действительно... На всех маловато будет, – и, заметив косые взгляды товарищей, поспешил уточнить. – Для танцев-то...

– Не надо смущаться, – рассмеялась Тараоки. – Со мной можно, как с доктором. Я же все-таки психоаналитик. Без женщин любое веселье, – она приняла серьезный вид, – превращается в пьянку. Так, кажется, у вас говорят? А вот их-то, думаю, у вас и нет. Но это поправимо. Если хотите, я могу пригласить для вас самых обаятельных красавиц из лучших заведений любых стран. На выбор. А?

– Заманчиво, – Тернер плотоядно прищурился, – но есть один крошечный нюанс... Знаешь, Вивьен, раньше бы я согласился, не подумывая. Раньше я был обычным калифорнийским парнем, и девчонки мне с лихвой хватало на вечер. Нет, конечно, можно было и потом еще встретиться. Но вот ведь какое дело... – он нахмурился, старательно подыскивая нужные слова. – В последнее время я все чаще стал умечать за собой несвойственные мне мысли касательно женщин. Меня уже не тянет только на забавы для тела, какими бы затейливыми они ни были, мне еще хочется и чего-то для души. Расшептаться, наделиться, просто заговорить на отвлеченные темы... Я вот смотрю на Никиту с Машей и умиляюсь. Сам так хочу. Но это ж еще найти надо!.. Короче, не стоит заморачиваться на жриц любви. Мы уж как-нибудь сами. А, парни? – Брюс оглядел с интересом внимающих его исповеди товарищей.

– Спешить не будем, – поддержал его Седых. – Новый год переживем, а там подумаем, посмотрим... Хотя Вите с Дмитрием еще не поздно сбегать и кого-нибудь охмурить.

– Разберемся, – успокоил приятеля Хромов.

– Ага, – сказала Вивьен, – значит, мое предложение вас теперь не устраивает? Что ж, неплохо для начала. Вопрос закрыт... Ну, а чем, друзья мои, вы собираетесь заняться после праздника?

– Это уже посложнее, – Кобыш наклонился и уперся ладонями в края сиденья. – Мы как-то и не растекались мыслию по древу. Наверное, каждому найдется занятие по душе.

Мы же не только пилоты, хотя, знаешь, летать все-таки хочется. Так что придумаем себе работу. Не отдыхать же всю оставшуюся жизнь. Скучно и противно. Да и, честно говоря, стыдно. Я говорю за всех, потому что знаю их, как облупленных, мы – одна команда. В конце концов, можно просто помогать сирым и обездоленным, если уж совсем заняться нечем. Их на наш век хватит.

– У вас будет несколько иное поле деятельности, – Вивьен прикрыла глаза, – хотя оно несколько не противоречит тому, что я слышала... Вы знаете, что за вами началась охота?

– Мы умерли, – Седых выразительно вздохнул. – Разве у кого-то появились сомнения?

– Появились, – японка приподняла веки. – У советника президента по фамилии Медведев. Это ему принадлежит идея взрыва челнока. Как только он узнал, что Астрахан и Ишимов живы, он понял, что операция не дала ожидаемого результата. А сообщение о вашей гибели уже прошло. И теперь ему остаются только два варианта: либо добить вас окончательно, либо надежно изолировать с последующим склонением к тайному сотрудничеству.

– Но почему он решился на такой шаг? – Тернер недоуменно поежился.

– Потому что они, – Вивьен вытянула руку в направлении Варчука с Ключевым, – отказались от участия в работе с ним и сбежали из Института психофизики, где обладающих неординарными способностями людей пытаются превратить в оружие. И тогда Медведев решил убрать всех, побывавших у Сферы, а потом сколотить собственную команду из послушных и лояльных ему людей.

– Они полетят на «Приме»? – Максим взволнованно привстал.

– Уже слетали, – японка скривилась в легкой гримаске. – Правда, зря. Как было сказано выше, люди такого сорта не могут преодолеть потенциальный барьер. Но меня больше интересует, что теперь будете делать вы?

– Не волнуйся, Вивьен, мы не бросимся, очертя голову, мстить и не устроим войну, – Кобыш хладнокровно посмотрел ей прямо в глаза, – хотя при наших нынешних возможностях вполне могли бы это сделать. Ни к чему тратить время и силы на противостояние спецслужбам. Это ничего не изменит. Сгинет Медведев, появится другой. Свято место пусто не бывает. Систему не сломать единичным натиском, тут требуется иной подход. Какой, пока не знаю. Надо крепко подумать. Мы же, прежде всего, постараемся стать невидимыми. Впрочем, – он сильно потер пальцами лоб, – у них ведь остались слепки с наших психоматриц. Они будут просто сканировать площади со спутников и довольно быстро найдут нас. Придется защищаться.

– Вы в зоне недоступности, – успокоила его Вивьен. – Я позволила себе небольшие манипуляции, и теперь это место выглядит как обширная геопатогенная область. На ее фоне ваши слабенькие импульсы просто исчезли.

– Тогда все в порядке, – Дмитрий откинулся на спинку кресла. – Займемся своими делами.

– Браво! – Тараоки три раза хлопнула в ладоши. – Вы сумели выразить свое кредо.

Поймите правильно, для меня оно, в общем-то, не секрет, но когда человек переводит мысли на вербальный уровень, он отчетливее понимает цель и смысл жизни. Ваше мироощущение заслуживает хорошей оценки.

– Это был тест? – Клеменс с удивлением воззрился на японку.

– Если хотите, – пожала та плечами. – Я бы назвала иначе. Подтверждение готовности.

– К чему? – чуть ли не хором спросили все.

– К замыканию Круга, – как-то даже лениво произнесла Вивьен. – Я – Замыкающая Круг. Моя компетенция распространяется и на второй уровень. В дальнейшем у вас будет своя полномочная представительница. А сейчас за нее это сделаю я.

– В чем смысл? – тихо поинтересовался Кобыш.

– Каждый из вас обретет весь комплекс способностей, до сего момента проявлявшихся спонтанно и раздельно. Ваши дарования станут всеобъемлющими и равнозначными. Более того, у вас могут обнаружиться и другие умения в зависимости от условий, влияющих извне.

Это и будет второй уровень, по ступенькам которого вы еще только восходите. Не забывайте никогда, какая ответственность лежит на ваших плечах. Выбор сделан, – Тараоки не заметила в глазах испытателей неуверенности или сомнений. – Соединим свои ладони, – она встала, а вслед за ней поднялись и космонавты.

Руки их сомкнулись, и стремительная рябь искажила пространство холла. Краткий миг спаял их в единый монолит, протянувшийся сквозь тонкую грань настоящего из бездонного прошлого в необозримое будущее, и снова разъединил.

«Путь начат, – Замыкающая Круг осенила их знаменiem. – Да сопутствует вам удача» .

Ли □ Бородин □ Терехов: «Добро пожаловать в новый мир!»

12

– Шеф, – на лице Кондратова проступала отчетливая обеспокоенность, – американцы подвесили над «Долиной □ два» спутник. Наши сканеры засекли его полчаса назад.

– Вычислили все □ таки! – Солдат глянул на полковника так, будто это он был во всем виноват. – Кто там сейчас?

– Евстратов отправляет вторую группу.

– Свяжись с ним по ви □ каналу. Группу вместе с «Примой» по прибытии перебросить в Капустин Яр. Работы на площадке свернуть. Дейнеке демонстрировать активность. Пусть выгонит на улицу весь свой гарнизон и убирает снег. А также красит заборы, чистит взлетные полосы, моет окна, занимается строевой подготовкой... Что там еще делают перед прибытием высокого начальства?

– Лозунги вывешивают, – растерянно буркнул Кондратов.

– Вот! – Солдат назидательно поднял палец. – Пусть повесят. Официальная версия: мы открываем в Сибири новый центр по подготовке навигаторов ПП. Их сейчас много понадобится.

«А ведь это я прокололся, – с раскаянием подумал он. – Не надо было спешить. Черт меня понес в день акции на сибирские просторы. Сидел бы себе тихо в Москве. Знал же, что Тимофеич искать будет. И разговор перехватить могут, и координаты срисовать».

– Что в институте? – спросил хмуро, не надеясь на радостные известия.

– По нулям, – подтвердил его опасения заместитель. – Прокачали по каждому из параметров. У всех троих никаких отклонений от нормы. Никаких новых способностей.

– Пусть поддержат еще. Может, позже что □нибудь проявится.

– Просятся домой. Новый год все □таки...

– Я сказал: держать в профилактории! – рявкнул Солдат. – Знали, на что шли.

– Есть, держать! – вытянулся Кондратов.

– А летуны с «Тайфуна»?

– Сказки рассказывают. Будто бы оказались вне челнока, в открытом космосе, видели взрыв со стороны, а потом сразу попали на КПП в Плесецке. Отчет записан. Оба проверены на ви □оборудовании. Безрезультатно.

– За этими присматривать особо. Чтобы никаких контактов. Ни с кем. Кроме нашего сотрудника...

«Что же у них за мощь такая? – Медведев ощутил, как по позвоночнику скользнул холодок. – С орбиты на Землю – играючи. В Скалистых горах погром – легко. Скамейку швырнуть – раз плюнуть! Мысли прочитать и охрану вырубить – походя. Укрыться от ви □сканеров – без вопросов, – подобные мысли преследовали его уже второй день. – Они же при желании нас в порошок стереть могут! Если не найдем приемлемого выхода».

– Кстати, Терентий, а сколько времени первая группа провела у Сферы?

– Пятнадцать минут, Олег Иванович. Во много раз больше, чем Варчук с Ключевым.

– Без тебя знаю. Увеличьте длительность пребывания сегодняшних до получаса. Пусть там пошныряют туда □ сюда. Пройдут через координаты первопроходцев. Глядишь,

нащупают что-нибудь.

– Разрешите идти?

– Постой. Комитет ничего не присылал после моего вчерашнего разговора с Хоупом?

– Они направили нам отчет Редфорда, соболезнования по поводу несчастья с группой полковника Кобыша и расписание своего визита к нам. Они рассчитывают на полное взаимное доверие, конструктивность переговоров о двухсторонней деятельности и предоставление полной информации по нашим разработкам.

– Неплохие аппетиты, – Солдат вздохнул. – Но мы вынуждены принять их условия. Иначе нечего говорить ни о каких совместных операциях. Единственное табу – «Прима». По институту тоже выдавать только дозированные сведения. Контролировать буду сам. И еще. Своди-ка делегацию в «Долину-два». Пусть полнубоятся. И убедятся, что зря потратили деньги на спутниковое наблюдение. Все запомнил?

– Так точно.

– Я сейчас отлучусь часа на два, на меня никого не переключать. Работай сам.

– Есть. Разрешите идти.

– Вот теперь иди, – Медведев проводил заместителя взглядом и, когда закрылась дверь, грузно привалился к столу и так сидел некоторое время, постукивая пальцами по лежавшей перед ним папке. Невеселые мысли одолевали его. О том, что быстрый широкоохватный поиск ничего не дал, что если уж затаившиеся испытатели способны были предвидеть взрыв, то наверняка знают и об его инициаторе, что все его потуги получить такой же результат, как у протеже Монаха, пока разрешились неприятным фиаско. Выходит, тихарило Аристарх все-таки знает некие вещи, неведомые ему, Солдату. Если ему намекнуть об этом, будет ли он откровенен? Не факт. Их дорожки несколько разошлись, да и последняя беседа у Тимофеича была не очень приятна. Монах вполне мог прийти к выводу, что он его подставляет. Собственно, так и происходило. И теперь надо как-то отыгрывать ситуацию назад. Плести мягкую подстилку. Ему очень нужна дополнительная информация.

Медведев покосился на телефон. Как ни хотел он обойтись без Батюшкина, ничего не вышло. Что ж, видно, все-таки придется идти на поклон. Ладно, не впервой. Он снял трубку и набрал номер офиса Монаха. После нескольких гудков на другом конце провода раздался щелчок, и Солдат услышал знакомый спокойный голос:

– Здравствуй, Олег! Тебе не кажется, что мы часто стали пересекаться?

– Не обессудь, крестник, – генерал поморщился. – События понеслись вскачь, и мне требуется твоя помощь.

– Не ты ли их подтолкнул, – Батюшкин не спрашивал, а констатировал. – Хочешь исправить?

– По мере возможности. Нам необходимо встретиться.

– Когда? – удивления в голосе не ощущалось.

– Сейчас.

Длинная пауза, прерываемая только едва слышным дыханием в трубке.

– Хорошо, – согласился Монах. – Приезжай.

* * *

По московским меркам до офиса Аристарха было рукой подать, и Солдат добрался за десять минут. Выйдя из машины, он приказал водителю посматривать по сторонам, открыл тяжелую дубовую дверь, не торопясь, поднялся по двум пролетам мраморной лестницы, миновал длинный коридор и, наконец, оказался в приемной помощника президента Батюшкина А.В. Секретарша мило улыбнулась и сообщила, что его уже ждут, кипятилок подан, а настроение у шефа среднестатистическое. Медведев вежливо склонил голову и проследовал в кабинет, где бывал не однажды и прекрасно знал, что сейчас увидит. Большие окна с легкими порттьерами цвета морской волны, несколько удобных кресел, темную стеклянную поверхность гостевого столика с замысловатым чайным сервизом, привезенным

из Китая (чай Монах всегда готовил сам, неукоснительно следуя древнему церемониалу), китайские же пейзажи, исполненные акварелью на сырой рисовой бумаге, и, наконец, украшение помещения, как полагал Солдат, – сложный компьютерный комплекс с четырьмя большими плоскими мониторами, с трех сторон окружавший хозяина кабинета. Ходили слухи, что в системных блоках этого чуда техники информации больше, чем во всех вместе взятых правительственных банках данных. Насколько можно верить молве, генерал не знал, но придерживался мнения, что определенная доля истины в этом есть.

– Мое почтение, коллега, – Медведев опустил в мягкое кресло у столика для гостей. – Колдуем помаленьку?

– Как видишь, – Аристарх уже производил какие-то, ведомые только ему одному, манипуляции с миниатюрными чашечками. – Рассказывай.

– Я хотел бы послушать тебя. Ты ведь знаешь расклад.

– Я аналитик, – не отрываясь от таинств чайного ритуала, Монах мельком глянул на него, – и в состоянии сопоставить некоторые факты. «Тайфун» – твоих рук дело. Ты решил, что будет проще вывести из игры тех непокорных, которых отбирал я, и завести собственную команду, полностью тебе подчиненную. Затея провалилась. Не так ли, Олег?

– Без комментариев, – угрюмое лицо Солдата совсем закаменело.

– И теперь ты хочешь знать, почему же это произошло. Тебя интересуют теория или практика?

– И то, и другое. И лучше без воды.

– Как скажешь, – Аристарх пододвинул ему чашку и сел напротив, скрестив руки на груди. – Тогда не перебивай, слушай внимательно и делай выводы.

Тебе прекрасно известно, – начал он, – что у нас агрессивная цивилизация. Вернее, ХМУРЫЙ МИР, – Монах умудрился произнести эти два слова так, будто каждая буква в них была заглавной. – Почему-то первыми всегда идут безжалостные воители. Вспомни историю. Римские когорты, викинги, кочевники Чингисхана, конкистадоры, казаки Ермака, наконец. После их славных деяний наступает относительный мир и расцвет культуры, но нападение всегда приоритетно. То ли потому, что все неизвестное мы отождествляем с опасностью, то ли в нас говорят животные инстинкты хищников. И пока мы не научимся к этому самому неизвестному относиться с осторожностью, как к невероятно хрупкой вазе, наши перспективы неутешительны. Агрессия – болезнь неразвитого сознания, а ложь, ее оправдывающая – попытка облечь в белые одежды то, что на самом деле изначально является черным.

В мире, где происходит постоянное нагнетание насилия и двойной морали, люди, сохранившие непосредственное восприятие мира, достойно жить не могут. А ведь это единственно нормальные люди. Я и выбирал таких. Только они способны к развитию и самосовершенствованию в отличие от остальных, тех, кто устраивает вас, дергающих за ниточки, и полностью укладывается в вашу систему ценностей. Они думают, как вы, и стараются жить, как вы, но они не способны украсить ХМУРЫЙ МИР. А уж если и дальше воспитание подрастающих поколений будет заиклено только на выращивании исполнителей идей и предначертаний всевозможных вождей, фюреров, великих кормчих, больших братьев и харизматических лидеров, земная цивилизация будет все больше скатываться к мрачной перспективе общества, в котором человек человеку – недоверчивый сосед, да еще и ксенофоб. Вы же стремитесь к тотальному контролю во благо себе. Вы стараетесь затоптать тех, кто непохож на вас и думает иначе, кто открыт миру и готов его преобразовать. С кем вы останетесь?

С продуктами вашего обучения, устаивающими вас целиком и полностью? Но ведь и они рано или поздно начнут задумываться и постепенно понимать, что прилежно следовать вашим мудрым указаниям и слепо верить в светлое будущее, которое вот-вот наступит благодаря совместным усилиям на очередном выбранном вами пути, маловато для достижения гармонии с самим собой и окружающей действительностью. И пусть еще не они, но уже дети их начнут изменять свое восприятие реальности, благо перед ними будет

конкретный пример первопроходцев. Борьба со злом должна происходить в душах людей и завершаться победой каждого над самим собой. Вам придется уступить. Иначе вы получите мертвую стабильность, и Земля превратится либо в большое болото, где любые процессы приводят к гниению, либо в пустыню, где все живое быстро погибает.

– Ты, никак, отделяешь себя от нас? – Солдат посмотрел на Батюшкина тяжелым взглядом. – Давно ли ты не относишься к правящей элите?

– Вынужден относиться, – корректно поправил его Монах, – чтобы в меру сил не дать вам совсем распоясаться.

– Ага, – глаза генерала стали совсем колючими. – Ну да. Агнец в стае волков. Свой среди чужих. Непредвиденный фактор влияния на власть. Ты зачем мне эту притчу рассказываешь, буддист хренов?

– Вон как тебя проняло, – Аристарх насмешливо прищурился. – Значит, правда. Это не притча, дружище, это теория. Сам хотел. А теперь перейдем к практике.

Человечество достигло такого уровня технологического развития, – он сделал маленький глоток из своей чашки, – при котором стало возможным освоение новых, недоступных доселе территорий. А сознание подавляющего большинства его представителей, заметь, осталось на прежнем, сумеречном и первобытном уровне, ведь все достижения земной цивилизации – результат деятельности микроскопической группы людей, остальные – всего лишь потребители. Их устраивает такое положение вещей, им лень напрягаться в попытках вырваться из обыденных представлений. Хотя все могло бы быть по-другому, если бы на заре времен человек счел приоритетным для себя развитие собственного разума, а не удовлетворение животных инстинктов с помощью силы и выдуманных приспособлений. К тому же в процессе эволюции мы постепенно привыкли овеществлять свои желания, используя различные механизмы. Хотели быстро перемещаться – и появились паровозы, автомобили, корабли; хотели летать – изобрели самолеты. Так и уверовали в то, что мы – цари природы. «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Мечтали о звездах – и почти достигли их. Но вот незадача: дальше родной Солнечной системы нам со своими костылями – машинами не уйти. На костылях да еще с головой набекрень по этой дороге не ходят. И теперь мы снова стоим на развилке и задаем себе вопрос, ответ на который давно знаем, но в надменной гордыне не можем принять.

С чем мы явимся в большую Вселенную? С оружием в руках и сознанием своего величия и непогрешимости, с готовностью утверждать свое право на обладание единственной и непререкаемой истиной или с открытой душой и желанием жить в гармонии с миром? Попробуй ответить себе на этот вопрос. Без лицемерия и ханжества. Не надо лгать в беседе с собой, можно только искренне заблуждаться, не отвергая безоговорочно того, с чем ты пока еще не готов согласиться.

По сути, человечество само запустило механизм Сферы. Мироздание среагировало, ей – богу, достаточно мягко на возможность экспорта агрессии. Барьер мог бы образоваться и гораздо ближе, существенно ограничив при этом поле деятельности людей. К этому, в общем – то, шло. В конце прошлого века общество замирало от ужаса при чтении предсказаний Нострадамуса, но ведь его центурии описывают всего лишь *в той или иной степени вероятные* события. Они могут состояться, а могут и нет. Все зависит от суммарного вектора человеческих устремлений. И не стоит говорить, что свинья грязи всегда найдет. К сожалению, вы ее с детства учите искать эту грязь. А Сфера предназначена противостоять грязи в душах. Только у людей, распахивающих себя при встрече с неведомым, каким бы непостижимым или отталкивающим оно им ни казалось, Сфера задействует изначально заложенные в них Мирозданием умения. При сем они обретают истинную свободу. Свободу думать, искать настоящую, а не навязываемую кем-то ложную истину, свободу поступать так, как они сами считают нужным, неся внутри себя добро и понимание, свободу не зависеть от других. Вот почему они не хотят сотрудничать с вами, ваши цели для них неприемлемы, а может, даже омерзительны. И не надейтесь на то, что ваши верные воспитанники тоже обретут какие-либо способности. Это невозможно в

принципе. Сначала нужно очистить сознание от мусора. Звезды не для нищих духом!

– Красиво изложил, – Солдат скептически поджал и без того тонкие губы. – Сам додумался или подсказал кто?

– Если ты намекаешь на тех, кого я отбирал для программы ПП, то попусту тратишь слова. Последний раз я видел их еще в учебном центре, – Аристарх спокойно посмотрел в глаза Медведеву и отставил чашку. – Если же ты имеешь в виду Варчука с Ключевым, тоже ошибаешься, они не контактировали со мной, покинув твоё заведение в Петергофе.

«Он не знает, что испытатели остались живы, – с облегчением понял генерал. – Иначе непременно обмолвился бы. Уж кто-кто, а Монах органически неспособен на ложь, мне это известно давно, со времен нашей экспертной группы. Но каков, а? Лихо завернул!»

– Значит, ты считаешь, что мне не под силу выбрать нужных людей? – спросил он. – Ты у нас – гений, а я – так, погулять вышел...

– Не передергивай. Просто критерии должны быть не такими, какие предусмотрены в вашем ведомстве. В этом вся суть...

Видимо, Батюшкин хотел сказать еще что-то, но не успел, потому что в недрах его компьютерного комплекса негромко зажужжал телефон. Аристарх встал, подошел к терминалу и снял трубку.

– Да... – он переступил с ноги на ногу. – Здравствуйте, Александр Тимофеевич... И я рад вас слышать... Он у меня... Безусловно... Понял. – Монах отключил связь и обернулся к Медведеву. – Поехали, Олег. Президент ждет нас обоих.

* * *

Ильин смотрел на своих питомцев и никак не мог сообразить, какая кошка могла пробежать между ними. Внешне ничего не изменилось, но чувствовалось некое напряжение в отношениях. Что-то, видимо, произошло. И совсем недавно.

– В чем дело, малыши? – цепкий взгляд главы государства коснулся и того, и другого. – Песочницу не поделили?

Солдат лишь угрюмо зыркнул, а Батюшкин невозмутимо произнес:

– Есть немного. Не сошлись во мнениях.

– По поводу чего? – немедленно поинтересовался Ильин.

– Тема дискуссии: Сфера и ее влияние на человечество, – лаконично сообщил Монах.

– Ну-ка, ну-ка, – президент наклонился над столом, уперев ладони в подлокотники кресла, – с этого места, пожалуйста, поподробнее.

Аристарх согласно кивнул и практически слово в слово передал то, о чем двадцать минут назад говорил Медведеву.

– Если помните, – закончил он, – взрыв в Скалистых горах я просил расценивать как предупреждение.

– Помню, – сказал президент. – И меня очень беспокоит их отношение к структурам власти. Неужели с ними никак нельзя договориться? Пообещать им всемерное содействие, продемонстрировать заинтересованность в их помощи, привлечь к программам социального переустройства общества... к образовательной программе, в конце концов, предназначенной для воспитания новой элиты...

– Не пройдет, – Монах отрицательно качнул головой. – Поймите, они стали другими людьми. Вы не сможете ввести их в заблуждение. Они читают намерения человека как открытую книгу. Перед ними нельзя прикинуться исправившимся и поменявшим мировоззрение. Они мгновенно уловят фальшь. С ними можно только открыто и откровенно. Вот тогда, если ваши замыслы не противоречат их взглядам, они с удовольствием будут сотрудничать с вами. Только вряд ли им понравится слово «элита», их нельзя увлечь идеями избранности.

– Но ведь они сами, можно сказать, помазанники божьи.

– Они это воспринимают иначе. Просто они оказались способны, благодаря высокому

духовному потенциалу, получить от Мироздания то, что и так причиталось им по наследству. Они вышли на новый виток эволюции. В каждом человеке изначально заложены такие же возможности, но, увы, далеко не каждый может их реализовать. Все дело в уровне развития сознания. Если оно не искажено ложными идеалами и целями, если его еще не испоганили пропагандой преобладания материальных ценностей над духовными, если в нем нет места насилию и жестокости, и если оно в состоянии прогрессировать, тогда его носитель уходит вперед. Прочие же остаются. Те, чей склад мышления допускает жертвы ради достижения цели, пусть даже очень благой цели. У них тоже есть шанс, но его надо упорно воплощать, отбрасывая ненужное и следуя за первопроходцами. Любой человек должен знать, что его возможности безграничны, но задавлены неправильной нравственной ориентацией и неумением задействовать свой потенциал.

– Любой человек? – недоверчиво спросил президент. – Например, я?

– И вы в том числе, – Монах спокойно выдержал взгляд Ильина. – Для этого надо лишь изменить свое мировоззрение. Не прикинуться белым и пушистым, как это часто делают сильные мира сего, и не заниматься благими делами из желания вырасти в собственных глазах, а кардинально изменить. В вас слишком сильно стремление подчинять, а люди должны быть свободны и не зависеть ни от прихотей власти, ни от правил, навязываемых гражданам внутри государства. Бога каждый пестует внутри себя.

– Подобные люди несут угрозу любому режиму, в том числе, и сугубо демократическому. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Помнишь такое изречение, Аристарх?

– Вот это и называется ложной истиной в насильственно созданном обществе.

– Ты говоришь как адвокат побывавших у Сферы, – в голосе президента проскользнула нотка подозрительности. – Ты, случаем, не связан с ними?

– Знакомый вопрос, – глаза Батюшкина насмешливо блеснули. – Сегодня я его уже слышал. Связан, конечно. Общими убеждениями.

– Тогда подскажи решение, – Ильин нетерпеливо стукнул по столу, – а не витийствуй без толку. Что дальше□то делать?

– Может, действительно, привлечь их в сферу образования? – не то спросил, не то уточнил Монах. – Пусть готовят детишек к выходу на новый уровень. Только без давления и удушающей опеки.

– Ну да, – наконец подал голос Солдат. – И вырастят они нам новое поколение лихих разрушителей государства.

– Строителей нового мира, – поправил его Аристарх. – А государства на ваш век хватит. Надоест еще.

– Ты их найди сначала, – недовольно буркнул Медведев, – своих строителей.

– Дело не в поиске, а в принципиальном согласии на их открытую и ничем не сдерживаемую деятельность. Как вы, Александр Тимофеевич?

– Надо думать и взвешивать. С кондачка такие вещи не решаются.

– На раздумья нам отпущено не так много времени, как вам может показаться. Поймите это. Настал тот самый момент, когда человечество оказалось перед серьезным выбором – идти дальше или остаться слепым. И кто□то должен быть первым. Остальные потом подтянутся. Это серьезный шаг.

– Ну, время мы как раз можем растянуть, – Ильин сейчас выглядел очень авторитетно. – Я дал команду Трубникову разработать ограничитель дальности для двигателей ПП, и он обещал уложиться в две недели. Так что ни один корабль без нашего ведома до Сферы не доберется. И будущим строителям нового мира все□таки придется подождать. Что скажешь, Аристарх?

– Это ваше право, – казалось, Монах несколько не расстроился. – Так же, как мое право – сообщить вам свое мнение.

– Вот и ладно, – президент выглядел удовлетворенным. – Ты, Аристарх, набросай все же проектик образовательной программы, а ты, Олег, продолжай искать пропажу. Я вас

больше не задерживаю, господа советники.

* * *

Хромов открыл глаза и прислушался. Тишина стояла редкая. Либо звукоизоляция хороша, решил он, либо в доме ничего еще не происходит. К тому же не город, а самый что ни на есть центр дремучей тайги, в городах такой тишины не бывает по определению. Он повернул голову и посмотрел в окно. Темнотища. Значит, рань несусветная, и все дрыхнут. Сколько, интересно, натикало? Он вспомнил, что положил вчера часы на прикроватную тумбочку, протянул руку и тут же обнаружил, что часы ему, в общем-то, не нужны. Он и так знал время. Восемь часов, семь минут и двадцать три секунды. О, как! Это, наверное, то, о чем говорила Вивьен: спонтанное проявление мелких, но порой необходимых, дополнительных способностей. Захотел узнать время – сразу получил ответ. Хромов с урчаньем потянулся и отбросил угол синтепонового одеяла. Не то, чтобы было жарко, просто появилось такое желание. Как там Дорин советовал: если чего-то жаждешь, надо представить себе очень конкретно, в деталях, и оно появится. «А откуда?» – спросил тогда Клеменс. «От верблюда, – Раф изобразил руками два горба. – Обычное превращение энергии в материю. Эйнштейновская формула эквивалентности. Раз – и готово! Ты – оператор, энергии вокруг тебя хоть отбавляй, а структура и свойства того, что ты хочешь, снимаются из информационного поля Земли. Как понял? Прием». «Значит, чем дальше от Земли, тем хуже должно получаться?» – не отставал Джек. «Не знаю, не пробовал».

Хромов улыбнулся и конкретно представил себе высокий стакан апельсинового сока. Холодного. Нашарил в темноте выключатель, щелкнул, и абажур бра отбросил на одеяло круг зеленоватого света. На тумбочке стоял запотевший тонкостенный сосуд. Вот так, подумал Виктор, действительно, что может быть проще. Это тебе не на Марс в трусах высадиться. Впрочем, сейчас каждый из них мог проделать такую штуку, и умиляться тут было нечему. Вот если бы отцу такое продемонстрировать или маме. Он вспомнил, как в детстве всегда хотел чем-нибудь потрясти родителей, чтобы они очнулись, наконец, от своей спячки и с радостным удивлением сказали: «Ай да, Витюша! Ну, молодец!» Но в детстве как раз ничего подобного он и не умел, зато теперь получил сполна все, о чем только можно было мечтать. И самое главное – он обрел настоящую, взаправдашнюю семью, где друг друга понимают с полуслова и стремятся беречь эти отношения. Шутка ли, у него нынче восемь братьев и две сестры, причем одна из них старшая и мудрая. Хотя, наверное, она больше тянет на роль мамы. Как она сказала? «Вы – наши подопечные»? То есть подростки, за которыми надо присматривать. И трое отцов, оставшихся на орбите, но всегда незримо присутствующих. Нет, не хочет он их так воспринимать. Все-таки лучше братья и сестры. Как-то душевнее и вызывает совершенно другие ощущения.

Сегодня последний день уходящего года. Надо бы подарков понапридумывать позакорыстнее, чтобы всем стало приятно и весело. Дамам – огромные букеты. Правда, скорее всего, он не будет оригинален, и женщины рискуют утонуть в море цветов. А мужикам что? Они и сами способны вообразить себе все, что пожелают, ну, кроме Никиты, естественно. Значит, перед молодыми хозяином и хозяйкой будут изощряться особо.

А не рвануть ли ему в какую-нибудь столицу? В Париж, например. Послаться там по магазинам, глядишь, что-нибудь и придет в голову. Да и представлять потом будет значительно легче. Заодно приглядеть себе подругу для Нового года, а если получится, то и на долгие. Вскружить голову, пустить пыль в глаза, как-никак граф Монте-Кристо и Гарун-аль-Рашид пигмеи по сравнению с ними. Нет, так не пойдет, тут же решил он. Слишком многие нынешние девицы при виде состоятельного мужчины сами вешаются ему на шею. И привести в семью просто одну из них как-то не очень здорово. Отложим-ка это на потом. Оденемся попроще, во что-нибудь полуспортивное, и отправимся в вояж искать себе сердечную привязанность, а не девочку на одну ночь. Если, конечно, останется желание. У них впереди пока слишком неопределенное будущее.

Хромов взял стакан, отпил несколько глотков, поставил обратно, рухнул на подушку и принялся устраиваться поудобнее. Соснуть еще часик, пришла томная мысль, пока не рассветет. Устроим себе маленький новогодний отпуск. В конце концов, вся страна тринадцать дней гулять будет. Виктор повернулся на бок и так, под мерный шорох приятных дум, не заметил, как снова провалился в дрему. Он не ведал, что такие же или почти такие же размышления посетили в это утро и остальных его товарищей.

Джек Клеменс после долгих колебаний решил□таки навестить родителей, несмотря на возможность скрытого наблюдения за их домом, и провести хотя бы незначительное время в кругу семьи. Вивьен Тараоки страстно захотелось попасть в предновогодний Токио, где она и была□то всего пару раз, да и то на симпозиумах психологов, так что разглядеть практически ничего не успела. Все□таки родина предков. Варчук с Ключевым завелись на лыжный поход по тайге, причем не просто так, а мелкими перебежками, скажем, десять верст по нетронутому снегу среди разлапистых, заснеженных кедров, прыжок на сотню километров – и движение уже по совершенно другой местности, и так – до самого Байкала. А там – привал, душевный пикничок и возвращение назад.

Сибиряку Жене Седых возмечталось оказаться в Петербурге, который он никогда живьем не видел, чтобы постоять на берегу замерзшей Невы, полюбоваться Исаакием и Медным всадником, пройтись по Невскому и Фонтанке и завершить свой визит в каком□нибудь уютном кафе, глядя на спешащих за толстым стеклом озабоченных пешеходов. У прагматичного Кобыша желание было попроще. Он хотел перед Новым годом искупаться в теплом океане. Обязательно с большими волнами. Только вот где он сейчас теплый? У берегов Африки или на Таити? Дмитрий не знал и поэтому мучился неопределенностью. А Брюс Тернер размышлял над тем, что лучше – Таиланд с его экзотикой или родная Калифорния, прогулка на украшенном цветами речном суденышке или ревущий «Харли Дэвидсон»?

Лишь Дорин ни о чем таком не думал и тихо почивал. Он знал, что днем, в половине первого, ему надо будет забрать из Елани Никиту с Машей, Федора и Пелагею Кузьминишну, а потом обсудить с ними в деталях предстоящее празднование. Хотелось не ударить в грязь лицом и подготовиться к нему в лучшем виде. На его тумбочке стопкой лежало несколько книг и каталогов, начиная с «Блюд европейской кухни» и заканчивая «Полным сводом новогодних фейерверков». Раф подходил к делу со всей серьезностью.

* * *

Хромов окончательно проснулся, когда за окном уже вовсю светило неяркое зимнее солнце. Он чертыхнулся, накинул махровый халат, сунул ноги в шлепанцы и отправился в душ. Понежившись под горячими, тугими струями, досуха вытерся, причесал еще влажную шевелюру, провел ладонью по подбородку и решил, что бриться пока не будет. Лучше вечером. Надев темные брюки, тонкий бежевый свитер и легкие, почти невесомые туфли, он не без сомнения посмотрел на себя в зеркало и, тихо прикрыв за собой дверь, вышел в коридор. Никого он там не увидел. Было пустынно и тихо, хоть «Ау» кричи.

Виктор миновал два уютных холла и стал спускаться по лестнице. Оказавшись на последней площадке перед первым этажом, он уловил аппетитный запах, доносящийся из кухни. «Ага, – подумал он, – значит, кто□то все□таки есть».

Переступив порог кухни, Хромов обнаружил у плиты напевающего себе под нос Рафа. На нем был спортивный костюм, опоясанный цветастым передничком, прихватка, надетая на левую руку, и полотенце, переброшенное через плечо. Правый кулак сжимал деревянную лопатку. На конфорке перед ним располагалась большая сковорода, в которой шипел и плевался бекон, погруженный в яичницу. Он□то и был источником восхитительного аромата, уловленного носом Виктора еще на подходе. Тут же крутился Играй, с надеждой поглядывая на увлеченного процессом приготовления еды повара.

– Привет, кулинар! – сказал Хромов, сглатывая слюну. – Чего это ты?

Дорин обернулся и смерил его взглядом.

– Это для вас, свежавылупленных, все в новинку, – заявил он. – А я вот захотел себя побаловать настоящими кухонными удовольствиями. Ты не против?

– Ну что ты! – Виктор присел к столу. – Вольному воля. А кроме яичницы у тебя что-нибудь в утреннем меню есть?

– А как же, – со смешком произнес Раф. – Салат из огурцов, помидоров, укропа и петрушки. Только его еще приготовить надо. Возьми все в холодильнике.

– Вот уж нет, – лицо Хромова несколько вытянулось. – Ты продолжай развлекаться, а я по-простому, по-нашему.

На столе перед ним образовалась огромная дымящаяся чашка с бульоном и тарелка с горкой румяных беляшей.

– Это что? – заинтересовался израильтянин.

– Беляши! – гордо сообщил Виктор. – Исконно русское блюдо. Я их еще со школьной столовки помню, когда первоклашкой бегал. Видишь, какие они снаружи поджаристые и пышные, а внутри у них перемолотое мясо в собственном соку. Всячески рекомендую!

– Хорошо, – смиловился Дорин. – Я попробую.

Пока Хромов маленькими глоточками отпивал обжигающий бульон и поедая первый, истекающий каплями соуса пирожок, Раф переложил со сковородки на изящную тарелочку с волнистыми краями свою яичницу и тоже присел к столу. У его правой руки немедленно возникли нож с вилок и дымящаяся чашка неперемолотого кофе.

– Ты бери, бери, – не переставая жевать, Хромов указал на горку беляшей. – Вкусно.

– Позже, – пообещал Дорин. – Когда до кофе доберусь.

Некоторое время они ели молча, думая каждый о своем. Потом Раф не выдержал:

– Надо все-таки небольшой салатик соорудить, – он отложил вилок, встал и двинулся к холодильнику. – Для полноты ощущений.

– Это в тебе атавизм говорит, – Виктор проводил его взглядом. – Тебе что, времени не жалко? Давай, я тебе салат придумаю.

– Куда торопиться? – Дорин уже доставал из чрева здорового, блестящего агрегата помидоры и огурцы. – А по поводу атавизма я тебе вот что скажу. Ежели б его не было, то и ты бы сейчас ничего не сотворил. Кто-то сначала должен слепить тот же беляш собственными руками, чтобы информация о нем осела там, где положено, и уж только потом ты сможешь ее оттуда выудить и претворить в материальные образы. Нет?

– Наверное, – Хромов пожал плечами. – Ты физик. Тебе виднее. Но коли она там уже есть, грех не воспользоваться.

– Пользуйся, пользуйся, – Раф взял широкий нож и начал разделять помидоры. – А я буду получать удовольствие.

– Кстати, а где все наши?

– Разбрелись кто куда, – Дорин продолжал методично орудовать ножом. – У каждого своя предпраздничная программа. Если хочешь, можешь к кому-нибудь присоединиться. *Посмотри*, авось, что понравится.

– А ты что же?

– А мне и здесь неплохо. Скоро в Елань поеду. Когда вернемся, у камина посидим, порассуждаем. Выпьем по бокалу красного. К вечеру подготовимся. Глядишь, к тому времени и остальные подтянутся.

Хромов: Джек, ты где?

Клеменс: У родителей.

Хромов: Передавай от нас привет!

– Ты не обижайся, Раф, но я тогда тоже побегу. У меня, знаешь ли, кой-какой шопинг наметился. Кликни, если нужда будет, ладно?

– Договорились, – израильтянин перешел к огурцам. Когда он обернулся, Хромова уже и след простыл. Покачав головой, Дорин снова взялся за нож, но наткнулся на умоляющий взгляд Игря. Тогда он ухватил с тарелки уже подостывший, но все еще теплый беляш и

протянул его псу. Тот с благодарностью аккуратно принял подношение и потрусил к своему месту.

* * *

Кобыш, несказанно довольный устроенным себе развлечением, возник прямо посреди ванной комнаты и, оставляя на кафельном полу мокрые следы, проследовал мимо джакузи к душевой кабинке. Содрав с себя влажные плавки, он сдвинул матовую дверцу, покряхтывая от избытка чувств, забрался внутрь и пустил теплую воду. «Хорошо — то как, — пришла соответствующая моменту мысль. — Не то, что раньше. Пока после купания домой доберешься, уже и забудешь, как оно было...» Дмитрий провел на пустынном атолле в экваториальных широтах часа четыре. Сначала он просто любовался уходящей за горизонт зеленоватой поверхностью океана, сверкающей мириадами солнечных искорок и пенными барашками волн, бездумно слоняясь по самой кромке воды. Потом, когда стало ощутимо припекать, с гиканьем бросился в прохладную стихию и мощным брассом проплыл метров двести. Перевернувшись на спину, блаженно раскинул руки и закрыл глаза. *Прислушался*. Акул поблизости не оказалось, стало быть, они вняли его предупреждению. Некоторое время он нежился, вдыхая ароматы океанских просторов и едва заметно перебирая ногами и руками, затем одним движением ушел в глубину. Плавно двигаясь сквозь прозрачную толщу воды, пронизываемую снопами света, Кобыш плыл над самым дном, касаясь причудливой мерно колышущейся растительности и наблюдая за стаями рыбешек, окрашенных тропической природой — затейницей во все цвета радуги.

Скорее всего, он обогнул атолл, потому что, любуясь подводными ландшафтами и их обитателями, потерял счет времени, но когда оказался на том же месте, откуда начал свою экскурсию, заметив еще издали крупный обломок ярко — красного коралла, решил, что на первый раз хватит. Оттолкнувшись от бархатистого песка, Дмитрий устремился к зеркально отблескивающей тонкой пленке, разделяющей два океана, воздушный и водный, и тут же его посетила внезапная шальная идея. Не останавливаясь ни на мгновение, он пронзил эту пленку и рванулся дальше, в безбрежный простор неба. Взмывая все выше и вращаясь вокруг своей оси, подобно некоему таинственному снаряду океанских глубин, по прихоти случая выпущенному из жерла неведомой на суше загадочной подводной пушки, Кобыш стремительно поднимался над сверкающей изумрудной поверхностью, пока атолл не превратился в маленькую золотистую подкову, покрытую бахромой пальм. Тогда он завис на некоторое время, осматриваясь и ощущая на влажном теле легкие касания пахнущего солью ветерка, растопырил руки крыльями и, не торопясь, стал снижаться, описывая прихотливые круги над увеличивающимся с каждой минутой разомкнутым колечком атолла. Коснувшись гребешков волн, снова нырнул в прозрачные сумерки подводного мира, наслаждаясь неожиданной властью над двумя стихиями.

Вдоволь наплававшись и налетаившись, Кобыш утомленно растянулся на горячем песке и сообразил себе стакан холодной минералки и сахарную трубочку с шоколадным мороженым. Вскоре он перебрался в тень, потому что солнце уже начало палить немилосердно, и лежать под его жалящими лучами стало невмоготу. Прислонившись спиной к шершавому стволу пальмы, он какое — то время еще сидел, раздумывая, возвращаться обратно или повторить развлечение. В результате, склонившись к последнему варианту, встал и бегом бросился к спасительной прохладе воды. И только насытившись необыкновенными впечатлениями под самую завязку, Дмитрий решил, что пора и честь знать.

И вот теперь, смыв с себя налипшие песчинки и океанскую соль, он довольно вздохнул, накинул на плечи халат и отправился в свою комнату. Настенные часы показывали без четверти три. «Еще целый вагон времени, — удивился Кобыш, ему — то казалось, что за забавами в тропиках прошла большая часть дня. — Надо приодеться, что ли. И ребята, наверное, меня потеряли. Хотя какое там! Если бы хватились, кто — нибудь да связался бы.

Видимо, тоже резвятся, кто во что горазд. Отрабатывают навыки». Он выглянул в окно. Смотреть на заснеженную тайгу после только что простирившегося вокруг необъятного океана было до изумления странно. «Как же тоскливо людям, – внезапно подумал Дмитрий, – волею обстоятельств прикованным к одному месту и даже не предполагающим, что такое истинная свобода. А ведь почти любой человек достоин этого. Ну, кроме тех, конечно, кто поведением своим больше похож на злобных животных. Таким дай волю! Им вот самое место в клетке...» Он представил себе аллегорическую картину: мама, похожая на Машу, с сыном, вылитым Федором, все в белом, пролетают над лесом, а внизу, сквозь непроходимый бурелом, пробирается заросший щетиной мужик в грязной фуфайке, матерясь и понося на чем свет стоит проклятую жизнь. «Мама, – спрашивает мальчуган, – а почему дядя пешком идет? Ведь перелететь гораздо проще». «А потому, сынок, – отвечает женщина, – что он плохо учился в школе, обижал тех, кто слабее его, а потом и вовсе начал отбирать у других вещи, потому что сам ничего ни придумать, ни сделать не умел и не хотел. Вот и ходит теперь по дремучей чаще из-за того, что лишен обычных человеческих способностей».

Кобыш насмешливо фыркнул, и тут же ему стало обидно. «Ну, почему все так устроено? – мелькнула горькая мысль. – Ребенок приходит в этот мир с душой, чистой, как свежесыпавший снег. И каким же надо быть слепым и равнодушным мерзавцем, чтобы постепенно, года от года, превращать его в одного из многих, в обывателя, стремящегося поменьше думать и работать, зато основательно развлекаться и получать, или, еще хуже, лепить из него орудие для своих честолюбивых замыслов. И ведь так продолжается из века в век, и ничего, по большому счету, не меняется. Почему? – он повернулся и неспешно продефилировал к дивану. – Впрочем, откуда такой пессимизм? Оставим его в уходящем году. Теперь мы тоже кое-что умеем и уж потрудимся на славу. Не так ли, Дима? – и твердо ответил. – Так».

Рассмотрев и отвергнув несколько вариантов, он, наконец, облачился в серые просторные брюки, серую же фланелевую рубашку, поверх надел мягкий шерстяной пуловер и закончил всю процедуру, обувшись в светлые удобные туфли. Подойдя к зеркалу, критически оглядел себя, нашарил в тумбочке электробритву и еще минут пять жужжал ею, убирая с подбородка едва заметную щетину. После чего покинул комнату и спустился на второй этаж. Дверь в хозяйские апартаменты оказалась открытой, и оттуда доносились веселые возгласы, смех, добродушное никитино гуканье и женские «ахи» и «охи». «Ага, – Кобыш подошел поближе и постучал костяшками пальцев по косяку. – Значит, деревенские уже здесь»

– Войдите, – раздалось из глубины помещения.

Дмитрий переступил через порог и увидел душещипательное зрелище. Обширный диван и не менее обширный стол были завалены горами вечерних платьев, роскошных юбок, гламурных блузок, палантинов, боа и прочей праздничной мишуры, вплоть до шляпок с павлиньими перьями. Тут же находилось большое, метра под два высотой, трюмо с почти полностью распахнутыми створками. А перед ним стояла нестарая еще (ее даже пожилой назвать было трудно) женщина очень милой наружности и растерянно рассматривала свое отображение. Все прочие в составе Дорина, Маши, Никиты и Федора окружали ее плотным кольцом и забрасывали советами, замечаниями и предложениями. Играй, залегший в углу и положивший морду на передние лапы, крайне настороженно взирал на эту суету.

– Нет, ребята, – говорила женщина, поворачиваясь и робко глядя на переливающийся вечерний туалет, сидевший на ней, по меркам Кобыша, очень даже неплохо. Высокая грудь и почти девичья осанка лишь подчеркивали достоинства платья. – Я никогда в жизни не носила таких вещей. Даже как-то неудобно! Ой! – она увидела в зеркале бесшумно подошедшего гостя и, быстро обернувшись, смущенно сказала:

– Здравствуйте!

– Добрый день! – он осторожно взял протянутую лодочкой руку, слегка развернул и, склонившись, галантно прикоснулся к ней губами.

- Прасковья, – совсем смешавшись, произнесла женщина. – Бухгалтер.
- Дмитрий, – глядя на нее сверху вниз, веско представился Кобыш. – Полковник.
- Настоящий? – в ее глазах блеснул лукавый огонек.
- Самый что ни на есть, – подтвердил он. – Вот Раф не даст соврать.

Ответом ему послужил гомерический хохот. Впрочем, Дорин лишь растягивал губы, не совсем понимая причин, смеялись в основном Никита и Маша. Шквал веселья оборвался так же внезапно, как и возник. Впрочем, Маша, утирая краешек глаза кружевным платком, все еще всхлипывала:

– Видели бы вы... себя... со стороны... Бухгалтер... и настоящий полковник... Как дети, ей□богу!..

– Прекрасно, когда знакомство начинается с улыбки, – Кобыш галантно шаркнул ножкой. – Не выпить ли нам по такому случаю шампанского?

– Гусарите, полковник? – Прасковья кокетливо повела плечом. – До полуночи еще далеко.

– Ну что вы, сударыня! – Дмитрий решил не выходить из образа. – Запасы этого волшебного напитка, – он уже держал в руке запотевшую бутылку «Мадам Клико», – у нас неиссякаемы.

Пока он освобождал пробку от проволочных пут, Дорин жестом заправского фокусника извлек из воздуха фужеры, и после шумного хлопка золотистая жидкость, пенясь, потекла по их стенкам.

– За уходящий год! – с пиететом провозгласил Никита. – За нашу превосходную дружную семью! Ура!

– Кричать «ура» прерогатива Брюса, – сказал Раф. – Ты уже забыл?

– Ур□р□ра! – задорно рявкнул Тернер, появляясь в проеме двери с бокалом в руке. – Чуть не опоздал! Тысяча извинений, леди и джентльмены!

Чокнулись и, смакуя каждый глоток, неторопливо и со вкусом выпили. Представили Прасковье прибывшего. Та уже не удивлялась.

– Вы знаете, Брюс, – доверительно сообщила она, – сначала мне все это показалось каким□то наваждением. Сказочный особняк вместо никитиной берлоги, возникающие из ничего наряды, предметы и драгоценности. Шампанское вот французское и американец, которых сроду в нашей глубинке не бывало. Вы уж извините за прямоту. А сейчас немного пообвыкла. Боюсь только, что после двенадцатого удара курантов все исчезнет, как в «Золушке». Или еще хуже. Пропадет неожиданно прямо посреди веселья, как у Булгакова.

– Заверяю вас, миссис, – авторитетно заявил Тернер, – что все останется на своих местах. Мы – люди серьезные, и если что□то делаем, то надежно.

– Но как вы это делаете?

– Сия тайна велика есть! – Кобыш опять подобрался тихо. – Но уверяю вас, ничего дьявольского, божественного или просто чародейского. Сугубо человеческие умения, развитые путем воздействия на мозг космических излучений. Вам Никита говорил, что мы космонавты?

– Говорил, – Прасковья утвердительно кивнула. – Только вот что□то раньше у наших космонавтов никаких таких способностей не замечалось.

– А вы что, знакомы с кем□то из космонавтов?

– Нет, но...

– Раньше корабли другие были... и не летали так далеко.

– Слушай, Дима, избавь леди от научно□популярных лекций, – Брюс недовольно сморщил нос. – Что, нам приговорить больше не о чем? – и оттеснив Кобыша боком, светски продолжил. – Насколько я понимаю, вы – мама нашей восхитительной принцессы?

– Нетрудно догадаться, – женщина невозмутимо посмотрела в глаза Тернеру. – Или вы видите здесь еще кого□нибудь, претендующего на эту роль?

– Безусловно, нет, – Брюс машинально огляделся. – А ее отец с вами не живет?

– Он оставил нас, когда Феденьке исполнился только год. Уехал в город на заработки,

да так и не вернулся.

– Бросить такую... красавицу? – Тернер совершенно искренне изумился. – Мать двух очаровательных детей? Россия поистине загадочная страна!.. Простите.

– Можно подумать, что у вас, в Америке, подобного не случается.

– Это так, – сокрушенно вздохнул Брюс. – Но родители все равно оба заинтересованы в детях. Они в равной степени обязаны заботиться о них...

– Послушай, напарник, – встрял вернувшийся Кобыш, – твоя тема ничуть не лучше моей. К тому же даме, кажется, не совсем приятны экскурсии в прошлое. Давайте лучше займемся чем-то более веселым.

– Мама! – в их компанию, как вихрь, ворвалась покрасневшая Маша. – Пойдем наверх, поможешь мне сделать зимний сад. А Никита с Димой нам подсобят. Да, Дима?

– С удовольствием! – Кобыш просиял. – Отличная идея! А вы, ребята, развешивайте гирлянды и творите чудеса для Федора. Мы ненадолго.

– Стоп! – обиженно сказал Тернер. – Лишать нас общества двух заворожительных дам не по-товарищески. Раф, мы идем с ними.

– Кто бы возражал, – Дорин уже стоял у двери. – Некоторые слишком много на себя берут. А развесить гирлянды мы всегда успеем. Не так ли, Федор?

– Не-а, – мальчишке, судя по всему, были неинтересны заботы взрослых. – Я лучше пойду в бассейне искупаюсь. Можно?

– А ты знаешь, где там что включается? – строго спросила Прасковья. – Еще испортишь что-нибудь.

– В этом доме испортить ничего нельзя! – Тернер подмигнул Федору. – Пошли, я тебе все объясню. На длинное мое отсутствие не рассчитывайте, – он погрозил пальцем остальным. – Я к вам все равно подсоединюсь.

Трое мужчин и две женщины двинулись к мансарде, а американец с мальчишкой стали спускаться на цокольный этаж. Едва очутившись в полусумраке самого нижнего помещения, освещаемого лишь падающим из невысоких горизонтальных окон дневным светом, Тернер щелкнул переключателями и, когда вспыхнули яркие лампы, подвел мальчишку к наклонному пульту, встроенному в одну из колонн.

– Вот, – назидательно произнес он, указывая на три ряда овальных кнопок с ясными даже младенцу пиктограммами, – отсюда все и управляется. Захочешь вынырять – нажми эту, и подвинется вышка, будет желание загорать – видишь солнышко? Нажимай, не стесняйся. Только осторожнее, не больше пяти минут, а то потом придется тебя кремом обрабатывать.

– А это что? – заинтересовался Федор, ткнув пальцем в кнопку с изображением целого роя точек.

– Если на горячем песочке полежать задумается.

– Ага. Спасибо, Брюс. Ты иди, я дальше сам разберусь. Мне тут не скучно будет. Правда. И маме передай, чтоб не волновалась. Что я, маленький что ли?

– О'кей, ковбой! Надеюсь, ты меня не подвезешь. Отдыхай на здоровье!

И Тернер ушел, оставив мальчишку предаваться нехитрым детским забавам в гордом одиночестве. Что уж он там собирался делать – представлять себя Робинзоном Крузо, охотиться за вражескими аквалангистами или воображать себя чемпионом Олимпийских игр по прыжкам в воду – для американца осталось загадкой. Он споро взбежал по лестничным маршам и присоединился к обществу, уже ломающему голову что, где и как разместить, благо места для всевозможной растительности вполне хватало.

Время за придумыванием экзотического зимнего сада летело незаметно, и вскоре к ним начали постепенно прибиваться остальные обитатели особняка. Все, как правило, шли на звуки веселого гомона. Первым появился Хромов, нагруженный ворохом подарков в праздничных упаковках. Он решил не изобретать велосипед и купить все в Париже. Для этого потребовалась всего лишь кредитная карта, которую он, недолго думая, сотворил по образу и подобию увиденной у более чем представительного француза в каком-то

престижном модном салоне. Аккуратно свалив добычу на диван, он чутко прислушался и устремился в мансарду. Было уже около семи вечера. Следующими прибыли Клюев с Варчуком с блестящими глазами и румянцем во всю щеку. Четвертым вернулся Клеменс, общавшийся с родителями чуть ли не всю ночь, потому что разница во времени оказалась существенной. Седых же не торопился и возник только к девяти, когда шумная компания плавно переместилась в просторный холл нижнего этажа.

– Ну, вы понатворили! – ошарашенно сказал он, вертя головой и разглядывая разноцветные переливающиеся гирлянды, выписывающие дуги под потолком, сияющие китайские фонарики, золотистый дождик и снежинки самых изощренных форм, развешенные во всех мыслимых местах. – Надеюсь, я не последний?

– Еще нет, – успокоил его Кобыш, протягивая фужер с шампанским. – Ждем Вивьен и Славу со товарищи. Между прочим, на Камчатке Новый год уже встретили.

– А в Питере едва стемнело, – вздохнул Женя. – Замечательный город. Только сырой очень. Может, сгоняем туда к утру всем кагалом?

– Там видно будет, – хлопнул его по плечу подошедший Дорин. – А сейчас на очереди праздничный стол. Надеюсь, народ внесет посильную лепту? Я различных книжечек из Интернета понавытывал, сейчас колдовать будем.

В десять часов, когда внушительный стол, накрытый на двадцать персон («Почему двадцать?» – сгорая от любопытства, спросила Маша. «А пусть будет! – небрежно махнул рукой Хромов. – Хотя, скажу по секрету, смутные предчувствия одолевают меня...»), являл собой сплошь покрытый блюдами, бутылками, хрусталем и приборами натюрморт, прозвучал мажорный аккорд, и высокому собранию явилось четверо: трое подтянутых мужчин в черных смокингах, причем один из них богатырского сложения, и с ними изящная восточная женщина в текучем искрящемся вечернем туалете, оставляющем открытым руки и, скорее всего, спину. Тут же появился бдительный Играй.

– Добрый вечер! – прогудел здоровяк. – А вот и мы... Здравствуй, собака, – он наклонился и почесал пса за ухом. Тот благосклонно принял знак внимания, обнюхал двух других джентльменов и, махнув хвостом, прислонился к Вивьен.

– Прошу, гости дорогие, – выступил вперед Кобыш. – В нашей скромной обители для всех место найдется. Как это чудно, что вы прибыли пораньше. Позвольте вас представить тем, кто еще не знаком с вами.

– Да брось ты, Дима! – очаровательно улыбаясь, сказала Тараоки. – К чему изысканные церемонии? Давайте по-простому, – и подвела своих спутников к Прасковье с детьми, Никите и стоявшим возле них Варчуку с Ключевым. – Хозяюшка, – обратилась она к Маше, – я уж на правах давней подруги познакомлю вас с этими, на мой взгляд, неплохими мужчинами. Андрюша, Василий и Слава. Они в курсе, кто есть кто. Меня же, Прасковья Кузьминишна, зовут Вивьен.

– Да какая я среди вас Кузьминишна! – всплеснула руками машина мама. – Просто Паня.

– Восхитительно! – Терехов расправил грудь. – А я просто Вася. Вивьен, девочка наша, перестаралась. Это что же получается? Андрюша, Слава и Василий! Так и слышится Вергилий, Тиберий, Клавдий! Звучит, конечно! Но дистанцирует. Для друзей я Вася.

– Тогда, может быть, прямо к столу? – предложил Никита. – Больше никого не ждем?

– Будут еще двое, – туманно сообщил Бородин. – Но когда неизвестно. Так что давайте командуйте.

– Садимся! – решительно заявила Маша. – Проводим старый год.

– Ха! – воскликнул Андрей, наконец-то поворачиваясь к обильному натюрморту. – Недурственно! Живут же люди!

Испытатели при этих словах не смогли удержаться от радостного гогота.

– А что? – поддержал его Ли. – Я тоже давно не сидел в приличном обществе.

– Да, – Терехов оживленно потер ладони, – отужинаем, чем Бог послал. На Базе-то особо не разбежишься.

– Вы не умеете такого? – поразился Никита.

– Ну что вы, молодой человек, – Бородин снисходительно усмехнулся. – Нам это просто ни к чему. Но поддержать приятную компанию мы всегда готовы. Маленькие удовольствия, знаете ли. Отрадно провести вечерок среди своих.

Задвигались стулья, народ деятельно начал рассаживаться, выбирая места по предпочтению, прозвучали традиционные вопросы «Вам что положить?», мужчины принялись ухаживать за дамами, наполнились первые фужеры и рюмки, одиноко еще пока звякнули ножи и вилки, завязались соседские междусобойчики. Играй, присев в углу и вывалив язык, застыл в ожидании.

Кобыш, расположившийся между Ли и Тернером, окинул присутствующих прицельным взглядом и внушительно сказал: «Гм!» Оживление несколько стихло.

– Может, кто-нибудь готов произнести тост? – он посмотрел на Терехова с Бородиным.

– Э-э-э, а почему, собственно, мы? – Андрей недоуменно приподнял брови и с самым невинным видом воззрился на сидящих за столом. – Не день рождения, чай. Мне кажется, первый тост не прочь сказать хозяин. А, Никита?

– Вы угадали, – лесник поднялся. – Прежде чем начнется праздничное веселье, и станет, в общем-то, не до чьих-либо откровений, я хотел бы в двух словах выразить то, что сейчас испытываю. Этот год был лучшим в моей жизни. Начался он с исповеди местному священнику, который напроорочил мне встречу с Машей, любимой и единственной. С ее появлением жизнь моя полностью изменилась, я обрел семью, прошлое отпустило меня и больше не тревожит, во всяком случае, так, как раньше. Оно скрылось за завесой лет и потеряло значение. Остались лишь неразрешенные вопросы... Потом пришел один из вас. Дима. И родилась надежда получить ответы. А теперь я абсолютно счастлив, ибо знаю – мир должен измениться. Вы – предвестники этих перемен. И человек живет для того, чтобы узнавать себя, творить и стремиться к звездам над головой. Спасибо вам. За вас!

– Неплохо сказано, – одобрила Вивьен. – От души. Одна крошечная поправка. За всех, присутствующих здесь, без исключения. И за человечество, которое, надеюсь, начнет пробуждаться от многовекового сна.

– Ура! – сказал Тернер. – За это стоит выпить!

С хрустальным звоном соприкоснулись фужеры, пенное шампанское оживило лица, послышались веселые восклицания и взаимные комплименты.

– Кстати, – как бы ненароком спросил Терехов. – А священника-то пригласили?

– Я приглашал, – Никита с огорченным видом кивнул, – но он отказался. Сослался на то, что Новый год – семейный праздник, и нам лучше встретить его в узком кругу. Если появится желание, предложил он, заходите потом все вместе ко мне.

– Это вряд ли, – буркнул Бородин. – Нас слишком много. К тому же, – он лукаво глянул на хозяина, – сдастся мне, высочайшее решение будет пересмотрено.

Лесник придиричиво изучил довольную физиономию Андрея, уже склонившегося над тарелкой, и пришел к выводу, что так оно и произойдет. Он пока еще даже не подозревал, каким образом, но в то, что эти люди наперед знают, о чем говорят, верил безгранично.

– Что новенького на Базе? – Кобыш, в сущности, не рассчитывал на развернутый ответ, просто поддерживал застольную беседу, но Ли, тем не менее, откликнулся.

– Все идет по плану, – Слава рассеянно ковырнул вилкой кусок осетрины. – Андрей напридумывал массу всяческих новшеств, и теперь его ребята загружены по самое некуда. Лепят сканер нового поколения. Скоро начнут наблюдать дальние галактики. Думаю, обнаружение подобных нам гуманоидных цивилизаций не за горами. Тереховские биологи уже разрабатывают программу контактов.

– Здорово! – Кобыш вдохновился. – Значит, не сегодня-завтра будем общаться с братьями по разуму?

– Будем, – согласился Ли. – Если пойдем друг друга. На расстоянии.

– Но ведь за пределы Сферы можно... – Дмитрий осекся.

– Вот именно, – Слава скосил на него темный глаз. – Можно, да не всем. Это создаст дополнительное напряжение в земном сообществе.

– Для чего?

– Узнаешь во благовременье, – Ли положил свою руку на мощную длань Кобыша. – Не спеши. Каждый человек должен очень хорошо представлять себе, зачем ему звезды. А пока не ломай голову, празднуй себе.

– Ну да, сначала заинтриговал, а теперь празднуй...

– Я не набивался. Ты сам спросил.

– Хорошо, – Дмитрий уже раскаивался в своем преждевременном любопытстве. – А остальные как?

– Как и прежде. Каждый занимается своим делом, кроме американских наблюдателей и директора. Герр Штейнберг в основном переживает за судьбу Европейского союза, как бы он не остался без законного куска пирога. Ему же невдомек, что достанется всем по заслугам, он боится опоздать. В общем, он прав в своих подозрениях. Соотечественники Брюса с Джеком стремительно перепрофилируют заводы под ПП, а наши земляки старательно гоняют «Приму» в надежде создать свою элитную команду суперменов. Все торопятся, и это радует. Стало быть, наши ряды, того и гляди, начнут пополняться. Кстати, Вася слегка подтолкнул Джерри Слоуна. Так что, считай, он уже на четверть свой.

– И когда будет полностью? – Кобыш переглянулся с Тернером, тоже внимательно прислушивающимся к разговору.

– Когда окончательно решит, что для него важнее – служение Комитету или упорное воспитание себя.

– Рад за него, – Брюс поднял рюмку. – Значит, не все в спецслужбах конченные люди.

– Да, – подтвердил Слава. – И вы в этом скоро убедитесь.

Так, за беседами, умеренными возлияниями с последующим отведыванием деликатесов, паузами для танцев, если случались желающие слегка поразмяться, дружескими розыгрышами и ненавязчивым вручением подарков или сюрпризов со смешными начинками, минул еще час, в течение которого не забыли и об Играе. Никита с Рафом, кликнув пса, удалились на кухню, и там Дорин сотворил большую миску, наполненную всяческими собачьими лакомствами, включая здоровенный, сочный кусок мяса на мозговой кости. Потрепав мгновенно истекшего слюной сторожа дома по загривку, мужчины вернулись обратно, а Играя в новогоднюю ночь больше никто не видел. Скорее всего, наевшись до отвала, он прикорнул где-нибудь в кухонном углу, безмятежно продрях всю новогоднюю ночь, и даже, наверное, ему снились праздничные собачьи сны.

Когда старинные настенные ходики с мелодичным звоном пробили одиннадцать, никто из собравшихся за столом особенно не отвлекся, лишь Терехов позвенел ножом по бокалу, призывая к тишине, и неожиданно для окружающих встал.

– Друзья мои! – воскликнул он, загадочно улыбаясь. – Я хотел бы представить высокому собранию человека, с которым многие из нас встречались, но, может быть, запомнили, а также его достойного родителя и моего тезку. Прошу прекратить досужие разговоры, сепаратные выпивания, а также шумное пережевывание пищи и поприветствовать вновь прибывших гостей.

Слева от стола, у подножия лестницы, ведущей на второй этаж, возникли два человека. Одним из них оказался отец Василий в мирском строгом костюме, но все же с панагией на груди. Он украдкой крестился и испуганно поглядывал по сторонам. Вторым, приобнявшим его за плечи, был высокий сухощавый мужчина со скуластым лицом и веселыми карими глазами. Безукоризненный черный смокинг, блестящие туфли и длинные волосы, гладко зачесанные назад и перехваченные на затылке в пучок, только прибавляли ему шарма.

– Отец Василий, – провозгласил Терехов, – и сын его Аристарх.

– Батюшка, – растерянно, несмотря на недавнее предупреждение, промолвил лесник, – вы все-таки решились?

– Решился, Никитушка, – кивнул священник, – как же не решиться. Ведь это сын мой, а

они, – он указал на Терехова и снова перекрестился, – не иначе, как посланники божьи.

– Не посланники, отче, – успокоил его биолог, – но, вероятно, дальние родственники их. Уж не обессудьте! А теперь к столу, к столу!

Высокий мужчина, поддерживая под локоть оторопевшего старика, подвел его к столу, и они, поощряемые общими шумными приветствиями, неспешно уселись на свободные места напротив хозяев и по правую руку от Ключева с Варчуком.

– И ты здесь, Прасковья, – священник явно обрадовался. – И Федор! Выходит, хорошие люди собрались. Иначе, наверное, и быть не может.

– Конечно, батюшка, – Никита широко улыбнулся. – Вы же знаете, плохих мы и близко не подпустим. Вашими молитвами.

– И дворец этот... тоже они? – отец Василий опасливо огляделся.

– Нет, отче, – Терехов, невзирая на расстояние, на вопрос отреагировал сразу. – Гостеприимный дом сей построили другие люди. Они вот, – он указал на испытателей.

– Когда ж успели? – не унимался священник. – Ведь еще недавно в наших краях ничего похожего не было.

– Они и не такое могут, – наклонившись к нему, шепнул Никита. – Вы же весьма образованный человек, батюшка. Испушенный в философии. Меня вот многому научили. Позвольте, теперь я вас просвещу. Это, – он воздел руки к гирляндам, – всего лишь превращение энергии в материю. Бог создал человека по образу и подобию своему, и теперь люди через неустанные труды и просветленные мысли смогли снова приблизиться к нему. Далеко не все, разумеется, но некоторые. Друзья наши, – лесник обвел взглядом сидящих за столом, – заслужили дары господни.

– Милость божью заслуживают после вознесения души, – раздумчиво произнес священник. – В земных же пределах душа, заключенная в брентную оболочку, не может обрести силы.

– Еще как может! – лесник выпятил подбородок. – Рассудите здраво, отче! Ведь все эти небылицы придуманы пастухами для того, чтобы стадо было послушно. Рай и ад только после смерти, в зависимости от того, насколько пок о рен верующий при жизни. Ничего себе! А почему, собственно, благодати не снизойти уже в нашем мире? На достойных?

– Нет, – строптиво сказал отец Василий, – не люди они. Посланники.

– Если вам так проще, – Никита смирился с поражением, – пусть будут посланники. И раз уж нам повезло находиться рядом с ними, давайте выпьем за это. Вам чего налить?

– За такое положено церковного! – священник снова перекрестился. – «Кагор» есть на этом столе?

– Найдем, – лесник подмигнул Ключеву, и тот выпростал из-под скатерти руку, в которой оказалась зажата темная бутылка уже откупоренного «Кагора». – Наполни чашу святому отцу. Выпьем за всех, кто сейчас здесь!

Тем временем рядом с ними шел совсем другой разговор, и участники его были весьма далеки от богословских споров. Кобыш, присматривавшийся к Аристарху с момента его появления, наконец выпалил:

– А ведь я вас знаю. Вы возглавляли комиссию, которая отбирала нас для учебного центра, не так ли?

– Номинально председателем комиссии являлся другой человек, – сын священника уставил в Дмитрия спокойный взгляд карих глаз. – Почему вы сделали такой вывод?

– Интуиция, – полковник прищурился. – Плюс наблюдательность. К вам обращались с большим почтением и называли не иначе, как Аристарх Васильевич. Не ошибаюсь?

– Нет, – Монах остался невозмутим. – Отдаю вам должное. Право решающего голоса действительно принадлежало мне.

– Я тоже слышал ваше имя, – к разговору неожиданно подключился Ключев. – В Институте психофизики, где меня старались обратить в свою веру некто Медведев Олег Иванович и его присные. Тщились обнаружить между нами связь. Следовательно, мы все – ваши крестники?

– В какой-то мере, – Батюшкин оглянулся на отца и, убедившись, что тот занят разговором с Никитой, вежливо объяснил. – Вы сами стремились к тому состоянию, которого ныне достигли. Я лишь слегка подкорректировал вашу траекторию. Если хотите, предоставил вам решающий шанс.

– Стало быть, вы тоже человек третьего уровня? – Кобыш задал тревожащий его вопрос. – Но ведь наша встреча произошла до испытаний «папки».

– Не обольщайтесь, – Монах непринужденно улыбнулся. – Мой статус значительно скромнее. Я обладаю некоторыми способностями в области прогнозирования, а также конструирования ситуаций, и только.

– Как же вы оказались здесь?

– Меня пригласил доктор Бородин. Мы с ним довольно давно знакомы.

– И все-таки вы чего-то недоговариваете. Просто приятель Андрея не смог бы вытащить нас наверх из великого множества претендентов.

– Ну, это уже совсем пустяки! Видите ли, Дима, моя должность позволяет мне делать такие вещи. Она называется «эксперт по влиянию непредвиденных внешних факторов» в ранге советника президента.

Кобыш изумленно присвистнул.

– Так вы – советник президента? – Максим тоже слегка опешил. – Значит, вы должны хорошо знать Трубникова и Медведева.

– Безусловно. Мы связаны по работе. Первый занимается наукой, и с ним всегда можно договориться, а вот второго лучше обходить стороной. Особенно вам. Он раньше был неплохим парнем, но с годами и чинами характер его сильно подурнел.

– Мы в курсе, – сказал Кобыш.

В это время Монах отвлекся, посчитав, что удовлетворил любопытство испытателей и пора ответить на давно ощущаемый им пристальный взгляд. Прасковья, сидевшая почти напротив, с самого начала прислушивалась к их беседе и рассматривала его повлажневшими глазами.

– Что-то не так, Паня? – спросил он.

– Я думала, ты меня не узнал, – мать Маши судорожно перевела дыхание. – Прошло столько лет.

– Я все помню, – голос Монаха стал почти неслышен. – Извини, что отвлекся на ребят. Я очень хотел бы поговорить с тобой. Никита, – он обратился к хозяину, – здесь танцуют?

– Обязательно, – лесник заинтересованно посмотрел на тещу и гостя. – Сейчас музыку включим и объявим перерыв.

– Разреши тебя пригласить, – Аристарх поднялся, протягивая Прасковье руку. Кобыш проводил их взглядом, полным несбывшихся надежд.

Зазвучала медленная музыка, и грядущие пары стали выбираться из-за стола. Монах осторожно коснулся талии женщины и сделал первый шаг танца. Она положила ладони ему на плечи, склонила голову, тихо прошептала:

– Совсем, как тогда. На выпускном.

«Да, – беззвучно согласился он. – Как будто и не было тридцати нескончаемых годов». Словно наяву, перед ним возникли кусты душистой сирени, сгустившийся вечерний сумрак, сумасшедшие панины зрачки, искрящиеся любовью, ее мягкие податливые губы, одуряющий аромат близкого женского тела, раскаты танго, изливающиеся в широко открытые школьные окна, брэнчание гитары на крыльце вперемешку с хихиканьем девчонок и молодецким уханьем парней, крупные звезды, бесстыдно подсматривающие сквозь ветви, и пиджак, брошенный на траву. Он вспомнил, как они убегали от шумной ватаги одноклассников, как пробирались задворками к реке, как сидели потом на берегу у затухающего костра, свой жаркий бессвязный шепот, ее сбивчивые ответы и сладкий стон, после того, как все случилось. «Мы ведь теперь всегда будем вместе? Да, Рис?» «Да, Паня, я никому тебя не отдам». А на следующий день – заплаканное лицо матушки и суровое отца, настойчиво вбивающего ему библейские истины и определяющего его дальнейшую стезю. Он пытался

спорить. Где там! Идти против воли родителя – грех!..

В деревне ничего нельзя скрыть. Она пришла провожать его. Растерянная. С дрожащими губами. Со слезами, застывшими на ресницах. «Как же так, Рис? А я? Что будет со мной?» «Панечка, родная моя. Я обязательно вернусь». Хотя уже догадывался, что скоро не получится. Ключуло его такое безнадежное предчувствие. Больно ключуло. И вместе с тем он ощутил вдруг зов неведомого, которому впоследствии и подчинил свою жизнь. Так и топтал белый свет, с неутихающей горечью потери и стремлением достичь небесных высей всеобъемлющей истины. Миссия, порученная ему учителем, заключалась в том, чтобы бескорыстно трудиться на благо страны, выйти в верхние эшелоны власти, постепенно убеждая главу государства в правильности действий, к которым его требовалось ненавязчиво и осторожно подводить в надежде подготовить к верному пониманию Пробуждения. Он честно выполнял свое непростое задание. С годами он научился загонять боль далеко внутрь, даже иногда не чувствовать ее вовсе. Конечно, у него были женщины, зарок аскетизма он не давал, но равной Пяне так и не случилось. И вот теперь он опять чувствовал трепет ее тела. Одиночество души стремительно перерастало в надежду.

– Ты к нам надолго? – спросила она, поднимая лицо и вглядываясь в его ставшие вдруг серьезными глаза.

– Новогодняя ночь полна чудес, – пробормотал Монах. – Надеюсь, и нам достанется небольшая частичка.

– Ты вспоминал обо мне?

– Пяня, ты единственная женщина, которую я ношу в сердце.

– Где ж ты пропадал все это время, попович? – в ее слабом голосе прозвучала неподдельная печаль.

– Не надо, милая. Я очень виноват перед тобой. Меня оправдывает только то, что я по-прежнему люблю тебя.

– Это правда? – глаза Прасковьи наполнились ожиданием. – Ты ведь не обратил на меня внимания.

– Я сразу увидел тебя. Просто не был уверен, что...

– Что?

– Что ты простила меня.

– Глупыш ты мой! – она приложила пальцы к его губам. – Я всю жизнь прождала тебя. Даже когда была замужем. От отчаяния.

– У тебя хорошие дети, – неловко сказал Монах. – Маша – вылитая ты в юности.

– Они могли бы быть еще лучше.

– Пяня! Ну, пощади! – взмолился Аристарх. – Я искуплю. Я подарю тебе новый чудный мир. Он уже рядом. Все эти люди, – он указал взглядом на танцующих, – первые его обитатели. Теперь я принес его тебе и, поверь, счастлив. Я не смог бы пройти свой путь, если бы не ты. Я вернулся, Пяня! Навсегда.

– Как же твоя работа? Столица? Президент?

– Работать я останусь в Москве, а жить мы будем здесь. Если хочешь, отдельно. Я могу построить лачугу не хуже этой.

– Ты тоже космонавт-волшебник?

– Нет, я всего лишь человек, помогший космонавтам стать волшебниками. И смиренно просящий тебя о помиловании.

Прасковья засмеялась, на щеках ее образовались веселые ямочки, она порывисто обняла его за шею, и Монах с величайшим изумлением и ликованием обнаружил вдруг, что он больше не умудренный жизненным опытом муж, прошедший огонь, воду и медные трубы, а вновь зеленый юнец, заглядывающий в сияющие любовью сумасшедшие девчоночьи глаза.

Танец давно закончился, а они все стояли, прижавшись друг к другу, в самом центре холла, пока кто-то вежливо не кашлянул и не произнес:

– Э-э-э... гм... позвольте прервать ваше уединение, до Нового года осталось ровно

четыре минуты.

– Мы готовы, – Аристарх отсутствующим взглядом обвел собравшихся у стола.

– Точно, – шепнул Маше Никита. – Они готовы. Оба. Уж поверь мне.

А Кобыш, охватив Тернера за плечи, сказал:

– Ну что, дружище, нас лихо обошли! Ты не жалеешь? Я – нет. Похоже, у них давно и серьезно.

– Было бы удивительно, – ответил Брюс, – если бы у такой женщины не показалось достойного мужчины.

Лишь Федор ничего никому не говорил. Он зачарованно смотрел на счастливую маму и тихо радовался. Вот ведь как случается! Был один мужик в семье, а теперь их стало трое: он, Никита и сын отца Василия из самой Москвы.

– Открываем шампанское, – возвестил Хромов, – и наливаем. Да включите же кто-нибудь телевизор! Там президент испоздравлялся весь!

Большой настенный экран осветился как раз в тот момент, когда Ильин уже закруглялся.

– С Новым годом, дорогие соотечественники! – провозгласил он, поднимая бокал. – Счастья вам и добра!

Мерный бой курантов, как всегда, послужил сигналом к началу дружного хрустального перезвона. Все шумно и весело чокались, смеялись, корчили смешные рожицы или торжественные лица, обнимались, стреляли из хлопушек зарядами конфетти или серпантина, выдували воздушные шарики и загадывали желания, стараясь успеть до двенадцатого удара.

Аристарх с Прасковьей подошли к священнику, взяли его под руки с двух сторон и поцеловали в обе щеки.

– Отец, – Монах опустил на одно колено, – просим у тебя благословения. Паня сейчас согласилась стать моей женой. Ты должен обвенчать нас, дабы души наши соединились навечно.

– Дети мои, – старик выглядел растроганным. Он исподтишка наблюдал за ними и все, разумеется, понял. – Сделаю это с превеликим удовольствием и тщанием. Я разлучил вас когда-то, я и искуплю сей грех. Долгие годы я вымаливал у Господа прощения за самоуправство свое. Видно, услышал он меня и явил милость неизреченную. Ступайте под руку, перекрещу вас...

– За молодых! – рявкнули неслышно подкравшиеся и обступившие их кругом гости, а Бородин невинно осведомился:

– Батюшка! Нельзя ли венчание совместить с Новым годом? Вот было бы здорово!

– Нельзя, – строго ответил отец Василий. – Всякому свое время. Под Рождество и обвенчаю. В храме божьем, а не здесь, в палатах белокаменных.

– Ну и ладно, – Андрей нисколько не расстроился. – Мы за них тоже там, – он указал на потолок, – словечко замолвим.

И волшебная ночь покатилась дальше. Вдоволь повеселившись за пиршественным столом, компания дружно переместилась во двор, к сверкающей огнями елке, причем меховые куртки накинули лишь Маша с Никитой, да Федор, прочие же пошли в чем были. В холле остались только «посланники божьи» Ли, Терехов и Бородин, да отец Василий, вознамерившийся во что бы то ни стало убедиться в святости их происхождения. Учтивые богословские разговоры грозили затянуться надолго.

Когда радующиеся, как дети, обитатели особняка высыпали наружу, шел снег. Он падал крупными, медленно кружащимися в воздухе хлопьями и в свете фонарей, украшающих парадную лестницу, и фантастическом сиянии елки казался чем-то ирреально-торжественным.

– О! – восторженно заорал Тернер. – Рождественская сказка! Не удивлюсь, если появится Санта-Клаус! Ур-р-ра!

А Варчук, первым добежавший до деревянного помоста, повернулся к остальным, раскинул руки в театральном жесте и зычно объявил:

– Карпурнавал!

Со всех сторон зазвучала музыка, прямо среди пушистых роев снежинок стали возникать разноцветные маски самых причудливых форм и обличей и обильным градом низвергаться к ногам притормозивших зрителей. Их тут же подхватывали, рассматривали, примеряли и со смехом натягивали друг на друга. Немедленно образовался хоровод, кольцом окруживший блистающее новогоднее дерево. Сначала его резво раскрутили вправо, пока не закружилась голова, и не начали заплетаться ноги, а потом уж, как полагается, влево, для достижения равновесия.

Тем временем Дорин запалил свои пиротехнические заготовки. Над головами восхищенной публики расцвели переливающиеся пышные фонтаны, целые водопады взрывающихся звезд, небо расчертили огненные кометы с тянущимися за ними павлиньими хвостами, и темнота ночи была окончательно разорвана пульсирующими световыми шарами, повисшими среди всей этой феерической вакханалии.

Не удивительно, что никто не обратил внимания, как из-за кромки заснеженных деревьев показалось слабо отражающее огни фейерверка дискообразное тело. Оно бесшумно скользнуло в направлении дома и зависло прямо над елкой, издавая еле слышный свистящий звук. Днище его воссияло призрачным ореолом, и широкий золотистый луч упал на праздничную ватагу. Все замерли, подняв лица и глядя на внезапно появившийся летательный аппарат округлившимися глазами.

– Ни фига себе! – в наступившей тишине голос Клюева прозвучал особенно громко. – Тарелка!

– Никак к нам еще гости? – озадаченно пробормотал Хромов.

А диск между тем плавно снизился и утвердился у распахнутых ворот, в аккурат рядом с забытыми там снегоходами. Один из секторов его нижней обшивки дрогнул и начал медленно отделяться от корпуса, образуя с каждой секундой расширяющийся мерцающий просвет. Окончательно опустившись и коснувшись заснеженной поверхности земли, он замер, превратившись в наклонную аппарель и обнажив уже полностью открытый люк с туманным маревом за ним, надежно скрывающим внутренние подробности. Безмолвие нарушалось лишь возбужденным дыханием людей и хлопками последних одиноких файерболов.

Наконец из дымки выступил темный силуэт и неспешно двинулся вниз, к застывшему в ожидании народу. Выйдя из тени диска, он сразу попал в освещенное пространство, и каждый с изумлением смог рассмотреть абсолютно зеленого, о трех глазах и четырех руках, заканчивающихся тремя же длинными, расширяющимися к подушечкам пальцами, с носом раструбом и висячими, как у спаниэля, ушами инопланетянина, одетого, однако, в совершенно земную, красную с белой опушкой, шубу, лихо заломленную дедморозовскую шапку и своеобразные валенки, сидевшие на нем особенно нелепо.

– С Новым годом, дорогие земляне! – гулким басом торжественно произнес он и тут же с безупречными интонациями извозчика зачастил. – А кого прокатить с ветерком?! Кому удовольствие доставить? Удалая потеха со звоном бубенчиков! Не побрезгуйте, граждане, утлым суденышком!..

– Ну, Женька! – выдохнул Кобыш. – Ну, аферюга! – и начал искать приятеля глазами. Углядел таки. Тот стоял в сторонке, у крыльца, с непорочным видом взирая на устроенный из озорства розыгрыш, мол, я тут и вовсе не при делах.

– Молодец! – одобрительно отозвалась Вивьен. – Хорошо сработано и не менее прилично закрапировано. Никто ничего не заподозрил.

Пока шел обмен мнениями об изобретательности Седых, вперед отважно выступил Федор.

– Дяденька инопланетянин, – он шмыгнул носом, поправляя сползшую набекрень мушкетерскую шляпу. – А мне можно? С Машкой и Никитой.

– Однозначно, – голосом престарелого Жириновского заявил зеленый человек. – Не было еще в России более достойных пассажиров. Прошу ко мне.

Парнишка, сопровождаемый молодой парой и самозванным Дедом Морозом, степенно взошел на борт, люк закрылся, тарелка под веселое улюлюканье оставшихся снялась с места, игриво фыркнула, выпустив несколько мелких облачков пара, и, совершив круг почета, со свистом пошла над тайгой.

– Повезло пацану! – провожая ее взглядом, сказал Клюев. – Этот Новый год он запомнит на всю жизнь. Столько сказочных событий сразу!

– Великолепная мысль! – подхватил Хромов. – Почему бы нам и остальной детворе в Елани не подбросить подарков! То-то радости будет. Что, нам трудно *проверить* их несложные желания и соорудить «сбытие мечт»? А?

– Давайте! – загорелся Клеменс. – Каждому ребенку волшебный презент под елку. Пусть верят в то, что чудеса на свете есть.

– Только вот как на эту небывальщину среагируют их родители? – хмуро спросил подошедший Седых. – Как бы они ее не заховали куда подальше, во избежание недоразумений. Деревня испокон веку не меняется.

– Ну, ты жук! – поразился Виктор. – Сам только что блюдце запустил, и тут же пятками назад? Уверю тебя, дети проснутся первыми! По себе помню. Пока взрослые дрыхнут после шумной ночной гулянки, они уже встретятся со своими мечтами. Вплотную. Говорю, сами разберутся!

– Я что, против?! – Седых возмущенно засопел. – Пусть ребятишки порадуются! Я ж к тому, что далеко не все деревенские жители будут довольны.

– Да и хрен с ними, с недовольными! – Клюев мечтательно поглядел на звезды. – А рожденный летать ползать не будет.

– Тарелочник согласен, – подвел итог Тернер. – Все желающие принять участие в шоу начинают *смотреть*.

– Интересно, – буркнул себе под нос Варчук, – почему это наши светлые головы не додумались до такой простой вещи? Диск! В центре устанавливается ви-генератор, а все остальное размещается вокруг. Идеальное решение! А мы по традиции все поезда да вертолеты копируем.

– Нашел о чем хлопотать в праздник! – дернул его за рукав Максим. – Лучше к нам присоединяйся. Поколдуем!

Разговоры стихли, веселая суதுлока на какое-то время прекратилась, обитатели особняка погрузились в творческий транс, стараясь отследить малейшие оттенки ребячьих фантазий и не ошибиться в выборе даров. Лишь Кобыш, застыв у елки, все еще вглядывался в небо над тайгой, да Вивьен, прислонившаяся к нему плечом, похоже, думала о чем-то постороннем. Наконец она спросила:

– Тебе не кажется, Дима, что сегодняшней ночью вы полностью засветитесь? Теперь у охотников за вами будут на руках все карты.

– Только не козыри, – рассеянно ответил Кобыш. – Нас теперь голыми руками не возьмешь. С такими-то талантами. Пока никто не трогает, проживем здесь. А как начнется облава, перебазиремся в другое место. Сибирь большая! Найдем себе укромный уголок с живописной природой, устроим жилье лучше нынешнего. А хозяев перевезем наземным транспортом.

– Транспорт не понадобится, – Тараоки зябко повела обнаженными плечами, выдохнув облачко пара. Дмитрий расценил это как повод и обнял ее сзади обеими руками, поплотнее прижав к себе. Она запрокинула голову, коснувшись виском его груди, и подарила благодарный взгляд. Кобыш воодушевился.

– Почему не понадобится? – шепнул он.

– Потому что Маша готова к инициации. У нее врожденные способности Замыкающей Круг. Она и будет заниматься этим на втором уровне. Никита пойдет следом за ней, он тоже созрел. Федора перебросит Монах, а Прасковья доберется сама...

– Она одна из нас? – брови Дмитрия поползли вверх.

– Нет, но уже становится. Аристарх уединился с ней в Елани.

Последняя мысль была не совсем ему понятна, но он на всякий случай буркнул:

– Наш пострел везде поспел...

– Не ерничай. Он заслужил третий уровень долгими годами отчаянного и упорного подвижничества. И он, между прочим, самый достойный из нас. А тебе не мешало бы взять с него пример.

– Какой?

– Ты непроходимый тупица, Дима, – Вивьен посмотрела на него с укором. – Остаток ночи мы могли бы провести вместе...

– Но ведь...

– В этой ипостаси я всего лишь слабая женщина. И мне тоже хочется немного любви и ласки. Я выбрала тебя, настоящий полковник...

Голова у Кобыша пошла кругом. Весь вечер за Тараоки наперебой и напропалую ухаживали все испытатели. А в результате, получается, она положила глаз на него. Это маленькое открытие опьянило его не хуже шампанского, сердце засбоило, а кровь рванулась в сосуды с сумасшедшей скоростью.

– Вивьен, – пробормотал он, утыкаясь носом в ее чудно пахнущие, черные волосы, – я действительно дурак...

13

Страна гуляла. Естественно, не вся, потому что существовали, существуют и всегда будут существовать подразделения, призванные создавать условия для бесперебойной жизнедеятельности организма, именуемого государством. В круглосуточном графике работали и предприятия, обеспечивающие сборку и отладку ви-генераторов, доведенных до ума узлов ПП да малотоннажного флота, прототипом основных единиц которого являлась «Прима». Президент и его окружение торопились закрепить приоритет. В отличие от России, у ее партнеров по проекту после Нового года никогда не было столь длительных праздников, и они требовали от Ильина ускорения поставок. Орбитальная станция тоже срочно модернизировалась, готовясь стать первым заатмосферным портом для кораблей нового поколения. Возле нее уже на четверть выросли верфи, и челноки прибывали буквально через день, забрасывая в космос грузы, необходимые для начала успешного и триумфального освоения Солнечной системы. Бернский центр не дремал.

Неусыпно трудился и коллектив Медведева, усиленный американскими специалистами из Комитета и пытающийся нащупать малейшие следы, ведущие к затаившимся испытателям. Денно и ночью кружили над планетой спутники слежения, постоянно сканируя ее поверхность в надежде обнаружить нечто, не вписывающееся в обычные рамки. Несколько групп аналитиков постоянно просматривали гигантские объемы информации в Интернете, газетные статьи, заметки и даже публикации местной прессы из самых отдаленных районов страны. Пока все было тщетно.

Сами же обитатели сибирского особняка, за три дня устав и от отдыха, и от сногшибательных забав, приступили к планомерному исследованию возможного поля деятельности. Варчук, Клюев и Дорин рыскали по городам и весям, присматриваясь к обстановке, запоминая все негативные моменты и суммируя накопленные впечатления. Тернер часами сидел перед компьютером и думал, похоже, что это достижение человеческой мысли теперь занимало его только как необходимый для работы антураж. Он мог легко обойтись и без него, но, видимо, сказывалась сила привычки. Клеменс под видом одного из инженеров обслуживающей группы угнезвился в лабораториях Терехова на Базе и пропадал там довольно давно. То же самое сделал и Хромов, только объектом его интереса были разработки Бородина. Седых вместе с Никитой воспитывал Федора, обучая его кроме навыков ушу еще и основам древней восточной философии.

Кобыш, оставшись без Вивьен, первое время ходил потерянный, потому что понимал, что ей не до него, она вершила где-то свои, неведомые ему, третьестепенные дела, потом

сообразил, как действовать дальше. Тараоки обмолвилась, что достигнуть высших ступеней может каждый, надо только всемерно развивать свое сознание, и он решил устроить тайную ревизию анналов Института психофизики, дабы постичь методы сего развития. Предварительно он проконсультировался с Монахом, и тот пообещал ему в обозримом будущем обязательно познакомить со своим тибетским учителем Лу-Хтенгом. Связываться с самой Вивьен и надоедать ей Дмитрий не рискнул.

В канун Рождества, как и было задумано, состоялась церемония венчания Аристарха и Прасковьи. Отец Василий наотрез отказался проводить сей обряд сам, поскольку считал не вправе возлагать венец на собственного сына, и процедура произошла в Вырицком храме Казанской Божьей матери, под Санкт-Петербургом, в присутствии всех обитателей таежного дома, команды Ли, Федора и Батюшкина-старшего, переправленных в Вырицу Бородиным. Венчались вместе с еще двумя парами перед чудотворной иконой, и народ, толпившийся у стен храма и под его сводами, слегка ослонившись от длительных возлияний, не признал своих героев. И не мудрено. Люди пришли либо со своими заботами, либо просто поглазеть на красивый обряд и разглядывать лица друзей и родственников новобрачных вовсе не собирались. Так что все прошло спокойно и торжественно.

Завершилось это радостное событие, как уже повелось, за праздничным столом в холле первого этажа лесной обители. Прасковья и Аристарх лучились счастьем, благодарно принимали многочисленные поздравления и целовались при криках «Горько!», а друзья, собравшиеся вокруг, шумно ликовали. В Елани решили не показываться, чтобы не дразнить гусей. Шутка ли, в одной семье две свадьбы за полгода! Да еще каких! Такое могли и не простить по-соседски.

Кобыш тоже отвел душу, ни на минуту не отходя от Вивьен. Она принимала его ухаживания, как должное, остальные же бывшие претенденты лишь улыбались и весело балагурили, полностью признав за своим командиром право на сердце очаровательной японки. Когда, далеко за полночь, Паня и Рис, как их теперь все запросто называли, удалились в свои апартаменты, а гости понемногу утихомирились, Вивьен подарила Дмитрию еще одну ночь любви. Он было попытался как-то закрепить их отношения, но женщина приложила к его губам изящный пальчик и сказала:

– Расти, мой самурай, и надейся на успех. Все придет.

К концу следующей после Рождества недели, субботним вечером, испытатели решили подвести некоторые итоги. Арбитром избрали Монаха, как представителя третьего уровня и человека, наиболее искушенного во внутриполитическом раскладе, благо он жил с ними под одной крышей. Сначала сбросили информацию Ключев, Варчук и Дорин. Обрисовалась неприглядная картина. Практически все учебные заведения, которые они обследовали в российской глубинке, начиная от дошкольных и заканчивая высшими, погрязли в коррупции, учебный процесс был пущен на самотек, а бюджетные средства внаглую разворовывались. С детскими домами обстояло не лучше. «Мы видим только два варианта начала преобразования системы воспитания и обучения, – сказал Олег. – Первый и наиболее скрытный – внедрение в какое-либо учреждение, захват командных высот и реорганизация его изнутри. При втором мы вынуждены сразу засветиться, он заключается в открытии новых действенных центров».

Хромов с Клеменсом были менее категоричны. Они сообщили, что методика Бородина позволяет с большой точностью определять как обитаемые миры, в нашей Галактике и за ее пределами, так и миры, пригодные для заселения, а тереховский способ тестирования выявляет людей, готовых к переходу на более высокий уровень со стопроцентной гарантией. Поэтому, считали они, нечего маяться дурью, можно просто отбирать потенциальных адептов, гонять их к Сфере на собственном ПП-корабле (создать его не так уж сложно при наличии соответствующей информации, Варчук-то у нас на что) и исподволь готовить первых переселенцев, коли человек без всяких дополнительных транспортных средств способен перемещаться в космосе.

Тернер, за две недели разобравшийся в механизмах мирового и российского бизнеса,

предложил совсем уж непритязательный вариант. Раз уж во всех банках мира, заявил он, существуют счета, на которых аккумулируются деньги, добытые грязным путем, для него, как хакера со стажем, при его нынешних возможностях не представляет труда перераспределить эти средства и пустить их на социальные программы и эффективную систему образования. Зачем изобретать велосипед? Все уже придумано до нас. «Святая простота, – сказал Монах. – А кто будет контролировать изъятые средства? Нас, знаешь ли, на всех не хватит. Деньги опять уйдут туда же, откуда пришли».

Кобыш, не мудрствуя лукаво, сходу выдал свой замысел: для результативного старта нужно использовать секретные данные таких закрытых государственных центров, как Институт психофизики. У них там громадная картотека на людей с выявленными и латентными экстраординарными способностями, объяснил он. Это ж какой резерв! Их надо первыми вырвать из когтей спецслужб и предоставить все условия для гармоничного развития.

Батюшкин выслушал всех очень внимательно, грустно покивал и, сложив руки на груди, сделал малоутешительное обобщение. «Отрадно, – заявил Аристарх, – что вы стремитесь к просвещению и справедливости. Собственно, иначе и быть не может, вы – люди второго уровня. Беда в том, что вы плохо представляете себе механизмы и траектории развития земного сообщества в его нынешнем состоянии. Тут вы недалеко ушли от российских реформаторов конца прошлого века, которые с шашками наголо пытались лихими кавалерийскими наскоками разрешить проблемы, требующие длительного и осторожного участия. Можно, конечно, внедриться в учебные заведения всех звеньев, постараться взять в свои руки бразды правления и приступить к преобразованиям. Только вы рискуете увязнуть в закулисных склоках, борьбе за кресла и элементарных ловушках, расставленных искушенными в многолетних подковерных играх чиновниками и бюрократами от образования и науки. Хитрость, лживость и корысть в этой среде гораздо важнее, чем ваши сверхъестественные способности. Вы проиграете.

Можно отбирать людей по тереховской методике и уговаривать их пройти инициацию. Только с чего вы взяли, что каждый из них согласится на это. Их решение должно быть свободным или непреднамеренным, как у вас, получивших свой дар неожиданно и прошедших через колебания, сомнения и даже страх оказаться отторгаемой обществом белой вороной. Насильно осчастливить человека нельзя. Эта истина настолько избита, что не стоит даже вспоминать о ней. Кроме того, какая-то часть адептов обязательно подвергнется искусу применить свои умения к собственной выгоде, чтобы покуражиться, подняться над общей массой или просто выделиться из хвостовства. Обычно за таким опытом следует неминуемый и жестокий, с людской точки зрения, удар. Нельзя, не задумываясь о последствиях, нарушать законы Мироздания, начальные условия которых для искателей на выход во второй уровень изложены, пусть весьма приблизительно и грубо, в библейских заповедях. Обращенный лишается своих способностей, частично или полностью. Получается не эволюция, а революция. Если из этого слова убрать одну маленькую букву, то возникает понятие, которое принято характеризовать как коренной перелом, являющийся началом перехода на более высокую ступень развития, что совершенно не соответствует настоящему положению вещей. Вспомните, какими разрушениями сопровождается подобный скачок, сколько он приносит бед и несчастий в отличие от постепенного и целеустремленного движения вверх. Как правило, в такие моменты на поверхность поднимаются вся грязь, муть и гной, за долгое время осевшие на дне общества. И прогресс не ускоряется, а тормозится. Правда, позднее, прорвав образовавшиеся завалы, человечество вновь бросается вперед, с грехом пополам извлекая уроки из сделанных ошибок. Тут уж действительно наблюдается форсированный режим, что абсолютно не противоречит законам природы. Вода, прорвавшая плотину, всегда превращается в бурный поток.

Так что не надо торопиться, иначе неизменно остается риск стать повивальной бабкой при рождении новых великих кормчих, вождей и гениев всех времен и народов, подобных Гитлеру и Сталину. Они ведь тоже не появились на свет злодеями. Напротив, Адольф

Шикльгрубер в молодости писал неплохие картины, а Иосиф Джугашвили учился на священника и сочинял заслуживающие внимания стихи. В какой-то момент им удалось припасть к источнику глобальной информации и реализовать дремлющие в них способности. Искушение властью оказалось роковым не только для них самих, но и для миллионов людей на планете. Человечество приобрело двух величайших тиранов двадцатого столетия. И их собственный конец тоже был ужасен. Первый, брошенный клеветами и соратниками, остался лежать обугленным у входа в неприступный подземный бункер, где он провел свои последние дни, второй умирал еще более мучительной смертью, в течение суток не в силах сдвинуться с места, куда он упал, вставая с ложа, чтобы сделать глоток воды. Их существование завершилось кратким мигом грубого земного существования. Без возможности продолжения в иных измерениях Мироздания.

С детьми и подростками надо обращаться тем более осторожно. Их сознание еще открыто миру и готово меняться как в ту, так и в другую сторону. Тут действует заповедь «не навреди». Да и как вы собираетесь объяснять им необходимость инициации и последующего переселения? Что будете говорить их родителям в том случае, если они, папа и мама, неспособны на трансформацию? Любому ребенку очень раним и привязан к давшим ему жизнь. Для него семья – понятие неприкосновенное. Не для каждого, конечно, но таких мы и не рассматриваем. Они выпадают из круга наших интересов, потому что отсутствие любви к ближнему – серьезный порок, насмерть перекрывающий возможность дальнейшего развития. В случае с детьми допустимо лишь длительное и крайне осмотнительное участие в воспитании.

Что же до хакерских пристрастий Брюса, то здесь еще хуже. Изъятие денег с банковских счетов чревато крайне негативными результатами, не говоря уж об этичности подобных деяний. Да, теневая экономика планеты поразительно живуча, и грязные деньги, являющиеся результатом криминального и полукриминального бизнеса, составляют сотни миллиардов долларов. Но это вовсе не значит, что надо уподобляться их владельцам и накладывать лапу на то, что, по сути, принадлежит всем людям. Ну, подумайте сами, если со счетов начнут пропадать деньги, до предела пошатнется доверие к банкам, что, в свою очередь, приведет к панике на биржах и неминуемому обвалу мировой системы. А уж когда эти деньги неожиданно обнаружатся совсем в других областях экономики, последует незамедлительный взрыв. В сущности, начнется война, которая, как всегда, ударит по ни в чем не повинным людям. Категорически – нет!

Предложение Димы заслуживает внимания. Тут есть определенное поле деятельности. Правда, следует учитывать, что далеко не все, обладающие редкими способностями, могут пройти через сито стартовых условий трансформации. По вышеуказанным причинам. Поэтому здесь тоже требуются осторожность и сосредоточенность».

– Как же быть? – растерянно спросил Седых. – Окончательно уйти в подполье? Или заниматься отбором и воспитанием на уровне кружков и самодеятельных секций?

– Ну, зачем же утрировать, – мягко сказал Монах. – Вы все проделали довольно интересную работу, и ее результаты в значительной мере можно использовать. Например, так. В какой-либо оффшорной зоне, скажем, на Кипре, регистрируется некая фирма, основным видом деятельности которой являются услуги в системе образования. На ее счет зачисляется небольшая сумма в четыре-пять миллиардов долларов. Поверьте, для мировой экономики это крохи и они не явятся дестабилизирующим фактором. Фирма, после недолгих изысканий в любой стране, в том числе и в России, может заключить соглашение с соответствующими инстанциями о создании и развитии центров обучения по новым методикам. У нас здесь это сделать проще потому, что к иностранным инвесторам наши чиновники привыкли относиться с большим пиететом, чем к своим собственным, особенно при наличии заранее оговариваемых сумм, оседающих на их зарубежных счетах. Кроме прочего, контроль за такими программами либо значительно ослаблен, либо отсутствует вообще. Что, согласитесь, немаловажно.

К сказанному добавлю следующее: президент поручил мне разработать проект

привлечения крестников Сферы для воспитания нового поколения. Больших надежд в этом случае я не питаю, потому как Ильин – не самая сильная фигура. Он – король на шахматной доске. На него всегда могут надавить те, кто привел его к власти и у кого в руках закулисные рычаги. Их много, а он один. Тем не менее, мы можем использовать и этот вариант, запустив его параллельно с основным. Дублирование не мешает. Правда, в последнем случае опека будет назойливой и всесторонней. Но кое-что сделать удастся. Как вам такой расклад?

– Звучит неплохо, – Кобыш окинул свою команду взглядом. – А, ребята?

– Годится.

– Тогда начинайте готовиться прямо сейчас.

* * *

Солдат перечитывал заметку во второй раз. Газета называлась «Аномальные явления» и выходила в Красноярске. В статье, озаглавленной «Еланский феномен», говорилось о том, что в новогоднюю ночь многие деревенские жители наблюдали полет НЛО, в том числе и корреспондент газеты, также ставший очевидцем благодаря счастливому стечению обстоятельств. В Елани проживали его престарелые родители, и он решил отметить праздник в узком семейном кругу, «под крышей памятного с детства отчего дома». Каково же было удивление аборигенов, высыпавших по традиции после полуночи на улицы, с гармошками, частушками и четвертями самогона, когда над их головами зависла летающая тарелка. Осыпав ошарашенных гуляк золотистыми снежинками и дождем конфетти, необычный аппарат игриво дал три паровозных гудка («именно паровозных», писал шустрый газетчик, поскольку с малолетства помнил этот звук), выпустил струю пара и отбыл восвояси. Таинственное и одновременно шутовское происшествие можно было бы списать на массовую галлюцинацию, явившуюся следствием всеобщего злоупотребления крепчайшим продуктом местных умельцев, но на следующий день слегка протрезвевшие жители обнаружили у своих чад невероятное количество игрушек, которые дети радостно демонстрировали своим папам и мамам, заявляя, что Дед Мороз с виртуозным мастерством выполнил их самые сокровенные желания, вплоть до цвета волос у кукол и конструкции давно вожделенных велосипедов. Такое с рациональной точки зрения объяснить было невозможно!

«Молодцы аналитики, – подумал Солдат, – не прозевали!» С одной стороны, это можно было считать полным бредом пьяного воображения, а с другой, слишком уж смахивало на чудачества того же Ключева. Медведев опять вспомнил многопудовую скамейку и поежился. Только вот зачем они устроили такую буффонаду? Из новогоднего озорства? Или тут что-то посерьезнее? Учудить такое можно лишь в том случае, когда стопроцентно уверен в своих силах. Вот, мол, смотрите, мы вас не боимся! До лампочки нам все ваши спецслужбы и спецназы. Что хотим, то и творим. Поймайте, ежели сумеете.

Солдат набрал на аппарате ви-связи код сибирской группы подчиненного ему подразделения и нажал на клавишу вызова. Экран немедленно осветился, и на нем появилось изображение полковника Прошина, его доверенного лица и офицера в высшей степени сообразительного.

– Костя, – сказал Медедев задушевым голосом, – отправь-ка своих людей в деревню Елань. Пусть аккуратно, не возбуждая излишнего внимания, понюхают обстановку. Прикинутся, скажем, охотниками за тарелками или другими аномальщиками со снесенной крышей. Надо плотно прочесать окрестности на предмет обнаружения сбежавших из Института Варчука и Ключева.

– Только их? – спросил понятливый Прошин.

– Не только, – Солдат утвердительно кивнул. – Там могут оказаться и другие знакомые.

– Что делать при установлении?

– Если их присутствие подтвердится, операция сразу же переходит ко второй фазе, исключаящей их появление в любом другом месте.

- Чтобы их взять, понадобятся большие силы.
- Задействуешь областной спецназ. С твоими полномочиями можешь привлечь хоть всех сразу, с авиацией и прочими прибабахами. Я бы лучше сам приехал, но у меня здесь американцы пасутся, а они не должны ничего пронюхать. Учти, ты обеспечиваешь абсолютный результат.
- Какие пределы мне устанавливаются?
- Живыми они не нужны, – интонации Медведева обрели соответствующую жесткость.
- Именно поэтому я не могу покинуть Москвы. Задача операции идет вразрез с пожеланиями некоторых высокопоставленных людей, а посему для них я буду не в курсе. Мало ли какое рвение проявили местные служаки! Естественно, потом полетят головы, но своих мы в обиду не дадим. Все понял?
- Конечно. Раз живыми не нужны, значит, задание упрощается.
- Я так не думаю, – отрезал Солдат. – Ты просто не можешь себе представить, на что они способны. Будьте предельно осторожны. Лучше бить издалека.
- Так точно.
- И вот еще что. Запомни сам и проинструктируй всех своих людей, вплоть до последнего бойца. Те, с кем вам придется воевать, не в состоянии причинять зло людям. Таковы их принципы. Так что руки у вас развязаны, не поддавайтесь панике, если вам станут демонстрировать различные сногшибательные фокусы.
- Понял.
- Приступай.

* * *

Разведчики вернулись через трое суток. Прошин послал в поиск самых лучших, привезенных из столицы, поэтому рассчитывал на гарантированный результат. Этим четвертым было не привыкать выслеживать врага в любых условиях: в тундре, тайге, степи, тропических джунглях, больших городах и даже труднодоступных горных районах. Они являлись элитой спецназа.

Прибыв в Елань под видом барнаульской группы по изучению НЛО, они произвели пристрастный опрос всех очевидцев, при случае помянув корреспондента «Аномальных явлений» как одного из своих ближайших приятелей и сподвижников, поглазели на игрушки, тщательно проверили их портативным сканером (игрушки оказались самыми что ни на есть натуральными, из материалов, рекомендованных государственными стандартами) и попутно выяснили, с кем еще можно пообщаться на предмет получения сведений о летающей тарелке. Выяснилось, что посудина появилась с той стороны, где обитает местный лесник, человек нелюдимый и странный, недавно женившийся, впрочем, на дочери Прасковьи, бухгалтера деревенской управы. Кому, как не ему, заявили мужики, наблюдать за тем, что в небе летает, один хрен, делать что больше нечего. Шастай себе по тайге да задирай голову. А еще он водит дружбу с отцом Василием, попом здешним. К священнику разведчики соваться не стали, а вот Прасковью решили навестить. Визит вышел неудачным. Соседи пожимали плечами и говорили, что не видели Паню аж с Нового года. Как увезли ее с зятем и детьми на военном «газике», так и пропала баба.

Покрутившись еще немного по Елани с целью увидеть как можно больше, группа направилась в тайгу, неукоснительно следуя направлению, указанному мужиками. К дому лесника они подбирались уже скрытно.

– Ну и сторожка у таежного отшельника, доложу я вам, – рассказывал Прошину старший группы, капитан Зуев. – Загородная резиденция VIP-класса! Это в сибирской глуши! – он поджал губы, удивленно покрутил головой и выложил на стол поляроидные снимки. – Вот, полюбуйте. А это, судя по всему, хозяин. Да и не отшельник он вовсе, у него там целый взвод окопался. Засекли человек десять, не считая самого хозяина. Может, и еще кто в доме прятался. Наблюдали, пока светло было, так что за количество не ручаюсь.

– Взгляни сюда, – полковник достал пачку фотографий и разложил их на столе. Среди них были снимки не только Варчука с Ключевым, но и всей команды испытателей. – Кто?

– Ха! – Зуев не смог сдержать торжества. – Да все они там, зуб даю!

– Молодец! – Прошин расплылся в скупой улыбке. Большого он и не смел ожидать. – Отдыхайте пока. Восстанавливайтесь. Думаю, долго бока давить вам не придется. Операцию по уничтожению противника начнем сходу.

– Какой же это противник? – удивился Зуев. – Совершенно безобидные ребята, и еще пара баб впридачу.

– Ты сначала справишься с ними, расслабляться потом будешь. Есть информация, что они не люди. Вернее, уже не люди. Так что потребуется вся ваша сноровка. Ступай и не мельтеши перед глазами.

Действительно, разведчики даже не предполагали, что «безобидные ребята» легко засекли их скрытое наблюдение и уже обсудили предварительную стратегию обороны. Кобыш, развалившись на диване в холле третьего этажа, весело прокомментировал:

– Вот и дождались! Хорошо хоть наблюдателей для начала запустили, а не ринулись напропалую. А то бы могли сгоряча таких дров наломать! Значит, остерегаются. И, между прочим, правильно делают! Такие вещи нужно обдумывать не спеша, прикидывая самые различные варианты. Хотя где уж им! Они же не знают, на что мы способны.

– Мне кажется, Медведев дал им кое-какие наметки, – заметил Варчук. – Иначе они бы уже приступили к захвату.

– Окстись, Олег! – Седых недовольно поморщился. – О каком захвате ты толкуешь? Мы уже полмесяца мертвы, и воскрешать нас никто не собирается. Речь идет об уничтожении.

– Вот именно! – Кобыш значительно поднял палец. – Они придут, чтобы убить нас окончательно. Поэтому переговоры не предусмотрены. Будем действовать сообразно обстановке. Чтобы перекрыть все стороны, четверых человек вполне достаточно. И надо сообщить Монаху, пусть знает, а то еще испортим ему выходной.

Этого разговора разведчики не могли слышать, даже если бы очень захотели.

Когда Зуев покинул кабинет, на ходу бормоча: «Еще посмотрим, кто кого», Прошин вызвал к себе командира оперативного подразделения спецназа Варенцова, усадил его перед собой, расстелил на столе крупномасштабную карту района с Еланью, обведенной красным маркером, и приступил к постановке боевой задачи:

– Слушай меня внимательно, майор. От твоей расторопности будет зависеть исход дела. Здесь находится узловая станция, – он ткнул маркером в карту, – которая является исходным рубежом. Сюда прибудет состав с твоими орлами и техникой, а в ближайшем от станции лесочке мы развернем командный пункт. От него до рубежа атаки по прямой шестьдесят два километра. Обойдете деревню сбоку, форсируете речку, выдвинетесь еще на километр в тайгу и затаитесь. К объекту, – Прошин бросил поверх карты фотографии, – будете подкрадываться на цыпочках. Чтобы ни одна веточка не шелохнулась. Технику оставите под прикрытием подлеска. Рекомендую заранее посадить снайперов. Их нужно восемь человек, по двое на каждую сторону дома. И не жмись, иначе можешь людей не досчитаться. Они должны работать, в основном, по целям, появляющимся снаружи. Стекла в особняке тонированные, и что происходит внутри, им не разглядеть. Когда начнете, в первую очередь бейте по окнам, тогда и у снайперов видимость улучшится. Живых остаться не должно. Особняк тоже не щадите. Его нужно сравнять с землей, чтобы даже памяти не осталось. В этом вам помогут армейские вертушки с ближайшей авиабазы. Вопросы?

– Какое оружие предполагается у противника?

– Вряд ли у них есть оружие. Они сами – оружие. Они могут, не сходя с места, поднять твой танк, как пушинку, и зашвырнуть его подальше в тайгу. Так что стрелять только на поражение. Желательно с большим упреждением.

– Какими силами должна проводиться операция?

– Прикидывай сам, но никак не менее роты. Повторяю, с таким противником не

приходилось сталкиваться ни одной армии мира. Ваш враг обладает сверхъестественными способностями, даже мы не представляем, какими. Главная тактика – внезапность и быстрота.

– А серебряный боезапас нам не понадобится? – скривился Варенцов. – Вы, господин полковник, заранее□то не пугайте. Как бы боевой дух не подорвать.

– Я обязан тебя предупредить, – Прошин нахмурился. – А дальше уж смотри. У тебя, правда, есть значительное преимущество. Твой противник не может причинять зла людям. Не знаю уж почему. Так и проинструктируй всех своих бойцов. Все останутся живыми. А вот ваши цели должны быть уничтожены.

– Сколько их?

– Минимум десять.

– Ну, Бог не выдаст, свинья не съест. Когда выступаем?

– Немедленно. На сборы – два часа. Завтра ночью мы должны быть там, чтобы к рассвету выйти на рубеж атаки.

* * *

Варенцов внимательно рассматривал особняк в цейссовский бинокль. Это, действительно, была резиденция VIP□класса с широкой парадной лестницей, украшенной декоративными фонарями, с тонированными окнами и мансардным этажом, стекла которого оказались самыми обычными. Сквозь них виднелась буйная растительность самых разнообразных очертаний. Первая неожиданность подстерегала сразу же за кромкой леса, со стороны ворот. Перед спецназовцами оказалась обширная площадка с ровно утрамбованной поверхностью, из□за этого от них до распахнутых створок оставалось метров сто совершенно открытого пространства. Ничего подобного на фотографиях разведчиков не наблюдалось. «Неприятно, – подумал майор. – Придется менять тактику».

Он жестом подозвал командиров групп и приказал изменить диспозицию. Теперь им предстояло окружить двор с тех сторон, где лес подступал вплотную к изгороди, представлявшей собой невысокую, сантиметров семидесяти, основу с торчавшими из нее через каждые пять метров столбами, к которым крепилась ажурная металлическая решетка. Команды, в составе двадцати человек каждая, бесшумно канули среди заснеженных ветвей. Снайперы уже заняли свои места по боевому расписанию, их совершенно не было заметно, но Варенцов знал, что именно сейчас они накручивают глушители на стволы винтовок. Выждав еще полминуты, он тихо буркнул в рацию: «Готовность?» «На местах», – еле слышно пискнула рация.

Главная группировка в количестве сорока бойцов находилась за его спиной, но навязчивая мысль о том, что еще рано отдавать приказ «К бою!», беспокоила майора все сильнее. Он осторожно отполз назад, оглядел замерших спецназовцев, приподнялся, коротко выдохнул: «Ждать» и исчез за разлапистыми елями, где в небольшом отдалении от дороги притаились три БТР и два танка. Подойдя к командирской машине, он забрал у радиста наушники с микрофоном и сказал:

– Соедини с первым.

Через секунду в наушниках раздался голос Прошина:

– В чем дело, майор? Возникли трудности? У меня на картинке все, как на ладони.

– Тогда вы должны видеть площадку перед воротами, – Варенцов мельком глянул на объектив телекамеры. – Я не поведу своих в лоб. Начнут снайперы и засадные группы, а дальше бой покажет.

– Возьми с собой аппарат ви□связи. О любых неожиданностях докладывать немедленно. Вертушки поддержат тебя через десять минут.

– Понял. Значит, через пять минут даю сигнал.

– С Богом, майор!

Варенцов вернул радисту его принадлежности, вытащил из бортового кармана плоский

капли воды похож на него самого.

– Ребята! – орал лже□Варенцов. – Не стреляйте! Свои□и□и! Мамой клянусь...

– Огонь! – рывкнул майор, когда первый шок схлынул. – Огонь, засранцы!

– Из чего?! – раздался рядом надсаженный вопль. – Из чего, едрена вошь!..

Варенцов остервенело оглянулся, чтобы осадить наглеца, да так и замер с открытым ртом, лицо его мгновенно вытянулось и приобрело задумчиво□тупое выражение. Бывалые воины, располагавшиеся вокруг своего командира, вскакивали, растерянно ощупывая себя, оглядываясь и титаническим напряжением мысли силясь сообразить, что же произошло. Все их снаряжение бесследно исчезло: и штурмовые автоматы с уже заряженными подствольниками, и солидный запасной боекомплект, и гранаты, удобно размещенные в легкодоступных местах, и десантные ножи, притороченные у кого к поясу, у кого к бедру, а у кого и к голени. Улетучился даже белый камуфляж, оставив своих владельцев в стандартном военном обмундировании, то есть, рассуждая применительно к обстановке, в чем мать родила. Остались лишь плоские коробки раций у тех, у кого они были.

Видимо, у остальных групп дела обстояли не лучше, потому что из заснеженных зарослей слышались сначала шум и треск, потом отборные ругательства, а следом за ними рассерженные крики командиров. Варенцов медленно поднялся, обуреваемый противоречивыми чувствами – растерянностью и одновременно гневом – перед ним во всей неприкрытой наготе воссияла истина, которую намеренно пытался донести до него полковник Прошин: воевать с этими жуткими клоунами обычными способами и средствами означало заранее обречь себя на поражение. Основные преимущества – внезапность и эффективное наступательное вооружение – были напрочь утеряны, следовательно, операция наполовину провалена. Но еще не до конца.

Варенцов скрипнул зубами, коротко рыкнул в рацию: «Оставаться всем на местах!» и рванулся к оставленной под прикрытием тайги технике. В какие□то секунды добравшись до нее, он обнаружил ничуть не менее душераздирающее зрелище. На БТРах оружие вообще отсутствовало как класс, будто его там никогда и не было, а длинные стволы танковых пушек походили на огарки свеч, с такими же наплывами и потёками, только в отличие от желтизны воска цвет их являл собой весь спектр побежалости, словно чудовищное горнило ядерного распада слегка коснулась их своим краем, обойдя вниманием сами корпуса машин. Экипажи, слава Богу, целые и невредимые, хаотично бродили рядом, на лицах их застыло выражение потрясения и крайней озадаченности.

Майор наконец□то вспомнил о ви□передатчике. Нажав клавишу вызова, он сумрачно глянул на появившееся изображение Прошина и, медленно цедя слова, произнес:

– Похоже, нас здесь ждали... Мы остались без оружия и техники... Полюбуйтесь, – он развернул аппарат экраном от себя и широко повел рукой, стараясь охватить как можно больший сектор обзора. – Операция практически провалена... Не в рукопашную же с ними идти...

– Юра, – заверещал динамик, – потяни время... Вертушки на подходе!

– А что я могу? – устало сказал Варенцов, возвращая передатчик в исходное состояние и краем сознания отмечая, что полковник назвал его по имени, значит, здорово припекло. – Бойцы деморализованы...

– Делай хоть что□нибудь! Попытайся разговорить, спой, спляши, выведи своих из леса... Они людей не тронут!

– Ну да, – в интонации майора слышались нотки раздражения. – А вертушки потом шарахнут по нам, по всем! Задача□то у них – сровнять с землей!

– Юра! Я тебя прошу. Тяни время. Понимаешь? Прошу, не приказываю.

– Есть, – Варенцов нервно отключил связь, глянул на сиротливо топчущихся у покалеченной техники солдат, криво улыбнулся и направился к ожидавшим его спецназовцам. Уже на подходе он понял, что ситуация изменилась.

Бойцы сбились в одну большую группу и настороженно смотрели на приближающегося к ним от ворот человека, одетого в растоптанные валенки, рваные ватные

штаны, замызганную телогрейку, всю в каких-то ржавых пятнах, и древнюю суконную шапку с ухом, свесившимся набок. Был он небрит и краснорож, в зубах сжимал гигантскую самокрутку, а на носу его чудом держались допотопные круглые очки, дужка коих еще не отвалилась только благодаря изоленте. Второй, тот самый двойник майора, сложив руки на груди, подпирал изгородь. Не доходя до края опушки нескольких шагов, это чучело остановилось, покачиваясь, и дребезжащим голосом осведомилось:

– Мужики, вы чего тут толпитесь в такую рань? Жабры горят? – он произвел несколько неуверенных движений, каждый раз промахиваясь мимо кармана, раза с пятого все-таки попал и извлек на свет божий огромную бутыль самогона, почти в половину своего роста, явно не способную уместиться внутри ватника. – Дык вот! Есть у нас...

Ряды спецназа дрогнули, по ним пробежал ропот, некоторые перекрестились.

– А-а-а! – скрипнул убогий абориген, заметив сии жесты. – Стало быть, христиане среди вас есть? – он тяжело вздохнул и выпустил из самокрутки клуб сизого дыма. – Отчего ж душегубством пробавляетесь? Кореша моего, – кивок в сторону лже-майора, – чуть не извели?..

В это время Варенцов уже пробрался меж податливо уступающих дорогу бойцов и вышел вперед. Окинув диковинного таежного обитателя цепким взглядом, он угрюмо спросил:

– Сам-то ты, любезный, кто будешь?

– Дык ить живу я здесь, – с самым доверительным видом сообщил этот шут гороховый, поставил бутыль с мутной жидкостью на снег, запустил неверную руку во второй карман, пошарил, с трудом вытащил цепляющуюся краями обглоданную фанерку, водрузил сверху на узкое горлышко и плотно уселся, нимало не заботясь о равновесии. Затем простер заскорузлый перст в сторону особняка. – В лачужке вот... непосредственно...

«Ни хрена себе, лачужка!» – подумал Варенцов, но вслух сказал:

– А нам говорили, что лесник здесь молодой.

– Не всякому верь, что скажут, – в надтреснутом голосе драного жителя VIP-хауза трудно было уловить назидание, и, тем не менее, оно прозвучало. – И не всякое твори, что велят... Что за печаль тебе, воин, каковы годы хранителя тайги?..

В это время послышался отдаленный стрекот, и из-за верхушек деревьев вынырнули хищные черные силуэты боевых вертолетов. Они шли в бреющем полете двумя звеньями с разных сторон, и подвески их, густо ошетилившиеся рылами ракет, не оставляли сомнений в их намерениях.

– Ложись! – гаркнул Варенцов, опрометью бросаясь за ближайшую сосну, где незамедлительно рухнул и, вжимаясь в снег, скосил глаза в сторону запойного доходяги. Бойцы его моментально отработали команду и расползлись кто куда, так, что заснеженные ветви таежных великанов полностью скрыли их из виду. Задрипыш же даже не шелохнулся. Он лишь с заметным интересом наблюдал за действиями вертолетов.

Зато зашевелился второй участник представления, стоявший у изгороди. Как только под днищами винтокрылых машин полыхнуло пламя, и ракеты рассерженным пчелиным роем устремились к цели, он начал стремительно увеличиваться в размерах, надуваясь, словно воздушный шарик, накачиваемый газом из большого баллона. Когда смертоносные летучие снаряды достигли поляны, лже-майор был уже в три раза выше особняка и принял их, как футбольный мяч, на полупрозрачную грудь. Ракеты с шипением изменили траекторию, скользнули вверх и там лопнули разноцветным праздничным фейерверком, совсем как в большую годовщину над Красной площадью.

А драный шут, наконец, поднялся, схватил бутыль, выдрал зубами из горлышка пробку, предварительно сплюнув самокрутку в снег, и от души приложился к самогону. С хлопотанием опустошив добрую половину емкости, он крякнул, уткнулся носом в замызганный рукав, после чего тоскливо молвив «Эх!», воздел растопыренные пальцы к небу. Вертолеты как раз завершали молниеносный разворот, но так и не успели сделать этого до конца. Они зависли в воздухе подобно мухам, неожиданно попавшим в невидимую

липкую паутину. Роторы, надсадно воя, вращались на форсированных оборотах, однако грозные боевые машины не сдвигались с места. Доходяга же, надувая заросшие щетиной щеки и шумно пытаясь, начал изображать натягивание каната, совсем как в матросском танце «Яблочко». Все шесть вертолетов, некоторые боком, а некоторые хвостами вперед, стали приближаться к поляне. Их мощности явно не хватало, чтобы противостоять усилиям самозваного Гулливера, притягивающего их будто на ниточках.

Над площадкой они снова замерли, бешеным вращением лопастей создавая рукотворную вьюгу, затем их совершенные, злобно прекрасные корпуса дрогнули, размазались и стали осыпаться вниз, словно черный град, вызванный неведомыми титаническими силами. Пилоты, радисты и стрелки остались висеть в воздухе, скорчившись в позах эмбрионов.

Гигант же, снова сдувшийся до размеров обычного человека, опять сменил обличье. Теперь он выглядел дирижером симфонического оркестра, одетым в безупречный фрак, белую сорочку с огромной бабочкой и держащим в руке палочку. Постучав по невидимому пюпитру, маэстро вскинул руки и сделал вдохновенный замах. Музыки, натурально, никто не услышал, но экипажи обратившихся в ничто вертолетов начали, кружась и выписывая немыслимые траектории, совсем как опадающие осенние листья, медленно опускаться на утрамбованный снег. Когда все приземлились и сгруппировались в небольшую кучку, оторопело озираясь вокруг, драный подошел к дирижеру, с чувством пожал ему руку и, обернувшись ко все еще скрывающимся в зарослях спецназовцам, буднично произнес:

– Хватит прятаться, а ну ки. Всем выйти из леса.

И хотя голос прозвучал негромко, его, как ни странно, слышали все, даже группы, отправленные ранее в тылы осажденного дома и уже подбирающиеся к своим товарищам короткими перебежками.

Повторять не пришлось. Воинство Варенцова с неохотой начало оставлять свои убежища. Сам майор, досадливо морщась, выступил на площадку одним из первых.

– Елы-палы! – умилился субъект в ватнике. – Никаких тебе ружов и тесаков! Это ж совсем другой коленкор получается. Прямо сугубо мирный народ!

– Каждый из этих мирных людей, – как бы нехотя процедил Варенцов, – может голыми руками убить целое отделение.

– Да ну! – потрясся доходяга, испуганно шмыгая носом. – А зачем?

– Для устранения угрозы и наведения порядка, – отчеканил командир спецназа.

– Разве ж таким душегубством угрозу устранишь? – пригорюнился драный. – Ничего невозможно. А ежели хотите, можем подсобить, – и, обернувшись к дому, жалостливо воззвал. – Жека, друг мой сердешный! Явись на потеху почтенной публике.

Стеклянные двери особняка раскрылись, и на пороге показался худощавый мужчина в шелковом китайском костюме и мягких черных тапочках. Не спеша, он спустился по лестнице, вышел из ворот и пересек площадку. Остановившись перед угрюмо взирающими на него спецназовцами, Седых, а это был именно он, приложил левый кулак к раскрытой правой ладони и молча отвесил церемониальный поклон.

– Вы гордитесь тем, что сильны в убийстве, – негромко произнес он. – Покажите свое умение. Обидеть слабого не трудно, гораздо почетнее справиться с тем, кто превосходит тебя. Вы вправе выставить самых достойных бойцов.

Варенцов скривился и повернулся к своим профессионалам. Он заметил, что в глазах их появились хищные огоньки, мышцы заиграли, а лица разгладились, потеряв выражение безысходности. Рукопашная схватка – не битва против неведомых могущественных сил, тут равных его орлам попадалось довольно мало. Все как на подбор, высокие, мускулистые, косая сажень в плечах. Среди них – один чемпион России и два Зауралья, не считая многих призеров армейских спартакиад. С такими ребятами можно попытать счастья.

– Журбин, – майор впился пытливым взглядом в победителя прошлогоднего российского чемпионата, – ко мне. Остальные на месте.

Когда лейтенант подошел к своему командиру как можно ближе, тот, едва разжимая

губы, спросил:

– Справишься с ним?

– Не знаю, какой он там мастер, – тихо ответил Журбин, – но на вид щедрушен. Я его сделаю, если не будет ограничений.

– Давай, Леша! – Варенцов сдвинул ему локоть. – Не подведи. В твоих руках ключ к нашей победе.

Лейтенант перевел взгляд на Седых и молча стал сдирать с себя утепленную куртку. Затем снял свитер, оставшись лишь в футболке, камуфляжных штанах и высоких армейских башмаках, на которые возлагал особые надежды. Удар тупого носка такого ботинка в голень ломал ногу противника, как тростинку.

– Три минуты на разминку, – сказал он, обращаясь к противнику.

Седых согласно кивнул и остался стоять в полной неподвижности. Журбин, действительно, уложился в отведенное время, произведя массу различных движений, от всевозможных растяжек до мощных свирепых ударов на выдохе. Покончив с разогревом, он приблизился к Жене и встал на расстоянии вытянутой руки. Рядом с ним испытатель выглядел худеньким подростком, не способным на решительное сопротивление. Тем не менее, взгляд его оставался спокойным и рассредоточенным, обращенным, казалось бы, внутрь себя. Неторопливо заложив руки за спину, Седых опять застыл.

– Ну, – драный перекрестился и сдвинул трюх на затылок, – зачали!

Пудовый кулак Журбина, словно атакующая кобра, молниеносно рванулся снизу вверх, чтобы завершить полет, встретившись с переносицей или виском противника. Избежать такого скрытого, хлесткого щелчка практически невозможно, но он пришелся в воздух. Это нисколько не озадачило лейтенанта, продолжившего нападение. Он не прекращал двигаться ни на долю секунды, нанося стремительные удары руками и ногами. В сущности, чемпион России превратился сейчас в неукротимую боевую машину, любой ценой добивающуюся цели. Вероятно, этот смертоносный вихрь, рано или поздно, должен был сокрушить любую защиту, и все же, невзирая на то, что бой шел на короткой дистанции, Седых оставался недостижим. Руки его по-прежнему оставались за спиной. Как он перемещался, уходя и уклоняясь от атак Журбина, никто не видел, темп его немыслимого скольжения вообще выпадал из поля восприятия зрителей.

Так продолжалось минуты две. Лейтенант месил воздух и казался неутомимым в своем наступательном порыве, а Женья призраком маячил перед ним. Но скоро, видимо, ему это надоело. Ноги чемпиона подогнулись, глаза закатились, и он, как подрубленный, плашмя рухнул на утоптаный снег. Лицом вниз. Как Седых уложил соперника, никто не понял. Установилась мертвая тишина.

– Цзешу, – тихо сообщил испытатель и коротко поклонился. Дыхание его оставалось ровным и спокойным. – Если хотите, можете выставить еще. Рекомендую пятерых. Больше количество малоэффективно. Будут только мешать друг другу.

– Что с ним? – сквозь зубы спросил Варенцов.

– Спит, – улыбнулся Женья. – Отдохнет минут десять и встанет... Базовая техника цзиньганьчжи, – пояснил он. – Его шэнь сейчас невозмутим.

– А если мы навалимся всем скопом? – мрачно поинтересовался майор. – Тогда что?

– Не советую, – легко произнес Седых. – Слишком большое разочарование.

– Вперед, ребята! – каркнул командир спецназа, сопровождая приказ резким взмахом руки. – Одному ему не выстоять!

Бойцы лавиной рванулись к сочувственно улыбающемуся виртуозу боя. Казалось, они его просто сметут и затопчут. Но нет. Словно торнадо пронесся между ними, и на снегу осталось лежать около двадцати человек. Прочие же, недоверчиво глядя на неподвижных товарищей, замерли, кто где запнулся, совсем как в детской игре «Море волнуется...»

– Все! – сказал Седых, пристально глядя на Варенцова. – На этот раз, действительно, все. Представление окончено. Не тратьте больше сил и времени. Ни своих, ни наших. В рукопашке вы тоже против нас бессильны.

Дранный стащил с затылка треух, с размаху хлопнул его оземь, притопнул валенком и, обратившись в коренастого, крепко скроенного шатена, одетого в легкий свитер и свободные брюки, неспешно двинулся к понуро стоящим воинам. Подойдя на расстояние в пять шагов, он качнулся с пяток на носки и не терпящим возражений тоном заявил:

– Отправляйтесь□ка, братцы, восвояси. Наземную технику мы вам оставили на ходу, так что до станции, где вас ждет полковник Прошин, доберетесь без приключений. И передайте ему наше скромное пожелание: оставьте нас в покое и воевать с нами больше не пробуйте. Бесплезно и накладно. Пусть прикинет убытки в виде шести дорогостоящих вертушек, которых мы вам, братцы, не вернем, вашего штурмового снаряжения и утешительного вознаграждения за риск. Хотя последнего, скорее всего, вы не дождетесь. Знаю я ваше начальство.

А Прошин, в свою очередь, нехай оповестит Медведева, запомните хорошенько эту фамилию, что любые попытки применить более эффективные средства, скажем, тактическое ядерное оружие или какую□нибудь химию, чреваты совсем уж печальными последствиями. Сопоставимыми с ущербом, понесенным американцами в Скалистых горах. Так и передайте. Пусть внимательно изучает опыт коллег.

«До свидания» не говорю, – Кобыш неприязненно осмотрел хмурое воинство. – Вам, думаю, это тоже не на руку. Подберите своих шустрых соратников, пока совсем не замерзли, да разотрите покрепче. Самогона там, – он кивнул на сиротливую бутылку, – еще литров пять будет. Напиток настоящий, крепкий, градусов девяносто, рекомендую. Пошли, Женя, – он подхватил мастера единоборств под руку, и они, не торопясь, направились к воротам, где их поджидал третий, рядом с которым неподвижно стояла взявшаяся неизвестно откуда рослая лайка.

А спецназовцы, наконец, зашевелились и кинулись приводить в чувство неудачливых товарищей по исчезнувшему оружию.

* * *

– Неплохо, – Монах соорудил довольную гримасу и несколько раз одобрительно качнул головой. – Совсем неплохо. Вполне адекватная реакция на реальную, а не теоретическую угрозу. Вы прошли последний тест. Примите наши поздравления.

– Так это был тест? – Кобыш удивленно задрал брови.

– Можете считать и так. Безусловно, противник был самым настоящим и убивать вас собирался дьявольски натуральным образом. Другое дело, что его карательная экспедиция состоялась благодаря тонко выстроенной траектории событий, и вы, не подозревая о том, помогали нам ее создавать. Это бы все равно, рано или поздно, случилось, мы лишь несколько ускорили ход разрешения ситуации.

– Значит, Вивьен, Слава, Василий и Андрей тоже...

– А как же. Я и говорю: наши поздравления.

– А если бы кто□нибудь из нападающих пострадал? – Кобыш не на шутку возмутился.

– Вопрос чисто академический, – вяло отреагировал Аристарх. – Никто просто не мог пострадать, потому что вы этого не хотели. К тому же мы контролировали процесс. Одно то, что вы устроили из хладнокровно рассчитанной карательной операции балаган, значительно повышает ваш рейтинг. Кстати, как вам такое пришло в голову?

– Повторная трагедия всегда превращается в фарс, – обронил Седых. – Нас уже один раз пытались уничтожить. Вот тогда было страшно. А сейчас... – он небрежно махнул рукой.

– Слушай, Рис, – Дмитрий зябко передернул плечами, – а что это вы нас все проверяете, да проверяете? Круг ведь уже замкнут.

– Вы первые, кто ступил на второй уровень не в результате долгого и тяжелого пути внутреннего духовного совершенствования, далеко не всегда приводящего к желаемому финалу в силу довольно конкретных естественных причин, а потому, что, во□первых,

оказались за пределами Земли, и, во вторых, прошли через «состояние превращения». Такие люди обычно становятся аватарами. Суть термина уточните потом у Жени, а сейчас запомните главное. Аватары не имеют права на ошибку. Совсем. Иначе это неминуемо приведет к катастрофе. Многоступенчатая проверка – вынужденная необходимость. В основном, для вашего же блага. Она, кроме прочего, помогает вам укрепиться в убеждениях и дает уверенность в собственных силах. Уж извините, коли что не так, но я думаю, вы не в обиде. Обида – слишком низменная эмоция.

– А мы сможем уйти к звездам? – с тревогой спросил Хромов.

– Можете. Но потом. Сначала вам предстоит курировать первую волну адептов. Их скоро будет много.

– Ээээ... я не совсем понял, – озадаченно произнес Кобыш. – Для достижения, как ты выразился, «состояния превращения» надо добраться до Сферы, а полеты туда прекращены. Мне кажется, надолго. Откуда же возьмутся массы новобранцев?

– Видите ли, – лицо Монаха осталось невозмутимым, – у вас не совсем верное представление о Сфере. Она – не механизм инициации латентных способностей, она всего лишь селектор, пропускающий эволюционировавших людей в обе стороны. Свободных разумных жителей Земли, оставивших в прошлом детские игрушки, помогавшие им повзрослеть. Я имею в виду любые машины, приборы, приспособления, без которых обычный человек не в состоянии обходиться. Выйдя на второй уровень, он может легко расстаться с этими артефактами, черпая из окружающего пространства все, что ему нужно. Путь к звездам для него открыт.

Сама же инициация происходит при обращении человека в пакет информации во время прыжка ПП, являющегося, в сущности, последним изобретением замкнутой машинной цивилизации, каковой и было земное сообщество до сегодняшнего времени.

– Позволь, – недоумение Кобыша усилилось, – но ведь Ли объяснял мне, что именно Сфера...

– Это всего лишь ложный ход, – прервал его Батюшкин. – Для предотвращения всякой утечки информации. Вы могли случайно проговориться, обронить неосторожное слово в той же «Харчевне», а База нашпигована следящей аппаратурой. Теперь вы вправе знать истину, после того, как подтвердили свой статус. Вся игра затеяна только с одной целью: чтобы сильные мира сего увидели в Сфере угрозу, перекрыли любые доступы к ней и развернули широкомасштабное освоение Солнечной системы с помощью кораблей ПП, как наиболее эффективного и доступного средства перемещения в космосе. Что, разумеется, они и сделали, тем самым предоставив возможность огромному количеству людей пройти через «состояние превращения». Конечно, далеко не все выйдут на второй уровень, не говоря уж о третьем, коего достигнут единицы. Именно потому, что человечество до сих пор остается агрессивным и вовсю потакает своим животным инстинктам.

Вы – всадники Апокалипсиса, а Сфера, если хотите, это и есть Второе Пришествие. Только на самом деле все произойдет не так, как описано в «Откровении Иоанна Богослова». То, что отображено в нем, рождено безумным человеческим воображением, отягощенным чувством вины и ощущением грядущего возмездия за ставшие обыденными и даже во многом поощряемыми нарушения заповедей Христа, говорившего о нормальных, подчеркиваю, всего лишь нормальных отношениях между людьми. Как мог истолковать темный Иоанн ту информацию, которую получил свыше? Как он мог объяснить увиденные им картины? Катастрофа в Скалистых горах, взрыв «Тайфуна», нападение на наш дом и еще многое другое, что неизбежно будет сопровождать ломку устоявшихся за многие века отношений, пригрезилась ему «великим днем гнева Его». Не понял он ничего и все запутал.

Теперь уже достаточно ясно, что все будет гораздо проще. Агнцы, действительно, будут отделены от козлиц самым ходом естественного отбора. Не без помощи Сферы – селектора, которой Мироздание ограничило масштабы развития земной цивилизации в том виде, в каком она сейчас существует. Ну, представьте себе такую неприглядную картину. Массы землян, проведая о возможности трансформации, ринутся в

космос с надеждой приобщиться к числу счастливиц, получивших сверхчеловеческие способности. Но эти способности нельзя купить, украсть или завладеть ими хитростью. Высший разум беспристрастен, он отсеет всех, недостойных такого дара. А ведь их будет большинство, потому что они продукт того общества, которое мы за долгую свою историю построили. Замешанного на алчности, зависти, насилии, лжи, двойной морали и многом другом, против чего предостерегали Пророки. Фанатично вымолить себе второй уровень тоже нельзя.

В результате, лучшие уйдут, останутся худшие. И как они будут выживать? Кем будут руководить бездарные правители? Кто будет развивать науку и производство? Кто, в конце концов, будет рождаться у оставшихся?

Вот почему захватившие командные высоты в обществе станут сопротивляться и прилагать все усилия для того, чтобы сохранить status quo и не позволить лучшим освободиться. Вот почему была запущена ложная информация.

– Ага, – сказал Кобыш. – Теперь понятно. Мы, значит, будем воспитывать и направлять, пока не подготовим себе замену. Или не выйдем на следующую ступень. А что будете делать вы?

– У нас другие задачи, – улыбнулся Монах. – Постоянное наблюдение за всей Солнечной системой и поддержание ее в стабильном состоянии. Воспитатели и наставники цивилизации всегда созревают в ней самой. Иначе цивилизация не сможет занять достойное место в Мироздании. Это вовсе не значит, что мы уйдем в горные выси, мы всегда будем здесь, рядом, нас всегда можно позвать... Как вы, наверное, заметили, мы совсем не чужды земных утех... чтобы всегда помнить, что значит быть обычным человеком.

– Да а а, – задумчиво протянул Ключев. – Придется учиться заново. На педагога.

– Не вижу проблемы, – живо откликнулся Хромов. – В нашем распоряжении вся мудрость тысячелетий земной истории. К тому же Маша скоро станет квалифицированным специалистом...

– ...и не просто учителем, – подхватил Дорин, – а Замыкающей Круг на нашем уровне. Их с Никитой инициация уже на подходе.

Тернер с Клеменсом согласно кивнули. Лишь Варчук сидел с отсутствующим видом, скорее всего, представлял себе сияющие перспективы будущей космической расы.

– Вот это уже конструктивно, – карие глаза Аристарха блеснули озорными искрами. – Только не забывайте, что вы еще собирались открыть образовательный центр. Так что работы у вас будет по самое некуда, а до первых стартов ПП внутри Системы осталось месяца полтора.

– Эх! – Седых блаженно потянулся. – А не удариться ли нам в загул? Пока есть время.

– А что! – тут же возбудился Дорин. – Замечательная мысль! Может, рванем куда-нибудь в Австралию? Там сейчас хорошо. Командир, ты как?

– Отправляйтесь! – Кобыш махнул рукой. – Я вас догоню. Мне еще Рису пару вопросов задать хочется.

– Счастливо оставаться! – Тернер послал воздушный поцелуй, и испытатели исчезли.

– Что-то серьезное? – Монах дал понять, что мысли Дмитрия для него – тайна за семью печатями.

– Давно собирался, да все как-то... не представлялось случая...

– Ну ну, – подбодрил его Батюшкин, насмешливо прищуриваясь и кладя руку на голову неслышно подобравшегося Игря. – Что это ты вдруг застеснялся?

– Вивьен говорила, что вы – единый разум. А как же тогда твои с Паней чувства? Они становятся достоянием всей группы?

– Вот, значит, в чем твоя печаль! Что же ты у самой Вивьен не спросил? Она бы тебе непременно ответила. У вас же, вроде как, тоже кое-что проклевывается, а? Не переживай попусту, Дима! Коллективное сознание – это одно, а слияние душ – совсем другое, и касается только двоих.

Кобыш облегченно вздохнул.

- Спасибо, Рис! Ты себе не представляешь, как ты мне помог.
- Да ладно! – Монах весело отмахнулся. – Догоняй своих! Они, небось, уже в океане плещутся.
- А вы с Паней не присоединитесь?
- Обязательно. Только в другой раз. У нас впереди очень долгая жизнь...

Эпилог

Лама Лу□Хтенг степенно вышел из храма, упрятанного глубоко в скале, невесомым жестом заставив тяжелую плиту, прикрывающую вход, сдвинуться с места. Над долиной только что прошел дождь, и сверкающие капли, покрывающие изумрудные листья и молодую траву, играли на утреннем солнце всеми цветами радуги. Мир пробуждался ото сна. В труднодоступных зарослях уже вовсю щебетали птицы, лесные звери перекликались друг с другом на разные голоса, а совсем уж мелкая подножная живность стремилась одной ей ведомыми путями. Воздух был напоен ароматами цветов и чист, как десять Великих Радостных Осознаний.

Лама стоял совершенно неподвижно, наслаждаясь теплыми лучами, и лицо его, похожее на застывшую восковую маску, постепенно озарялось внутренним светом, а губы складывались в улыбку. «Разум в его непросветленном состоянии, – думал Лу□Хтенг, – окутан плотным туманом видимых явлений и не способен проникнуть сквозь иллюзию Сангсары. Он ошибочно принимает следствия за причины, видимые явления за скрытые. Но наступает время, когда человек начинает сознавать, что разум всех чувствующих существ неотделим от Мироздания, что не существует ни рождения, ни смерти, ни перехода в иное измерение, ни каких□либо других превращений...»

Его лучший воспитанник много лет назад ушел отсюда, напутствуемый словом Истины, и путь его был освещен Знанием, дарованным многими поколениями Учителей. Он отправился с великой миссией, которая должна была преобразить окружающий мир. И теперь лама чувствовал, что начало изменению положено.

Лу□Хтенг протянул руку раскрытой ладонью кверху. Искристая капля сорвалась с узорчатого листа и стала медленно перемещаться вниз, принимая форму маленького прозрачного шарика. Он все падал и падал, вращаясь вокруг своего иллюзорного центра, и в его поверхности отражалось все многообразие Вселенной, органичной частью которой должен был стать человек, сумевший понять свое предназначение.